А. КУПРИНЪ

ЮНКЕРА

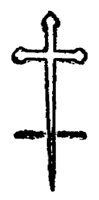
РОМАНЪ

1 9 3 3

А. КУПРИНЪ

ЮНКЕРА

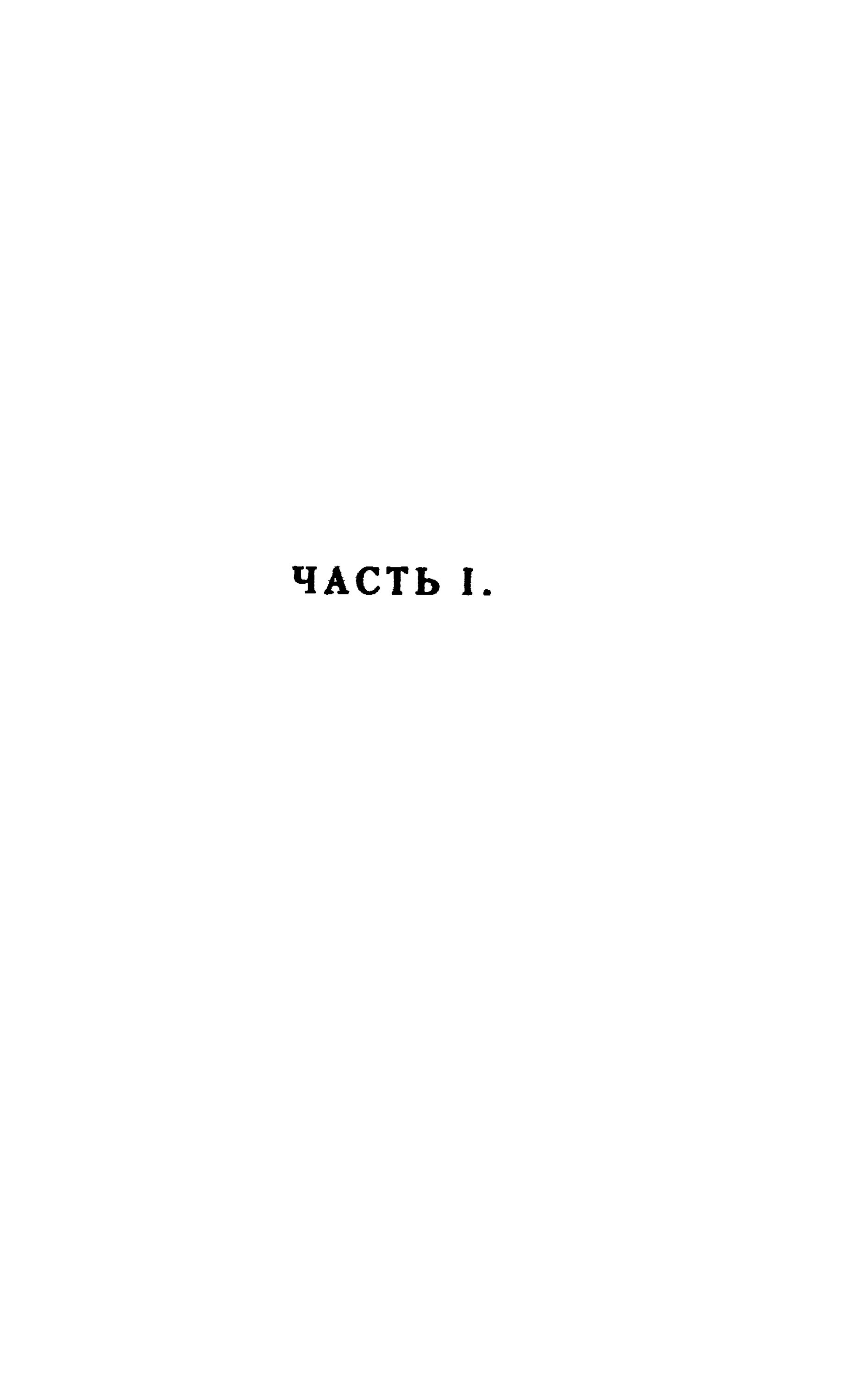
РОМАНЪ



ПАРИЖЪ

—

1933



ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

ОТЕЦЪ МИХАИЛЪ.

Самый конецъ августа; число, должно быть, тридцатое или тридцать первое. Послѣ трехмѣсячныхъ лѣтнихъ каникулъ, кадеты, окончившіе полный курсъ, съѣзжаются въ послѣдній разъ въ корпусъ, гдѣ учились, проказили, порою сидѣли въ карцерѣ, ссорились и дружили цѣлыхъ семь лѣтъ подрядъ.

Срокъ и часъ явки въ корпусъ — строго опредѣленные. Да и какъ опоздать? «Мы ужъ теперь не какіе то тамъ полуштатскіе кадеты, почти мальчики, а юнкера славнаго Третьяго Александровскаго училища, въ которомъ суровая дисциплина и отчетливость въ службѣ стоятъ на первомъ планѣ. Не даромъ, черезъ мѣсяцъ мы будемъ присягать подъ знаменемъ!»

Александровъ остановилъ извозчика у Красныхъ Казармъ, напротивъ зданія 4-го кадетскаго корпуса. Какой то тайный инстинктъ велѣлъ ему идти въ свой 2-й корпусъ не прямой дорогой, а кружнымъ путемъ, по тѣмъ прежнимъ дорогамъ, вдоль тѣхъ прежнихъ мѣстъ, которыя исхожены и избѣганы много тысячъ разъ, которыя останутся запечатлѣнными въ памяти на много десятковъ лѣтъ, вплоть до самой смерти, и которыя теперь вѣяли на него неописуемой, сладкой, горьковатой и нѣжной грустью.

Вотъ налѣво отъ входа, въ желѣзныя ворота, каменное двухъэтажное зданіе, грязно - желтое и об-

лупленное, построенное пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ николаевскомъ солдатскомъ стилѣ.

Здѣсь жили въ казенныхъ квартирахъ корпусные воспитатели, а также отецъ Михаилъ Вознесенскій, законоучитель и настоятель церкви второго корпуса.

Отецъ Михаилъ! Сердце Александрова вдругъ сжалось отъ свѣтлой печали, отъ неловкаго стыда, отъ тихаго раскаянія... Да. Вотъ какъ это было:

Строевая рота, какъ и всегда, ровно въ три часа, шла на обѣдъ въ общую корпусную столовую, спускаясь внизъ по широкой каменной вьющейся лѣстницѣ. Такъ и осталось пока неизвѣстнымъ, кто, вдругъ, громко свистнулъ въ строю. Во всякомъ случаѣ, на этотъ разъ, не онъ, не Александровъ. Но командиръ роты, капитанъ Яблукинскій сдѣлалъ грубую ошибку. Ему бы слѣдовало крикнуть: — кто свистѣлъ? и тотчасъ же виновный отозвался бы: «Я, господинъ капитанъ!» Онъ же крикнулъ сверху злобно: — «Опять Александровъ? Идите въ карцеръ, и — безъ обѣда». Александровъ остановился и прижался къ периламъ, чтобы не мѣшать движенію роты. Когда же Яблукинскій, спускавшійся внизъ позади послѣдняго ряда, поравнялся съ нимъ, то Александровъ сказалъ тихо, но твердо:

— Господинъ капитанъ, это не я.

Яблукинскій закричалъ:

— Молчать! Не возражать! Не разговаривать въ строю. Въ карцеръ немедленно. А если не виноватъ, то былъ сто разъ виноватъ и не попался. Вы позоръ роты (семиклассникамъ начальники говорили «вы») и всего корпуса!

Обиженный, злой, несчастный поплелся Александровъ въ карцеръ. Во рту у него стало горько. Этотъ Яблукинскій, по кадетскому прозвищу «Шнапсъ», а чаще «Пробка», всегда относился къ нему съ подчеркнутымъ недовѣріемъ, Богъ знаетъ, почему? потому ли, что ему просто было антипатично лицо

Александрова, съ рѣзко выраженными татарскими чертами, или потому, что мальчишка, обладая непосѣдливымъ характеромъ и пылкой изобрѣтательностью, всегда былъ во главѣ разныхъ предпріятій, нарушающихъ тишину и порядокъ? Словомъ, весь старшій возрастъ зналъ, что «Пробка» къ Александрову придирается...

Довольно спокойно пришелъ юноша въ карцеръ и самъ себя посадилъ въ одну изъ трехъ камеръ, за желѣзную рѣшетку, на голую дубовую нару, а карцерный дядька Кругловъ, не говоря ни слова, заперъ его на ключъ.

Издалека донеслись до Александрова глухо и гармонично звуки предобѣденной молитвы, которую пѣли всѣ триста пятьдесятъ кадетъ:

«Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ, и Ты даеши имъ пищу во благовременіе, отверзаюши щедрую руку Твою»... И Алексадровъ невольно повторялъ въ мысляхъ давно знакомыя слова. Ѣсть перехотѣлось отъ волненія и отъ терпкаго вкуса во рту.

Послѣ молитвы наступила полная тишина. Раздраженіе кадета не только не улеглось, но, наоборотъ, все возрастало. Онъ кружился въ маленькомъ пространствѣ четырехъ квадратныхъ шаговъ, и новыя дикія и дерзкія мысли все болѣе овладѣвали имъ.

— Ну да, можетъ быть, сто, а можетъ быть и двѣсти разъ я бывалъ виноватымъ. Но когда спрашивали, я всегда признавался. — Кто ударомъ кулака на пари разбилъ кафельную плиту въ печкѣ? — Я. — Кто накурилъ въ уборной? — Я. — Кто выкралъ въ физическомъ кабинетѣ кусокъ натрія и, бросивъ его въ умывалку, наполнилъ весь этажъ дымомъ и вонью? — Я. — Кто въ постель дежурнаго офицера положилъ живую лягушку? — Опять-таки я...

Несмотря на то, что я быстро сознавался, меня ставили подъ лампу, сажали въ карцеръ, ставили за обѣдомъ къ барабанщику, оставляли безъ отпуска. Это, конечно, свинство. Но, разъ виноватъ — ничего

не подѣлаешь, надо терпѣть. И я покорно подчинялся глупому закону. Но вотъ сегодня я совсѣмъ ни на чуточку не виновенъ. Свистнулъ кто то другой, а не я, а Яблукинскій, «эта пробка», со злости накинулся на меня и осрамилъ передъ всей ротой. Эта несправедливость невыносимо обидна. Не повѣривъ мнѣ, онъ какъ бы назвалъ меня лжецомъ. Онъ теперь во столько разъ несправедливъ, во сколько во всѣ прежніе разы бывалъ правъ. И потому — конецъ. Не хочу сидѣть въ карцерѣ. Не хочу и не буду. Вотъ, не буду и не буду. Баста!

Онъ ясно услышалъ послѣобѣденную молитву. Потомъ всѣ роты съ гуломъ и топотомъ стали расходиться по своимъ помѣщеніямъ. Потомъ опять все затихло. Но семнадцатилѣтняя душа Александрова продолжала буйствовать съ удвоенной силой.

— Почему я долженъ нести наказаніе, если я ни въ чемъ не виноватъ? Что я Яблукинскому? Рабъ? Подданный? Крѣпостной? Слуга? Или его сопливый сынъ Валерка? Пусть мнѣ скажутъ, что я кадетъ, то есть вродѣ солдата и долженъ безпрекословно подчиняться приказаніямъ начальства, безъ всякаго разсужденія? Нѣтъ! я еще не солдатъ, я не принималъ присяги. Выйдя изъ корпуса, многіе кадеты, по окончаніи курса, держатъ экзамены въ техническія училища, въ межевой институтъ, въ лѣсную академію, или въ другое высшее училище, гдѣ не требуются латынь и греческій языкъ. Итакъ: я совсѣмъ ничѣмъ не связанъ съ корпусомъ и могу его оставить въ любую минуту.

Во рту у него пересохло и гортань горѣла.

— Кругловъ! — позвалъ онъ сторожа. — Отвори. Хочу въ сортиръ.

Дядька отворилъ замокъ и выпустилъ кадета. Карцеръ былъ расположенъ въ томъ же верхнемъ этажѣ, гдѣ и строевая рота. Уборная же была общая для карцера и для ротной спальни. Таково было временное устройство, пока карцеръ въ подвальномъ

этажѣ ремонтировался. Одна изъ обязанностей карцернаго дядьки заключалась въ томъ, чтобы, проводивъ арестованнаго въ уборную, не отпуская его ни на шагъ, зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ никакъ не сообщался со свободными товарищами. Но едва только Александровъ приблизился къ порогу спальни, какъ сразу помчался между сѣрыми рядами кроватей.

— Куда, куда, куда? — безпомощно, совсѣмъ по куриному, закудахталъ Кругловъ и побѣжалъ вслѣдъ. Но куда же ему было догнать?

Пробѣжавъ спальню и узкій шинельный коридорчикъ, Александровъ сразбѣга ворвался въ дежурную комнату; она же была и учительской. Тамъ сидѣли двое: дежурный поручикъ Михинъ, онъ же отдѣленный начальникъ Александрова, и пришедшій на вечернюю репетицію для учениковъ слабыхъ по тригонометріи и по приложенію алгебры, штатскій учитель Отте, маленькій, веселый человѣкъ, съ корпусомъ Геркулеса и съ жалкими ножками карлика.

— Что это такое? Что за безобразіе? — закричалъ Михинъ. — Сейчасъ же вернитесь въ карцеръ!

— Я не пойду, — сказалъ Александровъ неслышнымъ ему самому голосомъ, и его нижняя губа затряслась. Онъ и самъ въ эту секунду не подозрѣвалъ, что въ его жилахъ закипаетъ бѣшеная кровь татарскихъ князей, неудержимыхъ и неукротимыхъ его предковъ съ материнской стороны.

— Въ карцеръ! Немедленно въ карцеръ! — взвизгнулъ Михинъ. — Ссію секунду!

— Не пойду и все тутъ.

— Какое же вы имѣете право не повиноваться своему прямому начальнику?

Горячая волна хлынула Александрову въ голову и все въ его глазахъ пріятно порозовѣло. Онъ уперся твердымъ взоромъ въ круглые бѣлые глаза Михина и сказалъ звонко:

— Такое право, что я больше не хочу учиться

во второмъ московскомъ корпусѣ, гдѣ со мною поступили такъ несправедливо. Съ этой минуты я больше не кадетъ, а свободный человѣкъ. Отпустите меня сейчасъ же домой, и я больше сюда не вернусь! ни за какія коврижки. У васъ нѣтъ теперь никакихъ правъ надо мною. И все тутъ!

Въ эту минуту Отте наклонилъ свою пышную волосатую съ просѣдью голову къ уху Михина и сталъ что то шептать. Михинъ обернулся на дверь. Она была полуоткрыта и десятки стриженыхъ головъ, сіяющихъ глазъ и разинутыхъ ртовъ занимали весь прозоръ, сверху до низу.

Михинъ побѣжалъ къ дверямъ, широко распахнулъ ихъ и закричалъ:

— Вамъ что надо? Чего вы здѣсь столпились? Маршъ по классамъ, заниматься!

И, захлопнувъ двери, онъ крикнулъ на Александрова:

— А вы сію же минуту маршъ въ карцеръ!

— А я вамъ сказалъ, что не пойду, и не пойду, — отвѣтилъ кадетъ, наклоняя голову какъ бычекъ.

— Не пойдете? Силой потащатъ! Я сейчасъ же прикажу дядькамъ...

— Попробуйте, — сказалъ Александровъ, раздувая ноздри.

Но тутъ Отте, вѣжливо положивъ руку на руку Михина, сказалъ вполголоса:

— Господинъ поручикъ, позвольте мнѣ сказать два-три слова этому взволнованному юношѣ.

— Ахъ, да, пожалуйста! хоть тридцать, хоть двѣсти словъ. Чортъ возьми, что за безобразіе! И какъ разъ на моемъ дежурствѣ!

Отте началъ очень спокойно:

— Милый юноша, сколько вамъ лѣтъ?

— А вамъ не все ли равно? — дерзко огрызнулся Александровъ. — Ну, семнадцать...

— Конечно, мнѣ все равно, — продолжалъ учитель. — Но я вамъ долженъ сказать, что въ возра-

стѣ семнадцати лѣтъ молодой человѣкъ не имѣетъ почти никакихъ личныхъ и общественныхъ правъ. Онъ не можетъ вступать въ бракъ. Векселя, имъ подписанные, ни во что не считаются. И даже въ солдаты онъ не годится: требуется восемнадцатилѣтній возрастъ. Въ вашемъ же положеніи, вы находитесь на попеченіи родителей, родственниковъ или опекуновъ или какого-нибудь общественнаго учрежденія.

— Ну такъ что-жъ? — упрямо перебилъ его Александровъ.

— Да только и всего, — равнодушно отвѣтилъ Отте. — Только и всего, что весь вопросъ въ томъ, кто опредѣлилъ васъ въ корпусъ.

— Моя мама. Но...

— И никакого «но», — возразилъ учитель. — Только съ разрѣшенія вашей матушки вы можете покинуть корпусъ, да еще въ такое неурочное время. Откровенно, по-дружески, совѣтую вамъ переждать эту ночь. Утро даетъ совѣтъ, — какъ говорятъ мудрые французы.

— Ахъ, да что съ нимъ церемониться? — нетерпѣливо воскликнулъ Михинъ. — Дядька! Иди сюда!

Умныя и участливыя слова Отте уже привели было Александрова въ мирное настроеніе, но грубый окрикъ Михина снова взорвалъ въ немъ пороховой погребъ. Да и надо сказать, что въ эту пору Александровъ былъ усерднымъ читателемъ Дюма, Шиллера, Вальтеръ Скотта. Онъ отвѣтилъ грубо и, невольно, театрально:

— Зовите хоть тысячу вашихъ дядекъ, я буду съ ними драться до тѣхъ поръ, пока я не выйду изъ вашего проклятаго застѣнка. А начну я съ того...

Но тутъ широкая ладонь Отте мягко зажала ему ротъ, и онъ едва успѣлъ встряхнуть головой.

— Тише, мальчишка! — крикнулъ ласково и повелительно Отте. — Помолчи немножко. Господинъ поручикъ, — обратился онъ къ Михину, — это не онъ, а его дурацкій переломный возрастъ сканда-

литъ. Дайте мальчику успокоиться, и все пройдетъ. Вѣдь всѣ мы переживали этотъ козлиный періодъ.

— Покорно благодарю васъ, Эмилій Францевичъ, — отъ души сказалъ Александровъ. — Но я, все-таки, сегодня уйду изъ корпуса. Мужъ моей старшей сестры — управляющій гостиницы Фальцъ-Фейна, что на Тверской улицѣ, уголъ Газетнаго. На прошлой недѣлѣ онъ говорилъ со мною по телефону. Пускай бы онъ сейчасъ же поѣхалъ къ моей мамѣ и сказалъ бы ей, чтобы она какъ можно скорѣе пріѣхала сюда и захватила бы съ собою какое-нибудь штатское платье. А я добровольно пойду въ карцеръ и буду ждать.

Онъ низко поклонился Отте и сказалъ:

— Еще разъ покорно благодарю васъ, Эмилій Францевичъ. Не можете ли вы попросить за меня, чтобы меня не запирали на ключъ. Ей-Богу, я не убѣгу.

— Ахъ, Боже мой! — вскричалъ Михинъ, ударивъ себя по лбу. — У меня голова трещитъ отъ этихъ безобразій! Ну, пускай не запираютъ. Мнѣ все равно.

Но Александрова въ эту секунду дернулъ чортъ. Онъ указалъ пальцемъ на Михина и спросилъ у Отте:

— Вы можете поручиться въ томъ, что меня не запрутъ?

— Да, могу, могу, — тебя не запрутъ. Иди съ Богомъ, — замахалъ на него руками Отте. — Иди скорѣе, безстыдникъ. Ну и характеръ же!

Александрова сопровождалъ въ карцеръ старый, еще съ перваго класса знакомый, дядька Четуха (настоящее его имя было Піотухъ). Сдавши кадета Круглову, онъ сказалъ:

— Велѣно не запирать на ключъ. — И,помолчавъ немного, прибавилъ: — Ну и чертенокъ же!

Александровъ принялъ это за комплиментъ.

Потянулись секунды, минуты и часы, безконечные часы. Александрову принесли чай — сбитень и

булку съ масломъ, но онъ отказался и отдалъ Круглову.

Гораздо позднѣе узналъ мальчикъ причины вниманія къ нему начальства. Какъ только строевая рота вернулась съ обѣда и вѣсть объ арестѣ Александрова разнеслась въ ней, то къ капитану Яблукинскому быстро явился кадетъ Ждановъ и подъ честнымъ словомъ сказалъ, что это онъ, а не Александровъ, свистнулъ въ строю. А свистнулъ только потому, что лишь сегодня научился свистать при помощи двухъ пальцевъ, вложенныхъ въ ротъ, и, по дорогѣ въ столовую, не могъ удержаться отъ маленькой репетиціи.

А, кромѣ того, вся строевая рота была недовольна несправедливымъ наказаніемъ Александрова и глухо волновалась. У начальства же былъ еще живъ и свѣжъ въ памяти бунтъ сосѣдняго, четвертаго корпуса. Начался онъ изъ-за пустяковъ, по поводу жуликоватаго эконома и плохой пищи. Явленіе обыкновенное. Во второмъ корпусѣ боролись съ нимъ очень просто, домашними средствами. Такъ, напримѣръ, зачастилъ однажды экономъ каждый день на завтракъ кулебяки съ рисомъ. Это кушанье всѣмъ надоѣло, жаловались, бросали кулебяки на полъ. Экономъ не уступалъ. Наконецъ, — строевая рота на привѣтствіе директора: «здравствуйте, кадеты», начала упорно отвѣчать вмѣсто «здравія желаемъ, ваше превосходительство» — «здравія желаемъ, кулебяки съ рисомъ». Это подѣйствовало. Кулебяка съ рисомъ прекратилась, и ссора окончилась мирно.

Въ четвертомъ же корпусѣ, благодаря неумѣлому нажиму начальства, это мальчишеское недовольство обратилось въ злое массовое возстаніе. Были разбиты всѣ лампы и стекла, штыками расковыряли двери и рамы, растерзали на куски библіотечныя книги. Пришлось вызвать солдатъ. Бунтъ былъ прекращенъ. Одинъ изъ зачинщиковъ, Салтановъ, былъ отданъ въ солдаты. Многіе мальчики были выгнаны изъ

корпуса на волю Божію. И правда: съ народомъ и съ мальчиками перекручивать нельзя...

Уже смеркалось, когда пришелъ тотъ же Четуха.

— Барчукъ, — сказалъ онъ (дѣйствительно, онъ такъ и сказалъ — барчукъ), — ваша маменька къ вамъ пріѣхали. Ждутъ около церкви, на паперти.

На церковной паперти было темно. Шелъ свѣтъ снизу изъ парадной прихожей; за матовымъ стекломъ церкви чуть брезжилъ красный огонекъ лампадки. На скамейкѣ у окна сидѣло трое человѣкъ. Въ полутьмѣ Александровъ не узналъ сразу, кто сидитъ. Навстрѣчу ему поднялся и вышелъ его зять, Иванъ Александровичъ Мажановъ, мужъ его старшей сестры, Сони. Александровъ прилгнулъ, назвавъ его управляющимъ гостиницы Фальцъ-Фейна. Онъ былъ всего только конторщикомъ. Лѣнивый, сонный, всегда съ разинутымъ ртомъ, блѣдный, съ желтыми катышками на рѣсницахъ. Его единственное чтеніе была — шестая книга дворянскихъ родовъ, гдѣ значилась и его фамилія. Мать Александрова, и самъ Александровъ, и младшая сестра Зина, и ея мужъ, добродушный лѣсничій Натъ — терпѣть не могли этого человѣка. Кажется, и Соня его ненавидѣла, но изъ гордости молчала. Онъ какъ-то пришелся не къ дому. Вся семья, по какому-то инстинкту брезгливости, сторонилась отъ него, хотя мама всегда одергивала Алешу, когда онъ начиналъ въ глаза Мажанову имитировать его любимыя, привычныя словечки: «такъ сказать», «дѣло въ томъ, что», «принципіально» и еще «съ точки зрѣнія».

Подойдя къ Александрову, онъ такъ и началъ:

— Дѣло въ томъ, что...

Александровъ едва пожалъ его холодную и мокрую руку и сказалъ:

— Благодарю васъ, Иванъ Александровичъ.

— Дѣло въ томъ, что... — повторилъ Мажановъ. — Съ принципіальной точки зрѣнія...

Но тутъ встала со скамейки и быстро приблизилась другая тѣнь. Съ трепетомъ и ужасомъ узналъ въ ней Александровъ свою мать, свою обожаемую маму. Узналъ по ея легкому, сухому кашлю, по мелкому стуку башмаковъ-недомѣрокъ.

— Иванъ Александровичъ, — сказала она, — вы спуститесь-ка внизъ и подождите меня въ прихожей.

— Дѣло въ томъ, что... — сказалъ Мажановъ и, слава Богу, ушелъ.

— Алеша, мой Алешенька, — говорила мать, — когда же придетъ конецъ твоимъ глупымъ выходкамъ? Ну, убѣжалъ ты изъ Разумовскаго училища, осрамилъ меня на всю Москву, въ газетахъ даже пропечатали. Съ тѣхъ поръ какъ тебѣ стало четыре года, я покоя отъ тебя не знаю. Въ Зоологическій садъ лазилъ безъ билета, черезъ прудъ. Мокраго и грязнаго тебя ко мнѣ привели за уши. Архіерею не хотѣлъ руку поцѣловать, сказалъ, что воняетъ. А какъ еще ты князя Кудашева обидѣлъ. Смотрѣлъ, смотрѣлъ на него и брякнулъ: «Ты князь?». — «Я князь». — «Ты, должно быть, изъ Наровчата?» — «Да, откуда ты, свиненокъ, узналъ?» — «Да просто: у тебя руки грязныя». Легко ли мнѣ было это перетерпѣть. А кто извозчику подъ колеса попалъ? А кто...

Отношенія между Александровымъ и его матерью были совсѣмъ необыкновенными. Они обожали другъ друга (Алеша былъ послѣдышемъ). Но одинаково, по-азіатски, были жестоки, упрямы и нетерпѣливы въ ссорѣ. Однако, понимали другъ друга на разстояніи.

— Ты все знаешь, мама?

— Все.

— Ну, а какъ же этотъ дуракъ?.....

— Алеша!

— Какъ этотъ болванъ осмѣлился заподозрить меня во лжи или трусости?

— Алеша, мы не одни... Вѣдь капитанъ Яблукинскій твой начальникъ!

— Да. А не ты ли мнѣ говорила, что, когда къ намъ пріѣзжало начальство — исправникъ — то его сначала драли на конюшнѣ, а потомъ поили водкой и совали ему сторублевку?

— Алеша, Алеша!

— Да, я Алеша... — И тутъ Александровъ вдругъ умолкъ. Третья тѣнь поднялась со скамейки и приблизилась къ нему. Это былъ отецъ Михаилъ, учитель Закона Божьяго и священникъ корпусной церкви, маленькій, сѣденькій, трогательно похожій на Святого Николая Угодника.

Александровъ вздрогнулъ.

— Дѣти мои, — сказалъ мягко о. Михаилъ, — вы, я вижу, другъ съ другомъ никогда не договоритесь. Ты помолчи, ершъ ершовичъ, а вы, Любовь Алексѣевна, будьте добры, пройдите въ столовую. Я васъ задержу всего на пять минутъ, а потомъ вы выкушаете у меня чая. И я васъ провожу...

Тяжеловато было Александрову оставаться съ батюшкой Михаиломъ. Священникъ обнялъ мальчика и долгое время они ходили туда и назадъ по паперти. О. Михаилъ говорилъ простыя, но емкія слова.

— Твоя мамаша — прекрасная мамаша. У меня тоже была мать, и я такъ же огорчалъ нерѣдко, какъ и ты огорчилъ сейчасъ свою мамочку. Ну, что же? Ты былъ правъ, а онъ неправъ. Но твоя совѣсть безукоризненна, а онъ вспомнитъ однажды ночью случай съ тобой и покраснѣетъ отъ стыда. И потомъ, смотри — какъ огорчена мамаша! Что тебѣ стоитъ окончить корпусъ? По крайней мѣрѣ дипломъ. А ей сладко. Сынокъ вышелъ въ люди. А ты потомъ иди туда, куда тебѣ понравится. Жизнь, милый Алеша, очень многообразна, и еще много непріятностей ты причинишь материнскому сердцу. А знай, что первое слово, которое выговариваетъ человѣческій

языкъ, это — слово «мама». И когда солдатъ, раненый на-смерть, умираетъ, то послѣднее его слово — мама. Ты все понялъ, что я тебѣ сказалъ?

— Да, батюшка, я все понялъ, — сказалъ съ охотной покорностью Александровъ. — Только я у него извиненія не буду просить.

Священникъ мягко разсмѣялся.

— Да и не надо, дурачекъ. Совсѣмъ не надо.

И не такъ увѣщанія отца Михаила тронули ожесточенное сердце Александрова, какъ его личныя точныя воспоминанія, пришедшія вдругъ толпой. Вспомнилъ онъ, какъ исповѣдовался въ своихъ невинныхъ грѣхахъ отцу Михаилу, и тотъ вздыхалъ вмѣстѣ съ нимъ и покрывалъ его эпитрахилью, отъ которой такъ уютно пахло воскомъ и теплымъ ладаномъ, и его разрѣшительныя слова: «Азъ іерей недостойный, разрѣшаю...» и т. д. Вспомнилъ еще, (какъ бывшій пѣвчій), первую недѣлю Андреева стоянія. Въ домашнемъ подрясничкѣ, въ полутьмѣ церкви говорилъ отецъ Михаилъ трогательныя слова изъ канона Преподобнаго Андрея Критскаго:

«Откуда начну плакати житія моихъ окаянныхъ дѣяній? Кое положу начало, Спасе, нынѣшнему рыданію».

И хоръ, и вмѣстѣ съ нимъ Александровъ, второй теноръ, отвѣчали:

«Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

— А теперь, — сказалъ священникъ: — стань-ка на колѣни и помолись. Такъ тебѣ легче будетъ. И мой совѣтъ — иди въ карцеръ. Тамъ тебя ждутъ котлеты. Прощай, ершъ ершовичъ. А я поведу твою маму чай пить.

И неслыханная въ корпусной исторіи вещь: Александровъ нагнулся и поцѣловалъ руку отца Михаила.

ГЛАВА II.

ПРОЩАНІЕ.

Проходя желтыми воротами, Александровъ подумалъ: «А не зайти ли къ батюшкѣ Михаилу, за благословеніемъ. Новая жизнь начинается, взрослая, серьезная и суровая. Кто же поддержалъ ласковой рукой безтолковаго кадета, когда онъ, обезумѣвъ, катился въ пропасть, какъ не этотъ маленькій, похожій на Николая Угодника, священникъ, такой трогательно-усталый на великопостныхъ повечеріяхъ, такой терпѣливый, когда ему предлагали на урокахъ ядовитые вопросы: — «Батюшка, какъ же это? Вѣдь Богъ всевѣдущъ и всемогущъ. Онъ за тысячу, за милліонъ лѣтъ зналъ, что Адамъ и Ева согрѣшатъ, и, стало быть, они не могли не согрѣшить. Отчего же онъ не могъ уберечь ихъ отъ этого поступка, если Онъ всесиленъ? И тогда какой же смыслъ въ ихъ изгнаніи и въ несчастіяхъ всего человѣчества?»

На это отецъ Михаилъ четко, сухо и пространно принимается говорить о свободной волѣ и, наконецъ, видя, что схоластика плохо доходитъ до молодыхъ умовъ, дѣлалъ кроткое заключеніе:

— А вы поусерднѣе молитесь Богу и не мудрствуйте лукаво.

На сердцѣ Александрова сдѣлалось тепло и мягко, какъ когда-то подъ бабушкиной заячьей шубкой.

Стоя передъ казармой, онъ нѣсколько минутъ

колебался: итти? не итти? Но какая-то дикая застѣнчивость, боязнь показаться навязчивымъ, — преодолѣли, и Александровъ пошелъ дальше. Эти чувства нѣжной благодарности и уютной доброты, связанныя съ личностью отца Михаила, никогда не забудутся сердцемъ Александрова. Черезъ четырнадцать лѣтъ. уже оставивъ военную службу, уже женившись, уже пріобрѣтая большую извѣстность, какъ художникъ-портретистъ, онъ, во дни тяжелой душевной тревоги, пріѣдетъ, самъ не зная зачѣмъ, изъ Петербурга въ Москву, и тамъ невѣдомый, темный, но мощный инстинктъ властно потянетъ его въ Лефортово, въ облупленную желтую николаевскую казарму, къ отцу Михаилу. Его введутъ въ крошечный кабинетъ, еле освѣщенный керосиновой лампой подъ синимъ абажуромъ. Навстрѣчу ему подымется отецъ Михаилъ въ коричневой ряскѣ, совсѣмъ крошечный и сгорбленный, подобно Серафиму Саровскому, уже не сѣдой, а зеленоватый, видимо немного обезпокоенный появленіемъ у него штатскаго, то есть человѣка изъ совсѣмъ другого, давно забытаго, непривычнаго, невоеннаго міра.

— Чѣмъ могу служить? — спроситъ онъ вѣжливо и суховато, щуря, по старой, милой, давно знакомой Александрову привычкѣ, подслѣповатые глаза.

Александровъ назоветъ свое имя и годъ выпуска, но священникъ только покачаетъ головою, съ жалостнымъ видомъ.

— Не помню. Простите, никакъ не могу вспомнить. Вѣдь сколько лѣтъ, сколько, сколько сотенъ именъ... Трудно все помнить...

Тогда Александровъ, волнуясь и торопясь и чувствуя съ невольной досадой, что его слова гораздо грубѣе и невыразительнѣе его душевныхъ ощущеній, разсказалъ о своемъ бунтѣ, объ увѣщеваніи на темной папертп, объ огорченіи матери и о томъ, какъ была смягчена, стерта злобная воля мальчугана. Отецъ

Михаилъ тихо слушалъ, слегка кивая, точно въ тактъ разсказу, и почти неслышно приговаривалъ:

— Такъ, такъ, такъ. Такъ, такъ.

Когда же Александровъ окончилъ, батюшка спросилъ:

— А чѣмъ же вы теперь, господинъ, изволите заниматься?

— Я художникъ, живописецъ. Главнымъ образомъ, пишу портреты масломъ. Можетъ быть, слышали когда-нибудь: художникъ Александровъ?

— Признаться, не довелось слышать, не довелось. Мы, вѣдь, въ корпусѣ, какъ въ монастырѣ. Ну, что же? Живопись — дѣло благое, если Богъ сподобилъ талантомъ. Вонъ святой апостолъ Лука. Чудесно писалъ иконы Божіей Матери. Прекрасное дѣло.

Потомъ, точно снова встревожась, онъ спросилъ:

— А что же вамъ, господинъ, отъ меня требуется?

— Да ничего, батюшка, — отвѣтилъ слегка опечалясь Александровъ. — Ничего особеннаго. Потянуло меня, батюшка, къ вамъ, по памяти прежнихъ лѣтъ. Очень тоскую я теперь. Прошу, благословите меня, стараго ученика вашего. Восемь лѣтъ у васъ исповѣдывался.

Священникъ ласково улыбнулся, съежилъ лицо, ставшее необыкновенно милымъ.

— Значитъ, въ какомъ-то классѣ зазимовали?

— Въ шестомъ. И пять лѣтъ пѣлъ на клиросѣ. Благословите, отецъ Михаилъ.

— Богъ благословитъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Александровъ поцѣловалъ сухенькую маленькую косточку, и душа его умякла.

— До свиданія, батюшка. Простите, что побезпокоилъ.

— Ничего, дорогой мой, ничего... И меня простите, что не узнаю васъ. Дѣло мое старое. Шестьдесятъ пятый годъ идетъ... Много времени утекло...

*
**

Идетъ юный Александровъ по знакомымъ, стариннымъ мѣстамъ мимо 1-го корпуса, надъ большимъ краснымъ зданіемъ котораго высится огромный навѣсъ. Тронная зала, построенная Лефортомъ въ честь Петра, въ которой по ночамъ бродили призраки; мимо старинныхъ потѣшныхъ укрѣпленій съ высокими валами и глубокими рвами. Тамъ крутой спускъ къ пруду: зимой изъ него дѣлали славную ледяную гору. Вотъ первый плацъ — онъ огороженъ отъ дороги густой изгородью желтой акаціи, цвѣты которой очень вкусно было ѣсть весною, и ѣли ихъ цѣлыми шапками. Впрочемъ, охотно ѣли всякую растительную гадость, инстинктивно замѣняя ею недостатокъ овощной пищи. Ѣли молочай, благородный щавель, и какія-то просвирки, дудки дикаго тмина, и, въ особенности, похожіе на рѣдьку корни свербиги или свергибуса, или, вѣрнѣе, сурѣпицы. Чтобы ѣсть эти горьковатые корни съ лучшимъ аппетитомъ, приносили съ собою отъ завтрака ломоть хлѣба и щепотку соли, завернутой въ бумажку.

Вотъ второй плацъ, отдѣленный рядомъ старыхъ, высоченныхъ, бальзамическихъ тополей. Какъ удивительно благоухали въ пору экзаменовъ ихъ липкіе блестящіе листья и клейкія, темныя почки! На второмъ плацу играли въ лапту, въ городки, въ зуекъ, въ чехарду и, особенно, въ запрещенную игру — въ «кучки», — которая очень часто кончалась переломами и вывихами рукъ и ногъ. На этой же площадкѣ пѣли весенними вечерами свои собственныя пѣсни, передававшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе и часто не совсѣмъ цензурныя. Отсюда же переругивались, состязаясь въ мастерствѣ брани, съ сосѣдями, черезъ заборъ, учениками фельдшерской школы, которыхъ звали клистирными трубками и рвотнымъ порошкомъ.

За калиткой — третій плацъ, строевой, необык-

новенной величины. Онъ тянется отъ корпуса до Анненгофской рощи, гдѣ вдали красное зданіе острога и городская свалка. За Анненгофскую рощу удирали отчаянные храбрецы ранней весной, чтобы выкупаться въ студеной водѣ узенькой рѣчушки Синички и выскочить изъ нея, посинѣвъ отъ холода, лязгая зубами и трясясь всѣми суставами. У калитки, весною, всегда останавливается разносчикъ Егорка съ тирольскими пирожками (5 копѣекъ пара), похожими видомъ на куски чернаго хлѣба, очень тяжелыми и сытными. Здѣсь же, у калитки, на утренней прогулкѣ, семиклассники дожидались проѣзда ежедневнаго дилижанса, въ которомъ, вдоль, слѣва и справа, сидѣли премиленькія дѣвочки разныхъ возрастовъ и въ разныхъ костюмахъ. Это — мѣстныя лефортовскія ученицы ѣздили въ городъ, въ гимназію госпожи Перепелкиной, отчего и ихъ самихъ коротко и ласково называли «перепелками». Немножко кокетничать съ ними — это была неотъемлемая и строго охраняемая привилегія седьмого класса. Когда дилижансъ равнялся съ калиткой, то въ него летѣли скромные дары: крошечные букетики лютиковъ, вероники, Иванъ-да-Марьи, желтыхъ одуванчиковъ, желтой акаціи, а иногда даже фіалокъ, набранныхъ въ сосѣднемъ ботаническомъ саду съ опасностью быть пойманнымъ и оставленнымъ безъ третьяго блюда. Бросались иногда и стишки въ бумажкѣ, сложенной пѣтушкомъ:

Лишь только Фебъ освѣтитъ елки,
Какъ ужъ проснулись перепелки,
Спѣшатъ, прекрасныя, спѣшатъ.
На насъ красотки не глядятъ.
А мы, отвергнутые, млѣемъ,
Дрожимъ, и даже пламенѣемъ....

Быстрымъ зоркимъ взоромъ обѣгаетъ Александровъ всѣ мѣста и предметы, такъ близко прилѣпив-

шіеся къ нему за восемь лѣтъ. Все, что онъ видитъ, кажется ему почему-то въ очень уменьшенномъ и очень четкомъ видѣ, какъ будто бы онъ смотритъ через обратную сторону бинокля. Задумчивая и сладковатая грусть въ его сердцѣ. Вотъ было все это. Было долго-долго, а теперь отошло навсегда, отпало. Отпало, но не отболѣло, не отмерло. Значительная часть души остается здѣсь, такъ же, какъ она остается навсегда въ памяти.

Какъ много прошло времени въ этихъ стѣнахъ и на этихъ зеленыхъ площадкахъ: разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Какъ долго считать. а вѣдь это — годы. Что же жизнь? Очень ли она длинна, или очень коротка?

Всевѣчный вопросъ. Настанетъ минута, когда безсонною ночью Александровъ начнетъ считать до пятидесяти четырехъ и, не досчитавъ, лѣниво остановится на сорока. «Зачѣмъ думать о пустякахъ?»

ГЛАВА III.

ЮЛІЯ.

По «черному» крыльцу входитъ Александровъ въ полутемную прихожую, гдѣ всегда раздѣвались пріѣзжавшіе учителя. Встрѣчаетъ его древній, сѣдой въ прозелень, весь какой-то обомшѣлый будничный швейцаръ по кличкѣ «Сова».

— Здравія желаю, господинъ юнкеръ, — сипитъ онъ астматическимъ махорочнымъ голосомъ.

Александровъ еще въ кадетской формѣ; ему еще довольно далеко до настоящаго юнкера, но такъ лестно звучитъ это гордое званіе, что рука невольно тянется въ карманъ за послѣднимъ, единственнымъ гривенникомъ.

— Пожалуйте въ лазаретную пріемную, — говоритъ «Сова». — Тамъ приказано собраться всѣмъ отпускнымъ.

Александровъ идетъ въ лазаретъ по длиннымъ, столь давно знакомымъ рекреаціоннымъ заламъ; ихъ полы только что натерты и знакомо пахнутъ мастикой, желтымъ воскомъ и крѣпкимъ, терпкимъ, но все-таки пріятнымъ потомъ полотеровъ. Никакія внѣшнія впечатлѣнія не дѣйствуютъ на Александрова съ такой силой и такъ тѣсно не соединяются въ его памяти съ мѣстами и событіями, какъ запахи. Съ нынѣшняго дня и до конца жизни память о корпусѣ и запахъ мастики останутся для него неразрывными.

*
**

Уже восьмой разъ въ своей жизни испытываетъ Александровъ заранѣе то волненіе, которое всегда овладѣвало имъ при новой встрѣчѣ съ близкими одноклассниками, послѣ полутора мѣсяцевъ лѣтняго отпуска. Какъ сладко разсказывать и какъ интересно слушать о безконечно разнообразныхъ лѣтнихъ впечатлѣніяхъ! Тутъ все ново и увлекательно. Одинъ цѣлое лѣто ловилъ щукъ на жерлицу, на блесну и на огонь, острогою. Другому подарили лошадь, и онъ, верхомъ, травилъ зайцевъ съ борзыми. У третьяго въ имѣніи его родителей археологи разрыли древній могильникъ и нашли тамъ много костей, древней утвари, орудія и золотыхъ украшеній, которыя отъ времени и пребыванія въ землѣ покрылись зеленою ярью. Четвертый былъ свидѣтелемъ большого лѣсного пожара и того, какъ убивали бѣшеную собаку. Слѣдующій говорилъ гордо о томъ, какъ ему шуринъ Стася, Великій Охотникъ, подарилъ настоящую двустволку; правда — шомпольную, но знаменитаго завода «Гастинъ-Ренеттъ». Такихъ рѣдкихъ ружей осталось во всемъ мірѣ всего только, можетъ быть, пять или шесть. Счастливый обладатель этого сокровища не разставался съ нимъ ни на минуту и даже ложась спать укладывалъ его съ собою въ постель. А какія были купанья! Особенно на утренней зарѣ, когда розовая вода такъ холодна и такъ до дрожи сильно и радостно пахнетъ. Какіе злые, шипучіе были черные въ зелень раки! А березовая роща съ грибами, черникой, брусникой и гонобобомъ! А сосновый лѣсъ, гдѣ рыжики и ароматная дикая малина, и бѣлки, и ежевика, и сами ежи, колючіе недотроги! А кроткія домашнія животныя и звѣрюшки!

Эти разговоры велись обыкновенно вечеромъ, въ полутемной спальной, на чьей-нибудь койкѣ. Они на много-много дней скрашивали монотонное однообразіе жизни въ казенномъ закрытомъ училищѣ, и была

въ нихъ чудесная и чистая прелесть, вновь переживать лѣтнія впечатлѣнія, которыя *тогда* протекали совсѣмъ незамѣчаемыя, совсѣмъ не цѣнимыя, а теперь какъ-будто по волшебству встаютъ въ памяти въ такомъ радостномъ блаженномъ сіяніи, что сердце нѣжно сжимается отъ тихаго томленія, и впервые крадется смутно въ голову печальная мысль: «Неужели все въ жизни проходитъ и никогда не возвращается?»

Есть и у Александрова множество лѣтнихъ воспоминаній; яркихъ, пестрыхъ и благоуханныхъ; вѣрнѣе — ихъ набрался цѣлый чемоданъ, до того туго, туго набитый, что онъ вотъ-вотъ готовъ лопнуть, если Александровъ не подѣлится со старыми товарищами слишкомъ грузнымъ багажемъ... Милая потребность юношескихъ душъ!

И на прекрасномъ фонѣ золотого солнца, голубыхъ небесъ, зеленыхъ рощъ и садовъ — всегда на первомъ планѣ, всегда на главномъ мѣстѣ *она;* непостижимая, недосягаемая, несравненная, единственная, восхитительная, головокружительная — Юлія.

Но Юлія, это — только человѣческое имя. Мало ли Юлій на свѣтѣ. Вотъ, даже есть въ обиходѣ такой легонькій стишокъ:

Хожу ли я, брожу ли я,
Все Юлія, да Юлія.

Правда, Александровъ, немножко балующій стишками, пробовалъ иногда расцвѣтить, углубить это двухстрочіе:

Въ іюнѣ и въ іюлѣ я
Влюбленъ въ тебя, о, Юлія!

На зовъ твой не бѣгу ли я
Быстрѣе пули, Юлія?

И описать смогу ли я
Красы твои, о, Юлія!

И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Но чего стоятъ вялые и безпомощные стишки? И настоящее имя ея совсѣмъ не Юлія, а скорѣе Геба, Гера, Юнона, Церера, или другое величественное имя изъ древней мифологіи.

Она высока ростомъ: на полголовы выше Александрова. Она полна, движенія ея неторопливы и горды. Лицо ея кажется Александрову античнымъ. Влажные большіе темные глаза и темнота нижнихъ вѣкъ заставляютъ Александрова примѣнять къ ней мысленно гомеровскій эпитетъ: «волоокая».

На дачномъ танцовальномъ кругу, въ Химкахъ, подъ Москвою, онъ былъ ея постояннымъ кавалеромъ въ вальсѣ, полькѣ, мазуркѣ и кадрили, удѣляя, впрочемъ, немного благосклоннаго вниманія и ея младшимъ сестрамъ, Ольгѣ и Любѣ. Александровъ отлично зналъ о своей некрасивости и никогда въ этомъ смыслѣ не позволялъ себѣ ни заблужденій, ни мечтаній; но еще съ большей увѣренностью онъ не только зналъ, но и чувствовалъ, что танцуетъ онъ хорошо: ловко, красиво и весело.

Ахъ! Однажды его великая лѣтняя любовь въ Химкахъ была омрачена и пронзена зловѣщимъ подозрѣніемъ: съ горемъ и со стыдомъ онъ вдругъ подумалъ, что Юленька смотритъ на него только какъ на мальчика, какъ на желторотаго кадетика, еще даже не юнкера, что кокетничаетъ она съ нимъ только отъ дачнаго «нечего дѣлать», и что если она въ немъ что-нибудь и цѣнитъ, то только свое удобство танцовать съ постояннымъ партнеромъ, неутомимымъ, ловкимъ и находчивымъ; съ чѣмъ-то вродѣ механическаго манекена.

Со жгучей злобой, не потерявшей свѣжести даже и теперь, вспоминаетъ Александровъ этотъ тяжелый моментъ.

Въ семьѣ трехъ сестеръ Синельниковыхъ, на дачѣ, собиралось ежедневно множество безусой молодежи, лѣтъ такъ отъ семнадцати и до двадцати: кадеты, гимназисты, реалисты, первокурсники - студенты, ученики консерваторіи и школы живописи и ваянія и другіе. Пѣли, танцовали подъ піанино, играли въ petits jeux, и въ какомъ-то круговоротномъ безпорядкѣ влюблялись то въ Юленьку, то въ Оленьку, то въ Любочку. И всегда тамъ хохотали.

Приходилъ постоянно на эти невинныя забавы нѣкто господинъ Покорни. Сверстникамъ Александрова онъ казался старикомъ, хотя врядъ ли ему было больше 35-ти лѣтъ: таковъ ужъ условный масштабъ юности. Надо сказать, что въ этой молодой и веселой компаніи господинъ Покорни былъ не только не нуженъ, но, пожалуй, даже и тяжелъ. Онъ былъ длиненъ, какъ жираффъ; гораздо выше Юленьки, и, когда танцовалъ, то безпрестанно билъ свою даму острыми колѣнками. Онъ не умѣлъ смѣяться и часто грызъ въ молчаніи ногти. Если въ «почтѣ» его спрашивали: «А ваша корреспонденція» — онъ отвѣчалъ: «Да я не знаю, что написать». Вообще, онъ наводилъ уныніе. Про него знали только то, что у него въ Москвѣ большой магазинъ фотографическихъ принадлежностей. И былъ онъ вмѣстѣ съ безцвѣтнымъ лицомъ, съ фигурой и костюмомъ весь въ продольныхъ и вертикальныхъ морщинахъ.

Въ Троицынъ день на Химкинскомъ кругу былъ назначенъ пышный балъ — gala. Военный оркестръ изъ Москвы и удвоенное количество лампіоновъ. Послѣ третьей кадрили заиграли ритурнель къ вальсу. Александровъ разыскалъ Юленьку. Она сидѣла на скамейкѣ, одна, и перебирала складки своего вѣера. Александровъ подбѣжалъ и низко поклонился, приглашая ее на танецъ. Она уже привстала, но откуда-то вдругъ просунулся долговязый Покорни, изогнувшись надъ Александровымъ, протянулъ руку Юлень-

кѣ. И она — о, ужасъ! — отвернулась отъ юношй и положила руку на плечо жираффа.

— Позвольте, — сдержанно, но гнѣвно воскликнулъ Александровъ. — Послушайте!

Но Юленька и Покорни уже вертѣлись, — благодаря косолапому кавалеру, не въ тактъ.

У Александрова такъ горько стало во рту отъ злобы, точно онъ проглотилъ безъ воды цѣлую ложку хинина.

Чтобы не быть узнаннымъ, онъ сошелъ съ танцовальнаго круга и пробрался вдоль низенькаго забора, за которымъ стояли безплатные созерцатели роскошнаго бала, стараясь стать противъ того мѣста, гдѣ раньше сидѣла Юленька. Вскорѣ вальсъ окончился. Они прошли на прежнее мѣсто. Юленька сѣла. Покорни стоялъ согнувшись надъ нею, какъ длинный крючекъ. Онъ что-то бубнилъ однообразнымъ и недовольнымъ голосомъ, какъ будто бы онъ шелъ не изъ горла, а изъ живота.

— «Точно чревовѣщатель, — подумалъ Александровъ. — Должно быть, у всѣхъ подлецовъ такіе противные голоса»,

Юленька молчала, нервно распуская и сжимая свой вѣеръ. Потомъ она очень громко сказала:

— Сто разъ я вамъ говорила — нѣтъ. И значитъ — нѣтъ. Проводите меня къ maman. Нужно всегда думать о томъ, что дѣлаешь.

Александровъ густо покраснѣлъ въ темнотѣ.

— Боже мой, неужели я подслушиваю!

Еще долго не выходилъ онъ изъ своей засады. Остатокъ бала тянулся, казалось, безконечно. Ночь холодѣла и сырѣла. Духовая музыка надоѣла; турецкій барабанъ стучалъ по головѣ съ раздражающей ритмичностью. Круглые стеклянные фонари свѣтили тусклѣе. Висячія гирлянды изъ дубовыхъ и липовыхъ вѣтокъ опустили безпомощно свои листья, и отъ нихъ шелъ нѣжный, горьковатыйароматъ увя-

данія. Александрову очень хотѣлось пить и у него пересохло въ горлѣ.

Наконецъ-то Синельниковы собрались уходить. Ихъ провожали: Покорни и маленькій Панковъ, юный ученикъ консерваторіи, милый, бѣлокурый, веселый мальчуганъ, который сочинялъ презабавную музыку къ стихамъ Козьмы Пруткова и къ другимъ юмористическимъ вещицамъ. Александровъ пошелъ осторожно за ними, стараясь держаться на такомъ разстояніи, чтобы не слышать ихъ голосовъ.

Онъ слышалъ, какъ всѣ они вошли въ знакомую, канареечнаго цвѣта дачу, которая какъ-то особенно, по-домашнему, пріютилась между двухъ тополей. Ночь была темная, беззвѣздная и росистая. Туманъ увлажнялъ лицо.

Вскорѣ мужчины вышли и у крыльца разошлись въ разныя стороны. Погасъ огонекъ лампы въ дачномъ окнѣ: ночь стала еще чернѣе.

Александровъ ничего не видѣлъ, но онъ слышалъ рѣдкіе шаги Покорни и шелъ за ними. Сердце у него билось-билось, но не отъ страха, а отъ опасенія, что у него выйдетъ неудачно, можетъ быть, даже смѣшно.

Не доходя до лаунъ-теннисной площадки, онъ мгновенно рѣшился. Слегка откашлялся и крикнулъ:

— Господинъ Покорни!

Голосъ у него изъ-за тумана прозвучалъ глухо и плоско. Онъ крикнулъ громче:

— Господинъ Покорни!

Шаги Покорни стихли. Послышался изъ темноты точно придушенный голосъ:

— Кто такой? Что нужно?

Александровъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему и крикнулъ:

— Подождите меня. Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ.

— Какія такія слова? Да еще ночью?

Александровъ и самъ не зналъ, какія слова онъ

скажетъ, но шелъ впередъ. Въ это время ущербленный и точно заспанный мѣсяцъ продрался и выкатился сквозь тяжелыя громоздкія облака, освѣтивъ ихъ сугробы грязно-бѣлымъ и густо-фіолетовымъ свѣтомъ. Въ десяти шагахъ передъ собою Александровъ смутно увидѣлъ въ туманѣ неестественно длинную и худую фигуру Покорни, который, вмѣсто того, чтобы дожидаться, пятился назадъ и говорилъ преувеличенно громко и торопливо:

— Кто вы такой? Что вамъ отъ меня надо, чортъ возьми?

Голосъ у него вздрагивалъ, и это сразу ободрило юношу. Давидъ снова сдѣлалъ два шага къ Голіафу.

— Я — Александровъ. Алексѣй Николаевичъ Александровъ. Вы меня знаете.

Тотъ отвѣтилъ съ принужденной грубостью:

— Никого я не знаю и знать не хочу всякую дрянь.

Но Александровъ продолжалъ наступать на пятившагося врага.

— Не знаете, такъ сейчасъ узнаете. Сегодня на кругу вы позволили себѣ нанести мнѣ тяжелое оскорбленіе... въ присутствіи дамы. Я требую, чтобы вы немедленно принесли мнѣ извиненіе, или...

— Что или? — какъ то по заячьи жалобно закричалъ Покорни.

— Или вы дадите мнѣ завтра же удовлетвореніе съ оружіемъ въ рукахъ!

Вызовъ вышелъ эффектно. Какого рода оружіе имѣлъ въ виду кадетъ, — а черезъ недѣлю юнкеръ Александровъ, такъ и осталось его тайной, но боевая фраза произвела поразительное дѣйствіе.

—Мальчишка! щенокъ! завизжалъ Покорни. — Молоко на губахъ не обсохло! За уши тебя драть, сопляка! Розгой тебя!

Всю эту ругань онъ выпалилъ съ необычайной

быстротой, не болѣе, чѣмъ въ двѣ секунды. Александровъ вдругъ почувствовалъ, что по спинѣ у него забѣгали холодныя щекотливыя мурашки, и какъ то весело потеплѣло темя его головы отъ опьяняющаго предчувствія драки.

—Казенная шкура! — гавкнулъ Покорни напослѣдокъ.

Но тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное: сжавъ кулаки до боли, видя красные круги передъ глазами, напрягая всѣ мускулы крѣпкаго почти восемнадцатилѣтняго тѣла, Александровъ уже ринулся съ крикомъ: «подлецъ» на своего врага, но вдругъ остановился, какъ отъ мгновеннаго удара.

Покорни, удивительно быстро повернувшись, кинулся изо всѣхъ силъ въ бѣгство. Нѣкто, тамъ, наверху, завѣдующій небесными свѣтовыми эффектами, пустилъ вдругъ во всю лунный прожекторъ, и глазамъ Александрова внезапно предстало изумительнѣйшее зрѣлище. Давнымъ давно, еще будучи мальчикомъ онъ видалъ въ иллюстраціяхъ къ Жюль-Верну страуса мчащагося въ легкой упряжкѣ и жираффа, который обгоняетъ курьерскій поѣздъ. Вотъ именно такимъ размашистымъ аллюромъ удиралъ съ поля чести ничтожный Покорни. Александровъ кинулся было его догонять, но вскорѣ убѣдился въ томъ, что это не въ силахъ человѣческихъ. «Не швырнуть ли камнемъ въ его спину? — Нѣтъ. Это будетъ низко». Такъ и бѣжалъ онъ потихоньку за Покорни, пока тотъ не остановился у своей дачи и не открылъ входную дверь.

— Трусъ, хамъ и трижды подлецъ! — крикнулъ ему вслѣдъ Александровъ.

— А ты сволочь! отвѣтилъ Покорни, и дверь громко хлопнула.

Четыре дня не появлялся Александровъ у Синельниковыхъ, а, вѣдь, раньше бывалъ у нихъ по

два, по три раза въ день, забѣгая домой только на минуточку, пообѣдать и поужинать. Сладкія терзанія томили его душу: горячая любовь, конечно, такая, какую не испытывалъ еще ни одинъ человѣкъ съ сотворенія міра; зеленая ревность, тоска въ разлукѣ съ обожаемой, давняя обида на предпочтеніе... По ночамъ же онъ простаивалъ часами подъ двумя тополями, глядя въ окно возлюбленной.

На пятый день добрый другъ, музыкантъ Панковъ, влюбленный — всѣ это знали — въ младшую изъ Синельниковыхъ, въ лукавоглазую Любу, пришелъ къ нему и, въ качествѣ строго довѣреннаго лица, принесъ запечатанную записочку отъ Юліи.

«Милый Алеша (это впервые, что она назвала его уменьшительнымъ именемъ). Зачѣмъ вы, ненавидя своего врага, дѣлаете несчастными вашихъ искреннихъ друзей. Приходите къ намъ попрежнему. *Его теперь нѣтъ* и надѣюсь, больше никогда не будетъ. А мнѣ безъ васъ такъ ску-у-чно.

Ваша Ю.

Ц.»

Минутъ десять размышлялъ Александровъ о томъ, что могла бы означать эта буква Ц., поставленная въ самомъ концѣ письма такъ отдѣльно и таинственно. Наконецъ, онъ рѣшился обратиться за помощью въ разгадкѣ къ вѣрному бѣлокурому Панкову, явившемуся сегодня вѣстникомъ такой великой радости.

Панковъ поглядѣлъ на букву, потомъ прямо въ глаза Александрову и сказалъ спокойно:

— Ц. — это значитъ — цѣлую, вотъ и все.

Въ тотъ же день влюбленный молодой человѣкъ открылъ, что таинственная буква Ц. познается не только зрѣніемъ и слухомъ, но и осязаніемъ. Достовѣрность этого открытія онъ провѣрилъ впослѣдствіи разъ сто, а, можетъ быть, и больше, но объ этомъ онъ не разскажетъ даже самому лучшему, самому вѣрнѣйшему другу.

ГЛАВА IV.

БЕЗКОНЕЧНЫЙ ДЕНЬ.

Въ лазаретной пріемной уже собрались выпускные кадеты. Александровъ пришелъ послѣднимъ. Его невольно и какъ то печально поразило: какая малая кучка сверстниковъ собралась въ голубой просторной комнатѣ; пятнадцать-двадцать человѣкъ, не больше, а на послѣднихъ экзаменахъ ихъ было тридцать шесть. Только спустя нѣсколько минутъ онъ сообразилъ, что иные, не выдержавши выпускныхъ испытаній, остались въ старшемъ классѣ на второй годъ; другіе были забракованы, признанные, по состоянію здоровья, негодными къ несенію военной службы; слѣдующіе пошли: кто побогаче въ Николаевское кавалерійское училище; кто имѣлъ родню въ Петербургѣ — въ пѣхотныя петербургскія училища; первые ученики, сильные по математикѣ, избрали привилегированныя карьеры инженеровъ или артиллеристовъ; здѣсь необходимы были: и протекція и строгій дополнительный экзаменъ.

Почему то жалко стало Александрову, что вотъ, разстроилось, расклеилось, расшаталось крѣпкое дружеское гнѣздо. Смутно начиналъ онъ понимать. что лишь до семнадцати, восемнадцати лѣтъ мила, свѣтла и безкорыстна юношеская дружба, а тамъ охладѣетъ тепло общаго тѣснаго гнѣзда, и каждый

братъ уже идетъ въ свою сторону, покорный собственнымъ влеченiямъ и велѣнiю судьбы.

Пришелъ докторъ Криштафовичъ и съ нимъ корпусный фельдшеръ Семенъ Изотычъ Макаровъ. Фельдшера кадета прозвали «Семенъ Затычъ», или иначе «клистирная трубка». Его не любили за его непреклонность. Нерѣдко случалось, что кадетъ, которому до истомы надоѣла ежедневная зубрежка, разрѣшалъ самъ себѣ день отдыха въ лазаретѣ. Для этого на утреннемъ медицинскомъ обходѣ, онъ заявлялъ, что его почему то бросаетъ то въ жаръ, то въ холодъ, а голова у него и болитъ, и кружится, и онъ самъ не знаетъ почему это съ нимъ дѣлается. Его отсылали внизъ, въ лазаретъ. Всѣмъ были извѣстны способы, какъ довести температуру тѣла до желанныхъ предѣльныхъ 37,6 градусовъ. Но злодѣйскiй фельдшеръ Макаровъ, ставившiй градусникъ, зналъ всѣ кадетскiе фокусы и уловки, и никакое фальшивое обращенiе съ градусникомъ не укрывалось отъ его зоркихъ глазъ. Но дальше бывало еще хуже. Всѣ, признанные больными, все равно, какая бы болѣзнь у нихъ не оказалась — неизбѣжно, передъ ванной должны были принять по стаканчику кастороваго масла. Этимъ дѣломъ завѣдывалъ самъ Макаровъ, и ни просьбы, ни посулы, ни лесть, ни упреки, ни даже бунтъ не могли повлiять на его твердокаменное сердце. Зеленаго стекла толстостѣнный стаканъ; на днѣ чуть-чуть воды, а выше, до краевъ желтоватое, густое ужасное масло. Кусокъ чернаго хлѣба густо посыпанъ крупною солью. Это — роковая закуска. Послѣднiй вздохъ, страшное усилiе надъ собою. Носъ зажатъ, глаза зажмурены.

— Э, нѣтъ. До конца, до конца! — кричитъ проклятый Макаровъ... Гнусное воспоминанiе...

Но бывали рѣдкiе случаи, когда Изотычу прощалось его холодное коварство. Это бывало тогда, когда удавалось его затащить въ гимнастическiй залъ.

Онъ дѣлалъ на турникѣ, на трапеціи и на параллельныхъ брусьяхъ такія упражненія, которыхъ никогда не могли сдѣлать самые лучшіе корпусные гимнасты. Онъ и самъ то похожъ былъ на цыркача очень малымъ ростомъ, черезчуръ широкими плечами и короткими кривыми ногами.

Сейчасъ же вслѣдъ за докторомъ, пришелъ дежурный воспитатель, никѣмъ не любимый и неуважаемый Михинъ.

— Здравствуйте, господа, — поздоровался онъ съ кадетами.

И всѣ они, даже не сговорившись заранѣе, вмѣсто того, чтобы крикнуть обычное: здравія желаемъ, господинъ поручикъ, отвѣтили равнодушно: здравствуйте.

Михинъ густо покраснѣлъ.

— Раздѣвайтесь на физическій осмотръ — приказалъ онъ дрожащимъ отъ смущенія и обиды голосомъ и сталъ кусать губы.

Кадеты быстро раздѣлись до-нага и босикомъ подходили по очереди къ доктору. То, что было въ этомъ тѣлесномъ осмотрѣ особенно интимнаго исполнялъ фельдшеръ. Докторъ Криштафовичъ только наблюдалъ и дѣлалъ отмѣтки на спискѣ противъ фамилій. Такой подробный осмотръ производился обыкновенно въ корпусѣ по четыре раза въ годъ, и всегда онъ бывалъ для Александрова чѣмъ то въ родѣ безпечной и невинной забавы, тѣмъ болѣе, что при немъ всегда бывало испытаніе силы на разныхъ силомѣрахъ — нѣчто въ родѣ соперничества или состязанія. Но почему теперь такими грубыми и такими отвратительными казались ему прикосновенія фельдшера къ тайнамъ его тѣла.

И еще другое: одинъ за другимъ проходили мимо него нагишемъ давнымъ давно знакомые и привычные товарищи. Съ ними вмѣстѣ сто разъ мылся онъ въ корпусной банѣ и купался въ Москва-рѣкѣ, во время лѣтнихъ Коломенскихъ лагерей. Боролись,

плавали на перегонки, хвастались другъ передъ другомъ величиной и упругостью мускуловъ, но самое тѣло было только незамѣтной оболочкой, одинаковой у всѣхъ и ничуть не интересною.

И вотъ теперь Александровъ съ недоумѣніемъ замѣтилъ, чего онъ раньше не видѣлъ или на что почему то не обращалъ вниманія. Странными показались ему тѣла товарищей безъ одежды. Почти у всѣхъ изъ подъ мышекъ росли и торчали наружу пучки черныхъ и рыжихъ волосъ. У иныхъ груди и ноги были покрыты мягкой шерстью. Это было внезапно и диковинно. И тутъ только замѣтилъ онъ, что прежніе золотистые усики на верхней губѣ Бутынскаго обратились въ рыжіе, большіе толстые фельдфебельскіе усы, закрученные вверхъ. «Что съ нами со всѣми случилось?» — думалъ Александровъ и не понималъ.

Но особенно смущали его, отъ природы необычайно тонкое, обоняніе запахи этихъ сильныхъ, полумужскихъ обнаженныхъ тѣлъ. Они пахнули по разному: то сургучемъ, то мышатиной, то пороховой гарью, то увядающимъ нарцисомъ...

—Удивительно; неужели мы всѣ разные, — сказалъ себѣ Александровъ, — и разные у насъ характеры, и въ разныя стороны потекутъ наши уже чужія жизни, и разная ждетъ насъ судьба? Да и правда: ужъ не взрослые ли мы стали?

Осмотръ кончился. Кадеты одѣлись и поѣхали въ училище на Знаменку. Но какимъ способомъ и какимъ путемъ они ѣхали — это навсегда выпало изъ памяти Александрова. Въ безконечную длину растянулся для него сложный, пестрый, чрезмѣрно богатый лицами, событіями и впечатлѣніями день вступленія въ училище.

Утромъ въ Химкахъ прощаніе съ сестрой Зиной, у которой онъ гостилъ въ лѣтнія каникулы. Здѣсь же, по сосѣдству визитъ семьѣ Синельниковыхъ. Съ большимъ трудомъ удалось ему улучить минуту,

чтобы остаться наединѣ съ богоподобной Юленькой, но когда онъ потянулся къ ней за знакомымъ, сладостнымъ, кружащимъ голову поцѣлуемъ, она мягко отстранила его загорѣлой рукой и сказала:

— Забудемъ лѣтнія глупости, милый Алеша. Прошелъ сезонъ, мы теперь стали большіе. Въ Москвѣ приходите къ намъ потанцовать. А теперь прощайте. Желаю вамъ счастья и успѣховъ.

И онъ ушелъ, молча, обиженный, несчасный, едва сдерживая горькія слезы...

Потомъ путь по желѣзной дорогѣ до Николаевскаго вокзала: оттуда на конкѣ въ Кудрино, къ мамѣ; затѣмъ вмѣстѣ съ матерью къ Иверской Божьей Матери; послѣ чуть ли не на край города въ Лефортово, въ кадетскій корпусъ. Прощаніе, переодѣваніе и наконецъ, опять огромный путь на Арбатъ, на Знаменку въ бѣлое зданіе Александровскаго училища.

Въ тѣлѣ усталость, въ головѣ путаница. Въ цѣлые годы растянулся этотъ тягучій день, и все нѣтъ ему конца.

Никогда потомъ въ своей жизни не могъ припомнить Александровъ момента вступленія въ училище. Всѣ впечатлѣнія этого дня походили у него въ памяти на впечатлѣнія человѣка, проснувшагося послѣ сильнѣйшаго опьяненія: какія то смутныя картины, пустяшныя мелочи и между ними черные провалы. Такъ и не могъ онъ возстановить въ памяти, гдѣ выпускныхъ кадетъ переодѣвали въ юнкерское бѣлье, одежду и обувь, гдѣ ихъ ставили подъ ранжиръ и распредѣляли по ротамъ.

Ярче всего сохранилась у него такая минута: онъ стоитъ въ длинномъ широкомъ бѣломъ коридорѣ; на немъ легкая свободная куртка, застегнутая сбоку на крючки, а на плечахъ бѣлые погоны съ краснымъ вензелемъ А. II., Александръ Второй. По коридору взадъ и впередъ снуютъ молодые люди. Здѣсь и старые юнкера второкурсники, которыхъ сразу вид-

ко по выправкѣ, и только-прибывшіе выпускные кадеты другихъ корпусовъ, какъ московскихъ, такъ и провинціальныхъ, въ разноцвѣтныхъ погонахъ. Тутъ впервые понимаетъ Александровъ, какъ тяжело одиночество, въ чужой незнакомой толпѣ.

Онъ стоитъ у широкаго окна, равнодушно прислушиваясь къ гулу этого большого улья, разсѣянно, безъ интереса со скукою глядя на пестрое суетливое движеніе. Къ нему подходитъ невысокій офицеръ съ капитанскими погонами — онъ худощавъ и смугло румянъ, черные волосы раздѣлены тщательнымъ проборомъ. Чуть-чуть заикаясь, спрашиваетъ онъ Александрова:

— Какого ѣ... корпуса?

— Второго московскаго, господинъ капитанъ.

— Ѣ... На что же вы себѣ такіе волосья отпустили? Думаете, красиво?

И онъ кричитъ громко:

— Андріевичъ?

— Я! — раздается откликъ съ другого конца коридора, и къ офицеру быстро подбѣгаетъ и ловко вытягивается передъ нимъ, тотъ самый Андріевичъ, который шелъ вмѣстѣ съ Александровымъ до шестого класса, очень дружилъ съ нимъ и даже издавалъ съ нимъ вмѣстѣ кадетскую газету.

Офицеръ спрашиваетъ:

— Вашего корпуса?

— Такъ точно, господинъ капитанъ.

— Ѣ... Такъ возьмите этого отца протодіакона и тащите его къ цирюльнику стричься, ишь какую гривицу отростилъ.

— Слушаю, господинъ капитанъ.

Весело, лукаво улыбаясь, онъ непринужденно беретъ Александрова за рукавъ и говоритъ:

— Идемъ, идемъ, фараонъ.

Потомъ онъ самъ наблюдаетъ, какъ въ умывалкѣ цирюльникъ стрижетъ наголо бывшаго дружкапріятеля и слегка добродушно подтруниваетъ.

— Почему же я фараонъ? — спрашиваетъ Александровъ.

Тотъ отвѣчаетъ:

— Потому же, почему я оберъ-офицеръ. Разница между первымъ и вторымъ курсомъ.

— А кто же этотъ капитанъ?

— Это командиръ нашей четвертой роты, капитанъ Фофановъ, а по нашему «Дроздъ». Строгая птица, но жить съ нею все-таки можно. Я тебя давно знаю. Ты у него досыта насидишься въ карцерѣ.

По окончанiи стрижки, онъ доставляетъ его ротному командиру. Тотъ смотритъ на новичка сверху внизъ, склоняя голову то на лѣвый, то на правый бокъ.

— Ѣ... Ничего. Такъ хоть немножко на юнкера похожъ. Вы его подтягивайте, Андрiевичъ.

ГЛАВА V.

ФАРАОНЪ.

Съ трудомъ, очень медленно и невесело осваивается Александровъ съ укладомъ новой училищной жизни, и это чувство стѣснительной неловкости долгое время раздѣляютъ съ нимъ всѣ первокурсники, именуемые на юнкерскомъ языкѣ, «фараонами», въ отличіе отъ юнкеровъ старшаго курса, которые, хотя и преждевременно, но гордо зовутъ себя «господами оберъ офицерами».

Въ кличкѣ «фараонъ», правда, звучитъ нѣчто пренебрежительное, но она не обижаетъ, уже благодаря одной своей нелѣпости. Въ Александровскомъ училищѣ нѣтъ даже и слѣдовъ того, что въ другихъ военныхъ школахъ, особенно въ привилегированныхъ, называется «цуканьемъ» и состоитъ въ грубомъ, деспотическомъ и часто даже унизительномъ обращеніи старшаго курса съ младшимъ: дурацкій обычай, съобезьяненный когда то, давнымъ давно, у нѣмецкихъ и дерптскихъ студентовъ, съ ихъ буршами и фуксами, и обратившійся на русской черноземной почвѣ въ тупое злобное безцѣльное издѣвательство.

За нѣсколько лѣтъ до Александрова «цуканіе» собиралось было прочно привиться и въ Москвѣ, въ бѣломъ домѣ на Знаменкѣ, когда туда, по какой то темной причинѣ, былъ переведенъ изъ Николаевска-

го кавалерійскаго училища свѣтлѣйшій князь Дагестанскій, привезшій съ собою изъ Петербурга, вмѣстѣ съ распущенной развинченностью, а также съ моднымъ томнымъ грассированіемъ, и глупую моду «цукать» младшихъ товарищей. Можетъ быть, его громкій титулъ, можетъ быть, его богатство и личное обаяніе, а, вѣроятнѣе всего, стадная подражательность, такъ свойственная юношеству, были причинами того, что обычаемъ «цуканія» заразилась сначала 1-ая рота — рота Его Величества, — въ которую попалъ князь, а потомъ постепенно эту дурную игру переняли и другія три роты.

Однако, это вредное самоуправство оказалось недолговѣчнымъ. Преобладающимъ большинствомъ въ училищѣ были коренные москвичи, вышедшіе изъ четырехъ кадетскихъ корпусовъ. Москва же, въ тѣ далекія времена, оставалась воистину «порфироносною вдовою», которая не только не склонялась передъ новой петербургской столицей, но величественно презирала ее съ высоты своихъ сорока сороковъ, своего несмѣтнаго богатства, и своей славной древней исторіи. Была она горда, знатна, самолюбива, широка, независима и всегда оппозиціонна. Порою, казалось, что она считаетъ себя совсѣмъ отдѣльнымъ Великимъ Княжествомъ, съ княземъ-хозяиномъ Владиміромъ Долгорукимъ во главѣ. Бюрократическій Петербургъ, съ его сухостью, узостью и европейской мелочностью, не существовалъ для нея. И петербургской аристократіи она не признавала. «Въ Питерѣ — все выскочки. Самымъ старымъ родамъ не болѣе трехсотъ лѣтъ, а ордена и высокіе титулы тамъ даются занизкопоклонство и угодливость». А Москва? «Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ! Какіе славные вѣковые боярскіе столбовые роды обитаютъ въ ней на Пречистенкѣ, на Поварской, на Новинскомъ бульварѣ и на Никитскихъ»... И самый воздухъ въ Первопрестольной былъ совсѣмъ иной, чѣмъ петербургскій: куда крѣпче, ядренѣе, легче, хмель-

нѣе и свободнѣе. Петербургскія штучки, словца и шуточки — вяло прививались въ Москвѣ и скоро отмирали. Такимъ же путемъ прекратилось въ Александровскомъ училищѣ и пресловутое нѣмецкое «цуканье». Не мѣсто ему было въ свободолюбивой Москвѣ. Угнетенные навязанной мелкой тираніей господъ оберъ офицеровъ, юнкера, однако, не жаловались ни высшему начальству, ни своимъ родителямъ: и то и другое было бы измѣной внутреннему духу и укладу училища. Переворотъ произошелъ какъ то случайно, самъ собою, въ одинъ изъ тѣхъ іюльскихъ горячихъ дней, когда подходила къ самому концу тяжелая, изнурительная лагерная служба.

Юнкера старшаго курса уже успѣли разобрать, по присланному изъ Петербурга списку, двѣсти офицерскихъ вакансій въ двухстахъ различныхъ полкахъ. По субботамъ они ходили въ городъ, къ военнымъ портнымъ примѣрить въ послѣдній разъ мундиръ, сюртукъ или пальто, и ежедневно, съ часа на часъ, лихорадочно ждали завѣтной телеграммы, въ которой самъ Государь Императоръ поздравитъ ихъ съ производствомъ въ офицеры.

Въ этотъ день, послѣ нуднаго батальоннаго ученія, юнкера отдыхали и мылись передъ обѣдомъ. По какой то странной блажи, второкурсникъ третьей роты Павленко подошелъ къ фараону этой же роты Голубеву и сдѣлалъ видъ, что собирается щелкнуть его по носу. Голубевъ поднялъ руку, чтобы предотвратить щелчекъ. Но Павленко закричалъ: «Это что такое, фараонъ? Смирно! Руки по швамъ!» Онъ еще разъ приблизилъ сложенные два пальца къ лицу Голубева. Но тутъ произошло нѣчто вовсе неожиданное. Скромный, всегда тихій и вѣжливый Голубевъ воскликнулъ:

— Довольно вы надо мною издѣвались! — и съ этимъ крикомъ, быстро открывъ складной ножикъ, вонзилъ его въ наружную сторону протянутой кисти.

Павленко опѣшилъ. Рана оказалась пустяшная, но кровь потекла обильно. Кстати, Голубевъ первый сдѣлалъ Павленко перевязку изъ своего чистаго полотенца.

Эта непріятная исторія быстро разнеслась по всему лагерю. Ни старшіе, ни младшіе юнкера не знали, какъ отнестись къ кровавому событію. Нѣкоторые изъ выпускныхъ, очень немногіе, и самые ярые «цукатели» предлагали довести до свѣдѣнія начальства о дерзкомъ поступкѣ Голубева: пусть его подвергнутъ усиленному аресту или отправятъ нижнимъ чиномъ въ полкъ. Но половина гг. оберъ офицеровъ и всѣ фараоны стояли за него. Мигомъ, по всѣмъ четыремъ баракамъ второкурсниковъ помчались летучіе гонцы. — «Послѣ обѣда всему второму курсу собраться въ столовую!»

Собралось человѣкъ до шестидесяти. Уклонились лѣнтяи, равнодушные, эгоисты, боязливые, туповатые, мнительные, неисправимые сони, выгадывавшіе каждую лишнюю минутку, чтобы поваляться въ постели, а также будущіе карьеристы и педанты, знавшіе изъ устава внутренней службы о томъ, что всякія собранія и сборища строго воспрещаются.

Говорили всѣ сразу, но договорились очень скоро.

— «Намъ колбасники, нѣмецкіе студенты, не примѣръ и гвардейская кавалерія не указъ. Пусть кавалерійскіе юнкера и гвардейскіе «корнеты» ѣздятъ верхомъ на своихъ звѣряхъ и будятъ ихъ среди ночи дурацкими вопросами. Мы имѣемъ высокую честь служить въ славномъ Александровскомъ училищѣ, первомъ военномъ училищѣ въ мірѣ и мы не хотимъ марать его прекрасную репутацію, ни шутовскимъ балаганомъ, ни идіотской травлей младшихъ товарищей. Поэтому рѣшимъ твердо и дадимъ другъ другу торжественное слово, что съ самаго начала учебнаго года мы не только окончательно прекращаемъ это свинское цуканье, достойное развлеченій въ тюрь-

мѣ и на каторгѣ, но всячески его запрещаемъ и не допустимъ его никогда. Да его уже и нѣтъ, оно прошло и мы забыли о немъ. Не правда ли, друзья? и все. И точка».

Пусть, въ память старины, фараоны такъ и остаются фараонами. Не нами это прозванье придумано, а нашими прославленными предками, изъ которыхъ многіе легли на полѣ брани за вѣру, царя и отечество. Пусть же свободный отъ цуканія фараонъ все-таки помнитъ о томъ, какая лежитъ огромная дистанція между нимъ и господиномъ оберъ-офицеромъ. Пусть всегда знаетъ и помнитъ свое мѣсто, пусть не лѣзетъ къ старшимъ съ фамильярностью, ни съ амикошонствомъ, ни съ дружбой, ни даже съ простымъ празднымъ разговоромъ. Спроситъ его о чемъ нибудь оберъ-офицеръ — онъ долженъ отвѣтить громко, внятно, бодро и, при этомъ, всегда правду. И конецъ. И дальше — никакой болтовни, никакой шутки, никакого лишняго вопроса. Иначе фараонъ зазнается и распустится. А его, для его же пользы, надо держать въ строгомъ, сухомъ и почтительномъ отдаленіи.

Да и зачѣмъ ему соваться въ высшее, оберъ-офицерское общество? Въ ротѣ пятьдесятъ такихъ фараоновъ, какъ и онъ, пусть они всѣ дружатся и развлекаются. Мирятся и ссорятся, танцуютъ и поютъ промежъ себя; пусть хоть представленія даютъ и на головахъ ходятъ, только не мѣшали бы вечернимъ занятіямъ.

Но двѣ вещи фараонамъ безусловно запрещены; во-первыхъ, — травить курсовыхъ офицеровъ, ротнаго командира, и командира батальона; а, во-вторыхъ, — пѣть юнкерскую традиціонную «разстанную пѣсню»: «Наливай, братъ, наливай». И то, и другое — привилегіи гг. оберъ-офицеровъ; фараонамъ же заниматься этимъ — и рано, и не имѣетъ смысла. Пусть потерпятъ годикъ, пока сами не станутъ оберъ-офицерами... Кто же это, въ самомъ дѣ-

лѣ, прощается съ хозяевами, едва переступивъ порогъ, и кто хулитъ хозяйскіе пироги, еще ихъ не отвѣдавъ?»

Такъ, или почти такъ, выразили свое умное рѣшеніе нынѣшніе фараоны, а черезъ день, черезъ два уже господа оберъ-офицеры; стоитъ только придти волшебной телеграммѣ, послѣ которой старшій курсъ мгновенно разлетится, отъ мощнаго дуновенія судьбы, по всѣмъ концамъ необъятной Россіи. А черезъ мѣсяцъ прибудутъ въ училище и новые фараоны.

И еще одно мудрое, словесное постановленіе было утверждено на этомъ необыкновенномъ засѣданіи въ просторномъ столовомъ баракѣ...

— Но надо же позаботиться и о жалкихъ фараонахъ. Всѣ мы были робкими новичками въ училищѣ, и знаемъ, какъ тяжелы первые дни и какъ неувѣренны первые шаги въ суровой дисциплинѣ. Это все равно, что учиться кататься на конькахъ или ходить на ходуляхъ. И потому пускай каждый второкурсникъ внимательно слѣдитъ за тѣмъ фараономъ своей роты, съ которымъ онъ всего годъ назадъ ѣлъ одну и ту же корпусную кашу. Остереги его во время, но во время и подтяни крѣпко. Отъ вѣковъ въ великой русской арміи новобранцу былъ первымъ учителемъ и помощникомъ, и заступникомъ его дядька-землякъ.

*
**

Всю вѣскость послѣдняго правила пришлось вскорѣ Александрову испытать на практикѣ, и урокъ былъ не изъ нѣжныхъ. Вставали юнкера всегда въ 7 часовъ утра; чистили сапоги и платье, оправляли койки и съ полотенцемъ, мыломъ и зубной щеткой шли въ общую круглую умывалку, подъ мѣдные краны. Сегодняшнее сентябрьское утро было сумрачное, моросилъ сѣрый дождикъ; желто-зеленый туманъ висѣлъ за окнами. Тяжесть была во всемъ тѣлѣ и не хотѣлось покидать кровати.

Къ Александрову подошелъ дежурный по ротѣ, второкурсникъ Баліевъ, очень любезный и тихій армянинъ съ оливковымъ лицомъ, испещреннымъ веснушками.

— Вставайте же, Александровъ — сказалъ онъ спокойно. — Вставайте.

— Да я сейчасъ, сейчасъ. — Дайте полежать нѣсколько минутокъ. Что вамъ стоитъ?

— А я вамъ говорю: вставайте немедленно! — возвысилъ голосъ Баліевъ.

— Ахъ, Боже мой! Что же вамъ жалко, что ли?

И вдругъ онъ услышалъ черезъ всю спальню рѣзкій и гнѣвный голосъ.

— Александровъ, молчать! Вставайте сію секунду!

Въ этомъ голосѣ было столько повелительнаго, что бѣдный фараонъ мгновенно вскочилъ на ноги, стряхнулъ съ глазъ сонную истому, и сразу увидѣлъ, что кричалъ старшій юнкеръ Тучабскій. Это для Александрова было и дико, и не понятно. Вѣдь это тотъ самый Тучабскій, съ которымъ они жили въ тѣсной дружбѣ цѣлыхъ шесть корпусныхъ лѣтъ пока Александровъ не застрялъ на второй годъ въ шестомъ классѣ. Раньше же у нихъ было все общее: пополамъ покупали халву и нугу, вмѣстѣ собирали коллекціи растеній, бабочекъ и перьевъ. Изобрѣли собственную, никому непонятную азбуку и таинственный разговорный языкъ. Вмѣстѣ же они одно время увлекались пиротехникой; дѣлали изъ сѣры, селитры, бертолетовой соли, толченаго сахара и угля бенгальскіе огни, вертуны и шутихи, и зажигали ихъ вечеромъ въ ватеръ-клозетѣ. Также читали другъ другу по очереди книги, принесенныя съ воли... «Да, вѣдь, это онъ, Тучабскій, прежній, милый другъ Тучабскій!.. Откуда же у него взялся этотъ страшный голосъ, который точно столкнулъ Александрова съ постели на полъ. И горько и обидно стало фараону. «Что же меня ждетъ дальше?»

А послѣ обѣда, когда наступило время двухчасового отдыха, Тучабскій подошелъ къ Александрову, сидѣвшему на койкѣ, положилъ ему свою огромную руку на голову и сурово-ласково сказалъ:

— Ты не сердись на меня. Я тебѣ же добра желаю. И прошу перестать быть ершомъ. Здѣсь тебѣ не корпусъ, а военное училище съ воинской службой. Да, подожди, все обомнется, все утрясется... Такъ-то, дорогой мой.

И ушелъ.

ГЛАВА VI.

ТАНТАЛОВЫ МУКИ.

Каждую среду, на полдня и каждую субботу до вечера воскресенья, юнкера ходили въ отпускъ. Злосчастные фараоны съ завистью и съ нетерпѣніемъ слѣдили за тѣмъ, какъ тщательно обряжались оберъофицеры передъ выходомъ изъ стѣнъ училища въ городъ; какъ заботливо стягивали они въ талію новые прекрасные мундиры съ золотыми галунами, съ краснымъ вензелемъ на бѣломъ полѣ. Мундиры, туго опоясанные широкимъ кушакомъ, на которомъ перекрещивались двѣ гренадерскія пылающія гранаты. На лѣвомъ боку кушака прикрѣплялся штыкъ въ кожаномъ футлярѣ. Прежде — помнилъ Александровъ по своимъ раннимъ кадетскимъ годамъ — оружіемъ юнкера былъ не узенькій, какъ селедка штыкъ, а тяжелый, широкій гренадерскій тесакъ съ мѣдной витою рукоятью — настоящее боевое оружіе, которымъ, при желаніи, свободно можно было бы оглушить быка. Александровъ уже зналъ, что совсѣмъ не его славные предки «старинные александровцы» вызвали своимъ поведеніемъ такую прискорбную замѣну оружія. Виноваты были юнкера военнаго окружнаго училища, что въ Красныхъ казармахъ, тѣ самые, которые послѣ стажа въ полку, держатъ при своемъ училищѣ экзаменъ на армейскаго подпрапорщика и которые набираются съ бора по сосенкѣ. Это

они одной зимней ночью на масляницѣ завязали огромный скандалъ въ области разпревеселыхъ непотребныхъ домовъ на Драчевкѣ и въ Соболевомъ переулкѣ, а когда дѣло дошло до драки, то пустили въ ходъ тесаки, въ чемъ имъ добросовѣстно помогли строевые гранадеры Московскаго округа. Около этого дурацкаго событія поднялся большой и, какъ всегда, преувеличенный шумъ, притушить который начальство не успѣло во время, и результатомъ былъ строгій общій разносъ изъ Петербурга съ приказомъ замѣнить во всемъ Московскомъ гарнизонѣ тяжкіе обоюдоострые тесаки невинными штыками...

Этотъ выходной костюмъ довершался лѣтомъ — безкозыркой съ краснымъ околышемъ и кокардой, — зимою каракулевой низкой шапкой съ золотымъ (мѣднымъ) начищеннымъ орломъ. И тотъ, и другой головной уборъ бывалъ лихо и вызывающе сдвинутъ на правый бокъ. Широкіе черные штаны, по модѣ, заимствованной у императорскихъ стрѣлковъ, надѣвались съ широкимъ напускомъ и низко заправлялись въ *собственные* шикарные сапоги французскаго или русскаго лака, стоившіе не дешево. Постоянный училищный поставщикъ Ефремовъ бралъ за нихъ съ колодками отъ 15-ти до 18-ти рублей. Совсѣмъ, окончательно бѣдные юнкера принуждены были ходить въ отпускъ въ казенныхъ сапогахъ, слегка и вовсе ужъ не такъ дурно благоухавшихъ дегтемъ. Зато бѣлыя замшевыя перчатки были и обязательны и недороги: мыть ихъ можно было хоть сто разъ и онѣ ничуть не изнашивались. Да въ училищѣ никому бы не могло придти въ голову смѣяться или глумиться надъ юнкеромъ, родственники котораго были людьми несостоятельными, часто многосемейными и живущими въ глухой провинціи на жалкую полковничью, или майорскую пенсію. Случаи подобнаго издѣвательства были совсѣмъ неизвѣстны въ домашней исторіи Александровскаго училища, питомцы котораго, по какимъ-то загадочнымъ вліяніямъ, жили и возраста-

ли на основахъ рыцарской военной демократіи, гордаго патріотизма и суроваго, но благороднаго заботливаго и внимательнаго товарищества.

Съ особенной пристальностью слѣдили, разинувъ рты, несчастные фараоны за тѣмъ, какъ оберъ-офицеры, прежде чѣмъ получить увольнительный билетъ, шли къ курсовому офицеру, или къ самому Дрозду, на осмотръ.

— Почему коситъ бортъ? Зачѣмъ кокарда не посрединѣ? Грудь морщитъ. Подтянуть! Кругомъ! Расправить складку на спинѣ.

Но вотъ ровнымъ щегольскимъ, учебнымъ шагомъ подходитъ, громыхая казенными сапожищами, ловкій «господинъ оберъ-офицеръ». Разъ, два. Вмѣстѣ съ приставленіемъ правой ноги, рука въ бѣлой перчаткѣ вздергивается къ виску. Пріемъ сдѣланъ безупречно. Дроздъ осматриваетъ молодцеватаго юнкера съ ногъ до головы, какъ лошадиный знатокъ породистаго жеребца.

— Хорошо, юнкеръ. И одѣтъ безупречно. За версту видно браваго александровца. Видно сову по полету, добра молодца по соплямъ.

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!

— Ступайте съ Богомъ. — Двухпріемный, крѣпкій поворотъ налѣво, и юнкеръ освобожденъ.

Новичкамъ еще много остается дней до облаченія въ парадную форму и до этого требовательнаго осмотра. Но они и сами съ горечью понимаютъ, что такая красивая, ловкая и легкая отчетливость во всѣхъ воинскихъ движеніяхъ не дается простымъ подражаніемъ, а пріобрѣтается долгой практикой, которая, наконецъ, становится безсознательнымъ инстинктомъ.

До безумія, до чесотки хочется въ отпускъ, но нечего объ этомъ счастіи и думать. Не успѣлъ еще фараонъ дозрѣть до отпуска. Медленно ползутъ дни и недѣли скучнаго томленія. Роздыхъ и умягченіе фараонскимъ душамъ бываетъ только по четвергамъ.

Каждый четвергъ за обѣдомъ играетъ въ полуподвальной громадной каменной юнкерской столовой училищный оркестръ. Этотъ оркестръ и его изумительный дирижеръ, старый Крейнбрингъ, котораго помнятъ древнѣйшія поколѣнія александровцевъ, составляютъ вмѣстѣ одну изъ почтенныхъ московскихъ достопримѣчательностей.

Всѣмъ юнкерамъ, такъ же, какъ и многимъ кореннымъ москвичамъ, давно извѣстно, что въ этомъ оркестрѣ отбываютъ призывъ лучшіе ученики московской консерваторіи, по классамъ духовыхъ инструментовъ, отъ начала службы до перехода въ великолѣпный Большой Московскій театръ. Юнкера — великіе мастера проникнуть въ разныя крупныя и малыя дѣла и дѣлишки, знаютъ, что на флейтѣ играетъ въ ихъ оркестрѣ извѣстный Дышманъ, на корнетъ-а-пистонѣ — прославленный Зеленчукъ, на гобоѣ — Смирновъ, на кларнетѣ — Михайловскій, на валторнѣ — Чародѣй-Дудкинъ, на огромныхъ мѣдныхъ басахъ — наемные, сверхсрочно служащіе музыканты гренадерскихъ московскихъ полковъ, бывшіе ученики стараго требовательнаго Крейнбринга, и т. д. Барабанщикъ же Александровскаго оркестра — несмѣняемый великій артистъ Индурскій, изъ кантонистовъ, однолѣтка съ Крейнбрингомъ, — маленькій, стройный старичекъ съ черными усами и съ сѣдыми баками по поясъ. Онъ первѣйшій изъ всѣхъ барабанщиковъ Московскаго военнаго округа, а можетъ быть, всего міра. Говорятъ, что однажды состоялось въ московскомъ манежѣ торжественное состязаніе спеціалистовъ по маленькому барабану, и Индурскій блистательно вышелъ изъ него первымъ. Всѣмъ извѣстно, что Индурскій никому не хочетъ сообщить тайну своей несравненной дроби и унесетъ ее съ собой въ могилу. Что подѣлаешь? Во всякомъ военномъ училищѣ есть такого рода безвредный, немножко смѣшной, со стороны, невинный и наивный шовинизмъ.

Садясь за четверговый обѣдъ, юнкера находятъ на столахъ музыкальную программу, писанную круглымъ военно-писарскимъ «рондо» и оттиснутую гектографомъ. Въ нее обыкновенно входили новые штраусовскіе вальсы, оперныя увертюры и попурри, легкія пьесы Шуберта, Шумана, Мендельсона и Вагнера. Оркестръ Крейнбринга былъ такъ на славу выдрессированъ, что исполнялъ самыя деликатныя подробности, самое сладкое піано съ тонкимъ совершенствомъ хорошаго струннаго оркестра.

Нерѣдко юнкера аплодировали, но старый, немного горбатый Крейнбрингъ не обращалъ никакого вниманія на эти знаки поощренія. Иногда юнкера просили сыграть одну изъ своихъ любимыхъ вещицъ, напримѣръ, «Мельницу», «Маршъ Буланже», «Турецкій Патруль», увертюру изъ «Руслана», или особенно «Почту въ лѣсу». Послѣдняя пьеска игралась съ фокусомъ, чрезвычайно занимательнымъ. Великій мастеръ корнетъ-а-пистона Зеленчукъ передъ началомъ номера, незамѣтно для юнкеровъ, уходилъ изъ столовой и прятался въ концѣ длиннаго-предлиннаго коридора. Вся прелесть состояла въ томъ, что какъ только кончалась оркестровая интродукція, Зеленчукъ вплеталъ въ нее тихій, немного печальный отзывъ, шедшій какъ будто въ самомъ дѣлѣ изъ далекой глубины лѣса. И такимъ образомъ оркестръ довольно долго перекликался съ заблудшимся почтальономъ, все время приближаясь другъ къ другу, пока не встрѣчались въ общемъ хорѣ.

Но упросить Крейнбринга бывало не легко. Этотъ старый нѣмецъ отличался козлинымъ упрямствомъ. Съ высоты своей славы — пусть только московской, но несомнѣнной, — онъ, какъ и почти всѣ музыкальные маэстро, презиралъ большую, невѣжественную толпу и былъ совсѣмъ нечувствителенъ къ комплиментамъ. Москвичи говорили про него, что онъ уважаетъ только двухъ человѣкъ на свѣтѣ: дирижера Большого театра, строптиваго и властнаго

Авранека, а затѣмъ предсѣдателя нѣмецкаго клуба, фонъ-Титцнера, который, въ честь компатріота и сочлена, выписывалъ колбасу изъ Франкфурта и черное пиво изъ Мюнхена.

Но одну вещь, весьма цѣнимую юнкерами, онъ не только часто ставилъ въ четверговыя программы, но иногда даже соглашался повторять ее. Это была увертюра къ недоконченной оперѣ Литольфа «Робеспьеръ». Кто знаетъ, почему онъ давалъ ей такое предпочтеніе: изъ ненависти ли къ великой французской революціи, изъ почтенія ли къ личности Робеспьера, или его просто волновала музыка Литольфа?

Въ этой героической увертюрѣ въ самомъ финалѣ есть страшный эффектъ, производимый рѣзкимъ и грознымъ ударомъ литавровъ; это тотъ моментъ, когда тяжелый стальной ножъ падаетъ на склоненную шею «Неподкупнаго».

Между юнкерами по поводу этой увертюры ходило давнее преданіе, передававшееся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Разсказывали, что будто бы первымъ литаврщикомъ, исполнявшимъ роковой ударъ гильотины, былъ никому неизвѣстный скромный маленькій музыкантъ, личный другъ Крейнбринга еще съ дѣтскихъ лѣтъ.

Говорили дальше, что этотъ музыкантъ пришелъ однажды въ оркестръ въ какомъ-то особенно серьезномъ, почти торжественномъ настроеніи. На разспросы товарищей онъ отвѣчалъ нехотя и равнодушно, но сказалъ одному изъ нихъ, — якобы самому Крейнбрингу: «Сегодня вы услышите такой ударъ гильотины, котораго не забудете никогда въ жизни». И правда. Случилось нѣчто невѣроятно жуткое. Безвѣстный музыкантъ выждалъ точно опредѣленную секунду и ударилъ въ литавры съ необычайной силой. Но тутъ же онъ упалъ на полъ, пораженный разрывомъ сердца. Увѣряли еще старые юнкера молодыхъ, что будто бы Крейнбрингъ научилъ барабанщика Ин-

дурскаго этому необыкновенному удару въ память своего преждевременно скончавшагося друга... Такъ же, какъ и самъ въ память его игралъ увертюру. Что здѣсь было правдой и что выдумкой, никто не удосужился провѣрить; спросить же сердитаго, важнаго и молчаливаго Крейнбринга никто бы не отважился, да онъ, кажется, зналъ по-русски одни музыкальныя слова, но все равно: юному сердцу нельзя жить безъ романтики.

Конечно, прекрасенъ былъ училищный оркестръ, гордость александровцевъ, и ждали юнкера четверговаго концерта съ жаднымъ нетерпѣнiемъ; но для бѣдныхъ желторотыхъ фараоновъ одинъ часъ вокальнаго наслажденiя далеко не искупалъ многихъ часовъ безпрестанной прозаической строжайшей муштры и неловкой связанности и безпомощности въ чужомъ, еще не обжитомъ домѣ, въ которомъ невольно натыкаешься на всѣ углы и косяки.

Первое, чему неизбѣжно учили каждаго юнкера, была заповѣдь:

— Сначала забудьте все то, чему васъ учили въ кадетскомъ корпусѣ. Теперь вы не мальчики, и каждый изъ васъ, въ случаѣ надобности, можетъ быть мгновенно призванъ въ составъ дѣйствующей армiи и, слѣдовательно, отправленъ на поле сраженiя. Значитъ, каждаго указанiя и приказанiя старшихъ слушаться и подчиняться ему безпрекословно.

И правда, очень многому, почти всему, приходилось переучиваться на-ново.

— Чтобы плечи и грудь были поставлены правильно, — училъ Дроздъ, — вдохни и набери воздуха столько, сколько можешь. Сначала затаи воздухъ, чтобы запомнить положенiе груди и плечъ, и когда выпустишь воздухъ, оставь ихъ въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ они находились съ воздухомъ. Такъ вы и должны держаться въ строю.

— Всегда ходи и держись, даже внѣ строя, такъ, какъ подобаетъ воину. Не шаркайте подметками, не

везите, не волочите ногъ по полу. Шагъ легкій, быстрый, крупный и веселый. Идете вдвоемъ, непремѣнно въ ногу. Даже когда идешь одинъ, въ уборную, и то иди, какъ будто идешь въ ногу. Никогда не горбиться. Для этого научись держать высоко голову, однако, не выставляя впередъ подбородокъ, и наоборотъ, втягивая его въ себя... Александровъ! Сейчасъ вы промаршируете впередъ и назадъ. Попробуйте итти сгорбившись, а голову какъ можно выше. Ну! Шагомъ маршъ! Разъ-два, разъ-два! Стой! Ну, что, юнкеръ Александровъ? Ловко ли сутулиться, а голову держать высоко?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе (такъ величали юнкера офицеровъ въ строю и по службѣ). Даже, скорѣе трудно.

— Ну вотъ, теперь поняли? А жаль, что вы сами себя въ это время не видѣли. Зрѣлище было довольно таки гнусное... Итакъ, друзья мои, никогда не забывайте, что на васъ вся Москва смотритъ. Гляди, какъ орелъ, ходи женихомъ. Вы же, юнкера второго курса, слѣдите зорко за этими желторотыми. Не скупитесь на замѣчанія и выговоры. Имъ это будетъ только на пользу. Ибо — и тутъ онъ повысилъ голосъ до окрика — ибо, какъ только увижу, что мой юнкеръ переваливается, какъ брюхатая попадья, или ползетъ, какъ вошь по мокрому мѣсту, или смотритъ на землю, какъ разочарованная свинья, или свѣситъ голову на-бокъ, подобно этакому увядающему цвѣтку, — буду грѣть безпощадно: лишнія дневальства, безъ отпуска, арестъ при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Да, это были дни, воистину, учетвереннаго нагрѣванія. Грѣлъ свой дядька однокурсникъ, грѣлъ свой взводный портупей-юнкеръ, грѣлъ курсовой офицеръ, и, наконецъ, главный разогрѣватель, краснорѣчивый Дроздъ, лапидарныя поученія котораго какъ-то особенно ядовито подчеркивались его легкимъ и характернымъ заиканіемъ.

Учили строевому маршу съ ружьемъ, обязательно со скатанной шинелью черезъ плечо и въ высокихъ казенныхъ сапогахъ, но учили также и легкой увѣренной красивой городской походкѣ. Учили простой стойкѣ, съ ружьемъ и безъ ружья. Учили или, вѣрнѣе, переучивали ружейные пріемы.

Сравнительно съ легкими драгунскими берданками, которыя употреблялись въ корпусѣ, двѣнадцати съ половиною фунтовыя пѣхотныя винтовки были съ непривычки тяжеловаты. Поднять за штыкъ на вытянутой рукѣ такую винтовку могъ среди первокурсниковъ одинъ Ждановъ.

Но больше всего было натаскиванія и возни съ тонкимъ искусствомъ отданія чести. Учились одновременно и во всѣхъ длинныхъ коридорахъ и въ бальномъ (сборномъ) залѣ, гдѣ стояли портреты выше человѣческаго роста императоровъ Николая I и Александра II и были врѣзаны въ мраморныя доски золотыми буквами имена и фамиліи юнкеровъ, окончившихъ училище съ полными 12-ю баллами по всѣмъ предметамъ.

Здѣсь практически провѣрялась память: кому и какъ надо отдавать честь. Всѣмъ господамъ оберъ- и штабъ-офицерамъ чужой части надлежитъ простое прикладываніе руки къ головному убору. Всѣмъ генераламъ русской арміи, начальнику училища, командиру батальона и своему ротному командиру честь отдается, становясь во фронтъ.

— Смотри, Александровъ, — приказываетъ Тучабскій. — Сейчасъ ты пойдешь ко мнѣ навстрѣчу. Я — командиръ батальона. Шагомъ-маршъ, разъ-два, разъ-два... Не отчетливо сдѣлалъ полуоборотъ на лѣвой ногѣ. Повторимъ. Еще разъ. Шагомъ маршъ... Ну, а теперь опоздалъ. Надо начинать за четыре шага, а ты весь налѣзъ на батальоннаго. Повторить... разъ-два. Эко, какой ты непонятливый фараонъ! Рука приставляется къ борту безкозырки одновременно съ приставленіемъ ноги. Это надо отчет-

ливо дѣлать, а у тебя размазня выходитъ. Отставить! Повторимъ еще разъ.

Конечно, эти ежедневныя упражненія казались бы безконечно противными и вызывали бы преждевременную горечь въ душахъ юношей, если бы ихъ репетиторы не были такъ незамѣтно - терпѣливы и такъ сурово - участливы.

Случалось, они рѣзко одергивали своихъ птенцовъ и порою, чтобы расцвѣтить монотонность однообразной работы, расцвѣчивали науку острымъ, крупнымъ солдатскимъ словечкомъ, сбереженнымъ отъ временъ далекихъ училищныхъ предковъ. Но злоба, придирчивость, оскорбленіе, издѣвательство или благоволеніе къ любимчикамъ совершенно отсутствовали въ ихъ обращеніи съ младшими. Училищное начальство — и Дроздъ въ особенности — понимало большое значеніе такого строгаго и мягкаго семейнаго, дружескаго военнаго воспитанія и не препятствовало ему. Оно по справедливости гордилось ладнымъ табуномъ своихъ породистыхъ однолѣтокъ и двухлѣтокъ жеребчиковъ — горячихъ, смѣлыхъ до дерзости, но чудесно послушныхъ въ умныхъ рукахъ, умѣло соединяющихъ ласку со строгостью.

Прежній начальникъ училища, ушедшій изъ него три года назадъ, генералъ Самохваловъ, или, по юнкерски, Епишка, довелъ пристрастіе къ своимъ молодымъ питомцамъ до степени, пожалуй, немного чрезмѣрной. Училищная неписанная исторія сохранила многія преданія объ этомъ взбалмошномъ, почти неправдоподобномъ, почти сказочномъ генералѣ.

Ему ничего не стоило, напримѣръ, нарушить однажды порядокъ торжественнаго парада, который принималъ самъ командующій Московскимъ военнымъ округомъ. Несмотря на распоряженіе приказа, отводившаго мѣсто батальону Александровскаго училища непосредственно позади гренадерскаго корпуса, онъ приказалъ ввести и поставить свой батальонъ

впереди гренадеръ. А на замѣчаніе командующаго парадомъ, онъ отвѣтилъ съ великолѣпной самоувѣренностью:

— Московскіе гренадеры — украшеніе русской арміи, но согласитесь, ваше превосходительство, съ тѣмъ, что юнкера Александровскаго училища, это — московская гвардія.

И онъ настоялъ на своемъ. Неизвѣстно, какъ сошла ему съ рукъ эта самодурская выходка. Впрочемъ, вся Москва любила свое училище, а Епишка, говорятъ, былъ въ милости у Государя Александра III.

Разсказывали о такомъ случаѣ: какой-то пѣхотный подпоручикъ, да еще не московскаго гарнизона, да еще, говорятъ, не особенно трезвый, придрался на улицѣ къ юнкеру - второкурснику, якобы за неправильное отданіе чести и заставилъ его нѣсколько разъ повторить этотъ пріемъ. Собралась глазастая московская толпа. Юнкеръ отъ стыда, отъ оскорбленія и бѣшенства сдѣлалъ чрезвычайно тяжелый дисциплинарный проступокъ. Замѣтивъ проѣзжавшаго легкой рысью лихача на сѣрой лошади, онъ вскочилъ въ пролетку и крикнулъ: «Валяй во всю!» Примчавшись въ училище, потрясенный только что случившейся съ нимъ бѣдою, онъ прибѣжалъ къ Самохвалову и разсказалъ ему подробно все совершившееся съ нимъ. Епишка кричалъ на него благимъ матомъ съ полчаса, а потомъ закаталъ его въ карцеръ, всей полнотой своей грузной начальнической власти, подъ усиленный арестъ. Когда же прибылъ въ училище обиженный пѣхотный подпоручикъ со своею жалобой, Самохваловъ приказалъ выстроить все училище.

— Юнкеръ моего училища, —сказалъ онъ, — не могъ бы совершить такого проступка. Впрочемъ, сдѣлайте милость, вотъ вамъ всѣ мои юнкера. Ищите виновнаго.

Конечно, подпоручикъ, растерявшійся подъ обстрѣломъ четырехсотъ паръ насмѣшливыхъ и недру-

желюбныхъ взглядовъ, не нашелъ своего обидчика, а юнкеръ благополучно избѣгъ отдачи въ солдаты, почти наканунѣ производства.

Много другихъ подобныхъ поблажекъ дѣлалъ Епишка своимъ возлюбленнымъ юнкерамъ. Нерѣдко прибѣгалъ къ нему юнкеръ съ отчаянной просьбой: по всѣмъ отраслямъ военной науки у него баллы душевнаго спокойствія, но преподаватель фортификаціи только и знаетъ, что лѣпитъ ему шестерки и даже пятерки... Не взлюбилъ сироту! И вотъ, въ среднемъ никакъ не выйдетъ девяти, и прощай теперь первый разрядъ, прощай старшинство въ чинѣ...

Тогда Епишка неизмѣнно гналъ юнкера въ карцеръ, оставлялъ на двѣ недѣли безъ отпуска и назначалъ на три внѣочередныхъ дежурства. А потомъ вызывалъ къ себѣ учителя, полковника инженерныхъ войскъ, и ласково, убѣдительно, мягко говорилъ ему:

— Ахъ, полковникъ! Я вѣдь давно позабылъ высокое искусство фортификаціи. Помню какъ сквозь сонъ: Вобана, Тотлебена, ну тамъ, какіе-то барбеты, траверсы, капониры... а вы вѣдь въ этомъ дѣлѣ восходящая звѣзда первой величины. Но согласитесь же, полковникъ: развѣ мой юнкеръ можетъ знать фортификацію меньше, чѣмъ на девять, тѣмъ болѣе, такой отличный юнкеръ? Краса и гордость училища. Увѣряю васъ, онъ будетъ самымъ достойнымъ офицеромъ. Но куда же ему въ инженеры? Тутъ необходимъ талантъ и такая свѣтлая голова, какъ у васъ. Ну, согласитесь же съ тѣмъ, что, скрѣпя сердце, всетаки можно моему юнкеру натянуть на девятку?

И полковникъ соглашался.

— Богъ съ нимъ, съ этимъ сумбурнымъ Епишкой... Ужъ лучше съ нимъ не связываться.

Но странно: юнкерамъ былъ забавенъ Самохваловъ своей закидливостью и своимъ фейерверочнымъ темпераментомъ; цѣнили его преданность училищу и его гордость своими александровцами. Но въ глубинѣ души не любили и не уважали его одну неспра-

ведливую черту. Ублажая и распуская юнкеровъ, онъ съ безпощадной, бурбонской жестокой грубостью обращался съ подчиненными ему офицерами. Необыкновенно тяжелы были его взысканія, налагаемыя на офицеровъ, но еще труднѣе имъ было переносить, въ присутствіи юнкеровъ, его замѣчанія и выговоры, переходящіе порой въ безстыдныя ругательства, оскорблявшія и ихъ, и его честь.

Впрочемъ, на этой почвѣ его ждало тяжелѣйшее возмездіе. Первымъ вышелъ изъ терпѣнія штабсъ-капитанъ Кваліевъ, грузинъ, герой турецкой кампаніи 1877-78 г. г., георгіевскій кавалеръ, тяжело раненый при взятіи Плевны, офицеръ, глубоко почитаемый юнкерами. Послѣ одной изъ безобразныхъ выходокъ Самохвалова Кваліевъ пришелъ къ нему на квартиру и потребовалъ отъ него объясненій (говорятъ, что отъ лица всѣхъ офицеровъ). Въ результатѣ этого свиданія было то, что Самохваловъ оставилъ училище и былъ переведенъ командиромъ бригады на крайній югъ Россіи. Про Кваліева говорили мало и темно. Были вѣсти, что онъ покончилъ впослѣдствіи жизнь самоубійствомъ.

ГЛАВА VII.

ПОДЪ ЗНАМЯ!

На землѣ, а можетъ быть, почемъ знать, и въ цѣломъ мірозданіи, существуетъ одинъ единственный непреложный законъ:

«Все на свѣтѣ должно рано или поздно окончиться, и никто и ничто не избѣжитъ этого велѣнія».

Черезъ мѣсяцъ окончилась казавшаяся безконечной усиленная тренировка фараоновъ на лавкость, быстроту, красоту и точность военныхъ пріемовъ. Наступилъ моментъ, когда строгіе глаза учителей нашли прежнихъ необработанныхъ новичковъ достаточно спѣлыми для высокаго званія юнкера 3-го военнаго Александровскаго училища. Вскорѣ пронеслась между фараонами летучая волнующая вѣсть: «въ эту субботу будемъ присягать!»

Давно пригнанные парадные мундиры спѣшно, въ послѣдній разъ, примѣрялись въ цейхгаузахъ. За тяжелое время непрестанной гоньбы, молодежь какъ будто выросла и осунулась, но уже сама невольно чувствуетъ, что къ ней начинаетъ прививаться та военная прямизна и подтянутость, по которой такъ нетрудно узнать настоящаго солдата даже въ вольномъ платьѣ.

Наступаетъ суббота. Въ этотъ день учебныя и иныя занятія длятся только три часа, только до завтрака. Придя отъ завтрака въ ротныя помѣщенія, юн-

кера находятъ разостланную служителями по постелямъ первосрочную, еще пахнущую портняжной мастерской, одежду.

— Й-ѣ ж-живо одѣваться! — командуетъ Дроздъ. — Й-ѣ, чтобы ни морщинки, ни складочки!

Фельдфебель Рукинъ строитъ роту въ двѣ шеренги.

— Съ Богомъ, — командуетъ Дроздъ.

Всѣ четыре роты, четыреста человѣкъ, неторопливо выливаются на большой внутренній учебный плацъ и выстраиваются въ двухвзводныхъ колоннахъ: на правомъ флангѣ юнкера старшаго курса съ винтовками; на лѣвомъ — первокурсники безъ оружія. Передъ строемъ священники: православный, за аналоемъ, въ золотой ризѣ; католическій, въ черной сутанѣ, съ четырехугольной шапочкой на головѣ; лютеранскій, въ длинномъ, ниже колѣнъ, сюртукѣ, изъ воротника котораго выступаетъ большой бѣлоснѣжный галстукъ; магометанскій мулла въ бѣло-зеленой чалмѣ. У воротъ, ведущихъ въ манежъ и конюшню, расположился училищный оркестръ. Ротные командиры и курсовые офицеры при своихъ ротахъ. Посерединѣ и впереди батальонный командиръ Артабалевскій, по юнкерскому прозвищу Берди-паша, узкоглазый, низко стриженый татаринъ; его скуластое, плотное лицо, его широкая спина и выпуклая грудь кажутся вылитыми изъ какого-то упругаго огнеупорнаго матеріала.

Замѣтивъ издали начальника училища, выходящаго изъ своей квартиры, онъ командуетъ: «смирно, глаза направо!». Начальникъ училища, генералъ Анчутинъ, приближается къ строю. Онъ необыкновенно высокъ, на цѣлую голову выше правофлангового юнкера первой роты и вѣско внушителенъ, пожалуй, даже величественъ. Юнкера его зовутъ «Статуей Командора». И правда, онъ похожъ на Каменнаго гостя, когда изрѣдка, не болѣе пяти-шести разъ въ годъ, онъ проходитъ медленно и тяжело по

училищному квадратному коридору, прямой,какъ башня, похожій на Николая I, именно на портретъ этого императора, что виситъ въ сборномъ залѣ; съ такимъ же высокимъ куполообразнымъ лбомъ, съ такимъ же суровымъ и властнымъ выраженіемъ лица. Съ юнкерами онъ никогда не здоровается вслухъ. Да у него и нѣтъ вовсе голоса, а какое-то слабое сипѣніе.

Подъ Рущукомъ, командуя Ростовскимъ гренадерскимъ полкомъ, онъ былъ раненъ пулей въ горло навылетъ и съ тѣхъ поръ дышетъ черезъ серебряную трубку. За военные подвиги въ Турецкую войну онъ былъ пожалованъ пожизненнымъ ношеніемъ мундира Ростовскаго полка и почетнымъ мѣстомъ начальника Александровскаго училища. При его молчаливо - торжественномъ обходѣ юнкера поочередно дѣлаютъ ему глубокіе придворные поклоны, которымъ ихъ на урокахъ танцевъ безпрестанно учитъ балетмейстеръ Большого театра, Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ. И въ отвѣтъ на эти поклоны, строго выдержанные въ три темпа, Анчутинъ только опускаетъ и подымаетъ вѣки... Впрочемъ, однажды Александрову довелось услышать хоть и очень краткую, но цѣльную рѣчь ростовскаго генерала, которую онъ не забылъ въ теченіе всей своей жизни.

Напрягая всѣ силы испорченныхъ горловыхъ связокъ, замогильнымъ, шипящимъ голосомъ привѣтствуетъ Анчутинъ батальонъ.

— Здравствуйте, юнкера!

Заднимъ совсѣмъ не слышенъ его голосъ; они слѣдятъ за движеніемъ губъ; эта уловка была уже много разъ заранѣе репетирована:

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Анчутинъ слегка, едва замѣтно, киваетъ голо-

вой священникамъ и дѣлаетъ глазами знакъ командиру батальона.

Полковникъ Артабалевскій выходитъ передъ серединой батальона. Азіатское лицо его напрягается.

— Подъ знамя! — командуетъ онъ рѣзкимъ металлическимъ голосомъ и на секунду дѣлаетъ запятую. — Слушааай (небольшая пауза)... На краaa (опять пауза)... — И вдругъ, коротко и четко, какъ ударъ конскаго бича: — ... улъ!

Фараонамъ нельзя поворачивать головъ, но глаза ихъ круто скошены направо, на полубатальонъ второкурсниковъ. Разъ! Два! Три! Три быстрыхъ и ловкихъ дружныхъ пріема, звучащихъ какъ три легкихъ всплеска. Двѣсти штыковъ уперлись прямо въ небо; сверкнувъ серебряными остреями, замерли въ совершенной неподвижности и въ тотъ же моментъ великолѣпный училищный оркестръ грянулъ торжественный, восхищающій души, радостный маршъ.

Знамя показалось высоко надъ штыками, на фонѣ густо-синяго октябрьскаго неба. Золотой орелъ на вершинѣ древка точно плылъ въ воздухѣ, слегка подымаясь и опускаясь въ тактъ шагамъ невидимаго знаменщика.

Знамя остановилось у аналоя. Раздалась команда: — На молитву! Шапки долой! — И затѣмъ послышался негромкій тягучій голосъ батальоннаго священника, отца Иванцова-Платонова:

— Сложите два перста... вотъ такимъ вотъ образомъ, и подымите ихъ вверхъ. Теперь повторяйте за мною слова торжественной военной присяги.

Юнкера зашевелились и сейчасъ же опять замерли съ пальцами, устремленными въ небо.

— Обѣщаюсь и клянусь — произнесъ нараспѣвъ священникъ.

Точно вѣтеръ пробѣжалъ по рядамъ — «обѣщаюсь, обѣщаюсь, клянусь, клянусь, клянусь...»

— Всемогущимъ Богомъ, передъ святымъ Его Евангеліемъ.

И опять по строю пронесся густой, тихій ропотъ:

— Передъ Богомъ, передъ Богомъ...

— Въ томъ, что хощу и долженъ...

Формула присяги, составленная еще Петромъ Великимъ, была длинна, точна и строга. Отъ иныхъ ея словъ становилось жутко.

— Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, передъ Святымъ Его Евангеліемъ, въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, Самодержцу Всероссійскому и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, вѣрно и нелицемѣрно служить, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови, и всѣ къ Высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, исполнять.

Его Императорскаго Величества государства и земель его враговъ, тѣломъ и кровію, въ полѣ и крѣпостяхъ, водою и сухимъ путемъ, въ баталіяхъ, партіяхъ, осадахъ и штурмахъ и въ прочихъ воинскихъ случаяхъ храброе и сильное чинить сопротивленіе и во всемъ стараться споспѣшествовать, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. Объ ущербѣ же Его Императорскаго Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать потщуся и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, а предпоставленнымъ надъ мною начальникамъ во всемъ, что къ пользѣ и службѣ государства касаться будетъ, надлежащимъ образомъ чинить послушаніе и все по совѣсти своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противъ службы и присяги

не поступать; отъ команды и знамени, гдѣ принадлежу, хотя въ полѣ, обозѣ или гарнизонѣ, никогда не отлучаться, но за онымъ, пока живъ, слѣдовать буду и во всемъ такъ себя вести и поступать, какъ честному, вѣрному, послушному, храброму и расторопному офицеру (солдату) надлежитъ. Въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ Всемогущій. Въ заключеніе сей клятвы, цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь».

Но еще страшнѣе были тѣ выдержки изъ регламента, которыя, вслѣдъ за присягою, сталъ вычитывать батальонный адъютанъ, поручикъ Лачиновъ, съ волосами свѣлыми и курчавыми, какъ у барашка. Тутъ перечислялись всевозможные виды поступковъ и преступленій противъ военной дисциплины, противъ знамени и присяги. И послѣ каждой строки, тяжело падали внизъ свинцовыя слова:

— Смертная казнь... Смертная казнь!

Впечатлительный Александровъ успѣлъ уже разъ десять вообразить себя приговореннымъ къ смерти, и волосы у него на головѣ порою холодѣли и дѣлались жесткими, какъ у ежа. Зато очень утѣшили и взбодрили его духъ отрывки изъ Статута ордена св. Георгія Побѣдоносца, возглашенные тѣмъ же Лачиновымъ. Слушая ихъ ушами и героическимъ сердцемъ, Александровъ бралъ, въ воображеніи, редуты, заклепывалъ пушки, отнималъ вражескія знамена, бралъ въ плѣнъ генераловъ...

Затѣмъ юнкера цѣловали поочередно крестъ и Евангеліе и возвращались на свои мѣста.

— На-кройсь! — скомандовалъ Берди-паша. — Подъ знамя, слушай, на кра-улъ!

Знамя было унесено. Церемонія присяги кончилась. Юнкера, строемъ, разошлись по ротнымъ помѣщеніямъ.

Стоя передъ двумя шеренгами первокурсниковъ, Дроздъ говоритъ, слегка покачиваясь взадъ и впередъ на носкахъ.

— Ну-ѣ-вотъ. Вы теперь настоящіе юнкера. Поздравляю васъ.

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе!

— Но всетаки вы-ѣ-не забывайте, что настоящее ваше званіе — солдатъ. Солдатъ есть имя высокое и знаменитое. Первѣйшій генералъ, послѣдній рядовой — то-есть, солдатъ. И потому помните, что за особо важный, противъ дисциплины, поступокъ, — каждый изъ васъ можетъ быть прямо изъ училища отправленъ вовсе не домой къ папѣ, мамѣ, дядѣ и тетѣ, а рядовымъ въ пѣхотный полкъ... Надѣюсь, въ моей ротѣ этого никогда не случится, какъ, впрочемъ, и во всемъ училищѣ почти никогда не случалось... Но помните: за лѣнь, невниманіе, разнузданность, расхлябанкость и особенно за ложь буду — гнать и грѣть безъ всякой пощады. И за унылый видъ — тоже. А теперь, кто хочетъ, могутъ итти въ отпускъ. Явиться завтра дежурному офицеру не позднѣе восьми часовъ вечера. За каждую минуту опозданія — одно лишнее дневальство. На улицѣ держать себя молодцами и кавалерами. Отнынѣ вы — подъ знаменемъ! Разойтись.

*
**

Какъ странно, какъ легко и какъ чудесно ново чувствовалъ себя Александровъ, очутившись на Знаменской улицѣ, на людной и все-таки очень широкой Арбатской площади и, наконецъ, на Поварской, съ ея двухъэтажными прекрасными аристократическими особняками! Натренированныя ноги, дѣлая большіе и увѣренные шаги, точно не касались тротуара. Веселило чувство красиваго, ловко пригнаннаго, туго обтянутаго мундира. Свѣжія тѣсныя бѣлыя перчатки радовали руки и зрѣніе. — «Кому первому придется отдать честь?» — задумалъ Александровъ и тотчасъ же изъ узкаго переулка навстрѣчу ему вышелъ артиллерійскій поручикъ. Александровъ тотчасъ же

быстро приложилъ руку къ безкозыркѣ. Но артиллеристъ, мило улыбнувшись, принялъ честь и сказалъ:

— Опустите руку, господинъ юнкеръ. Ну, что? Я ошибаюсь, или нѣтъ? Вы сегодня принимали присягу? Правда?

— Такъ точно, господинъ поручикъ. Какъ вы могли узнать?

— Ахъ, очень просто. По выраженію лица. Я, какъ увидѣлъ васъ, такъ и сдѣлалъ себѣ такое же лицо, и сразу подумалъ: вотъ такое выраженіе было у меня послѣ присяги. И даже въ томъ же миломъ Александровскомъ училищѣ. Ну, желаю вамъ всего хорошаго. Съ Богомъ!

Они крѣпко пожали другъ другу руки и разошлись въ разныя стороны. «Какой, однако, душка этотъ маленькій артиллеристъ», — съ умиленіемъ подумалъ Александровъ.

Потомъ онъ сдѣлалъ подрядъ двѣ грубыя ошибки. Сталъ — и даже очень красиво сталъ — во фронтъ двумъ генераламъ: но одинъ оказался отставнымъ, а другой интендантскимъ. Первый раза три или четыре торопливо отвѣтилъ юнкеру отданіемъ чести, а второй сказалъ ему густымъ привѣтливымъ басомъ: «Очень радъ, молодой человѣкъ, очень, очень радъ васъ увидѣть и съ вами познакомиться».

Прошелъ мѣсяцъ. Александровское училище давало въ декабрѣ свой ежегодный блестящій балъ, попасть на который считалось во всей Москвѣ большимъ почетомъ. Александровъ послалъ Синельниковымъ три билета (больше не выдавалось). Въ вечеръ бала онъ сильно волновался. У юнкеровъ было взаимное соревнованіе: чьи дамы будутъ красивѣе и лучше одѣты.

Огромный сборный залъ, свободно вмѣщавшій

400 юнкеровъ, былъ обращенъ въ цвѣтникъ, въ тропическій садъ. Ротныя курилки и умывалки обратились въ изящныя дамскія уборныя, знаменитый оркестръ Крейнбринга уже настраивалъ подъ сурдинку инструменты.

Уже въ двадцатый разъ Александровъ перевѣшивался черезъ массивныя дубовыя перила, заглядывая внизъ въ прихожую, застланную краснымъ сукномъ, отыскивая своихъ дамъ, чтобы успѣть помочь имъ раздѣться. И вотъ, наконецъ-то, онѣ. Пулею слетаетъ Александровъ внизъ. Но ихъ только двое — Оля и Люба въ сопровожденіи Петра Ивановича Боброва, какого-то молодого юриста, который живетъ у Синельниковыхъ подъ видомъ дяди и почти никогда не показывается гостямъ. Онъ во фракѣ.

На обѣихъ дѣвочкахъ вязаные пышные капоры: на Олѣ голубой, на Любѣ розовый. Эти капоры новинка. Ихъ только въ нынѣшнемъ году начали носить въ Москвѣ и они такъ же очаровательно идутъ къ юнымъ женскимъ лицамъ, разрумяненнымъ морозомъ, какъ шли когда-то шляпки глубокой кибиточкой, завязанныя широкими лентами. Пахнетъ отъ дѣвочекъ вкусно — (арбузомъ) морозомъ, духами илангъ-илангъ и мѣхомъ шубокъ и свѣжимъ дыханіемъ. Онѣ поправляются передъ огромнымъ зеркаломъ и идутъ за Александровымъ наверхъ.

— А что же Юлія Николаевна? — спрашиваетъ юнкеръ.

— Она очень жалѣетъ, что не можетъ быть у васъ на балу. Она сегодня очень занята. Она поздравляетъ васъ съ праздникомъ и велѣла передать вамъ вотъ этотъ свертокъ. Тамъ подарокъ вамъ на память. Возьмите.

Александровъ провожаетъ дамъ въ обширный залъ. Оркестръ нѣжно, вкрадчиво, заманчиво играетъ Штраусовскій вальсъ. Дамы Александрова производятъ сразу блистательное впечатлѣніе.

Юнкера, какъ пчелы, облѣпляютъ ихъ.

У Александрова остается свободная минутка, чтобы побѣжать въ свою роту, къ своему шкапчику. Тамъ онъ развертываетъ бѣлую бумагу, въ которую заворочена небольшая картонка. А въ картонкѣ на ватной постелькѣ лежитъ фарфоровая голубоглазая куколка. Онъ ищетъ письма. Нѣтъ, одна кукла. Больше ничего.

Онъ возвращается въ залъ. Ольга свободна. Онъ приглашаетъ ее на вальсъ. Гибко, положивъ нагую руку на его плечо и слегка граціозно склонивъ голову, она отдается волшебному ритму вальса, легко кружась въ немъ. Глаза ихъ на мгновенье встрѣчаются. Въ глазахъ ея томное упоеніе.

— Теперь я скажу вамъ о вашей Юліи, — шепчетъ она горячимъ и ароматнымъ духаніемъ. — У насъ сегодня помолвка. Юлія выходитъ замужъ за Покорни.

И самъ Александровъ удивляется своему спокойствію, съ которымъ онъ встрѣчаетъ эту черную вѣсть. Онъ такимъ же горячимъ шепоткомъ говоритъ:

— Дай ей Богъ счастья. Но мнѣ это все равно. Я давно уже и до смерти люблю васъ, Оля.

И она отвѣчаетъ, поправляя свои разбѣжавшіяся кудряшки:

— Ахъ! Если бы я могла этому вѣрить!

И задорно смѣется.

ГЛАВА VIII.

ТОРЖЕСТВО.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ со вступленія Александрова въ бѣлыя стѣны училища. Хотя онъ еще долгое время, какъ юнкеръ младшаго класса, будетъ носитъ общее прозвище «фараонъ» (старшій курсъ, это — господа оберъ-офицеры), но изъ него уже вырабатывается настоящій юнкеръ-александровецъ. Онъ всегда подтянутъ, прямъ, ловокъ и точенъ въ движеніяхъ. Онъ гордится своимъ училищемъ и ревностно поддерживаетъ его честь. Онъ безповоротно увѣренъ, что изъ всѣхъ военныхъ училищъ Россіи, а можетъ быть, и всего міра, Александровское училище самое превосходное. И это убѣжденіе, кажется ему, раздѣляетъ съ нимъ и вся Москва, — Москва, которая такъ пристрастно и ревниво любитъ все свое, въ пику чиновному и холодному Петербургу: своихъ лихачей, протодіаконовъ, пѣвцовъ, актеровъ, кулачныхъ бойцовъ, купцовъ, профессоровъ, пѣвчихъ, поваровъ, архіереевъ и, конечно, своихъ стройныхъ, молодыхъ, всегда прекрасно одѣтыхъ, вѣжливыхъ юнкеровъ со Знаменки, съ ихъ чудеснымъ несравненнымъ оркестромъ.

Живется юнкерамъ весело и свободно. Учиться совсѣмъ не такъ трудно. Профессора — самые лучшіе, какіе только есть въ Москвѣ. Искусство строевой службы доведено до блестящаго совершенства,

но оно не утомляетъ; оно граничитъ со спортивнымъ соревнованіемъ. Правда, его однообразіе чуть-чуть прискучиваетъ, но домашніе парады, съ музыкой, въ огромномъ манежѣ на Моховой, вносятъ и сюда нѣкоторое разнообразіе. А кромѣ того, строевое стараніе педдерживается далекой, сладкой, сказочной мечтою о царскомъ смотрѣ или царскомъ парадѣ. Каждому юнкеру втайнѣ кажется несправедливостью судьбы, что Государь живетъ не въ Москвѣ, а въ Питерѣ. Но объ этомъ не говорятъ.

***

Въ октябрѣ 1888 года по Москвѣ разнесся слухъ о крушеніи Царскаго поѣзда около станціи «Борки». Говорили смутно о злостномъ покушеніи. Москва волновалась. Потомъ изъ газетъ стало извѣстно, что катастрофа чудомъ обошлась безъ жертвъ. Повсюду служились молебны, и на всѣхъ углахъ ругали вслухъ инженеровъ съ подрядчиками. Наконецъ, пришли вѣсти, что Москва ждетъ въ гости Царя и Царскую семью: они пріѣдутъ поклониться древнимъ русскимъ святынямъ.

Всѣ эти слухи и вѣсти проникаютъ въ училище. Юнкера сами не знаютъ, чему вѣрить и чему не вѣрить. Какъ-то нелѣпо-странна, какъ-то уродливо-неправдоподобна мысль, что Государю, вершинной. единственной точкѣ той великой пирамиды, которая зовется Россіей, можетъ угрожать опасность и даже самая смерть отъ случайнаго крушенія поѣзда. Значитъ, выходитъ, что и все существованіе такой необъятно-большой, такой неизмѣримо-могучей Россіи можетъ зависѣть отъ одного развинтившагося дорожнаго болта.

Утромъ, послѣ переклички, фельдфебель Рукинъ читаетъ приказъ: «По велѣнію Государя Императора, встрѣчающія его части Московскаго гарнизона должны быть выведены безъ оружія. По распоряже-

нію коменданта г. Москвы, войска выстроятся шпалерами въ двѣ шеренги, отъ Курскаго вокзала до Кремля. Александровское военное училище займетъ свое мѣсто въ Кремлѣ отъ Золотой рѣшетки до Краснаго крыльца. По распоряженію начальника училища, батальонъ выйдетъ изъ помѣщенія въ 11 час.».

Ровно въ полдень, въ центрѣ Кремля, вдоль длиннаго и широкаго дубоваго помоста, крытаго толстымъ краснымъ сукномъ, выстраиваются четыре роты юнкеровъ 3-го военнаго Александровскаго училища. 400 юношей въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ. Юнкеръ 4-й роты Алексѣй Александровъ стоитъ въ первой шеренгѣ. Царь пройдетъ мимо него въ трехъ-четырехъ шагахъ, ясно видимый, почти осязаемый. Воображенію Александрова «Царь» рисуется золотымъ, въ готической коронѣ, «Государь» — ярко-синимъ съ серебромъ, «Императоръ» — чернымъ съ золотомъ, а на головѣ шлемъ съ бѣлымъ султаномъ.

Ждутъ долго. Вывели за два часа, по необычайному случаю. Еще въ училищѣ свои портупей-юнкера и ротные офицеры осматривали каждаго съ заботливостью матери, отправляющей шестнадцатилѣтнюю дочь на первый балъ. Теперь въ Кремлѣ, нѣтъ-нѣтъ, подойдетъ курсовой офицеръ, одернетъ складку шинели, поправитъ поясную мѣдную бляху съ изображеніемъ пылающей гранаты, надвинетъ еще круче на правый глазъ круглую барашковую шапку съ начищеннымъ двуглавымъ орломъ. Государь, конечно, все замѣтитъ своимъ сверхчеловѣческимъ взоромъ: и недотянутый конецъ башлыка и неровно надѣтую шапку и вздувшуюся складку. Замѣтитъ, но никому не скажетъ, только огорчится на александровцевъ. Сіяетъ надъ Кремлемъ голубое холодное небо. Золото солнца расплескалось на соборныхъ куполахъ, высоко кружатся голуби. Осенній запахъ.

Ожиданіе не томитъ. Всѣ радостно и легко возбуждены. Давно знакомыя молодыя лица кажутся совсѣмъ новыми; такими они стали свѣжими, ясны-

ми и значительными, разрумянившись и похорошѣвъ въ крѣпкомъ осеннемъ воздухѣ.

Въ головѣ какъ шампанское. Скользитъ смутно одна опасливая мысль: такъ необыкновенно, такъ нетерпѣливо волнуютъ эти счастливыя минуты, что, кажется, вдругъ перегоришь въ ожиданіи, вдругъ не хватитъ чего-то у тебя для самаго главнаго, самаго большого.

И вотъ, какое-то внезапное безпокойство, какая-то быстрая тревога пробѣгаетъ по разстроеннымъ рядамъ. Юнкера сами выпрямляются и подтягиваются безъ команды. Ухо слышитъ, что откуда-то справа далеко-далеко раздается и нарастаетъ особый, до сихъ поръ неразличаемый шумъ, подобный гулу лѣса подъ вѣтромъ или прибою невидимаго моря.

Командуютъ «смирно». Выравниваютъ. Опять «смирно». Потомъ на минутку «вольно». Опять «смирно». Позволяютъ размять ноги, не передвигая ступней. Такъ безъ конца. Такъ бываетъ всегда на парадахъ. Но на этотъ разъ изъ юнкеровъ никто не обижается.

Какими словами могъ бы передать юнкеръ Александровъ это медленно наплывающее чудо, которое должно вскорѣ разрѣшиться бурнымъ восторгомъ, это страстное напряженіе души, растущее вмѣстѣ съ приближающимся ревомъ толпы и звономъ колоколовъ. Вся Москва кричитъ и звонитъ отъ радости. Вся огромная, многолюдная, крѣпкая старая царева Москва. Звонятъ и Благовѣщенскій, и Успенскій соборы, и Спасъ за рѣшеткой, и, кажется, загремѣлъ самъ Царь-Колоколъ и загрохотала сама Царь-Пушка!

А когда въ этотъ ликующій звуковой ураганъ вплетаютъ свои веселые мѣдные звуки полковые оркестры, то кажется, что слухъ уже пересыщенъ, — что онъ не вмѣститъ больше.

Но вотъ заигралъ на правомъ флангѣ и ихъ знаменитый училищный оркестръ, первый въ Москвѣ. Въ ту же минуту въ растворенныхъ настежь сквоз-

ныхъ золотыхъ воротахъ, высясь надъ толпою, показывается Царь. Онъ въ свѣтломъ офицерскомъ пальто, на головѣ круглая низкая барашковая шапка. Онъ величественъ. Онъ заслоняетъ собою все окружающее. Онъ весь до такой степени исполненъ нечеловѣческой мощи, что Александровъ чувствуетъ, какъ гнется подъ его шагами массивный дубъ помоста.

Царь все ближе къ Александрову. Сладкій острый восторгъ охватываетъ душу юнкера и несетъ ее вихремъ, несетъ ее ввысь. Быстрыя волны озноба бѣгутъ по всему тѣлу и приподымаютъ ежомъ волосы на головѣ. Онъ съ чудесной ясностью видитъ лицо Государя, его рыжеватую густую, короткую бороду, соколиные размахи его прекрасныхъ союзныхъ бровей. Видитъ его глаза, прямо и ласково устремленные въ него. Ему кажется, что въ теченіе минуты ихъ взгляды не расходятся. Спокойная, великая радость, какъ густой золотой потокъ, льется изъ его глазъ.

Какія блаженныя, какія возвышенныя, навѣки незабываемыя секунды! Александрова точно нѣтъ. Онъ растворился какъ пылинка въ общемъ многомилліонномъ чувствѣ. И въ то же время онъ постигаетъ, что вся его жизнь и воля, какъ жизнь и воля всей его многомилліонной родины, собралась точно въ фокусѣ въ одномъ этомъ человѣкѣ, до котораго онъ могъ бы дотянуться рукой, собралась и получила непоколебимое, единственное желѣзное утвержденіе. И оттого-то рядомъ съ воздушностью всего своего существа онъ ощущаетъ волшебную силу, сверхъестественную возможность и жажду безпредѣльнаго жертвеннаго подвига.

Около Государя идетъ Наслѣдникъ. Александровъ знаетъ, что Наслѣдникъ на цѣлый годъ старше его, но рядомъ съ отцомъ Цесаревичъ кажется худенькимъ стройнымъ мальчикомъ. Это сопоставленіе великолѣпнаго тяжкаго мужского могущества съ отроческой гибкой слабостью на мгновеніе прони-

зываетъ сердце юнкера теплой, чуть-чуть жалостливой нѣжностью.

Теперь онъ не упускаетъ изъ вида спины Государя, но острый взглядъ въ то же время щелкаетъ своимъ вѣрнымъ фотографическимъ аппаратомъ. Вотъ Царица. Она вовсе маленькая, но какая изящная. Она быстро кланяется головой въ обѣ стороны, ея темные глаза влажны, но на губахъ легкая милая улыбка.

Видитъ онъ еще двухъ великихъ княженъ. Одна постарше, другая почти дѣвочка. Обѣ въ чемъ-то свѣтломъ. У обѣихъ изъ-подъ шляпокъ падаютъ до бровей обрѣзанные прямой чолочкой волосы. Младшая смѣется, блеститъ глазами и зажимаетъ уши: оглушительно кричатъ юнкера славнаго Александровскаго училища.

Но вотъ и проходитъ волшебное сновидѣніе. Какъ черезчуръ быстро! У всѣхъ юнкеровъ бурное напряженіе смѣняется тихой счастливой усталостью. Души и тѣла пріятно распускаются. Идутъ домой подъ звуки рѣзваго, бодраго марша. Кто-то говоритъ въ рядахъ:

— Государь все время на меня глядѣлъ, когда проходилъ мимо. Я думаю, цѣлыхъ полминуты.

Другой отзывается:

— А на меня, пожалуй, цѣлую минуту.

Александровъ же думаетъ про себя:

«Говорите, что хотите, а на меня Царь глядѣлъ не отрываясь цѣлыхъ двѣ съ половиной минуты. И маленькая княжна взглянула, смѣясь. Какая она прелесть!

Во дворѣ училища командиръ батальона, полковникъ Артабалевскій, онъ же Берди-паша, задерживаетъ на самое короткое время юнкеровъ въ строю.

— Конечно, великое счастье узрѣть Его Импе-

раторское Величество Государя Императора, Всерос сійскаго Монарха. Однако, никакъ нельзя высовы вать впередъ головы и разрознивать этимъ равне ніе... Государь пожаловалъ намъ два дня отдыха Ура Его Императорскому Величеству!

ГЛАВА IX.

СВОЙ ДОМЪ.

Проходятъ дни, проходятъ недѣли... Юнкеръ 4-ой роты, 1-го курса 3-го военнаго Александровскаго училища Александровъ понемногу, незамѣтно для самого себя, втягивается въ повседневную казарменную жизнь, съ ея точнымъ размѣреннымъ укладомъ, съ ея внутренними законами, традиціями и обычаями, съ привычными, давнишними шутками, пѣснями и проказами. Недавняя торжественная присяга какъ бы стерла съ молодыхъ фараоновъ послѣдніе слѣды ребяческаго, полуштатскаго кадетства, а парадъ въ Кремлѣ у Краснаго Крыльца объединилъ всѣхъ юнкеровъ въ духѣ самоувѣренности, военной гордости, радостной жертвенности, и уже для него училище дѣлалось «своимъ домомъ», и съ каждымъ днемъ онъ находилъ въ немъ новыя, маленькія прелести. Разрѣшалось курить въ свободное время между занятіями. Для этого въ каждой ротѣ полагалась отдѣльная курилка: признаніе юнкерской взрослости. Послѣ обѣда можно было посылать служителя за пирожными въ сосѣднюю булочную Савостьянова. Изъ отпуска нужно было приходить секунда въ секунду, въ 8½ часовъ, но стоило заявить о томъ, что пойдешь въ театръ, — отпускъ продолжается до полуночи. По большимъ праздникамъ юнкеровъ, оставшихся въ училищѣ, часто возили въ циркъ, въ те-

атръ и на балы. Отношенія съ начальствомъ утверждались на правдивости и широкомъ взаимномъ довѣріи. Любимчиковъ не было, да ихъ и не потерпѣли бы. Случались офицеры слишкомъ строгіе, придирчивые трынчики, слишкомъ скорые на большія взысканія. Ихъ терпѣли какъ Божью кару и травили въ ядовитыхъ пѣсняхъ. Но никогда ни одинъ начальникъ не рѣшался закричать на юнкера или оскорбить его словомъ. Тутъ щетинилось все училище.

Помѣщеніе училища (бывшаго дворца богатаго вельможи) было, пожалуй, тѣсновато для четырехъ сотъ юнкеровъ въ возрастѣ отъ 18-ти до 20-ти лѣтъ, и для всѣхъ ихъ потребностей. Въ серединѣ полутораэтажнаго зданія училища находился большой, крѣпко утрамбованный четырехугольный учебный плацъ. Со всѣхъ сторонъ на него выходили высокія крылья четырехъ ротныхъ помѣщеній. Впослѣдствіи Александрова часто удивляла и даже порою казалась невѣроятной вмѣстительность и емкость училищнаго зданія, казавшагося снаружи такимъ скромнымъ. Между третьей и четвертой ротами вмѣщался обширный сборный залъ, легко принимавшій въ себя весь наличный составъ училища, между первой и второй ротами — восемь аудиторій, гдѣ читались лекціи, и четыре большихъ комнаты для репетицій. Въ верхнемъ этажѣ были еще: домашняя церковь, больница, химическая лабораторія, баня, гимнастическій и фехтовальный залы.

Въ нижнемъ полуэтажѣ жилъ офицерскій составъ: холостые съ денщиками, женатые съ семьями и прислугой, четверо ротныхъ командировъ, инспекторъ классовъ, батальонный командиръ, начальникъ училища, батальонный адъютантъ, священникъ съ причтомъ, докторъ съ фельдшерами. Была, конечно, и многолюдная канцелярія. Но никто не зналъ, гдѣ она находится. Также неизвѣстно было юнкерамъ, гдѣ и какъ существуютъ люди, обслуживающіе ихъ жизнь: всѣ эти прачки, полотеры, музыканты, лам-

повщики, служителя, портные, дворники, швейцары, истопники и повара. Вслѣдствіе такого обилія людей, всюду чувствовалась нѣкоторая сжатость. Учить лекціи и дѣлать чертежи приходилось въ спальнѣ, сидя бокомъ на кровати и опираясь локтями на ясеневый шкапчикъ, гдѣ лежала обувь и туалетныя принадлежности. По ночамъ тяжеловато было дышать и приходилось открывать форточки на улицу. Но — пустяки! Все переносила весело крѣпкая молодежь, и лазаретъ всегда пустовалъ, развѣ изрѣдка — ушибъ или вытяженіе жилы на гимнастикѣ, или, еще рѣже, такая болѣзнь, о которой почему-то не принято говорить.

Какъ всегда во всѣхъ тѣсныхъ общежитіяхъ, такъ и у юнкеровъ не переводился — большей частью невинный, но порою и жестокій — обычай давать летучія прозвища начальству и сосѣдямъ. Къ этой языкатой травлѣ очень скоро и пріучился Александровъ.

Первая рота, которая нарочно подбиралась изъ молодежи высокаго роста и выдающейся стройности, носила официальное названіе роты Его Императорскаго Величества, и, въ отличіе отъ другихъ, имѣла серебряный вензель на мундирныхъ погонахъ. Упрощенный ея титулъ былъ: жеребцы Его Величества.

Ею командовалъ капитанъ Алкалаевъ - Калагеоргій, но юнкера какъ будто и знать не хотѣли этого стараго боевого громкаго имени. Для нихъ онъ былъ только Хухрикъ, а немного презрительнѣе — Хухра.

Никто изо всѣхъ юнкеровъ училища не сумѣлъ бы объяснить, что означаетъ это загадочное слово — Хухрикъ: маленькаго ехиднаго звѣрька, или мѣхъ, или какое-то колючее растеніе, или злотворный настой, или особую болѣзнь вродѣ чирія. Однако, съ этимъ прозвищемъ была связана маленькая легенда. Однажды батальонъ Александровскаго училища, на

пробномъ маневрѣ, совершалъ очень длинный и тяжелый переходъ. Юнкера со скатанными шинелями и съ ранцами съ полной выкладкой, шанцевымъ инструментомъ и частями разборныхъ палатокъ, — чуть не падали отъ зноя, усталости и жажды. Запотѣлыя ихъ лица, густо покрытыя черноземной мягкой пылью, были черны, какъ у негровъ, и такъ же, какъ у негровъ, блестѣли на нихъ покраснѣвшіе глаза и сверкали бѣлые крѣпкіе зубы.

Наконецъ-то, долгожданный привалъ. «Стой. Составь ружья. Оправиться!» раздается въ головѣ колонны команда и передается изъ роты въ роту. Богатая подмосковная деревня. Зелень садовъ и огородовъ, освѣжающая близость воды. Крестьянскія бабы и дѣвушки высыпаютъ на улицу и смѣются. Охотно таскаютъ воду изъ холоднаго колодца, даютъ юнкерамъ вволю напиться; льютъ и плескаютъ воду имъ на руки, обмыть горячія лица и грязныя физіономіи. Притащили яблокъ, сливъ, огурцовъ, сладкаго гороха, суютъ въ руки и карманы. Веселый смѣхъ, непринужденныя шутки и прикосновенія. Всегдашняя извѣчная сказочная симпатія къ солдату и жалость къ трудности его подневольной службы:

— И какъ это вы, бѣдные солдатики, страдаете? Жарища-то, смотри, кака адова, а вы въ своей кислой шерсти, и ружья у васъ каки тяжеленныя. Намъ не вподьемъ. На-ко, на-ко, солдатикъ, возьми еще яблочко, полегче станетъ.

Конечно, эта ласка и «жаль» относилась большей частью къ юнкерамъ первой роты, которые оказывались и ростомъ попримѣтнѣе, и наружностью по краше. Но командиръ ея Алкалаевъ почему-то вознегодовалъ и вскипѣлъ. Неизвѣстно, что нашелъ онъ предосудительнаго въ свободномъ ласковомъ обращеніи веселыхъ юнкеровъ и развязныхъ крестьянокъ на открытомъ воздухѣ, подъ пылающимъ небомъ: нарушеніемъ ли какого-нибудь параграфа военнаго

устава, или порчу моральныхъ устоевъ? Но онъ защетинился и забубнилъ.

— Сейчасъ же по мѣстамъ, юнкера. Къ винтовкамъ. Стоять вольно-а, рядовъ не разравнивать!

— Таратовъ, чему вы смѣетесь? Лишнее дневальство! Фельдфебель, запишите!

Потомъ онъ накинулся было на ошалѣвшихъ крестьянокъ.

— Чего вы тутъ столпились? Чего не видали? Это вамъ не балаганъ. Идите по своимъ дѣламъ, а въ чужія дѣла нечего вамъ соваться. Ну, живо, кыш-кыш-кышъ!

Но тутъ сразу взъерепенилась крѣпкая, красивая, румяная сквозь веснушки языкатая бабенка:

— А тебѣ что нужно? Ты намъ что за генералъ? Тоже кышкаетъ на насъ, какъ на куръ! Ишь ты, хухрикъ несчастный! — И пошла, и пошла... до тѣхъ поръ, пока Алкалаевъ не обратился въ позорное бѣгство. Но все-таки мѣтче и ловче словечка, чѣмъ хухрикъ, она въ своемъ обширномъ словарѣ не нашла. Можетъ быть, она вдохновенно родила его тутъ же на мѣстѣ столкновенія?

— И въ самомъ дѣлѣ, — думалъ иногда Александровъ, глядя на случайно проходившаго Калагоргія. — Почему этому человѣку, худому и длинному, со впадинами на щекахъ и на вискахъ, съ пергаментнымъ цвѣтомъ кожи и съ навсегда унылымъ видомъ, не пристало бы такъ клейко никакое другое прозвище? Или это свойство народнаго языка, мгновенно изобрѣтать такія ладныя словечки?

Курсовыми офицерами въ первой ротѣ служили Добронравовъ и Рославлевъ, поручики. Первый почему-то казался Александрову похожимъ на Добролюбова, котораго онъ когда-то пробовалъ читать (какъ писателя запрещеннаго), но отъ скуки не дотянулъ и до четверти книги. Рославлевъ же былъ увѣковѣченъ въ прощальной юнкерской пѣснѣ, яв-

лявшейся плодомъ коллективнаго юнкерскаго творчества, такимъ четверостишіемъ:

Прощай, Володька, чортъ съ тобою,
Развратникъ, пьяница, игрокъ.
Недаромъ данъ самой судьбою
Тебѣ хроническій порокъ.

Этотъ Володька былъ великъ ростомъ и дороденъ. Портили его массивную фигуру ноги, расходившіяся въ колѣняхъ наружу, иксомъ. Разсказывали про него, что однажды онъ, на пьяное пари, остановилъ ечкинскую тройку на ходу, голыми руками. Онъ былъ добръ и не придирчивъ, но симпатіями у юнкеровъ не пользовался. Изъ ложнаго молодчества и чтобы подольститься къ молодежи, онъ часто употреблялъ грязныя, похабныя выраженія, а этого юнкера въ частномъ обиходѣ не терпѣли, допуская непечатныя слова въ прощальную пѣсню, называвшуюся также звѣріадой. Надо сказать, что это заглавіе было плагіатомъ. Оно какими-то невѣдомыми путями докатилось въ бѣлый домъ на Знаменкѣ изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, гдѣ существовало со временъ Лермонтовскаго юнкерства.

Московская звѣріада вдохновлялась музою хромой и неизобрѣтательной, домашняя же ея поэзія была суковатая...

Володька Рославлевъ прервалъ свою начальственно - педагогическую дѣятельность передъ Японской войною, поступивъ въ московскую полицію.

Вторую роту звали звѣрями. Въ нее какъ будто спеціально поступали юноши крѣпко и широко сложенные, также рыжіе и съ нѣкоторою корявостью. Большинство носило усики, усы и даже усищи. Была и молодежь съ короткими бородами (времена были Александра Третьяго).

Отличалась она серьезностью, малой способностью къ шуткѣ и какой-то (казалось Александрову)

нелюдимостью. Но зато ея юнкера были отличные фронтовики, на парадахъ и батальонныхъ ученіяхъ держали шагъ твердый и тяжелый, отъ котораго сотрясалась земля. Командовалъ ею капитанъ Клоченко, ничѣмъ не замѣчательный, аккуратный службистъ, большой, морковнорыжій и молчаливый. Звѣріада ничего не могла про него выдумать остраго, кромѣ слѣдующей грубой и мутной строфы:

Прощай, Клоченко, рыжій песъ,
Съ своею рожею ехидной.
Умомъ до насъ ты не доросъ,
Хотя мужчина очень видный.

Почему здѣсь состязаніе въ умахъ — непонятно. А ехидности въ наружности Клоченки никакой не наблюдалось. Простое, широкое, голубоглазое (какъ часто у рыжихъ) лицо примѣрнаго армейскаго штабъ-офицера, съ привычной служебной скукой и со спокойной холодной готовностью къ исполненію приказаній.

Курсовымъ офицеромъ служилъ капитанъ Страдовскій, по-юнкерски — Страделло, прибывшій въ училище изъ Императорскихъ стрѣлковъ. Былъ онъ всегда добръ и ласково-веселъ, но говорилъ немного. Напускъ на шароварахъ доходилъ у него до сапожныхъ носковъ.

Былъ онъ малъ ростомъ, но вовсемъ Московскомъ военномъ округѣ не находилось ни одного офицера, который могъ бы состязаться со Страдовскимъ въ стрѣльбѣ изъ винтовки. Къ тому же онъ рубился на эспадронахъ какъ самъ панъ Володыевскій изъ романа «Огнемъ и мечомъ» Генриха Сенкевича, и даже его малорослость не мѣшала ему побѣждать противниковъ.

Уже одного изъ этихъ богатыхъ даровъ достаточно было бы, чтобы пріобрѣсти молчаливую любовь всего училища.

Третья рота была знаменная. При ней числилось батальонное знамя. На смотрахъ, парадахъ, встрѣчахъ, крещенскомъ водосвятіи и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ оно находилось при 3-ей ротѣ. Обыкновенно же оно хранилось на квартирѣ начальника училища.

Знаменная рота всегда на виду, и на нее во время торжествъ устремляются зоркіе глаза высшаго начальства. Потому-то она и составлялась (особенно передняя шеренга) изъ юношей съ наиболѣе красивыми и привлекательными лицами. Красивѣйшій же изъ этихъ избранныхъ красавцевъ и, непремѣнно, портупей-юнкеръ, имѣлъ высочайшую честь носить знамя и называться знаменщикомъ. Въ томъ году, когда Александровъ поступилъ въ училище, знаменщикомъ былъ Кенигъ, его однокорпусникъ, старше его на годъ.

Въ домашнемъ будничномъ обиходѣ третья рота называлась «мазочки» или «дѣвочки». Ею уже давно командовалъ капитанъ Ходневъ, неизвѣстно когда, кѣмъ и почему прозванный Варварой, — смуглый, черноволосый, осанистый офицеръ, никогда не смѣявшійся, даже не улыбнувшійся ни разу; машина изъ стали, заведенная однажды на всю жизнь, человѣкъ безъ чувствъ, съ однимъ только долгомъ. Говорилъ онъ четкимъ, пріятнаго тембра баритономъ и замѣтно въ носъ. Ни разу никто не видѣлъ его сердитымъ, и ни разу онъ не повысилъ голоса. Передавалъ ли онъ, по обязанности, похвалу юнкеру, или наказывалъ его — все равно, тонъ Варвары звучалъ одинаково точно и безстрастно. Его не то чтобы боялись, но никому и въ голову не приходило ослушаться его одного стального, магнетическаго взора. Такихъ вотъ людей умѣлъ живописать краткими рѣзкими штрихами покойный Викторъ Гюго. И юнкера въ своей звѣріадѣ, по невольному чутью, сдержали обычную словоохотливость.

Прощай, Варвара-командиръ,
Учитель правилъ и сноровокъ.
Теперь надѣли мы мундиръ,
Не надо намъ твоихъ муштровокъ.

Изъ куросвыхъ офицеровъ 3-ей роты, поручикъ Темирязевъ, красивый, стройный свѣтскій человѣкъ, былъ любимцемъ роты и всего училища, и лучше всѣхъ юнкеровъ фехтовалъ на рапирахъ. Впрочемъ, и съ самимъ волшебникомъ эскрима, великимъ Пуарэ, онъ нерѣдко кончалъ бой съ равными количествами очковъ.

Но другой курсовой представлялъ собою какое-то печальное, смѣшное, вздорное и случайное недоразумѣніе. Онъ былъ поразительно малъ ростомъ, гораздно меньше самаго лѣвофланговаго юнкера 4-ой роты, и притомъ коротконогъ. Въ довершеніе, онъ былъ толстъ, и шея у него сливалась съ подбородкомъ. Благодаря тѣсному мундиру, лицо его имѣло багрово-красный цвѣтъ. Фамилія его была хорошая и очень извѣстная въ Москвѣ — Дубышкинъ. Но вотъ онъ и остался навѣки Пупомъ, и даже въ звѣріадѣ о немъ не было упомянуто ни слова. Съ него достаточно было одного прозвища — Пупъ.

Пупъ не былъ злымъ, а скорѣе мелкимъ по существу. Но былъ онъ необычайно, непомѣрно для своего ничтожнаго роста вспыльчивъ и честолюбивъ. Говоря съ начальствомъ, или сердясь на юнкеровъ, онъ совсѣмъ становился похожимъ на индюка: такъ же онъ надувался, краснѣлъ до лиловаго цвѣта, шипѣлъ и, теряя волю надъ словомъ, болботалъ путаную ерунду. Въ тѣ дни, когда Александровъ учился на первомъ курсѣ, — у всѣхъ старыхъ юнкеровъ пошла повальная мода пускать Пупу ракету. Кто-нибудь выдумывалъ смѣшную глупость, напримѣръ: «Когда я былъ маленькимъ, я спалъ въ папашиной галошѣ», или «Ваше превосходительство, юнкеръ Пистолетовъ носомъ застрѣлился», или еще: «Рѣши-

тельно все равно: что призма и что клизма — это все изъ одной мифологіи и т. д.» Этотъ вздоръ авторъ громко выкрикивалъ, подражая индюшечьему голосу Дубышкина и тотчасъ же принимался со всей силой легкихъ выдувать сплошной шипящій звукъ. Полагалось, что это взлетѣла ракета, а чтобы ея летъ казался еще правдоподобнѣе, пиротехникъ трясъ передъ губами ладонью, заставляя звукъ вибрировать. Наконецъ, достигнувъ предѣльной высоты, ракета громко взрывалась: — Пупъ!

Надо сказать, что этотъ злой фейерверкъ пускался всегда съ такимъ расчетомъ, чтобы Пупъ его услышалъ. Онъ слышалъ, злился, портилъ себѣ кровь и характеръ и, въ сущности, нельзя было понять, за что взрослые балбесы травятъ несчастнаго смѣшного человѣка.

Четвертая рота, въ которой имѣлъ честь служить и учиться Александровъ, звалась... т. е. она называлась... ея прозваніе, за малый ростъ, было грубо по смыслу и оскорбительно для слуха. Ни разу Александровъ не назвалъ его никому постороннему, ни даже сестрамъ и матери. 4-ую роту звали... «блохи». кличка несправедливая: въ самомъ малоросломъ юнкерѣ было все-таки не меньше двухъ аршинъ съ четырьмя вершками.

Но существуетъ во всей живущей, никогда не умирающей міровой природѣ какой-то удивительный и непостижимый законъ, по которому заживаютъ самыя глубокія раны, сростаются грубо разрубленные члены, проходятъ тяжкія инфекціонныя болѣзни и, что еще поразительнѣе — сами организмы, въ теченіе многихъ лѣтъ вырабатываютъ средства и орудія для борьбы со злѣйшими своими врагами.

Не по этому ли благодѣтельному инстинктивному закону 4-ая рота Александровскаго училища, съ незапамятныхъ временъ, упорно стремилась перегнать прочія роты во всемъ, что касалось ловкости, силы, изящества, быстроты, смѣлости и неутомимо-

сти. Ея юнкера всегда бывали первыми въ плаваніи, въ верховой ѣздѣ, въ прыганьи черезъ препятствія, въ бѣгѣ на большія дистанціи, въ фехтованіи на рапирахъ и эспадронахъ, въ рискованныхъ упражненіяхъ на кольцахъ и турникахъ и въ подтягиваніи всего тѣла вверхъ на одной рукѣ. И надо еще сказать, что всѣ они были страстными поклонниками цирковаго искусства и нерѣдко почти всей ротой встрѣчались въ субботу вечеромъ на граденѣ цирка Саломонскаго, что на Цвѣтномъ бульварѣ. Ихъ тянули къ себѣ, восхищали и приводили въ энтузіазмъ тѣ необычайные акробатическіе трюки, которые на ихъ глазахъ являлись чудеснымъ преодолѣніемъ какъ земной тяжести, такъ и инертности человѣческаго тѣла.

Ближайшее ротное начальство относилось къ этому увлеченію высшей гимнастикой не съ особеннымъ восторгомъ. Дроздъ всегда опасался того, что отъ злоупотребленія ею бываютъ неизбѣжные ушибы, поломы, вывихи и растяженія жилъ. Курсовой офицеръ Николай Васильевичъ Новоселовъ, прозванный за свое исключительное знаніе всевозможныхъ военныхъ указовъ, наказовъ и правилъ «уставчикомъ», ворчалъ недовольнымъ голосомъ, созерцая какую-нибудь «чортову мельницу»: «И зачѣмъ? И для чего? Въ наставленіи объ обученіи гимнастикѣ ясно указаны всѣ необходимыя упражненія. А военное училище вамъ не балаганъ, и привилегированные юнкера — вовсе не клоуны».

Второй курсовой офицеръ Бѣловъ только покачивалъ укоризненно головой, но ничего не говорилъ. Впрочемъ, онъ всегда былъ молчаливъ. Онъ вывезъ съ Русско-Турецкой войны свою жену, болгарку — даму неописуемой, изумительной красоты. Юнкера ее видѣли очень рѣдко, раза два-три въ годъ, не болѣе, но всѣ поголовно и молча преклонялись передъ нею. Оттого и личность ея супруга считалась неприкосновенной, окруженная чарами всеобщаго табу.

Къ толстому безмолвному Бѣлову не прилипло ни одно прозвище, а на красавицу, по общему неписанному и несказанному закону, положено было долго не засматриваться, когда она проходила черезъ плацъ или по Знаменкѣ. Также запрещалось и говорить о ней.

Рыцарскіе обычаи.

ГЛАВА X.

ВТОРАЯ ЛЮБОВЬ.

Конечно, самый главный, самый волнующій визитъ новоиспеченнаго юнкера Александрова предназначался въ семью Синельниковыхъ, которые давно уже переѣхали съ лѣтней дачи въ Москву, на Гороховую улицу, близъ Земляного Вала, въ двухъ шагахъ отъ крашенаго въ фисташковый цвѣтъ Константиновскаго Межевого Института. Давно влюбленное сердце юноши горѣло и нетерпѣливо рвалось къ ней, къ волоокой богинѣ, къ несравненной, единственной, прекрасной Юленькѣ. Показаться передъ нею не жалкимъ мальчикомъ-кадетомъ, въ неуклюже пригнанномъ пальто, а стройнымъ, ловкимъ юнкеромъ славнаго Александровскаго училища, взрослымъ молодымъ человѣкомъ, только что присягнувшимъ подъ батальоннымъ знаменемъ на вѣрность вѣрѣ, царю и отечеству — вотъ была его сладкая, тревожная и боязливая мечта, овладѣвавшая имъ каждую ночь передъ паденіемъ въ сонъ, въ тѣ краткія мгновенья, когда такъ рельефно встаетъ и видится недавнее прошлое...

Бѣлыя замшевыя тугія перчатки на рукахъ; барашковая шапка съ золотымъ орломъ лихо надвинута на правую бровь; лакированные блестящіе сапоги; холодное оружіе на лѣвомъ боку; отлично сшитый мундиръ, ладно, крѣпко и весело облегающій весь

корпусъ; бѣлые погоны съ краснымъ витымъ вензелемъ А II, золотые широкіе галуны; а — главное — инстинктивное сознаніе своей восемнадцатилѣтней счастливой ловкости и легкости и той самоувѣренной жизнерадостности, передъ которой послушно развертывается весь міръ, — развѣ всѣ эти побѣдоносныя данныя не тронутъ, не смягчатъ сердце суровой и холодной красавицы?.. И все-таки онъ съ невольной ребяческой робостью отдалялъ и отдалялъ день и часъ свиданія съ нею.

Онъ до сихъ поръ не могъ ни понять, ни забыть, спокойныхъ дѣловыхъ словъ Юленьки, въ моментъ разставанія, тамъ, въ Химкахъ, въ канарееечномъ уголку между шкафомъ и піанино, гдѣ они такъ часто и такъ подолгу цѣловались и откуда выходили потомъ съ красными пятнами на лицахъ, съ блестящими глазами, съ порывистымъ дыханіемъ, съ кружащейся головой и съ растрепанными волосами.

Прощаясь, она отвела его руку и сказала голосомъ наставницы:

— Забудемъ эти глупыя шалости лѣтняго сезона. Теперь мы обое стали большими и серьезными.

И протягивая ему руку, она сказала:

—Останемся же добрыми друзьями.

Но почему же этотъ жестокій, оскорбительный ударъ былъ такъ непредвидѣнно внезапенъ? Еще три дня назадъ, вечеромъ, они сидѣли въ густой пахучей березовой рощѣ и она сказала тихо:

— Тебѣ такъ неудобно. Положи голову мнѣ на колѣни.

Ахъ, никогда въ жизни онъ не позабудетъ, какъ его щека ощутила шершавое прикосновеніе тонкаго и теплаго молдаванскаго полотна, и подъ нимъ мраморную гладкость, крѣпкаго женскаго бедра. Онъ сталъ цѣловать сквозь матерію эту мощную и нѣжную ногу, а Юлія, точно въ испугѣ, горячо и быстро шептала:

— Нѣтъ... Такъ не надо... Такъ нельзя.

И въ это время гладила ему волосы и прижимала его *губы* къ своему тѣлу.

А развѣ можетъ когда-нибудь изгладиться изъ памяти Александрова, какъ иногда, во время бѣшено крутящагося вальса, Юлія, томно закрывши глаза, вся приникала вплотную къ нему и онъ чувствовалъ черезъ влажную рубашку живое, упругое прикосновеніе ея крѣпкой дѣвической груди и легкое щекотаніе ея маленькаго твердаго соска... О, волшебная власть воспоминаній! А теперь Юлія говоритъ, точно старая дѣва, точно классная учительница: «Ахъ, будемте друзьями». Въ знойный день человѣкъ изнываетъ отъ жары и жажды. Губы, ротъ и гортань у него засохли. А ему вдругъ, вмѣсто воды, даютъ совѣтъ: положи камешекъ въ ротъ: это обманываетъ жажду.

Но почему же это отчужденіе и этотъ спокойный холодъ? Это благоразуміе изъ прописи? Можетъ быть, онъ надоѣлъ ей? Можетъ быть, она влюбилась въ другого? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Александровъ былъ для нея только дразнящей лѣтней игрушкой, тѣмъ, что теперь начинаетъ называться страннымъ чужимъ словомъ — флиртъ? И, вѣроятно, никогда бы она не согласилась выйти замужъ за пѣхотнаго офицера, у котораго кромѣ жалованья — 43 рубля въ мѣсяцъ — нѣтъ больше рѣшительно никакихъ доходовъ. Правда, она прогнала отъ себя долговязаго, быстроногаго Покорни, но мало ли еще въ Москвѣ богатыхъ жениховъ, и вотъ, въ ожиданіи одного изъ нихъ, она рѣшила сразу прекратить полуневинную, полудѣтскую забаву.

Но можетъ быть и то, что мать трехъ сестеръ Синельниковыхъ, Анна Романовна, очень полная, очень высокая и, до сихъ поръ, еще очень красивая дама узнала какъ нибудь объ этихъ воровскихъ поцѣлуйчикахъ и задала Юленьку хорошую нахлобучку? Недаромъ же она въ послѣдніе химкинскіе дни

была какъ будто суха съ Александровымъ; или это только теперь ему кажется?

Конечно, всего скорѣе могла донести матери младшая дочка, четырнадцатилѣтняя лупоглазая Любочка, большая егоза и ябедница, шантажистка и вымогательница. Зоркіе ея глаза видѣли сквозь стѣны, а съ ней, какъ съ «маленькой», мало стѣснялись. Когда старшія сестры не брали ее съ собой на прогулку, когда ей необходимо было выпросить у нихъ ленточку, она, уставъ клянчить, всегда прибѣгала къ самому ядовитому пріему: многозначительно кивала головой, загадочно чмокала языкомъ и говорила протяжно:

— Хо-ро-шо-же. А я мамѣ скажу.

— Что ты скажешь, дура? Никто тебѣ не повѣритъ. Мы сами скажемъ, что ты съ гимназистомъ Чўлковымъ цѣловалась въ курятникѣ.

— И никто вамъ не повѣритъ, потому что я маленькая, а мнѣ всѣ повѣрятъ, потому что устами младенцевъ сама истина глаголетъ... Что, взяли?

Въ концѣ концовъ, она добивалась своего: получала пятачокъ и ленту и, скучая, тащилась за сестрами по пыльной дорогѣ.

Вотъ эта то стрекоза и могла наболтать о томъ, что было, и о томъ, чего не было. Но какой стыдъ, какой позоръ для Александрова! Воспользоваться дружбой и гостепріимствомъ милой, хорошей семьи, уважаемой всей Москвой, и внести въ нее потаенный развратъ... Нѣтъ, ужъ теперь къ Синельниковымъ нельзя и глазъ показать и даже квартиру ихъ на Гороховой надо обѣгать большимъ крюкомъ, подобно неудачливому вору.

И какъ же удивленъ, потрясенъ и обрадованъ былъ юнкеръ Александровъ, когда въ концѣ октября онъ получилъ отъ самой Анны Романовны письмецо такого крошечнаго размѣра, который заставилъ невольно вспомнить о ея рыхломъ тучномъ тѣлѣ.

«Дорогой Алексѣй Николаевичъ (не рѣшаюсь

назвать Алешей юнкера Александровскаго училища, гдѣ, кстати, имѣлъ счастіе учиться покойный мужъ). Что вы забыли вашихъ старыхъ друзей? Приходите въ любую субботу, и, лучше всего въ ближнюю. Мы живемъ попрежнему на Гороховой. Дѣвочки мои по васъ соскучились. Можете привести съ собою двухъ, трехъ товарищей; чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Потанцуете, попоете, поиграете въ разныя игры... Ждемъ. Ваша А. С.

P.S. Къ 7-ми — 7-ми съ пол. час...»

Не безъ труда удалось Александрову получить согласіе у двухъ товарищей: каждый юнкеръ дорожилъ семейнымъ субботнимъ обѣдомъ и домашнимъ вечеромъ. Согласились только: его отдѣленный начальникъ, второкурсникъ Андріевичъ, сынъ мирового судьи на Арбатѣ, въ семьѣ котораго Александровъ бывалъ не разъ, и новый другъ его Венсанъ, полуфранцузъ, но, по внѣшности, и, особенно, по горбатому храброму носу, настоящій бордосецъ; онъ прибылъ въ училище изъ 3-го кадетскаго корпуса и стоялъ въ четвертой ротѣ правофланговымъ. Ходилъ онъ въ отпускъ къ мачехѣ, которую терпѣть не могъ.

Въ субботу юнкера сошлись на Покровкѣ, у той церкви съ короною на куполѣ, гдѣ вѣнчалась императрица Елизавета съ Разумовскимъ. Оттуда до Гороховой было рукой подать.

Александровъ началъ неловко чувствовать себя чѣмъ то въ родѣ антрепренера, или хлопотливаго дальняго родственника. Но потомъ эта мнительность стерлась, отошла сама собою. Была какая то особенная магнетическая прелесть и неизъяснимая атмосфера общей влюбленности въ этомъ маленькомъ деревянномъ уютномъ домикѣ. И всѣ женщины въ немъ были красивы; даже часто мѣнявшіяся и всегда веселыя горничныя.

Подавали на столъ, къ чаю, красное крымское вино, тартинки съ масломъ и сыромъ, сладкіе сухари. Игралъ на піанино все тотъ же маленькій рыже-

ватый, веселый Панковъ изъ консерваторіи, давно сохнувшій по младшей дочкѣ Любѣ, а когда его не было, то заводили механическій музыкальный ящикъ «Монопанъ» и плясали подъ него. Въ то время не было ни одного дома въ Москвѣ, гдѣ бы не танцовали при всякомъ удобномъ случаѣ, до полной усталости.

Домъ Синельниковыхъ сталъ часто посѣщаться юнкерами. Одинъ приводилъ и представлялъ своего пріятеля, который, въ свою очередь, тащилъ третьяго. Къ барышнямъ приходили гимназическія подруги и какія то дальнія московскія кузины, всѣ хорошенькія, страстныя танцорки, шумныя, задорныя, пересмѣшницы, бойкія на языкъ съ блестящими глазами, хохотушки. Эти субботніе непринужденные вечера пользовались большимъ успѣхомъ.

Такъ часто въ промежуткахъ между танцами играли въ petits jeux; въ фанты, въ свои сосѣди, въ почту, въ жмурки, въ «барыня прислала», въ «здравствуйте, король» и въ прочія.

Величественная Анна Романовна почти всегда присутствовала въ залѣ, сидя въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ и грѣя ноги въ густой шерсти умнаго и кроткаго сенбернара «Вольфа». Точно съ высоты трона, она слѣдила за молодежью съ благосклонной поощрительной улыбкой. Ея старшая дочь Юлія была поразительно на нее похожа: и красивымъ лицомъ и большимъ ростомъ, и даже будущей склонностью къ полнотѣ. Конечно, Александровъ все еще продолжалъ увѣрять себя въ томъ, что онъ до сихъ поръ влюбленъ безнадежно въ жестокую, и что молодое сердце его разбито навсегда.

Но ему уже не удавалось порой обуздывать свою острую и смѣшливую наблюдательность. Глядя иногда поочередно на свою богиню и на ея мать и сравнивая ихъ, онъ думалъ про себя: «А вѣдь очаровательная Юленька все толстѣетъ и толстѣетъ. Къ

двадцати годамъ ее уже разнесетъ, совсѣмъ какъ Анну Романовну. Воображаю, каково будетъ положеніе ея мужа, если онъ захочетъ ласково обнять ее за талію и привлечь къ себѣ на грудь. А руки то за спиной никакъ не могутъ сойтись. Положеніе!»

Правда, Александровъ тутъ же ловилъ себя съ раскаяніемъ на дурныхъ и грубыхъ мысляхъ. Но онъ уже давно зналъ, какіе злые, нелѣпые, уродливые, безстыдные, позорные мысли и образы тѣсняться порою въ умѣ человѣка противъ его воли.

Но отъ прошлаго онъ никакъ не могъ отвязаться. Вѣдь любила же его Юленька... И вдругъ въ одинъ мигъ все рухнуло, все пошло прахомъ, бѣдный юнкеръ остался въ одиночествѣ среди просторной и пустой дороги, протягивая руку, какъ нищій, за подаяніемъ.

Временами онъ все-таки дерзалъ привлечь къ себѣ вниманіе Юленьки настоятельной услужливостью, горячимъ пожатіемъ руки въ танцахъ, молящимъ влюбленнымъ взглядомъ, но она съ обиднымъ спокойствіемъ точно не замѣчала его; равнодушно отходила отъ него прочь, прерывала его робкія слова громкимъ разговоромъ съ кѣмъ-нибудь совсѣмъ постороннимъ.

Однажды, когда играли въ почту, онъ послалъ ей въ Ялту краткую записочку:

«Неужели вы забыли, какъ я обнималъ ваши ноги и цѣловалъ ваши колѣни тамъ, далеко въ прекрасной березовой рощѣ?» Она развернула бумажку, вскользь поглядѣла на нее и, разорвавъ на множество самыхъ маленькихъ кусочковъ, кинула, не глядя въ каминъ. Но со слѣдующей почтой онъ получилъ письмецо изъ города Ялты въ свой городъ Кинешму. Быстрымъ мелкимъ четкимъ почеркомъ въ немъ были написаны двѣ строки:

«А вы забыли ту березовую кашу, которой васъ въ дѣтствѣ потчевали за глупость и дерзость?».

Тутъ съ окончательной ясностью понялъ несчастный юнкеръ, что его скороспѣшному любовному роману пришелъ печальный конецъ. Онъ даже не обидѣлся на прозрачный намекъ на розги. Поймавъ случайный взглядъ Юленьки, онъ издали серьезно и покорно склонилъ голову въ знакъ послушанія. А когда гости стали расходиться, онъ въ передней улучилъ минутку, чтобы подойти къ Юленькѣ и тихо сказать ей:

— Вы правы. Я самъ вижу, что надоѣлъ вамъ своимъ приставаніемъ. Это было безтактно. Лучше уже маленькая дружба, чѣмъ большая, но лопнувшая любовь.

— Ну вотъ и умница, — сказала она и крѣпко пожала своей прекрасной большой, всегда прохладной рукой руку Александрова.

— И я вамъ буду настоящимъ вѣрнымъ другомъ.

Въ слѣдующую субботу онъ пришелъ къ Синельниковымъ совсѣмъ выздоровѣвшимъ отъ первой любви. Онъ думалъ:

— А не влюбиться ли мнѣ въ Оленьку или въ Любочку? Только въ какую изъ двухъ?

И въ тотъ же вечеръ этотъ господинъ Сердечкинъ началъ строить куры поочередно обѣимъ барышнямъ, еще не рѣшивши, къ чьимъ ногамъ положитъ онъ свое объемистое сердце. Но эти маленькія дѣвушки, почти дѣвочки, уже умѣли съ чисто женскимъ инстинктомъ невинно кокетничать и разбираться въ любовной вязи. На всѣ пылкіе подходы юнкера онѣ отвѣчали:

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста! Всѣ эти ваши комплименты и рыцарство и ухаживанья, все это, пожалуйста, обращайте къ Юленькѣ, а не къ намъ. Слишкомъ много чести!

ГЛАВА XI.

СВАДЬБА.

Приходитъ день, когда Александровъ и трое его училищныхъ товарищей получаютъ печатныя бристольскія карточки съ приглашеніемъ пожаловать на бракосочетаніе Юліи Николаевны Синельниковой съ господиномъ Покорни, которое послѣдуетъ такого-то числа и во столько-то часовъ въ церкви Константиновскаго Межевого института. Свадьба какъ разъ приходилась на отпускной день, на среду. Юнкера съ удовольствіемъ поѣхали.

Большая Межевая церковь была почти полна. У Синельниковыхъ, по ихъ покойному мужу и отцу, полковнику генеральнаго штаба, занимавшему при генералъ-губернаторѣ Владимірѣ Долгорукомъ очень важный постъ, оказалось въ Москвѣ обширное и блестящее знакомство. Обрядъ вѣнчанія происходилъ очень торжественно: съ пѣвчими изъ капеллы Сахарова, со знаменитымъ протодіакономъ Успенскаго собора Юстовымъ и съ полнымъ ослѣпительнымъ освѣщеніемъ, съ нарядной публикой.

Подъ громкое радостное пѣніе хора «Гряди, гряди, голубица отъ Ливана» Юлія, въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, съ огромнымъ шлейфомъ, который поддерживали два мальчика, покрытая длинной сквозной фатою, не спѣша, величественно прошла къ амвону. Еее сопровождалъ гулъ восхищенія. Своимъ

шаферомъ она выбрала представительнаго, высокаго Венсана, и Александровъ самъ не зналъ: обижаться ли ему на это предпочтенiе, или, наоборотъ, благодарить невѣсту за ту деликатность, съ которой она избавила его отъ лишнихъ мученiй ревности. Только почему же Венсанъ еще наканунѣ не увѣдомилъ о чести, которой удостоился? Надо будетъ сказать ему, что это — свинство.

Громадный протодiаконъ съ необыкновенно пышными завитыми рыжими волосами, трубилъ нечеловѣчески густымъ, могучимъ и страшнымъ голосомъ: «Жена же да убоится му-у-ужа...» и отъ этихъ потрясающихъ звуковъ дрожали и звенѣли хрустальныя призмочки люстръ и чесалась переносица, точно передъ чиханьемъ. Молодыхъ водили въ вѣнцахъ вокругъ аналоя съ пѣнiемъ «Исаiя ликуй: се дѣва имѣ во чревѣ»; давали имъ испить вино изъ одной чаши, заставили поцѣловаться и обмѣниться кольцами. Много разъ священникъ и протодiаконъ упомянули о чревѣ, рожденiи и обильномъ многоплодiи. Служба шла въ быстромъ, оживленномъ, веселомъ темпѣ.

Александровъ стоялъ за колонкой, прислонясь къ стѣнѣ и скрестивъ руки на груди, по-наполеоновски. Онъ самъ себѣ рисовался пожилымъ, много пережившимъ человѣкомъ, перенесшимъ тяжелую трагедiю великой любви и ужасной измѣны. Опустивъ голову и нахмуривъ брови, онъ думалъ о себѣ въ третьемъ лицѣ:

«Печать невыразимыхъ страданiй лежала на блѣдномъ челѣ несчастнаго юнкера съ разбитымъ сердцемъ»...

Когда вѣнчанiе окончилось, и приглашенные потянулись поздравлять молодыхъ, несчастный юнкеръ столкнулся съ Оленькой и спросилъ ее:

— А что, Ольга Николаевна, хотѣли бы вы быть на мѣстѣ Юленьки?

Она заиграла лукавыми, темными глазами.

— Ну, ужъ, благодарю васъ. Покорни вовсе не герой моего романа.

— Ахъ, я не то хотѣлъ сказать, — поправился Александровъ. — Но вѣнчаніе было такъ великолѣпно, что любая барышня позавидовала бы Юленькѣ.

— Только не я, — и она гордо вздернула кверху розовый, короткій носикъ. — Въ шестнадцать лѣтъ порядочныя дѣвушки не думаютъ о замужествѣ. Да и кромѣ того, я, если хотите знать, принципіальная противница брака. Зачѣмъ стѣснять свою свободу? Я предпочитаю пойти на высшіе женскіе курсы и сдѣлаться ученой женщиной.

Но ея влажные коричневые глаза, съ томно-синеватыми вѣками, улыбались такъ задорно, а губы сжались въ такой очаровательный красный морщинистый бутонъ, что Александровъ, наклонившись къ ея уху, сказалъ шопотомъ:

— И все это — неправда. И никогда вы не пойдете коптиться на курсахъ. Вы созданы Богомъ для кокетства и для любви, на погибель всѣмъ намъ, вашимъ поклонникамъ.

Пользуясь тѣснотою, онъ отыскалъ ея мизинецъ и крѣпко пожалъ его двумя пальцами. Она, блеснувъ на него глазами, убрала свою руку и шепнула ему: кшъ! — какъ на курицу.

Александровъ поздравилъ новобрачныхъ, стоявшихъ въ лѣвомъ придѣлѣ. Рука Юленьки была холодна и тяжела, а глаза казались усталыми.

Но она крѣпко пожала его руки и слегка, точно жалобно, улыбнулась.

Покорни весь сіялъ; сіялъ отъ напомаженнаго пробора до лакированныхъ ботинокъ; сіялъ новымъ фракомъ, ослѣпительно бѣлымъ широкимъ пластрономъ, золотомъ запонокъ, цѣпочекъ и колецъ, шелковымъ блескомъ новаго шапокляка. Но, на взглядъ Александрова, онъ, со своею долговязостью, худобой и неуклюжестью, былъ еще непригляднѣе, чѣмъ раньше, лѣтомъ, въ простомъ дачномъ пиджачкѣ.

Онъ крѣпко ухватилъ руку юнкера и началъ ее качать, какъ насосъ.

—Спасибо, мерси, благодарю! — говорилъ онъ, захлебываясь отъ счастья. — Будемъ снова добрыми старыми пріятелями. Нашъ домъ будетъ всегда открытъ для васъ.

А Анна Романовна, разрядившаяся ради свадьбы какъ царица Савская и похорошѣвшая, казавшаяся теперь старшей сестрой Юленьки, пригласила любезно:

— Прямо изъ церкви зайдите къ намъ, закусить чѣмъ Богъ послалъ и выпить за новобрачныхъ. И товарищей позовите. Мы звать всѣхъ не въ состояніи; очень ужъ тѣсное у насъ помѣщеніе; но для васъ, милыхъ моихъ александровцевъ, всегда есть мѣсто. Да и потанцуете немножко. Ну, какъ вы находите мою Юленьку? Право, вѣдь недурна?

Александровъ вздохнулъ шумно и уныло.

— Вы спрашиваете — не дурна ли? А я хотѣлъ бы узнать, кто и гдѣ видѣлъ подобную совершенную красоту?

— О, какой рыцарскій комплиментъ! М-сье Александровъ, вы опасный молодой мужчина... Но, къ сожалѣнію, изъ однихъ комплиментовъ въ наше время шубу не сошьешь. Я, признаюсь, очень рада тому, что моя Юленька вышла замужъ за достойнаго человѣка и сдѣлала прекрасную партію, которая вполнѣ обезпечиваетъ ея будущее. Но, однако, идите къ вашимъ товарищамъ. Видите, они васъ ждутъ.

Александровъ покрутилъ головою:

— А, вѣдь про шубу-то она, навѣрное, на мой счетъ прошлась?

Квартиру Синельниковыхъ нельзя было узнать — такой она показалась большой, вмѣстительной, нарядной, послѣ какихъ-то невѣдомыхъ хозяйствен-

ныхъ перемѣнъ и перестановокъ. Анна Романовна, несомнѣнно, обладала хорошимъ глазомѣромъ. У нея казалось многолюдно, но тѣсноты и давки не было.

Въ залѣ стояли покоемъ столы съ отличными холодными закусками. Стульевъ почти не было. Закусывали стоя, à la fourchette. Два наемныхъ лакея разносили на серебряныхъ подносахъ высокіе тонкогорлые бокалы съ шампанскимъ. Александровъ пилъ это вино всего только во второй разъ въ своей жизни. Оно было вкусное, сладкое, шипѣло во рту и пріятно щекотало горло. Послѣ третьяго бокала у него повеселѣло въ головѣ, потеплѣло въ груди, и глаза стали все видѣть, точно сквозь легкую струящуюся завѣсу. Съ трудомъ разобралъ онъ на высокой толстостѣнной бутылочкѣ золотыя литеры: «Veuve Clicquot».

Потомъ лакеи съ необыкновенной быстротой и ловкостью розняли столовый «покой» и унесли куда-то столы. Въ залѣ стало совсѣмъ просторно. На окна спустились темномалиновые занавѣсы. Зажглись лампы въ стеклянныхъ матовыхъ колпакахъ. Наемный таперъ, вдохновенно-взлохмаченный брюнетъ, заигралъ вальсъ.

Александровъ выпилъ еще одинъ бокалъ шампанскаго и вдругъ почувствовалъ, что больше нельзя. «Генугъ, ассе, баста, довольно» — сказалъ онъ ласково засмѣявшемуся лакею.

Нѣтъ, онъ вовсе не былъ пьянъ, но весь былъ какъ бы наполненъ, напоенъ удивительно легкимъ воздухомъ. Движенія его въ танцахъ были точны, мягки и беззвучны (вообще, онъ нѣсколько потерялъ способность слуха и оттого говорилъ громче обыкновеннаго). Но имъ, незамѣтно для самого себя, овладѣло очарованіе той атмосферы всеобщей легкой влюбленности, которая всегда широко разливается на свадебныхъ праздникахъ. Здѣсь есть такое чувство, что вотъ, на время, пріоткрылась запечатан-

ная дверь; запрещенное стало на глазахъ участниковъ не только дозволеннымъ, но и благословеннымъ. Суровая тайна стала открытой, веселой прелестной радостью. Нѣжный гашишъ сладко одурманивалъ молодыя души.

Александровъ не отходилъ отъ Оленьки, упрямо и ревниво ловя минуты, когда она освобождалась отъ очередного танцора. Онъ безъ ума былъ влюбленъ въ нее и самъ удивлялся, почему не замѣчалъ раньше, какъ глубоко и велико это чувство.

— Оленька, — сказалъ онъ. — Мнѣ надо поговорить съ вами по очень, по чрезвычайно нужному дѣлу. Пойдемте вонъ въ ту маленькую гостиную. На одну минутку.

— А развѣ нельзя сказать здѣсь? И что это за уединеніе вдвоемъ?

— Да, вѣдь, мы все равно будемъ у всѣхъ на глазахъ. Пожалуйста, Олечка!

— Во-первыхъ, я вамъ вовсе не Олечка, а Ольга Николаевна. Ну, пойдемте, если ужъ вамъ такъ хочется. Только, навѣрно, это пустяки какіе-нибудь, — сказала она, садясь на маленькій диванчикъ и обмахиваясь вѣеромъ. — Ну, какое же у васъ ко мнѣ дѣло?

— Оленька, — сказалъ Александровъ дрожащимъ голосомъ, — можетъ быть, вы помните тѣ четыре слова, которыя я сказалъ вамъ на балу въ нашемъ училищѣ.

— Какія четыре слова? Я что-то не помню.

— Позвольте напомнить... Мы тогда танцовали вальсъ, и я сказалъ: «Я люблю васъ, Оля».

— Какая дерзость!

— А помните, что вы мнѣ отвѣтили?

— Тоже не помню. Вѣроятно, я вамъ отвѣтила, что вы нехорошій, испорченный мальчишка.

— Нѣтъ, не то. Вы мнѣ отвѣтили: «Ахъ, если бы я могла вамъ вѣрить».

— Да, конечно, вамъ вѣрить нельзя. Вы влюбляетесь каждый день. Вы вѣтрены и легкомысленны, какъ мотылекъ... И это-то и есть все то важное, что вы мнѣ хотѣли передать?

— Нѣтъ, далеко не все. Я опять повторяю эти четыре завѣтныя слова. А въ доказательство того, что я вовсе не порхающій папильонъ, я скажу вамъ такую вещь, о которой не знаютъ: ни моя мать, ни мои сестры, и никто изъ моихъ товарищей, словомъ, никто, никто во всемъ свѣтѣ.

Ольга зажмурилась и затрясла своими темными блестящими кудряшками.

— А это не будетъ страшно?

— Ничуть, — серьезно отвѣтилъ Александровъ. — Но уговоръ, Ольга Николаевна: разъ я лишь одной вамъ открываю величайшую тайну, то покорно прошу васъ, вы ужъ, пожалуйста, никому объ этомъ не болтайте.

— Никому, никому! Но она, надѣюсь, приличная, ваша тайна?

— Абсолютно. Я скажу даже, что она возвышенная...

— Ахъ, говорите, говорите скорѣй. Я вся трясусь отъ любопытства и нетерпѣнія.

Ея правый глазъ былъ освѣщенъ сбоку и сверху, и въ немъ, между зрачкомъ и райкомъ, горѣлъ и точно переливался свѣтло-золотой живой бликъ. Александровъ засмотрѣлся на эту прелестную игру глаза и замолчалъ.

—Ну, что же? Я жду, — ласково сказала Ольга.

Александровъ очнулся.

— Ну, вотъ... на-дняхъ, очень скоро.. черезъ недѣлю, черезъ двѣ... можетъ быть, черезъ мѣсяцъ... появится на свѣтъ... будетъ напечатана въ одномъ журналѣ... появится на свѣтъ моя сюита... мой разсказъ. Я не знаю, какъ назвать... Прошу васъ, Оля, пожелайте мнѣ успѣха. Отъ этого разсказа или, какъ сказать?.. эскиза, такъ многое зависитъ въ будущемъ.

— Ахъ, отъ души, отъ всей души желаю вамъ удачи... — пылко отозвалась Ольга и погладила его руку. — Но только, что же это такое? Сдѣлаетесь вы извѣстнымъ авторомъ и загордитесь. Будете вы уже не нашимъ милымъ, славнымъ, добрымъ Алешей, или, просто, юнкеромъ Александровымъ, а станете называться «господинъ писатель», а мы станемъ глядѣть на васъ снизу вверхъ, раскрывъ рты.

— Ахъ, Оля, Оля, не смѣйтесь и не шутите надъ этимъ. Да. Скажу вамъ откровенно, что я ищу славы, знаменитости... Но не для себя, а для насъ обоихъ: и для васъ, и для меня. Я говорю серьезно. И, чтобы доказать вамъ всю мою любовь и все уваженіе, я посвящаю этотъ первый мой трудъ вамъ, вамъ, Оля!

Она широко открыла глаза.

— Какъ? И это посвященіе будетъ напечатано?

— Да. Непремѣнно. Такъ и будетъ напечатано въ самомъ началѣ: «Посвящается Ольгѣ Николаевнѣ Синельниковой», внизу мое имя и фамилія...

Ольга всплеснула руками.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ и будетъ? Ахъ, какъ это удивительно! Но только нѣтъ. Не надо полной фамиліи. Насъ вѣдь вся Москва знаетъ. Богъ знаетъ, что наплетутъ, Москва вѣдь такая сплетница. Вы ужъ лучше какъ-нибудь подъ иниціалами. Чтобы знали объ этомъ только двое: вы и я. Хорошо?

— Хорошо. Я повинуюсь. А когда я стану большимъ настоящимъ писателемъ, Оленька, когда я буду получать большіе гонорары, тогда...

Она быстро встала.

— Тогда и поговоримъ. А теперь пойдемте въ залъ. На насъ уже смотрятъ.

— Дайте хоть ручку поцѣловать!

— Потомъ. Идите первымъ. Я только поправлю волосы.

Была пора юнкерамъ итти въ училище. Гости тоже разъѣзжались. Ольга и Люба провожали ихъ до

передней, которая была освѣщена слабо. Когда Александровъ успѣлъ надѣть и одернуть шинель, онъ услыхалъ у самаго уха тихій шопотъ: «до свиданія, господинъ писатель», и горящія сухія губы быстро коснулись его щеки, точно клюнули.

Домой юнкера нарочно пошли пѣшкомъ, чтобы вывѣтрить изъ себя пары шампанскаго. Путь былъ не близкій: Земляной валъ, Покровка, Маросейка, Ильинка. Красная площадь, Спасскія ворота, Кремль, Башня Кутафья, Знаменка... Юнкера успѣли придти въ себя и каждый, держа руку подъ козырекъ, браво прорапортовалъ дежурному офицеру, поручику Рославлеву, по училищному — Володькѣ: «Ваше благородіе, является изъ отпуска юнкеръ четвертой роты такой-то».

Володька прищурилъ глаза, повелъ огромнымъ носомъ и спросилъ коротко:

— Клико деми-секъ?

— Такъ точно, ваше благородіе. На свадьбѣ были въ семьѣ полковника Синельникова.

— Ага! Ступайте.

Этотъ Володька и самъ былъ большущимъ кутилой.

ГЛАВА XII.

ГОСПОДИНЪ ПИСАТЕЛЬ.

Это была очень давнишняя мечта Александрова — сдѣлаться поэтомъ или романистомъ. Еще въ пансіонѣ Разумовской школы онъ, не безъ труда, написалъ одно замѣчательное стихотвореніе:

Скорѣе, о, птички, летите
Вы въ теплыя страны отъ насъ,
Когда-жъ вы опять прилетите,
То будетъ весна ужъ у насъ.

Въ лугахъ запестрѣютъ цвѣточки,
И солнышко ихъ освѣтитъ,
Деревья распустятъ листочки,
И будетъ прелестнѣйшій видъ.

Ему было тогда семь лѣтъ.. Успѣхъ этихъ стиховъ льстилъ его самолюбію. Когда у матери случались гости, она всегда уговаривала сына: «Алеша, Алеша, прочитай намъ: «Скорѣе, о, птички». И, по окончаніи декламаціи, гости со вздохомъ говорили: «Замѣчательно! удивительно! А вѣдь, кто знаетъ, можетъ быть, изъ него будущій Пушкинъ выйдетъ».

Но перейдя въ корпусъ, Александровъ сталъ стыдиться этихъ стишковъ. Русская поэзія показала

ему иные совершенные образцы. Онъ не только перестал читать вслухъ своихъ несчастныхъ птичекъ, но упросилъ и мать никогда не упоминать о нихъ.

Въ пятомъ классѣ его потянуло на прозу. Причиною этому былъ, конечно, неотразимый Фениморъ Куперъ.

Къ тому же кадета Александрова соблазняла та легкость, съ которой онъ писалъ всегда на полные 12 балловъ классныя сочиненія, нерѣдко читавшіяся вслухъ, для примѣра прочимъ ученикамъ.

Пять учебныхъ тетрадокъ, по обѣ стороны страницъ, прилежнымъ печатнымъ почеркомъ были мелко исписаны романомъ Александрова «Черная Пантера» (изъ быта сѣверо-американскихъ дикарей, племени Ваякса и объ войнѣ съ блѣднолицыми).

Тамъ описывались удивительнѣйшіе подвиги великаго вождя, по имени «Черная Пантера», и его героическая смерть. Блѣднолицые дьяволы, тѣснимые краснокожими, перешли на небольшой необитаемый островъ среди озера Мичиганъ. Они были со всѣхъ сторонъ обложены индѣйцами, но взять ихъ не удавалось. Ихъ карабины были въ исправности, а громадный запасъ пороха и пуль грозилъ тѣмъ, что осада продлится на очень большое время, вплоть до прихода главной арміи. Питаться же они могли свободно: рыбой изъ озера и пролетавшей многочисленной птицей.

Но лишь одинъ вождь, страшный «Черная Пантера», зналъ секретъ этого острова. Онъ весь былъ насыпанъ искусственно и держался на стволѣ тысячелѣтняго могучаго баобаба. И вотъ, отважный воинъ, никого не посвящая въ свой замыселъ, каждую ночь подплываетъ осторожно къ острову, ныряетъ подъ воду и рыбьей пилою подпиливаетъ баобабовый устой. На утро онъ незамѣтно возвращается въ лагерь. Передъ послѣднею ночью онъ даетъ приказъ своему племени:

— Завтра утромъ, когда тѣнь отъ острова кос-

нется мыса Чіу-Кіу, садитесь въ пироги и спѣшно плывите на блѣднолицыхъ. Грозный богъ войны, великій Коокама, самъ предастъ бѣлыхъ дьяволовъ въ ваши руки. Меня же не дожидайтесь. Я приду въ разгаръ битвы.

И ушелъ.

Утромъ воины безпрекословно исполнили приказаніе вождя. И когда они, несмотря на адскій ружейный огонь, подплыли почти къ самому острову, то изъ воды послышался страшный трескъ, весь островъ покосился на-бокъ и сталъ тонуть. Напрасно европейцы молили о пощадѣ. Всѣ они погибли подъ ударами томагауковъ или нашли смерть въ озерѣ. Къ вечеру же вода выбросила трупъ «Черной Пантеры». У него подъ водою не хватило дыханія, и онъ, перепиливъ корень, утонулъ. И съ тѣхъ поръ старые жрецы поютъ въ назиданіе юношамъ и т. д., и т. д.

Были въ романѣ и другія лица. Старый траперъ. гроза индѣйцевъ, и гордая дочь его Эрминія, въ которую былъ безумно влюбленъ вождь «Черная Пантера», а также старый жрецъ племени Ваяско и его дочь Зумелла, покорно и самоотверженно влюбленная въ «Черную Пантеру».

Романъ писался любовно, но тяжело и долго. Куда легче давались Александрову его милыя акварельныя картинки и ловкія карикатуры карандашемъ на товарищей, учителей и воспитателей. Но на этотъ путь судьба толкнетъ его гораздо позднѣе...

Во что бы то ни стало, слѣдовало этотъ романъ напечатать. Въ немъ было, на типографскій счетъ. листа два, не менѣе. Но куда сунуться со своимъ дѣтищемъ — Александровъ объ этомъ не имѣлъ никакого представленія. Помогъ ему престарѣлый монахъ, который продавалъ свѣчки и образки около часовни Сергія Преподобнаго, что была у Ильинскихъ воротъ. Мать давнымъ давно подарила Александрову копилку со старой мало-интересной коллек-

ціей монетѣ, которую когда-то началъ собирать ея покойный мужъ. Александровъ всегда нуждался въ свободномъ пятачкѣ. Мало ли, что можно на него купить: два пирожка съ вареньемъ, кусокъ халвы, стаканъ малиноваго кваса, десять сливъ, цѣлое яблоко, словомъ, безъ конца...

И вотъ, по какому-то наитію, однажды и обратился Александровъ къ этому тихенькому, закапанному воскомъ монашку съ предложеніемъ купить кое-какія монетки. Въ коллекціи не было ни мелкихъ золотыхъ, ни крупныхъ серебряныхъ денегъ. Однако, монашекъ, порывшись въ мѣдной мелочи, взялъ три-четыре штуки, заплатилъ двугривенный и велѣлъ зайти когда-нибудь, въ другой разъ. Съ того времени они и подружились.

Самъ Александровъ не помнилъ, почему онъ отважился обратиться къ монашку за совѣтомъ: кому бы мнѣ отдать вотъ это мое сочиненіе, чтобы напечатали?

— А очень просто, — сказалъ монахъ. — Выйдете изъ воротъ на Ильинку, и тутъ же налѣво книжный ларекъ Изымяшева. Къ нему и обратитесь.

**
*

У ларька, прислонясь къ нему спиной, грызъ подсолнушки тощій развязный мальчуганъ.

— Что прикажете, купецъ? Сонники? письмовники? гадательныя книжки? романы самые животрепещущіе? Францыль, Венеціанъ? Гуакъ или непреоборимая ревность? Турецкій генералъ Марцимирисъ? Прекрасная магометанка, умирающая на могилѣ своего мужа?

— Мнѣ не то, — робко прервалъ его Александровъ. — Мнѣ бы узнать, кому отдать мой собственный романъ, чтобы его напечатали.

Мальчикъ быстро ковырнулъ пальцемъ въ носу.

— А вотъ, с-часъ, с-часъ. Я хозяина покличу. Ро-

діонъ Тихонычъ! а Родіонъ Тихонычъ! Пожалуйте въ лавочку. Тутъ пришли.

Вошелъ большой рыжій купецъ, весь еще дымящійся отъ сбитня, который онъ пилъ на улицѣ.

— Чаво? — спросилъ онъ грубо.

Лицо у него было враждебное.

Александровъ сказалъ: — Вотъ тутъ у меня небольшой написанъ романъ изъ жизни...

— Покажь. — Онъ взялъ тетрадки и взвѣсилъ ихъ на рукѣ, потомъ перелисталъ нѣсколько страницъ и отвѣтилъ:

— Товаръ не по насъ. Подъ Фенимора-съ. Купера-съ. Полтора рубля хотите-съ?

— Я не знаю, — робко пробормоталъ Александровъ.

— Болѣ не могу. — Онъ почесалъ спину о болясину. — Настоящая цѣна-съ.

— Ну, хорошо, — согласился кадетъ. — Пусть полтора.

— Такъ-съ. Оставьте-съ Приходите черезъ недѣльку. Посмотрѣть необходимо. Извольте получить ваши рупь съ полтиной.

Александровъ пришелъ черезъ недѣлю, потомъ черезъ другую, третью, десяую. Сначала ему отказывали въ отвѣтѣ подъ разными предлогами, а потомъ враждебно сказали:

— Какая такая рукопись. Ничего мы о ней не слыхали и романа вашего никакого не читали. Напрасно людей безпокоите, которые занятые.

Такъ и погибъ навѣки замѣчательный романъ «Черная Пантера» въ пыльныхъ печатныхъ складахъ купца Изымяшева на Ильинкѣ.

Застѣнчивый Александровъ, съ той поры, идя въ отпускъ, избѣгалъ проходить Ильинской улицей, чтобы не встрѣтиться случайно глазами съ глазами книжнаго купца и не сгорѣть отъ стыда. Онъ предпочиталъ вдвое болѣе длинный путь: черезъ Мясницкую, Кузнецкій Мостъ и Тверскую.

Но было въ душѣ его непоколебимое татарское упрямство. Неудача съ прозой горько оскорбила его, вмѣсто прозы, онъ занялся поэзіей. Въ седьмомъ классѣ корпуса, по воскресеньямъ, давалась на руки кадетамъ хрестоматія Гербеля — книга необыкновенно большихъ размѣровъ и рѣдкой толщины. Она не была руководящей книгой, а предлагалась просто для легкаго и занятнаго чтенія въ свободное отъ зубрежки время. Въ ней было все, что угодно и всего понемножку: отрывки изъ русскихъ классиковъ, переводы изъ Шекспира, Гете, Шиллера, Байрона, Гейне и даже шутки, пародіи и эпиграммы 70-тыхъ годовъ.

Большинство этого обильнаго и мусорно собраннаго матеріала прошло мимо наивной души Александрова, но Генрихъ Гейне, съ его нѣжной, страстной, благоуханной лирикой, съ его живымъ юморомъ, съ этой сверкающей слезкой въ щитѣ-Гейне плѣнилъ, очаровалъ, заворожилъ впечатлительное жадное сердце шестнадцатилѣтняго юноши.

Въ нѣмецкомъ учебникѣ Кериовіуса, по которому учились кадеты, было собрано достаточное количество образцовъ нѣмецкой литературы и, между ними, находилось десятка съ два коротенькихъ стихотвореній Гейне.

Александровъ, довольно легко начинавшій осваиваться съ трудностями нѣмецкаго языка, съ увлеченіемъ сталъ переводить ихъ на русскій языкъ. Онъ тогда еще не зналъ, что для перевода съ иностраннаго языка мало знать, хотя бы и отлично, этотъ языкъ, а надо еще умѣть проникать въ глубокое живое разнообразное значеніе каждаго слова и въ таинственную власть соединенія тѣхъ или другихъ словъ.

Но онъ уже самъ начиналъ чувствовать, что переводы его лишены легкой игривой свободной рѣзвости подлинника, что стихи у него выходятъ дубовыми, грузными, тяжело произносимыми и что напря-

женный смыслъ ихъ далеко не исчерпываетъ благоуханнаго и волнующаго смысла гейневскаго стиха.

Охотнѣе всего дѣлалъ Александровъ свои переводы въ тѣ скучные дни, когда по распоряженію начальства, онъ сидѣлъ подъ арестомъ въ карцерѣ, запертый на ключъ. Тишина, бездѣлье и скука. какъ нельзя лучше, поощряли къ этому занятію. А когда его отпускали на свободу, то, урвавъ первый свободный часочекъ, онъ поспѣшно бѣжалъ къ старому, вѣрному другу Сашакѣ Гурьеву, къ своему всегдашнему, терпѣливому и снисходительному слухачу.

Обое выбирали уютный, укромный уголочекъ, вдали отъ обычной возни и суматохи, и тамъ Александровъ съ восторгомъ, съ дрожащими руками, нараспѣвъ читалъ вслухъ послѣднія произведенія своей музы.

— Очень хорошо, Алеханъ, по совѣсти могу сказать, что прекрасно, — говорилъ Гурьевъ, восторженно тряся головою. — Ты съ каждымъ днемъ совершенствуешься. Пиши, братъ, пиши, это твое настоящее и великое призваніе.

Похвалы Сашаки Гурьева были чрезвычайно лестны и сладки, но Александровъ давно уже началъ догадываться, что полагаться на нихъ и ненадежно, и глупо, и опасно. Гурьевъ парень превосходный, но что онъ, по совѣсти говоря, понимаетъ въ высокомъ и необычайно трудномъ искусствѣ поэзіи?

И тогда онъ рѣшился на суровый, героическій, послѣдній опытъ. — Я переведу — сказалъ онъ самъ себѣ — одно изъ значительныхъ стихотвореній Гейне, не заглядывая въ хрестоматію Гербеля, а потомъ сличу оба перевода. Тогда я узнаю, слѣдуетъ ли мнѣ писать стихи, или не слѣдуетъ. Онъ выискалъ въ «Керковіусѣ» извѣстное гейневское стихотвореніе, вѣрнѣе, маленькую поэму — «Лорелея», трудился онъ надъ ея переводомъ усердно и добросовѣстно, по множеству разъ прибѣгая къ толстому нѣмецко-русскому словарю, чтобы найти побольше синони-

мовъ. Съ ритмомъ онъ легко справился, взявъ за образецъ Лермонтовское «По синимъ волнамъ океана», но, въ самомъ началѣ тщательной работы, онъ уже сталъ предчувствовать, что Гейне ему не дается и, вѣроятно, не дастся. Уже первая строфа казалась ему деревянной (хотя въ этомъ ему не хотѣлось окончательно сознаться передъ самимъ собой):

«Не знаю, что сталось со мною,
«Сегодня мой духъ такъ смущенъ,
«И нѣтъ мнѣ ни сна, ни покою,
«Отъ пѣсни минувшихъ временъ».

— Почему, напримѣръ, «покою», когда слѣдуетъ сказать «покоя». Требованіе рифмы? — а гдѣ же требованіе законовъ русскаго языка?

Послѣ многихъ черновиковъ, передѣлокъ и перемарокъ, Александровъ остановился на послѣдней, окончательной формѣ. — Правда: это еще не совершенство, но сдѣлать лучше и вѣрнѣе я больше не въ силахъ.

Только тогда онъ раскрылъ Гербеля и нашелъ въ немъ «Лорелею». Воистину ослѣпительно прекраснымъ, совершеннымъ, несравнимымъ, или, точнѣе, сравнимымъ только съ текстомъ самого Гейне показался ему переводъ Михайлова.

— Да, подумалъ онъ, — такъ я ни за что не переведу. А если и переведу, то только послѣ многихъ, многихъ лѣтъ изученія всѣхъ тонкостей нѣмецкаго языка и кристальнаго вдумыванія въ слова великаго автора. Куда мнѣ!..

Но онъ хотѣлъ до конца исчерпать всю горечь своей неудачи. Какъ то, послѣ урока нѣмецкаго языка, онъ догналъ уходившаго изъ класса учителя Мея, сытаго, добраго, обрусѣвшаго нѣмца и сунулъ ему въ руки, отлично переписанную «Лорелею».

— Здѣсь немного, всего 32 строки. Будьте добры,

перечитайте мой переводъ и скажите безъ всякой церемоніи ваше мнѣніе.

Мей охотно принялъ рукопись и сказалъ, что на дняхъ дастъ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько дней, опять выходя изъ класса, Мей сдѣлалъ Александрову едва замѣтный сигналъ слѣдовать за собой и, идя съ нимъ рядомъ до учительской комнаты, торопливо сказалъ:

— За вашъ прекрасный и любовный трудъ, я при первомъ случаѣ поставлю вамъ двѣнадцать! Долженъ вамъ признаться, что хотя я и владѣю одинаково безукоризненно обоими языками, но такъ перевести «Лорелею», какъ вы, я бы все-таки не сумѣлъ бы. Тутъ надо имѣть въ сердцѣ кровь поэта. У васъ въ переводѣ есть нѣсколько слабыхъ и невѣрно понятыхъ мѣстъ, я всѣ ихъ осторожненько подчеркнулъ карандашикомъ, помѣтки мои легко можно снять резинкой. Ну, желаю вамъ счастья и удачи, молодой поэтъ. Стихи ваши очень хороши.

Усталымъ, сиплымъ голосомъ поблагодарилъ Александровъ учителя. На сердцѣ его лежалъ камень.

— Нѣтъ, ужъ что тутъ, — мысленно махнулъ онъ на себя рукою. — Вѣрно сказано: «не суйся со свинячьимъ рыломъ въ калашный рядъ».

— Кончено на вѣки вѣчные мое писательство! баста!

Александровъ пересталъ сочинять (что, впрочемъ, очень благотворно отозвалось на его послѣднихъ въ корпусѣ, выпускныхъ экзаменахъ), но мысли его и фантазіи еще долго не могли оторваться отъ воображаемаго писательскаго волшебнаго міра, гдѣ все было блескъ, торжество и побѣдная радость. Не то, чтобы его привлекали громадные гонорары и бѣшеное упоеніе всемірной славой, это было чѣмъ то не существеннымъ, призрачнымъ и менѣе всего волновало. Но манило одно слово — «писатель», или еще выразительнѣе — «господинъ писатель».

Это не знаменитый генералъ — полководецъ, не знаменитый адвокатъ, докторъ или пѣвецъ, это не

удивительный богачъ-милліонеръ, нѣтъ — это блѣдный и худой человѣкъ съ благороднымъ лицомъ, который, сидя у себя ночью въ скромномъ кабинетѣ, создаетъ какихъ хочетъ людей и какія вздумаетъ приключенія и все это остается жить на вѣки гораздо прочнѣе, крѣпче и ярче, чѣмъ тысячи настоящихъ, взаправдашнихъ людей и событій и живетъ годами, столѣтіями, тысячелѣтіями, къ восторгу, радости и поученію безчисленныхъ человѣческихъ поколѣній.

Вотъ оно, госпожа Бичерстоу съ Хижиной дяди Тома, Дюма — съ Тремя Мушкетерами, Жюль Вернъ съ Капитаномъ Немо и съ Дѣтьми Капитана Гранта, Тургеневъ съ Базаровымъ, Рудинымъ, Пигасовымъ... и, да всѣхъ и не перечислишь.

У всѣхъ у нихъ какое то могучее подобіе съ Господомъ Богомъ: изъ хаоса — изъ бумаги и чернилъ родятъ они цѣлые міры и, создавши, говорятъ: — это добро зѣло.

Истинные господа на землѣ эти таинственные писатели. Если бы повидать хоть одного изъ нихъ когда нибудь. Можетъ быть, онъ подведетъ меня поближе къ тайнѣ своего творчества и я пойму его...

Мечтая такимъ образомъ, Александровъ и предполагать не смѣлъ, что покорный случай готовитъ ему въ скорости личное знакомство съ настоящимъ и даже извѣстнымъ Господиномъ Писателемъ.

ГЛАВА XIII.

С Л А В А.

На вакаціи, передъ поступленіемъ въ Александровское училище Алексѣй Александровъ, жившій все лѣто въ Химкахъ, поѣхалъ погостить на недѣлю къ старшей своей сестрѣ Сонѣ, поселившейся для деревенскаго отдыха въ подмосковномъ большомъ селѣ Красковѣ, въ которомъ сладкогласные мужики зимою промышляли воровствомъ, а въ теплые мѣсяцы сдавали москвичамъ свои избы, порою о двухъ и даже о трехъ этажахъ. Сонинъ домъ Александровъ зналъ еще съ прошлаго года и потому, спрыгнувъ на ходу съ вагонной площадки, быстро и увѣренно дошелъ до него. Но у окна онъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ остановился. Соня играла на піанино, и онъ сразу узналъ: столь любимую имъ вторую рапсодію Листа. Въ этомъ не было, конечно, ничего необыкновеннаго; поразилъ Александрова незнакомый и, по правдѣ сказать, диковинный Сонинъ гость. Онъ былъ длиненъ, худъ и съ такимъ несчетнымъ количествомъ веснушекъ на лицѣ, что издали гость казался крашенымъ въ темно-желтую краску, или страдающимъ желтухою. Одѣтъ онъ былъ фантастически: въ долгую, до земли и преувеличенно - широкую размахайку цвѣта летучей мыши. Высоко и буйно задирая вверхъ клокастую голову, онъ носился взадъ и впередъ по комнатѣ. Лѣвая рука его держала уголъ раз-

махайки и заставляла ее развиваться въ воздухѣ, какъ театральный плащъ Демона. А въ правой рукѣ у незнакомца былъ столовый ножъ, которымъ онъ неистово дирижировалъ въ тактъ сониной музыкѣ.

Эта картина была такъ странна и сверхъестественна, что Александровъ точно припаялся къ оконному стеклу и не могъ сдвинуться съ мѣста. А тутъ Соня добралась до этого дьявольскаго цыганскаго престо-престиссимо, отъ котораго ноги молодыхъ людей начинаютъ сами собой плясать, ноги стариковъ выдѣлываютъ поневолѣ, хоть и съ трудомъ, хоть и совсѣмъ непохоже, лихія па старинныхъ огненныхъ танцевъ, и кости мертвецовъ шевелятся въ могилахъ. Съ желтолицымъ человѣкомъ произошла точно мгновенная судорога. Онъ швырнулъ на полъ свой мышастый разлетай, издалъ дикій вопль и вдругъ, съ такой неожиданной силой и ловкостью запустилъ ножемъ въ стѣну, что остріе вонзилось въ нее и закачалось.

Послышался испуганный крикъ Сони. Александровъ почувствовалъ, что теперь ему, какъ мужчинѣ, необходимо принять участіе въ этомъ странномъ происшествіи. Онъ затрясъ ручку дверного звонка. Соня отворила дверь и испугъ ея прошелъ. Она уже смѣялась.

— Здравствуй, здравствуй, милый Алешенька, — говорила она, цѣлуясь съ братомъ. — Иди скорѣе къ намъ въ столовую. Я тебя познакомлю съ очень интереснымъ человѣкомъ. Позвольте вамъ представить Діодоръ Ивановичъ моего брата. Онъ только что окончилъ кадетскій корпусъ и, черезъ мѣсяцъ станетъ юнкеромъ Александровскаго военнаго училища. А это, Алеша, нашъ знаменитый русскій поэтъ Діодоръ Ивановичъ Миртовъ. Его прелестные стихи часто появляются во всѣхъ прогрессивныхъ журналахъ и газетахъ. Такое наслажденіе читать ихъ!

Желтолицый поэтъ картавилъ, хотя и не безъ пріятности:

— Миговъ, — говорилъ онъ, пожимая руку Алеши, — Діодогъ Миговъ. Очень гадъ, весьма гадъ. Чгезвычайно люблю общество военныхъ людей, а въ особенности молодыхъ.

Соня вспомнила недавнюю трагикомическую сцену:

— Ахъ какъ Діодоръ Ивановичъ меня сейчасъ напугалъ, — сказала она добродушно и весело.

Александровъ осторожно промолчалъ о томъ, что онъ видѣлъ сквозь окно. Немного конфузясь, Миртовъ сталъ выдергивать изъ шелевки, крѣпко завязшій въ немъ ножъ и бурчалъ, точно извиняясь:

—Чегтовская эта музыка венгегская. Электризигуетъ негвнаго человѣка. Слышу эту втогую гапсодію Листа и во мнѣ закипаетъ кровь моихъ дгевнихъ пгедковъ, какихъ-нибудь скифовъ или казаговъ. Ужъ вы меня пгостите, догогая Софья Николаевна. Стихійная у меня натуга и дугацкая.

Александровъ внимательно разсматривалъ лицо знаменитаго поэта, похожее на кукушечье яйцо и тѣсной раскраской и формой. Поэтъ понравился юношѣ: изъ него, сквозь давно наигранную позу, лучилась какая то добрая простота. А театральный жестъ со столовымъ ножемъ Александровъ нашелъ восхитительнымъ: такъ могутъ дѣлать только люди съ яркими страстями, не боящіеся того, что о нихъ скажутъ или подумаютъ обыкновенные людишки.

Въ ту пору дерзость, оригинальность и экспансивность были его героической утѣхой. Недаромъ онъ тогда проходилъ черезъ волшебное обаяніе Дюма-отца. Зато стиховъ Миртова, которыхъ онъ съ неизмѣнной любезностью прочиталъ много, Александровъ совсѣмъ не понялъ и добросовѣстно отнесъ это къ своей малой поэтической воспріимчивости.

Соня, всегда немножко безтактная, не упустила случая сдѣлать неловкость. Въ то время, когда Миртовъ, передыхая между двумя стихотвореніями пилъ пиво, Соня вдругъ сказала:

— А вы знаете, Діодоръ Ивановичъ, нашъ Алеша вѣдь тоже немножко поэтъ, премиленькіе стишки пишетъ. Я, хоть и сестра, но съ удовольствіемъ ихъ читаю. Попросите-ка его что-нибудь продекламировать вслухъ.

Александровъ отъ стыда и отъ злости на сестру сталъ сразу мучительно пунцовымъ, думая про себя: — «О, Богъ мой! До какой степени эти женщины умѣютъ быть безтактными».

Миртовъ какимъ то придавленнымъ голосомъ, съ искривленною улыбкой сказалъ:

— А что же, молодой воинъ. Прочитайте, прочитайте. Мы, старики, всѣмъ сердцемъ радуемся каждому юному пришельцу. Почитайте, пожалуйста.

Александровъ чуткимъ ухомъ услышалъ и понялъ, что никакіе стихи, кромѣ собственныхъ, Миртова совсѣмъ не интересуетъ, а тѣмъ болѣе дѣтскіе, наивные, жалкіе и неумѣлые. Онъ изо всѣхъ силь набросился на сестру:

— Какъ тебѣ не совѣстно, Соня? И какіе же это стихи. Ни смысла, ни музыки. Обыкновенныя вирши бездѣльника-мальчишки: розы — грозы, ушелъ — пришолъ, время — бремя, любовь — кровь, камень — пламень. А дальше и нѣтъ ничего. Вы, ужъ, пожалуйста, Діодоръ Ивановичъ, не слушайтесь ее, она въ стихахъ понимаетъ, какъ свинья въ апельсинахъ. Да и я — тоже. Нѣтъ, прочитайте намъ еще что нибудь ваше.

Такимъ образомъ и подружились пятидесятилѣтній, уже замѣтно тронутый сѣдиною, извѣстный поэтъ Миртовъ съ беззаботнымъ мальчуганомъ Александровымъ.

Миртовъ былъ сосѣдомъ Сони, тоже снималъ дачку въ Красковѣ. Всю недѣлю, пока Александровъ гостилъ у сестры, они почти не разставались. Ходили вмѣстѣ въ лѣсокъ за грибами, земляникой и брусникой и два раза въ день купались въ холодной и быстрой рѣчонкѣ.

У Миртова былъ огромный трехлѣтній песъ сенбернарской чистой породы — по кличкѣ — «Другъ». Собака была у писателя, какъ говорится, не въ рукахъ: слишкомъ тяжелъ, старъ и неуклюжъ былъ матерый писатель, чтобы цѣлый день заниматься собакой: мыть ее, чесать, купать, во время кормить, развлекать и дрессировать и слѣдить за ея здоровьемъ. За то Другъ охотно пошелъ къ Александрову, какъ веселый сверстникъ и компаньонъ по проказамъ. Началась ихъ пріязнь такъ: Другъ по какому-то давнишнему капризу ни за что не хотѣлъ лазить въ рѣчную воду, а тѣми обливаніями на сушѣ, какими его угощалъ хозяинъ, онъ всегда оставался недоволенъ: фыркалъ, рычалъ, вырывался изъ рукъ, убѣгалъ домой и даже при всей своей ангельской кротости, иногда угражалъ укусомъ.

Александровъ справился съ нимъ однимъ разомъ. Ужъ не такая большая тяжесть для семнадцатилѣтняго юноши три пуда. Онъ взялъ Друга обѣими руками подъ животъ, поднялъ и, вмѣстѣ съ Другомъ вошелъ въ воду по грудь. Сенбернаръ точно этого только и дожидался. Почувствовавъ и увѣрившись, что жидкая вода отлично держитъ его косматое тѣло, онъ очень быстро освоился съ плаваніемъ и полюбилъ его.

Вскорѣ онъ и Алексѣй стали задавать въ рѣчкѣ настоящіе морскіе бои и правильныя гонки. Съ этого почина, собака довѣрчиво и съ удовольствіемъ влегла въ тренировку. Увлеченный этимъ милымъ занятіемъ и охотной понятливостью ученика, Александровъ, вмѣсто недѣли, пробылъ въ Красковѣ двѣ съ половиной.

Миртовъ благодарно полюбилъ эти купанья и прогулки втроемъ. Онъ былъ очень одинокій человѣкъ. Въ домѣ у него никого не было, кромѣ собаки и старой престарой кухарки, которая ничего не слышала, не понимала и не умѣла, кромѣ какъ бѣгать за пивомъ.

Иногда онъ говорилъ Александрову: — «Знаете что, Алеша? — поэзія есть вещь нелегкая. Тутъ нуженъ, во-истину, Божій даръ и вдохновеніе свыше. Милліоны было поэтовъ, и даже очень извѣстныхъ, а, по провѣркѣ временемъ, осталось ихъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ не болѣе двухъ десятковъ, конечно, не считая меня. А вы попробуйте-ка когда нибудь сочинить прозу. У васъ глазъ мѣткій, ноздри, какъ у песика, наблюдательность большая, и, кромѣ того, самое простое и самое цѣнное достоинство: вы любите жизнь. Напишите когда нибудь свѣженькій разсказъ и принесите мнѣ на Плющиху, гдѣ я всегда зимую. Я вамъ первую ступеньку съ удовольствіемъ подставлю, а тамъ — что Богу будетъ угодно. Послѣ маленькаго разсказика, съ воробьиный носъ, напишите повѣстушку, а тамъ глядь и романище о восьми частяхъ, какъ пишетъ современный король и богъ русской изящной литературы Левъ Толстой. Да. кстати, рекомендую вамъ этого всемогущаго льва читать порѣже, а то потеряете и собственную индивидуальность, и вкусъ къ своей работѣ. Это только въ древнія библейскія времена смертный Іаковъ осмѣлился бороться съ Богомъ и отдѣлался сравнительно дешево — сломанной ногой. Теперь чудесъ не бываетъ.

А когда пришелъ Александрову срокъ уѣзжать изъ Краскова, то Миртовъ съ сенбернаромъ проводили его на полустанокъ, и вслѣдъ уходящему поѣзду Миртовъ кричалъ, размахивая платкомъ:

— Смотрите, не забывайте меня и Друга, пріѣзжайте. Адресъ — Плющиха, домъ Грязнова. Я живу вверху на голубятнѣ. Ближе къ Богу.

Въ Москвѣ, уже ставши юнкеромъ, Александровъ нерѣдко встрѣчался съ Діодоромъ Ивановичемъ: то раза три у него на квартирѣ, то у сестры Сони въ гостиницѣ Фальцфейна, то на улицахъ, гдѣ чаще всего встрѣчаются москвичи. И всегда на прощанье не забывалъ Миртовъ дружески сказать:

— А что же разсказецъ то? Жду, жду. Не медлите, дорогой Алеша. Время течетъ. Течетъ.

Вотъ именно, объ этомъ желтолицемъ и такъ мило сумбурномъ поэтѣ думалъ Александровъ, когда такъ торжественно обѣщалъ Оленькѣ Синельниковой, на свадьбѣ ея сестры, написать замѣчательное сочиненіе, которое будетъ напечатано и печатно посвящено ей, новой царицѣ его изстрадавшейся души.

Обѣщаніе было принято и, какъ мистической печатью, было припечатано быстымъ, сухимъ и горячимъ поцѣлуемъ. Теперь оставалось только написать разсказъ, а тамъ ужъ Миртовъ непремѣнно сунетъ его въ журналъ какой нибудь.

И съ этого времени, даже, можно сказать, со слѣдующаго дня, Александровъ яростно предался самому тяжелому, самому взыскательному изъ творчествъ: творчеству слова. Конечно, напраснымъ оказался мудрый совѣтъ Діодора Ивановича: писать о томъ, что ты лично видѣлъ, слышалъ, осязалъ, обонялъ, чувствовалъ и наблюдалъ, нанизывая эти впечатлѣнія на любую, хотя бы скудную нить происшествія. Нѣтъ, онъ отрицалъ тонкія изысканныя подробности, которыя придавали бы разсказу естественность движенія. Онъ не умѣлъ придать своимъ персонажамъ различные оттѣнки въ голосахъ, привычкахъ, склонностяхъ и недостаткахъ. Черное у него было густо чернымъ, какъ самая черная ночь. Бѣлое — бѣло, какъ крылья архангела, или какъ цвѣтокъ лиліи, красное — красно, какъ огонь. Оттѣнковъ или переливовъ онъ знать не хотѣлъ и нужды въ нихъ не чувствовалъ. Ревность для него была, по давнишнему Шекспиру, «чудовищемъ съ зелеными глазами», любовь — упоительной и пламенной, вѣрность — такъ непремѣнно до гробовой доски.

На такихъ-то пружинахъ и подпоркахъ онъ и соорудилъ свою сюиту (онъ не зналъ значенія этого иностраннаго слова), сюиту «Послѣдній Дебютъ». Въ ней говорилось о тѣхъ вещахъ, и чувствахъ, которыхъ

восемнадцатилѣній юноша никогда не видѣлъ и не зналъ: театральный міръ и трагическая любовь къ самоубійствамъ. Скелетъ разсказа былъ такой:

Утромъ, въ дневной полутьмѣ, на сценѣ большого провинціальнаго театра идетъ репетиція. Анемподистовъ, антрепренеръ, онъ же директоръ и режиссеръ, предлагаетъ второй актрисѣ — Струниной пройти роль Вари.

— Но вѣдь это моя коронная роль, — съ ужасомъ восклицаетъ первая актриса Торова-Монская, любовница Анемподистова.

— Ахъ, не волнуйтесь, дорогуля, — говоритъ директоръ, труппа у насъ совсѣмъ небольшая. Надо иногда, во внезапныхъ случаяхъ, замѣнять одинъ другого.

— Ты ее любишь? Ты ее любишь? — горячо шепчетъ ему на ухо актриса Торова-Монская.

— Оставь, милая. Ты знаешь, что во всемъ мірѣ я люблю тебя одну.

Дальше дѣйствіе разсказа переносится за кулисы, въ уборную. Рѣшено, что Варю будетъ играть Струнина. Публика любитъ новыя впечатлѣнія. Торова-Монская можетъ отдохнуть немножко.

Но Монская сказала гордо: — Я здѣсь и я останусь. Струнина можетъ играть завтра или когда ей будетъ угодно. Но я играю нынче въ послѣдній разъ. Слышите ли вы, хамъ анемподійскій! Сегодня я играю въ самый послѣдній разъ.

И съ этими словами вышла на сцену.

О, Боже, какъ приняла ее публика, увидѣвъ ея блѣдное, страдальческое лицо и огромные сѣрые глаза! Съ каждымъ актомъ игра ея производила все болѣе грандіозное впечатлѣніе на публику, переполнявшую театръ. И вотъ подошла послѣдняя сцена, сцена, въ которой Варя отравляется.

Артистка подошла къ рампѣ и потрясающимъ голосомъ сказала: — Если любовь — то великое счастье. Если обманъ — то смерть. — И съ этими сло-

вами поднесла къ губамъ пузырекъ и вдругъ упала въ страшныхъ конвульсіяхъ.

«Доктора! доктора! О, какой ужасъ! — закричала публика. — Скорѣе доктора!» Но докторъ уже былъ ненуженъ. Великая артистка умерла...

Съ блаженнымъ чувствомъ оконченнаго большого труда сдѣлалъ юнкеръ красивую подпись: *Алеханъ Андровъ*. И украсилъ ее замысловатымъ росчеркомъ.

Сто разъ перечиталъ Александровъ свое произведеніе и по крайней мѣрѣ десять разъ переписалъ его самымъ лучшимъ своимъ почеркомъ. Нѣтъ сомнѣній — сюита была очень хороша. Она трогала, умиляла и восхищала автора. Но было въ его восторгахъ какое-то непонятное и невидимое пятно, какая-то постыдная неловкость очень давняго происхожденія, какая-то неуловимая болячка, которую Александровъ не могъ опредѣлить.

Тѣмъ не менѣе, въ одно изъ ближайшихъ воскресеній, онъ пошелъ на Плющиху и съ колотящимся сердцемъ взобрался на Голубятню, на чердачный этажъ стараго деревяннаго московскаго дома. Надѣвши на носъ большія очки, скрѣпленныя на сломанной пережабинкѣ кускомъ сургуча, Миртовъ охотно и внимательно прочиталъ произведеніе своего молодого пріятеля. Читалъ онъ вслухъ и, по старой привычкѣ, немного нараспѣвъ, что придавало сюитѣ важный, глубокій и красиво-печальный характеръ.

Юнкеръ и громадный сенъ-бернаръ слушали его чтеніе съ нескрываемымъ умиленіемъ. Другъ даже вздыхалъ.

Наконецъ, Діодоръ Ивановичъ кончилъ, положилъ очки и рукопись на письменный столъ и съ затуманенными глазами сказалъ:

— Пгекгасно, мой догогой. Я вамъ говогю: пгекгасно. Зоилы найдутъ, можетъ быть, какіе-нибудь недосмотры, погрѣшности или еще что-нибудь, но на то они и зоилы. А вѣдь красивую дѣвушку

осьмнадцати лѣтъ не могутъ испортить ни родинка, ни рябинка, ни царапинка. Анисья Харитоновна, — закричалъ онъ, — принесите-ка намъ бутылку пива, вспрыснуть новорожденнаго! Ну, мой добрый и славный другъ, поздравляю васъ съ посвященіемъ въ рыцари пера. Пишите много, хорошо и на пользу, на радость человѣчеству!

Они чокнулись пивомъ и расцѣловались.

Немного погодя и уже собираясь уходить, Александровъ спросилъ: можно ли ему будетъ написать впереди сюиты маленькій эпиграфъ. Не сочтутъ ли это за ломаніе?

— О, совсѣмъ нѣтъ, эпиграфъ прелестная вещь. Что же вы хотите написать.

— Да всего двѣ строчки изъ Гейне.

— Хорошій поэтъ, чудесный. Какія же?

Александровъ прочиталъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: «Я раненый на смерть игралъ, гладіатора бой представляя».

— Пгекгасно, великолѣпно, вѣская цитата, — одобрилъ Миртовъ.

Тутъ юнкеръ, осмѣлѣвъ, рѣшился спросить и насчетъ посвященія.

— А что же?.. Катайте. Ей? Конечно, ей?

Юноша покраснѣлъ отъ головы до пятокъ.

— Да, одной моей хорошей знакомой, въ память уваженія, дружбы и... Но слѣдующій мой разсказъ непремѣнно будетъ посвященъ вамъ, дорогой Діодоръ Ивановичъ, вамъ, мой добрый и высокоталантливый учитель!

Миртовъ засмѣялся, показавъ беззубый ротъ, потомъ обнялъ юнкера и повелъ его къ двери.

— Не забывайте меня. Заходите всегда, когда свободны. А я на этихъ дняхъ постараюсь устроить вашу рукопись въ «Московскій Ручей», въ «Вечерніе Досуги», въ «Русскій Цвѣтникъ» (хотя онъ чуточку слиш-

комъ консервативенъ), или еще въ какое-нибудь изданіе. А о результатѣ я васъ увѣдомлю открыткой. Ну, прощайте. Впередъ безъ страха и сомнѣнья!

***

Но страхъ и сомнѣнія терзали бѣднаго Александрова немилосердно. Время разстягивалось, подобно резинѣ. Дни ожиданія тянулись, какъ мѣсяцы, недѣли — какъ годы. Никому онъ не сказалъ о своей первой дерзновенной литературной попыткѣ, даже вѣрнѣйшему другу Венсану; бродилъ какъ безумный по заламъ и коридорамъ, ужасаясь длительности времени.

И вотъ, наконецъ, открытое письмо отъ Діодора Ивановича. Пришло оно во вторникъ: «Взяли Вечерніе Досуги. Въ это воскресеніе, самое большее — въ слѣдующее, появится въ газетныхъ кіоскахъ. Увы, я заболѣлъ инфлюэнцой, не встаю съ постели. Отыщите сами. Вашъ Д. Миртовъ».

Въ первое воскресеніе Александровъ обѣгалъ десятка два кіосковъ, спрашивая послѣдніе номера «Вечернихъ Досуговъ», надѣясь на чудо и не довѣряя собственнымъ глазамъ. Къ его огорченію, всѣ «Досуги» были одинаковы, и ни въ одномъ изъ нихъ не было его замѣчательной сюиты «Послѣдній дебютъ».

Въ слѣдующее воскресеніе онъ не имѣлъ возможности предпринять снова свои лихорадочные поиски, потому что, въ наказаніе за единицу по фортификаціи, былъ лишенъ этимъ проклятымъ Дроздомъ отпуска.

Что дѣлать? Пришлось открыть свою непроницаемую тайну милому товарищу Венсану, и тотъ съ обычной любезной готовностью взялся найти и купить очередной номеръ «Досуговъ».

Весь день терзался Александровъ нестерпимой мукой празднаго ожиданія. Около восьми часовъ ве-

чера стали приходить изъ отпуска юнкера, подымаясь снизу по широкой лѣстницѣ. Перекинувшись тѣломъ черезъ мраморныя перила, Александровъ еще издали узналъ Венсана и затрепеталъ отъ холодной дрожи восторга, когда прочиталъ въ его широкой сіяющей улыбкѣ знаменіе побѣды.

Держать въ рукахъ свое первое признанное сочиненіе, вышедшее на прекрасной глянцевитой бумагѣ, видѣть свои слова напечатанными чернымъ, вѣчнымъ, несмываемымъ шрифтомъ, ощущать могучій запахъ типографской краски... что можетъ сравниться съ этимъ удивительнымъ впечатлѣніемъ, кромѣ (конечно, въ слабой степени) тѣхъ неописуемыхъ блаженныхъ чувствъ, которыя испытываетъ, послѣ страшныхъ болей, впервые родившая молодая мать, когда со слабою прелестною улыбкой показываетъ мужу ихъ младенца-первенца.

Во всякомъ случаѣ, наплывъ радости былъ такъ буренъ, что Александровъ не могъ стоять на ногахъ. Его тѣло требовало движенія. Онъ сталъ перепрыгивать безъ разбѣга черезъ одну за другой кровати, стоявшія ровнымъ, стройнымъ рядомъ, туда и обратно и еще одинъ разъ. Только тогда онъ усѣлся на своей койкѣ и принялся за чтеніе, съ бьющимся сердцемъ. Онъ прочиталъ сюиту два раза, сначала съ летучей бѣглостью, потомъ болѣе внимательно — и такъ, и такъ произведеніе было восхитительно. Онъ далъ его прочитать Венсану, а самъ глядѣлъ черезъ его плечо, поминутно отнимая у него листки, чтобы прочитать вслухъ наиболѣе сильныя мѣста. Потомъ завладѣлъ «Вечерними Досугами» весь первый курсъ четвертой роты, потомъ пришли сверстники-фараоны другихъ ротъ, потомъ заинтересовались и господа оберъ-офицеры всѣхъ ротъ.

Слава юнкера, ставшаго писателемъ, молніями бѣжала по всѣмъ заламъ, коридорамъ, помѣщеніямъ и закоулкамъ училища. Спросъ на номеръ «Вечернихъ Досуговъ» былъ колоссальный.

Къ Александрову шла со своимъ шумомъ настоящая слава, которая отозвалась усталостью и головной болью.

Ночь онъ провелъ тяжело и нудно. Сначала долго не могъ заснуть, потомъ ежеминутно просыпался. На тускломъ зимнемъ разсвѣтѣ всталъ очень рано съ тяжестью во всемъ тѣлѣ и съ непріятнымъ вкусомъ во рту.

ГЛАВА XIV.

ПОѲОРЪ.

Рота умылась, вычистилась, одѣлась и выстроилась въ коридорѣ, чтобы итти строемъ на утренній чай.

Къ перекличкѣ, какъ и всегда, явился Дроздъ и сталъ на лѣвомъ флангѣ. Перекличка сошла благополучно. Юнкера оказались налицо. Никакихъ событій въ теченіе ночи не произошло. Дроздъ перешелъ на середину роты.

— Юнкеръ Александровъ, — вызвалъ онъ спокойнымъ голосомъ.

— Я, — отозвался звучно Александровъ и ловко сдѣлалъ два шага впередъ.

— До моего свѣдѣнія дошло, что вы не только написали, но также и отдали въ журнальную печать какое-то тамъ сочиненіе и читали его вчера вечеромъ нѣкоторымъ юнкерамъ нашего училища. Правда ли это?

— Такъ точно, господинъ капитанъ.

— Потрудитесь сейчасъ же принести мнѣ это произведеніе вашего искусства.

Александровъ побѣжалъ къ своему уборному шкапчику. Дорогой онъ думалъ сердито:

«Какъ же могъ Дроздъ узнать о моей сюитѣ?.. Откуда? Ни одинъ юнкеръ, все равно, будь онъ фараонъ, или оберъ-офицеръ, портупей, или даже фельд-

фебель, — никогда не позволитъ себѣ донести начальству о личной, частной жизни юнкера, если только его дѣло не грозило урономъ чести и достоинства училища.

«Эко какое запутанное положеніе»... Въ голову не могла ему придти простая мысль о томъ, что самому Дрозду или одному изъ другихъ офицеровъ училища, или какимъ-нибудь внѣучилищнымъ ихъ знакомымъ могъ попасться подъ руки воскресный экземпляръ *«Вечернихъ Досуговъ»*.

— Пожалуйте, господинъ капитанъ, сказалъ Александровъ, подавая листки.

Дроздъ сухо приказалъ:

— «Сейчасъ же отправляйтесь въ карцеръ на трое сутокъ, съ исполненіемъ служебныхъ обязанностей. А журналишко вашъ я разорву на мелкія части и брошу въ нужникъ»... и крикнулъ:

— «Фельдфебель, ведите роту».

И вотъ Александровъ въ одиночномъ карцерѣ. На лекціи и на спеціальныя военныя занятія его выпускаетъ на часъ, на два сторожъ, прикомандированный къ училищу ефрейторъ Перновскаго гренадерскаго полка. Онъ же приноситъ узнику завтракъ, обѣдъ и чай съ булкой.

У юнкеровъ было много своихъ домашнихъ неписанныхъ старинныхъ обычаевъ, такъ сказать, «адатовъ». По одному изъ нихъ, юнкеру находящемуся подъ арестомъ и выпускаемому въ роту для служебныхъ занятій, совѣтовалось не говорить со свободными товарищами и, вообще, не вступать съ ними ни въ какія недѣловыя отношенія, дабы не дать ротному командиру и курсовымъ офицерамъ возможности заподозрить, что юнкера могутъ дѣлать что нибудь тайкомъ, исподтишка, прячась. Вѣдь травили же они свое начальство, совсѣмъ въ открытую, ядовитыми и даже часто нецензурными прозвищами. А въ этомъ законѣ собственнаго издѣлія была несомнѣнно тѣнь нѣкотораго рыцарства.

Однако, Александровъ все-таки не удержался отъ нарушенія юнкерскаго обычая. За урокомъ гимнастики, работая на параллельныхъ брусьяхъ, онъ успѣлъ шепнуть Венсану:

— Голубчикъ Венсанъ, достаньте мнѣ какую нибудь книжку изъ ротной библіотеки и передайте черезъ сторожа... Ужасная тоска.

— Постараюсь, — сказалъ Венсанъ и быстро отошелъ прочь.

И правда! бѣдный Александровъ изнывалъ отъ скуки, бездѣлья и униженія. Вчера еще тріумфаторъ, гордость училища, молодой, блестящіе начинающій писатель — онъ нынче только наказанный, жалкій фараонъ, уныло снующій взадъ и впередъ на пространствѣ въ шесть квадратныхъ аршинъ. Иногда, ложась на деревянныя нары и глядя въ высокій потолокъ, Александровъ пробовалъ возстановить въ памяти слово за словомъ, весь текстъ своей прекрасной сюиты «Послѣдній дебютъ». И вдругъ ему приходило въ голову ядовитое сомнѣніе:

«А въ сущности, вѣдь, пожалуй, такое заглавіе: «Послѣдній дебютъ» можетъ показаться неточнымъ и даже нелѣпымъ. Дебютъ, вѣдь это начало, какъ и въ шахматахъ, это — первое, пробное выступленіе артистки, а у меня актриса Торова Монская (фу, и фамилія то какая то надуманная и неестественная) у меня она, по разсказу имѣетъ и большой опытъ и извѣстное имя. Первый дебютъ — это и понятно, и пріемлемо и для читателей. Названіе же: «Послѣдній дебютъ» вызываетъ невольное недоумѣніе. Можно подумать, что моя, все-таки уже не очень молодая героиня только и знала въ своей актерской жизни, что дебютировала и дебютировала и всегда неудачно, пока не додебютировалась до самоубійства...

И вотъ опять стало въ подсознаніе Александрова прокрадываться то темное пятно, та невѣдомая болячка, та давно знакомая досадная неловкость, которыя онъ испытывалъ порою, перечитывая въ двад-

цатый разъ свою рукопись. И чѣмъ болѣе онъ теперь вчитывался мысленно, по памяти, въ «Послѣднiй дебютъ», тѣмъ болѣе онъ находилъ въ немъ корявыхъ тусклыхъ мѣстъ, натяжекъ, ученическаго напряженiя, невыразительныхъ фразъ, тяжелыхъ оборотовъ.

« Нѣтъ это мнѣ только такъ кажется — пробовалъ онъ себя утѣшить и оправдаться передъ собою. — Ужъ очень много было въ послѣднiе дни томленiя, ожиданiя и непрiятностей, и я скисъ. Но, вѣдь въ редакцiяхъ не пропускаютъ вещей неудовлетворительныхъ и плохо написанныхъ. Вотъ принесетъ Венсанъ какую нибудь чужую книжку и я отдохну, забуду сюиту, отвлекусь и опять все снова будетъ хорошо и ясно, и мило... Перемѣна вкусовъ...»

Въ шесть часовъ вечера въ свободное послѣобѣденное время сторожъ, перновскiй ефрейторъ, постучался въ рѣшетчатую дверь карцера.

— Вамъ, господинъ юнкеръ, книжку какуюсь принесли. Извольте преполучить.

Эта книга, сильно потрепанная, была вовсе незнакома Александрову.

«Казаки». Повѣсть. Сочиненiе графа Толстого, прочиталъ онъ на обложкѣ.

«— Должно быть не очень ужъ интересно, что то изъ исторiи... но, для кутузки, и такое кушанье подойдетъ».

— Скажи господину юнкеру, что очень благодарю.

Началъ онъ читать эту повѣсть часовъ въ шесть съ небольшимъ вечера, читалъ всю ночь, не отрываясь, а окончилъ уже тогда, когда утреннiй лѣнивый бѣлый свѣтъ проникъ сквозь рѣшетчатую дверь карцера.

«Что же это такое, — шепталъ онъ, изнеможенный, потрясенный и очарованный, ероша и крутя отчаянно волосы на головѣ. — Господи, что же это за великое чудо? Ну я понимаю: талантъ, генiй, вдохновенiе свыше... это Шекспиръ, Гете, Байронъ, Гомеръ,

Пушкинъ, Сервантесъ, Данте, небожители, витавшіе въ облакахъ, питавшіеся амброзіею и нектаромъ, говорившіе съ богами и такъ далѣе и тому подобное... То есть, я не понимаю, но съ благоговѣніемъ признаю и преклоняюсь. Но, Господи Боже мой, какъ же это такъ. Простой, обыкновенный человѣкъ, даже еще и съ титуломъ графа, человѣкъ у котораго двѣ руки, двѣ ноги, два глаза, два уха и одинъ носъ, человѣкъ который, какъ и всѣ мы, ѣстъ, пьетъ, дышитъ, сморкается и спитъ... и вдругъ онъ, самыми простыми словами, безъ малѣйшаго труда и напряженія, безъ всякихъ слѣдовъ выдумки взялъ и спокойно разсказалъ о томъ, что видѣлъ, и у него выросла несравненная недосягаемая, прелестная и совершенно простая повѣсть.

И Александровъ подобно Оленину, увидѣвшему впервые на станціи горы, началъ съ блаженнымъ ненасытнымъ голодомъ въ душѣ перечислять:

«Ну Оленинъ — это баринъ, это интеллигентъ, что о немъ говорить. А дядя Ерошка! А Лукашка! А Марьянка! А станичный сотникъ, изъяснявшійся такъ манерно. А застрѣленный Абрекъ! А его братъ, пріѣхавшій въ челнокѣ выкупать трупъ. А Ванюшка молодой лакеишка съ его глупыми французскими словечками. А ночныя бабочки, вьющіяся вокругъ фонаря. — Дурочка, куда ты летишь. Вѣдь я тебя жалѣю...

И тутъ вдругъ оборвался молитвенный восторгъ Александрова: «А я то, я. Какъ я могъ осмѣлиться взяться за перо, ничего въ жизни не зная, не видя, не слыша и не умѣя. Чего стоитъ эта распроклятая, изъ пальца высосанная сюита. Развѣ въ ней есть хоть малюсенькая черточка жизненной правды. И вся она по бѣдности, блѣдности и неумѣлости похожа... похожа... похожа...

Въ этотъ моментъ его память внезапно какъ бы освѣтилась, и сразу ясной стала, бередившая его недавно тревога, причиняемая какой то необъяснимой болячкой, нуднымъ и неловкимъ пятномъ.

— «Да, — сказалъ онъ съ горькимъ мужествомъ, — твой «Послѣдній дебютъ», о, несчастный, похожъ ни на что иное, какъ на тѣ глупые стихи, которые ты написалъ въ семилѣтнемъ возрастѣ

Скорѣе, о, птички летите
Вы въ теплыя страны отъ насъ,
Когда-жъ вы опять прилетите,
То будетъ ужъ лѣто у насъ.

Въ лугахъ запестрѣютъ цвѣточки
И солнышко ихъ освѣтитъ,
Деревья распустятъ листочки
И будетъ прелестнѣйшій видъ.

И, ударивъ изо всѣхъ силъ ладонью по дубовому столу, онъ сказалъ громко:

— «Къ черту! Конецъ баловству!

Дроздъ продержалъ Александрова вмѣсто трехъ сутокъ только двое. На третій день утромъ онъ пришелъ въ карцеръ и самъ выпустилъ арестованнаго.

— «Вы знаете юнкеръ Александровъ, — спросилъ онъ, — за что вы были арестованы?

— Такъ точно, господинъ капитанъ. За то, что я написалъ самое глупое и пошлое сочиненіе, которое когда либо появлялось на свѣтъ Божій.

— Ну нѣтъ, — возразилъ Дроздъ мягко, — униженіе паче гордости. Очень можетъ быть, что вашъ трудъ имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства. Но вина ваша заключается въ томъ, что вы небрежно изучали военные уставы и особенно уставъ внутренней службы. Тамъ ясно сказано: Если кто изъ военнослужащихъ напишетъ какую либо рукопись и захочетъ отдать ее для напечатанія, — то долженъ объ этомъ сообщить и рукопись представить своему непосредственному начальнику. Вы, напримѣръ, — вашему фельдфебелю. Онъ сообщаетъ о вашемъ намѣреніи и вручаетъ вашу рукопись мнѣ. Я — командиру бата-

льона, послѣдній — начальнику училища. Такимъ образомъ его превосходительство является вашимъ послѣднимъ судьей и разрѣшителемъ. Въ случаѣ разрѣшенія для печати, оригиналъ вашъ идетъ въ обратномъ порядкѣ внизъ, вплодь до фельдфебеля, который и сообщаетъ вамъ о разрѣшеніи или воспрещеніи. Понятно.

— Такъ точно, господинъ капитанъ.

— Ну, теперь идите въ роту и, кстати, возьмите съ собою вашъ журнальчикъ. Нельзя сказать, чтобы очень ужъ плохо было написано. Мнѣ моя тетушка первая указала на этотъ номеръ «Досуговъ», который случайно купила. Псевдонимъ вашъ оказался чрезвычайно прозрачнымъ, а кромѣ того, третьяго дня вечеромъ я проходилъ по ротѣ и отлично слышалъ галдежъ о вашемъ литературномъ успѣхѣ. А теперь, юнкеръ, — онъ скомандовалъ, какъ на ученіи:

— На мѣсто. Бѣгомъ ма-а-аршъ.

Александровъ больше уже не перечитывалъ своего, такъ быстро облинявшаго творенія и не упивался запахомъ типографіи. Вѣрный обѣщанію, онъ въ тотъ же день послалъ Оленькѣ, по почтѣ, нумеръ «Вечернихъ Досуговъ», не предчувствуя новаго грядущаго огорченія.

Было очень рѣдкимъ примѣромъ разсѣянности и невниманія то обстоятельство, что, перечитавши безконечно много разъ свой «Послѣдній дебютъ», онъ совсѣмъ небрежно отнесся къ посвященію, пробѣгая его вскользь. А между тѣмъ въ посвященіе вкралась роковая ошибка.

Посвящается
О. Н.
Син- - - никовой.

Но сильна, о могучая, вѣчная власть первой любви! О, незабываемая сладость милаго имени! Ру-

ка бывшей, но еще не умершей любви двигала пером юноши и онъ въ инициалахъ, точно лунатикъ, безсознательно поставилъ, вмѣсто буквы «О» букву «Ю». Такъ и было оттиснуто въ типографіи.

Черезъ два дня Александровъ получилъ зловѣщій, ядовитый отвѣтъ:

«Я получила журналъ съ Вашимъ сочиненіемъ. Говоря по правдѣ, Вы свободно могли бы не утруждать себя этой присылкой. Судя по начальной буквѣ «Ю», посвященіе сдѣлано не мнѣ, а какой то другой особѣ, которой имя начинается на букву «Ю».

«Такъ же странной мнѣ показалась и подпись подъ произведеніемъ. Очевидно, господинъ Алеханъ Андровъ — знатный сынъ востока и есть авторъ этого замѣчательнаго созданія, прочитать которое у меня не было ни свободнаго времени и ни малѣйшаго желанія.

«По нѣкоторымъ причинамъ я врядъ ли смогу когда- нибудь увидѣться съ Вами, и потому прощайте.

О. Синельникова».

Черезъ недѣли двѣ-три, въ тотъ часъ, когда юнкера уже вернулись отъ обѣда и были времснно свободны отъ занятій, дежурный оберъ-офицеръ 4-ой роты закричалъ во весь голосъ:

— Юнкеръ Александровъ. Въ пріемную, на свиданіе.

Александровъ подбѣжалъ къ нему: — Не знаете ли кто?

— Не знаю. Какой то шпакъ.

Шпаками назывались въ училищѣ всѣ безъ исключенія штатскіе люди, отношеніе къ которымъ съ незапамятныхъ временъ было презрительное и пренебрежительное. Была въ ходу у юнкеровъ одна старинная пѣсенка, въ которую входилъ такой куплетъ:

Терпѣть я штатскихъ не могу
И называю ихъ шпаками,

И даже бабушка моя
Ихъ бьетъ по мордѣ башмаками.

Зато военныхъ я люблю,
Они такіе, право, хваты,
Что даже бабушка моя
Пошла охотно бы въ солдаты.

Александровъ быстро, хотя и безъ большого удовольствія, сбѣжалъ внизъ. Тамъ его дожидался не просто шпакъ, а шпакъ, если такъ можно выразиться, въ квадратѣ и даже въ кубѣ, и потому ужасно компрометантный. Былъ онъ, какъ всегда, въ своей широченной разлетайкѣ и съ такимъ же рябымъ, какъ кукушечье яйцо лицомъ, словомъ, это былъ знаменитый поэтъ, Діодоръ Ивановичъ Миртовъ, который, въ свою очередь чувствовалъ большое замѣшательство, попавши въ насквозь военную сферу.

— Я только на минутку, Алеша. Пришелъ поздравить васъ съ рожденіемъ первенца и передать вамъ гонораръ, десять рублей. И ужъ вы меня простите, сейчасъ же бѣгу домой. Сижу я здѣсь и все мнѣ кажется: а вдругъ вы всѣ сейчасъ начнете стрѣлять. Адье, Алеша, и не забывайте мой домъ на голубятнѣ.

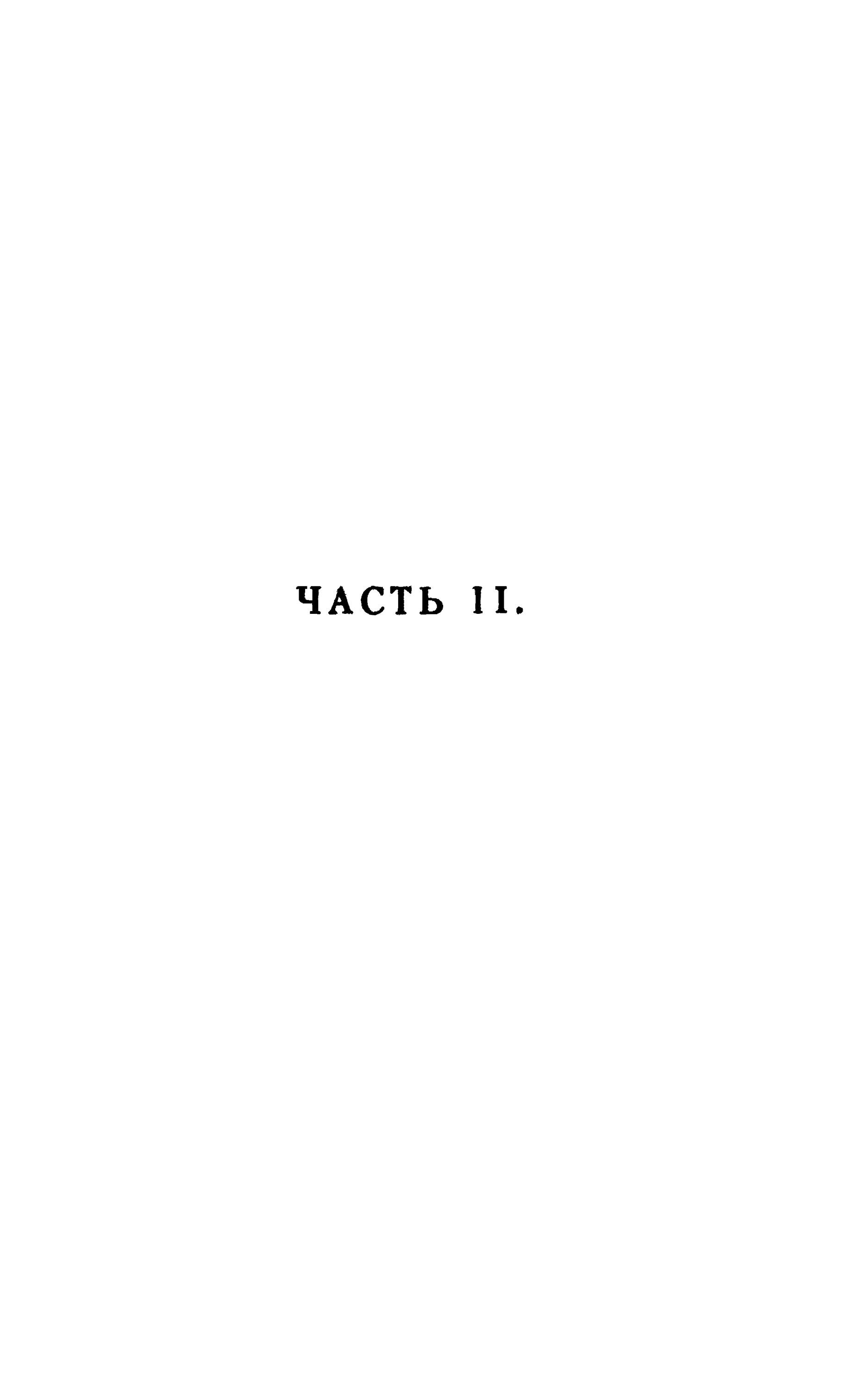
И онъ такъ быстро исчезъ, точно провалился сквозь театральный люкъ.

Свѣжая совѣсть подсказала было юнкеру бѣжать, вернуть поэта назадъ и отдать ему деньги, взятыя за ничего нестоющую сюиту, но разыграть такую неуклюжую сцену въ присутствіи дежурнаго офицера! (вѣдь Миртовъ, несомнѣнно, будетъ противорѣчить), показалось ему зазорнымъ и постыднымъ.

Десять рублей — это была огромная, сказочная сумма. Такихъ большихъ денегъ Александровъ никогда еще не держалъ въ своихъ рукахъ, и онъ съ ними распорядился чрезвычайно быстро: за шесть рублей онъ купилъ мамѣ шевровые ботинки, о которыхъ она, отказывавшая себѣ во всемъ, частенько мечтала какъ о

невозможномъ чудѣ. Онъ взялъ для нея самый маленькій дамскій размѣръ и то потомъ старушкѣ пришлось самой сходить въ магазинъ, перемѣнить купленные ботинки на недомѣрокъ. Ноги ея были чрезвычайно малы.

На два рубля Александровъ и Венсанъ два раза угощались севастьяновскими пирожными, посылая за ними служащаго. На остальные же два они въ воскресенье пошли въ Татерсалъ и около часа ѣздили верхомъ, что считалось утонченнѣйшимъ наслажденіемъ.



ЧАСТЬ II.

ГЛАВА XV.

ГОСПОДИНЪ ОБЕРЪ-ОФИЦЕРЪ.

Правильно и мудро сказалъ когда то знаменитый писатель Діодоръ Ивановичъ Миртовъ (съ которымъ Александровъ, послѣ своего литературнаго провала, пересталъ видѣться изъ-за горькаго и мучительнаго стыда):

— Время течетъ, течетъ. Ничто его не остановитъ и ничто не повернетъ обратно. Аминь.

Средина и конецъ 1888-го года были фатальны для мечтательнаго юноши, глубоко принимавшаго къ сердцу всѣ радости и неудачи. Черныхъ дней выпадало на его долю гораздо больше, чѣмъ свѣтлыхъ: тоскливое, нудное пребываніе въ скучномъ положеніи молодого, начинающаго фараона, суровая, утомительная строевая муштровка, грубые окрики, сажаніе подъ арестъ, назначеніе на лишнія дневальства, — все это дѣлало военную службу тяжелой и непривлекательной. А тутъ еще постоянные нелады съ точной наукой, которая называется военной фортификаціей. Преподаетъ ее полковникъ инженерныхъ войскъ Колосовъ, человѣкъ лютой строгости, холодный и безжалостный. Онъ знаменитъ во всей Москвѣ, какъ строитель солиднаго памятника русскимъ воинамъ, животъ свой положившимъ въ русско-турецкую вой-

ну 1877-78-го годовъ. Но эта слава не мѣшаетъ ему губить и топить безпомощныхъ юнкеровъ, какъ слѣпыхъ щенятъ. Его система преподаванія была проста, кратка и требовательна до ужаса. Войдя въ аудиторію и не здороваясь, онъ непремѣнно долженъ былъ найти уже готовыми всѣ проспособленія для лекціи: вычищенную до блеска классную доску, чистую, слегка влажную губку и нѣсколько мѣлковъ, тщательно отточенныхъ въ видѣ лопаточекъ и обернутыхъ въ бѣлыя ровныя бумажки. Онъ ничему не училъ. Онъ бралъ мѣлокъ, подходилъ съ нимъ къ доскѣ и страннымъ, повелительнымъ, бѣглымъ голосомъ произносилъ:

— Амбразура, или полевой окопъ, или люнетъ, барбетъ, траверсъ и т. д. Затѣмъ онъ начиналъ молча и быстро чертить на доскѣ профиль и фасъ укрѣпленія въ проэкціи на плоскость, приписывая съ боковъ необычайно тонкія, четкія цифры, обозначавшія футы и дюймы. Когда же чертежъ бывалъ законченъ, полковникъ отходилъ отъ него такъ, чтобы его работа была видна всей аудиторіи, и, воистину, работа эта отличалась такой прямизной, чистотой и красотой, какія доступны только при употребленіи хорошихъ чертежныхъ приборовъ.

Лекція оканчивалась тѣмъ, что Колосовъ, вооружившись длиннымъ тонкимъ карандашомъ, показывалъ всѣ отдѣльныя части чертежа и называлъ ихъ размѣры: — скатъ 3 фута 4 дюйма. Подъемъ 4 фута. Берма, заложеніе, эскарпъ, контръ-эскарпъ и т. д. Юнкера обязаны были карандашами въ особыхъ тетрадкахъ перечерчивать изумительные чертежи Колосова. Онъ рѣдко провѣрялъ ихъ. Но случалось, внезапно пройдя вдоль ряда партъ, онъ останавливался, показывалъ пальцемъ на чью нибудь тетрадку и своимъ голосомъ безъ тембра спрашивалъ:

— Паукъ? Корзинка съ земляникой? Хамелеонъ? — и, сдѣлавъ малую паузу: — Единица!

Онъ былъ очень самостоятеленъ и почти нико-

гда не дожидался звонка на перемѣну. Просто доставалъ надушенный платокъ изъ тонкаго полотна, отряхивалъ свою грудь и руки отъ еле замѣтныхъ пылинокъ мѣла, встряхивалъ платкомъ и, ни сказавъ ни слова, уходилъ, когда ему хотѣлось.

Александровъ никакъ не могъ удовлетворить этого строгаго, безчувственнаго, всегда молчаливаго идола. Чертить онъ умѣлъ отлично и линія у него выходила щеголевато ровной, но основныхъ началъ фортификаціи онъ не могъ преодолѣть. Его воображенію никакъ не удавалось видѣть предметы, построенные изъ земли и камня, въ проэкціи на плоскость, т. е. не имѣющими ни матеріи, ни вѣса. Если бы ему показали люнетъ, барбетъ или амбразуру, сдѣланными изъ глины или папье-маше, онъ навѣрное понялъ бы мгновенно ошибку своего геометрическаго невѣдѣнія. Но объ этомъ, увы, никто не хотѣлъ позаботиться. Почти въ каждую репетицію Колосовъ молча ставилъ ему неудовлетворительные баллы, а Дроздъ лишалъ его отпуска, этой отрады, услады и моральной поддержки.

Но еще больше терзали бѣднаго фараона Александрова личныя интимныя горести и разочарованія: позорная измѣна Юліи Синельниковой, холодная и насмѣшливая отставка, полученная отъ Ольги Синельниковой и, наконецъ, этотъ ужасный разгромъ литературной великой карьеры, разгромъ, признанный имъ самимъ съ горькимъ отчаяніемъ...

И Александровъ загрустилъ...

Но время течетъ, течетъ, и въ своемъ безконечномъ теченіи, потихоньку сглаживаетъ всѣ острые углы, подтачиваетъ скалы, разсасываетъ мели, измѣняетъ пейзажи и форватеры.

Теперь Александровъ — фараонъ только по прозвищу. Гимнастика и фехтованіе развернули его грудь въ ширь. Вся трудность воинскихъ упражненій и военнаго строя отошла безслѣдно. Ружье не тяжелитъ, шагъ выработался большой и крѣпкій, а, глав-

ное, появилось въ душѣ гордое и отвѣтственное сознаніе: я — юнкеръ славнаго Александровскаго училища, и трепещите, всѣ, всѣ недруги. Даже съ неодолимой фортификаціей начались очень милыя отношенія. Однажды вечеромъ, подготовляясь къ завтрашней репетиціи по проклятой фортификаціи, Александровъ громко и злобно чертыхнулся:

— Нѣтъ, когда же я, чортъ побери, освоюсь съ этой фортификаціонной путанницей, да будутъ прокляты и полковникъ Колосовъ, и его учитель Цезарь Кюи.

Сосѣдъ его по койкѣ, скромный, тихій, благовоспитанный Прибиль, отличный піанистъ, сказалъ сочувственно:

— Послушайте-ка, другъ Александровъ, не сердитесь на то, что я ввязываюсь не въ свое дѣло. Я уже давно замѣчаю, что у васъ постоянныя недоразумѣнія и огорченія съ фортификаціей. Мнѣ кажется, что я могу вамъ немножко помочь, если вы, конечно, позволите. Все дѣло въ сущемъ пустякѣ, который можно въ одну минуту удалить. Вотъ, напримѣръ, мой портсигаръ (Прибиль вынулъ изъ кармана простенькій, изящный портсигаръ изъ карельской березы). Предположимъ, что онъ вамъ очень понравился и вамъ хочется заказать мастеру совершенно точно такой же, по качеству и по размѣрамъ. Что вы для этого дѣлаете? Вы приходите къ мастеру и говорите: — «Любезный мастеръ, сдѣлайте мнѣ хорошій портсигаръ изъ карельской березы, шести дюймовъ въ длинну, четырехъ въ ширину и двухъ въ толщину. Не такъ ли? Для того, чтобы заказъ лучше удержался въ его памяти, вы можете взять листикъ бумаги, карандашъ и разграфленную линейку и начертить всѣ размѣры, надписавъ: длина, ширина, толщина. Вѣдь не придетъ же вамъ въ голову написать этотъ портсигаръ для мастера на полотнѣ масляными красками, или пастелью, хотя вы и отличный художникъ? Вы смотрите на фортификаціон-

ные чертежи, какъ на стереометрію, а они только планиметріи. Я видѣлъ, какъ вы тщетно корпѣли и возились надъ амбразурами. Очевидно, у васъ изъ памяти не выходили старинныя, громадныя амбразуры временъ д-Артаньяна и Вобановскихъ укрѣпленій. А теперешняя амбразура — это просто мелкая канавка, которую вы сами выкопали, чтобы не видно было вашего ружья. Положительно, вы дѣлаете слишкомъ много чести фортификаціи и это вамъ идетъ во вредъ.

Онъ замолчалъ. Александровъ нѣкоторое время сидѣлъ съ полуоткрытымъ ртомъ. Наконецъ, со стукомъ закрывъ его, онъ сказалъ:

— Прибиль, сдѣлайте мнѣ милость, назовите меня идіотомъ.

— Что вы, что вы, Александровъ. Богъ съ вами.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, назовите.

И такъ они пререкались до тѣхъ поръ, пока стоявшій рядомъ Ждановъ не произнесъ:

— Хотя и не вѣрю своимъ собственнымъ словамъ, но вы идіотъ, мистеръ Александровъ.

— Спасибо, Ждановъ. Вѣдь это просто невѣроятно, въ какомъ я до сихъ поръ былъ нелѣпомъ заблужденіи. Теперь мнѣ сразу точно катарактъ съ обоихъ глазъ сняли. Все занаво увидѣлъ, благодаря волшебнику Прибилю (имя же его будетъ для меня всегда священно и чтимо).

На другой же день, во время очередной репетиціи, Александровъ далъ своимъ сокурсникамъ небольшое представленіе.

— Александровъ! — вызвалъ его своимъ безцвѣтнымъ голосомъ полковникъ, у котораго и глаза и перо казалось уже готовились поставить привычную единицу — потрудитесь начертить двойной траверсъ и указать всѣ его размѣры.

Александровъ подошелъ къ доскѣ (и всѣ сразу узнали походку Колосова), вынулъ изъ кармана тщательно очиненный, по колосовской манерѣ, мѣлокъ,

завернутый аккуратно въ чистую бѣлую бумагу и (всѣ даже вздрогнули) совершенно колосовскимъ, стекляннымъ голосомъ, громко объявилъ:

— Двойной траверсъ.

Онъ чертилъ замѣчательно скоро и увѣренно. Линіи у него выходили тоньше, чѣмъ у Колосова и менѣе выпуклы, но такъ же красивы. Окончивъ чертежъ и подписавъ всѣ цифры, Александровъ со спокойной отчетливостью назвалъ всѣ линіи и всѣ размѣры, не произнеся ни одного лишняго слова, не сдѣлавъ ни одного ненужнаго движенія, спряталъ мѣлокъ въ карманъ и, по строевому, вытянулся, глядя въ холодные глаза полковника.

Колосовъ помолчалъ. Впервые юнкера увидѣли на его каменномъ лицѣ что то похожее на удивленіе.

— Почему же раньше? — спросилъ онъ, — почему раньше ваши чертежи были похожи на какіе то пейзажи и вы постоянно путались въ названіяхъ и цифрахъ? Что такое съ вами сдѣлалось?

— Я просто рѣшилъ слѣдовать до мельчайшихъ подробностей вашимъ урокамъ, господинъ полковникъ.

— А можетъ быть, вамъ надоѣли постоянныя единицы?

— Отчасти, господинъ полковникъ.

— Гмм. Теперь вы меня поставили въ очень неудобное положеніе. Поставить вамъ 12 я не могу, ибо это знакъ абсолютнаго совершенства, какого въ мірѣ не существуетъ. 11 — это самый высшій баллъ, на который знаю фортификацію только я. Поэтому не обижайтесь, что на этотъ разъ я поставлю вамъ только 10. Можете сѣсть.

Это была большая побѣда, окрылившая Александрова. Послѣ нея онъ сдѣлался лучшимъ фортификаторомъ во всемъ училищѣ и всегда говорилъ, что фортификація — простѣйшая изъ военныхъ наукъ.

Текло время. Любовныя раны зажили, огорченія

разсѣялись, самолюбіе успокоилось, бывшіе любовные восторги оказались наивной дѣтской игрой и вскорѣ Александровымъ овладѣла настоящая большая любовь, память о которой осталась надолго, на всю его жизнь...

Вывѣтрилось понемножку и позорное сознаніе о злой неудачѣ въ литературѣ. Вѣрный инстинктъ подсказалъ Александрову доброе противоядіе: онъ опять вернулся къ рисованію и живописи. Во всѣ отпускные дни(а ихъ теперь стало гораздо больше послѣ побѣды надъ Колосовымъ), онъ ходилъ въ Третьяковскую галлерею, Строгановскую школу, въ Училище живописи и ваянія или бралъ уроки у Петра Ивановича Шмелькова *). Множество картоновъ и блокнотовъ истратилъ онъ, дѣлая портретныя изображенія карандашемъ, углемъ и акварелью со своихъ товарищей, начальниковъ и учителей. Эта работа спорилась послушно и пріятно. Новый клинъ окончательно вышибъ клинъ старый.

Между прочимъ, подходило понемногу время перваго, для фараоновъ, лагернаго сбора. Кончились экзамены. Старшій курсъ пересталъ учиться верховой ѣздѣ въ училищномъ манежѣ. Господа оберъ-офицеры стали мягче и доступнѣе въ обращеніи съ фараонами. Потомъ курсовые офицеры начали подготовлять младшіе курсы къ настоящей боевой стрѣльбѣ полными боевыми патронами. Въ правомъ крылѣ училищнаго плаца находился свой собственный тиръ для стрѣльбы, узкій, но довольно длинный, шаговъ въ сорокъ, наглухо огороженный отъ пречистенскаго бульвара.

Туда каждый день съ утра до вечера водили молодыхъ юнкеровъ поочередно, по четыре на стрѣль-

---

*) Шмельковъ — талантливый рисовальщикъ. Онъ забытъ современными русскими художниками. См. о немъ монографію, написанную французскимъ писателемъ Denis Roches.

бу, слѣдили за тѣмъ, чтобы юнкеръ при выстрѣлѣ не зажмуривался, ни вздрагивалъ при отдачѣ; глядѣлъ бы точно на мушку сквозь прорѣзь прицѣла и нажималъ бы спускъ не рывкомъ, но плавнымъ движеніемъ.

Въ другомъ концѣ тира ставились картонныя мишени съ концентрическими черными окружностями, попадать надо было въ центральный сплошной кружокъ. Благодаря малости помѣщенія, выстрѣлы были страшно оглушительны, отъ этого юнкера подолгу ходили со звономъ въ головѣ и ушахъ и едва слышали лекціи и даже командныя слова.

Но еще труднѣе, съ непривычки, была — черезчуръ сильная отдача ложа въ плечо при выстрѣлѣ. Она была такъ быстра и тяжела, что, ударяясь въ тринадцатифунтовую берданку, чуть не валитъ начинающаго стрѣлка съ ногъ. Оттого-то у всѣхъ фараоновъ теперь правое плечо и правая ключица въ синякахъ и по ночамъ ноютъ.

Но и домашнее обученіе стрѣльбѣ окончено. «Умѣй чистить и протирать винтовку, чтобы она и снаружи, и снутри у тебя блестѣла, какъ зеркало». Наступаетъ утро, когда весь батальонъ, со знаменемъ, строгимъ строемъ, въ бѣлыхъ коломянковыхъ рубахахъ, подъ восхитительную музыку своего оркестра, покидаетъ плацъ училища и черезъ всю Москву молодецки маршируетъ на Ходынское поле въ старые, престарые лагери.

Воспоминаніе о нихъ остается слабымъ и незначительнымъ для Александрова. Каждый день стрѣльба и стрѣльба, каждый день глазомѣрныя и компасныя съемки, каждый день батальонныя ученія и разсыпной строй. Идутъ постоянные дожди, когда юнкера сидятъ по баракамъ и въ тысячный разъ перезубриваютъ уставы и «словесность».

Но самое главное то, что унижаетъ фараоновъ до нуля — это громадная роль и всеподавляющее

значеніе, которыя теперь легли на господъ оберъ-офицеровъ.

На-дняхъ выборы вакансій, производство, подпоручичьи эполеты, высокое званіе настоящаго оберъ офицера. Фараоны гдѣ то вдали, внизу, въ безвѣстности и забвеніи. И они чрезвычайно были обрадованы, когда дня за три до производства старшаго курса въ первый офицерскій чинъ, ихъ распустили въ отпускъ до конца августа.

Александровъ провелъ остатокъ лѣта вмѣстѣ съ мамой у своего шурина, мужа сестры Зины въ его чернорѣченскомъ лѣсничествѣ, находящимся подъ Коломной. Тамъ онъ много охотился, ловилъ рыбу и шлялся по лѣсамъ за ягодами и грибами.

Осталось одно непріятное и стыдное воспоминаніе о женѣ лѣсника Егора, Марьѣ, красивой, здоровой бабенкѣ, которая ему вскорѣ опротивѣла до смерти.

Вернулся онъ въ училище настоящимъ оберъ-офицеромъ, выросшій чуть не на голову, съ хриплыми басовыми нотами въ голосѣ, загорѣлый, отростившій настоящіе усы въ одинъ миллиметръ длиною.

О, какъ ему знакомы, близки и жалки были безпомощныя неуклюжести новичковъ, ихъ растерянность, ихъ неумѣніе найти тонъ. Онъ никогда не забывалъ своихъ первыхъ жуткихъ впечатлѣній въ училищѣ, когда былъ, точно чудомъ, перенесенъ изъ игрушечной жизни въ суровую и строгую настоящую жизнь.

Онъ былъ хорошимъ оберъ-офицеромъ, всегда готовымъ на помощь и на защиту фараону. Но старыхъ адатовъ онъ не касался. Онъ чувствовалъ, что въ нихъ есть и надобность, и скрѣпляющая сила.

Онъ былъ пламеннымъ поклонникомъ темпа. Темпъ — говорилъ онъ фараонамъ — есть великое шестое чувство. Темпъ придаетъ увѣренность движеніямъ, ловкость тѣлу и ясность мысли. Весь міръ построенъ на темпѣ. Поэтому, о! фараоны, ходите въ темпъ, дѣлайте пріемы въ темпъ, а главное тан-

цуйте въ темпъ и умѣйте пользоваться темцомъ при фехтованіи и въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Онъ и самъ не подозрѣвалъ того, что очень любившіе его фараоны между собою называли его «оберъ-офицеръ Темпъ».

Ротный командиръ Дроздъ, не стѣсняясь, говорилъ иногда, что онъ очень жалѣетъ, почему Александровъ не дотянулъ на экзаменахъ до общаго средняго балла, который далъ бы ему возможность стать портупей-юнкеромъ, командиромъ взвода.

Но увы! Полковникъ Колосовъ не могъ простить ему, во-истину, волшебнаго просіянія въ фортификаціи и къ круглымъ десяткамъ упрямо присоединялъ прошлыя единицы, тройки и пятерки, поставленныя еще на репетиціяхъ, чѣмъ и понизилъ значительно шансы Александрова. Увы! Этотъ слишкомъ земной человѣкъ не вѣровалъ въ чудеса и не цѣнилъ ихъ. Но это не огорчало Александрова. Онъ наслаждался спокойной военной жизнью, ладностью во всѣхъ своихъ дѣлахъ, довѣріемъ къ нему начальства, прекрасной пищей, успѣхами у барышень и всѣми радостями сильнаго мускулистаго молодого тѣла.

ГЛАВА XVI.

ДРОЗДЪ.

Въ 4-ой ротѣ числится сто юнкеровъ, но на рождественскіе каникулы три четверти изъ нихъ разъѣхалось изъ Москвы по дальнимъ городамъ и роднымъ тихимъ гнѣздамъ: кто въ Тифлисъ, кто въ Полтаву, Полоцкъ, Смоленскъ, Симбирскъ, Новгородъ, кто въ старыя деревенскія имѣнія. Имъ хорошо: сплошь двѣ недѣли отдыха, веселія, приключеній, охоты, поѣздокъ ряжеными; никакой заботы и памяти объ училищѣ. Они вернутся въ него лишь десятаго января, осипшіе отъ дороги, загорѣвшіе крѣпкимъ зимнимъ загаромъ, потолстѣвшіе, съ большимъ запасомъ домашнихъ вареній, соленій, сухихъ яблоковъ, малороссійскаго сала, чурчхелы, бадриджановъ и прочей снѣди.

А вотъ кореннымъ москвичамъ — туго. Изволь являться трижды въ недѣлю въ училище, да еще ровно къ 7 часамъ утра, и только для того, чтобы на привѣтствіе Дрозда (командира 4-й роты, капитана Фофанова) проорать: «Здравія желаю, ваше высокоблагородіе». А зачѣмъ? Мы, здѣшніе, также никуда не убѣжимъ, какъ и иногородніе.

Приблизительно такъ бурчитъ про себя господинъ оберъ-офицеръ Александровъ, идя торопливыми большими шагами по Поварской къ Арбату. Вчера была елка и танцовали у Андріевичей. Домой онъ

вернулся только къ пяти часамъ утра, а подняли его насилу-насилу въ семь безъ двадцати. Ахъ, какъ бы не опоздать! Вдругъ залѣпитъ Дроздъ трое сутокъ безъ отпуска. Вотъ тебѣ и Рождество...

Глаза у Александрова еще не совсѣмъ проснулись послѣ краткаго сна, въ нихъ чувствается рѣзь и усталость. Но запахъ снѣга такъ вкусенъ, морозъ такъ веселъ, быстрое движеніе такъ упорно гонитъ горячую кровь по всему тѣлу... Черезъ двѣ минуты Александровъ спрашиваетъ самого себя съ удивленіемъ: «Гдѣ же моя усталость, недовольство и кислота?» Ихъ нѣтъ, исчезли. Тѣло не имѣетъ больше вѣса. Эта невѣсомость одно изъ блаженнѣйшихъ ощущеній на свѣтѣ, но оно негативно, оно такъ же незамѣтно и такъ же не вызываетъ благодарности судьбѣ, какъ тридцать два зуба, емкія легкія, желѣзный желудокъ; пойметъ его Александровъ только тогда, когда утеряетъ его навсегда; такъ, лѣтъ черезъ двадцать.

Снѣгъ тонко скрипитъ подъ его лакированными сапожками. Снѣгъ скрипитъ подъ ногами у всѣхъ пѣшеходовъ. Онъ визжитъ подъ полозьями саней, оставляющихъ за собою въ немъ блестящія, скользкія полосы, а на заворотахъ онъ крѣпко хруститъ, смятый полозьями. Изо всѣхъ трубъ высоко надъ домами стоятъ, неподвижно устремясь въ зеленое небо и тамъ слегка курчавясь, бѣлые, прямые столбы дыма. Вотъ налѣво Савостьяновъ, булочная, а, наискосокъ Арбатской площади, бѣлое длинное зданіе Александровскаго училища на Знаменкѣ, съ золотымъ малымъ куполомъ надъ крышей, знакъ домашней церкви. Слава Богу, минута въ минуту. Не опоздалъ.

Портупей-юнкеръ Золотовъ — круглый сирота; ему некуда ѣхать на праздники, онъ замѣняетъ фельдфебеля 4-ой роты. Онъ выстраиваетъ двадцать шесть явившихся юнкеровъ въ учебной галлереѣ въ одну шеренгу и дѣлаетъ имъ перекличку. Все въ порядкѣ. И тотчасъ же онъ командуетъ: «Смирно. Глаза налѣ-

во». Появляется съ лѣваго фланга Дроздъ и здоровается съ юнкерами.

Мальчишескія прозвища удивительно мѣтки. Капитанъ Фофановъ вислоплечъ и длинноносъ. Его худощавое лицо смугло и румяно. Черные волосы на головѣ раздѣлены косымъ четкимъ проборомъ; легкой красиво-неуклюжей перевалочкой и боковымъ наклономъ головы, при внимательномъ и быстромъ взглядѣ, онъ дѣйствительно напоминаетъ птицу и именно, чернаго дрозда. Онъ очень требователенъ и суровъ въ дѣлахъ службы и строевого ученія. «Безъ отпуска», карцеръ, дежурства и дневальства внѣ очереди такъ и сыпятся изъ него въ несчастливые для юнкеровъ дни. И все это съ величайшей вѣжливостью: «Юнкеръ Александровъ, будьте любезны отправиться на двое сутокъ подъ арестъ, съ исполненіемъ служебныхъ обязанностей». Но внѣ условій, требующихъ крутой дисциплины, онъ фамильярный другъ, защитникъ и всегдашняя выручка. Эти его милыя черты хорошо знакомы всѣмъ проказливымъ юнкерамъ 4-ой роты и особенно Александрову, самому неистовому баловнику. Но зато Дроздъ ненавидитъ малѣйшій оттѣнокъ лжи и требуетъ отъ про винившагося юнкера мгновеннаго и точнаго признанія.

Однажды юнкеръ Александровъ былъ оставленъ безъ отпуска за единицу по фортификаціи. Скитаясь безъ дѣла по опустѣвшимъ заламъ и коридорамъ, онъ совсѣмъ ошалѣлъ отъ скуки и злости, и, самъ не зная, зачѣмъ, раскалилъ въ каминѣ уборной до-красна кочергу и тщательно выжегъ на красной фанерѣ, огромными буквами слово «Дроздъ».

Въ понедѣльникъ утромъ, послѣ утренней переличкѣ, еще не распуская роты, выдержавъ паузу, капитанъ спросилъ, по обыкновенію протягивая передъ нѣкоторыми словами длинный ять (онъ былъ чуть-чуть заикой):

— Ѣ-какой это болванъ ѣ-начертилъ въ нужнинѣ ѣ-какую-то похабщину?

Александровъ въ ту же секунду громко крикнулъ изъ строя:

— Я, господинъ капитанъ!

Командиръ совсѣмъ по-птичьи окинулъ юнкера боковымъ взглядомъ и произнесъ съ презрительнымъ равнодушіемъ:

—Ѣ-такъ я и зналъ. — И скомандовалъ ротѣ:

— Разойдитесь!

Вечеромъ, передъ чаемъ, когда всѣ зубрили, сидя на своихъ койкахъ, уроки, къ завтрему, юнкеръ Александровъ увидѣлъ Дрозда, проходившаго по галлереѣ и подбѣжалъ къ нему. Юнкеръ весь день томился, подавленный великодушіемъ начальника.

— Господинъ капитанъ, позвольте мнѣ попросить у васъ прощенія.

— Ѣ-дурачокъ, — протянулъ Дроздъ. — Ѣ-пустяки. Ступай заниматься, ѣ-чертежникъ ты этакій!

И слегка толкнулъ его ладонью въ спину. Но въ голосѣ Дрозда и его прикосновеніи юнкеръ почувствовалъ теплоту.

Такъ воспитывалъ Дроздъ своихъ девятнадцатилѣтнихъ птенцовъ въ проворномъ повиновеніи, въ безусловной правдивости, на широкой развязкѣ взаимнаго довѣрія.

Дроздъ, заложивъ руки за спину, медленно, неуклюже идетъ вдоль фронта, зорко оглядывая каждое лицо, каждую пуговицу, каждый поясъ, каждый сапогъ. Рядомъ съ Александровымъ стоитъ крѣпко сбитый широкоплечій чернявый Ждановъ. Онъ нехорошо блѣденъ и бѣлки его глазъ слюняво желтоваты.

— Ѣ-нездоровъ? — спрашиваетъ Дроздъ.

— Никакъ нѣтъ, господинъ капитанъ. Здоровъ.

Дроздъ поводитъ туда-сюда острымъ подозрительнымъ носомъ.

— Ѣ-какую гадость вчера пилъ? — спрашиваетъ онъ брезгливо.

Юнкеръ жмется, но тотчасъ отвѣчаетъ.

— Въ гостяхъ давали ананасный ликеръ, господинъ капитанъ.

— Ффу, какая мерзость! — морщится Дроздъ. — Ѣ-это не ликеръ, а дерьмо. И зачѣмъ тебѣ пробовать ѣ-ликеры. Ну, выпей стаканъ краснаго вина и ѣ-довольно съ тебя. А, лучше, и ѣ-совсѣмъ не пей. Пьютъ отъ скуки паршивые неудачники, а передъ тобою ѣ-цѣлый міръ впереди. Будь веселъ и пьянъ ѣ-безъ вина.

Подходитъ къ концу докучный осмотръ. У юнкеровъ чешутся руки и горятъ пятки отъ нетерпѣнія. Праздничныхъ дней такъ мало и бѣгутъ они съ такой дьявольской быстротой, убѣгаютъ и никогда не вернутся назадъ!

Но Дроздъ выходитъ на середину фронта, достаетъ изъ отворота рукава какую-то бумажку и не спѣша ее разворачиваетъ. «Да, поскорѣе ты, Дроздище!» — мысленно понукаетъ его Александровъ.

Дроздъ начинаетъ читать, мучительно растягивая свои нти:

— По распоряженію начальника училища, сегодня наряжены на балъ, имѣющій быть въ Екатерининскомъ женскомъ институтѣ, 24 юнкера, по шести отъ каждой роты. Отъ четвертой роты поѣдутъ юнкера:

Онъ дѣлаетъ небольшимъ молчаніемъ двоеточіе, совсѣмъ маленькое, всего въ полторы секунды, но въ этотъ короткій промежутокъ сотни тревожныхъ мыслей пробѣгаютъ въ головѣ Александрова.

Сегодня его день такъ полно и счастливо занятъ, что даже совсѣмъ не остается мѣста для семейныхъ радостей. Къ десяти часамъ онъ долженъ ждать въ Зоологическомъ саду Наташу Манухину. Они будутъ кататься съ великолѣпныхъ ледяныхъ горъ. Какое острое наслажденіе нестись стремительно внизъ на маленькихъ салазкахъ по отвѣсной сверкающей доро-

гѣ, подвернувъ лѣвую ногу подъ себя, а правой, какъ рулемъ, давая прямое направленіе волшебному лету. Правда, Наташа придетъ не одна, а въ сопровожденіи скучной англичанки, похожей на птицу марабу. Но, къ счастью, гувернантка не любитъ кататься съ горъ и, кажется, считаетъ это однимъ изъ русскихъ варварствъ. Она будетъ торчать на вышкѣ, кутая въ широкое обезьянье боа свой красный британскій носъ. А Наташа на зло ей будетъ требовать еще и еще, и въ послѣдній разъ еще и въ самый-самый послѣдній. Лицо Александрова слегка щекочетъ Наташина котиковая шубка, и какъ сладко пахнетъ эта шубка мѣхомъ и тонкими неизъяснимыми духами, и сама Наташа навѣрно гордится своимъ кавалеромъ: «Какъ ловокъ и смѣлъ этотъ милый Александровъ и, кажется, немного влюбленъ въ меня». Ахъ, Наташа, совсѣмъ не немного, наоборотъ: до безумія.

Въ часъ завтракъ у Шпаковскихъ, а послѣ завтрака веселая репетиція водевиля «Не спросясь броду, не суйся въ воду», гдѣ Александровъ играетъ Макарку, а также и въ живыхъ картинахъ. Должно быть, и потанцуютъ немного. Въ этомъ большомъ, уютномъ, безалаберномъ домѣ двѣ дѣвочки, три барышни и всегда множество ихъ подругъ, всякихъ возрастовъ. Тамъ съ утра до вечера поютъ, танцуютъ, устраиваютъ игры, ѣдятъ, влюбляются и звонко смѣются. Александрову часто кажется, что онъ влюбленъ въ младшую изъ барышень, въ бѣлокурую розовую Нину. Впрочемъ, всѣ любви Александрова такъ многочисленны и скоропалительны, что сестра въ шутку зоветъ его — господинъ Сердечкинъ.

Потомъ обѣдъ у Калмыковыхъ, и тоже танцы. А затѣмъ — самое главное — вечеромъ знаменитая елка въ Благородномъ Собраніи, на которую съѣзжается вся молодая Москва: дѣти, подростки, барышни и юноши. Туда онъ обѣщалъ сопровождать трехъ пріѣхавшихъ изъ Пензы землячекъ: Машеньку Полубояринову, Сонечку Аничкову и Зою Скри-

пицыну. Балъ, на которомъ танцуютъ, послѣ того какъ дѣтей увезутъ по домамъ, до тысячи молодыхъ людей. И, если говорить по правдѣ, уже не въ Машеньку ли влюбился, по-настоящему и мгновенно, несчастный юнкеръ въ тотъ вечеръ, когда она играла Шопена, а онъ стоялъ, прислонившись къ піанино, и то видѣлъ, то не видѣлъ ея нѣжное лицо, такое странное и такое измѣнчивое въ темнотѣ.

«Только не меня. Дорогой, золотой Дроздъ, только, пожалуйста, не меня», мысленно умоляетъ Александровъ.

— Ѣ-Рихтеръ, — произноситъ капитанъ, — Жждановъ, Бутынскій, Каргановъ, Прибыль...

— Пронеси, пронеси, пронеси! — умоляетъ судьбу Александровъ, изо всѣхъ силъ стискивая зубы и кулаки. И вотъ падаетъ холодно и непреклонно:

— И ѣ-Александровъ. Кто хочетъ завтракать или обѣдать въ училищѣ, заявите немедленно дежурному, для сообщенія на кухню. Ровно къ восьми вечера всѣ должны быть въ училищѣ, совершенно готовыми. За опозданіе — до конца каникулъ безъ отпуска. Рекомендую позаботиться о внѣшности. Помните, что александровцы — московская гвардія, и должны отличаться не только блескомъ души, но и благородствомъ сапогъ. Тьфу, наоборотъ. Затѣмъ вы свободны, господа юнкера. Передъ отправкой я самъ осмотрю васъ. Разойдитесь.

На лѣстницѣ Александровъ догоняетъ Дрозда. Послѣдняя, отчаянная попытка.

— Господинъ капитанъ!

Дроздъ останавливается на ступенькѣ, въ птичій недовѣрчивый полуоборотъ къ юнкеру.

— Ѣ-что еще?

— Господинъ капитанъ, позвольте вамъ сказать,

что я катался наونькахъ, и у меня подвернулась нога. Прямо ступить нельзя, такая боль.

— Ѣ-врешь. Пойди въ лазаретъ и принеси свидѣтельство.

Душа Александрова катится внизъ, какъ съ ледяной горы въ Зоологическомъ.

— Господинъ капитанъ, — говоритъ онъ смущенно. — Положимъ, я могу себя осилить. Но у меня другія, важныя причины.

— Ну?

— Нѣтъ перчатокъ.

Дроздъ хмурится.

— Ѣ-покажи руки.

Юнкеръ поворачиваетъ обѣ руки ладонями вверхъ. Дроздъ дѣлаетъ то же самое и свѣряетъ руки свои и его.

— Ерунда. У насъ одинаковый размѣръ. Семь или семь съ половиной, ѣ-небольшая разница. Вечеромъ я тебѣ пришлю мои, спросишь у фельдфебеля. Ступай. Ну, что же ты стоишь?

— Господинъ капитанъ, — робко говоритъ юнкеръ, вновь тронутый великодушіемъ этого чудака. — Положимъ, перчатки у меня есть, только очень грязныя, но я ихъ могу вымыть. Но я долженъ вамъ сказать правду (сейчасъ Александровъ подпуститъ маленькую лесть). Я знаю, что вы все можете простить.

Дроздъ перебиваетъ его, угрожающе вздернувъ подбородокъ вверхъ.

— Ѣ-далеко не все.

— Простить очень многое, если вамъ говорятъ правду.

Дроздъ съ сомнѣніемъ косится на юнкера.

— Ѣ-попутай, попутай у меня еще!

— И вотъ я вамъ долженъ признаться откровенно, что...

— Ѣ-дѣвчонки, должно быть?

— Точно такъ, господинъ капитанъ. Барышни.

Пріѣхали только на двѣ недѣли въ Москву изъ Пензы. Мои родственницы. Обѣщался быть въ Благородномъ Собраніи на елкѣ. Далъ честное слово. Ужасно обидно будетъ обмануть ихъ и подвести.

Но Дроздъ упрямо трясетъ головою.

— Ѣ-все равно, поѣдешь. А женскую душу я знаю лучше тебя. Опоздалъ, не пришелъ, — пускай сердится; въ слѣдующій разъ будетъ ждать еще нетерпѣливѣе. И кромѣ того, я тебѣ скажу — (тутъ его голосъ смягчается) — что балъ Благороднаго Собранія, это — толкучка, рынокъ, открытый входъ, открытый для всѣхъ: купеческія дочки изъ Замоскворѣчья, нѣмки, цирульники, чиновники и другіе шпаки всякіе. А въ Екатерининскій институтъ на балъ можно попасть лишь по строгому выбору, по именному, личному приглашенію. Въ Екатерининскомъ, ѣ-дружокъ мой, учатся дѣвицы лишь изъ самыхъ древнихъ, самыхъ настоящихъ, дворянскихъ фамилій. Истинная, столбовая русская аристократія не въ Петербургѣ, голубчикъ, а въ Москвѣ, у насъ. Не пропускай случая. Лѣтомъ выйдешь въ офицеры, Придется тебѣ надолго, если не навсегда, законопатиться въ какомъ-нибудь Проскуровѣ или Кинешмѣ, и никогда ты въ жизни не увидишь подобной прелести и красоты. Ну, развѣ воинская доблесть вытянетъ тебя вверхъ, или чудомъ попадешь въ Академію, тогда — можетъ быть... Но вѣрнѣе всего, что навсегда нынѣшній балъ останется для тебя, какъ прекрасный и ѣ-неповторимый сонъ. И я тебѣ твердо говорю, что въ пятницу ты самъ же поблагодаришь меня. Ѣ-иди, иди, юнкеръ.

Онъ ласково концами пальцевъ потрепалъ Александрова по плечу и поспѣшно сталъ спускаться по лѣстницѣ.

— Что же, — подумалъ Александровъ. — Видно, такъ и быть. Хорошо еще, что не на весь день оставилъ въ училищѣ. Все-таки кое-куда поспѣю. А Машенькѣ Полубояриновой пошлю записку съ посыль-

нымъ. Да вотъ еще: пораньше вымыть замшевыя перчатки... Ну и Дроздъ! Все-таки съ нимъ можно жить. На всѣ смотры, парады, встрѣчи и церемоніи, когда назначаютъ юнкеровъ по выбору, онъ неизмѣнно посылаетъ и Александрова. О, тутъ большая ревность! Все училище помнитъ, по старому преданію, о томъ, какъ застрѣлился въ курилкѣ юнкеръ Кувшинниковъ, будучи не включеннымъ въ тѣ двѣнадцать рядовъ со знаменемъ, которые были наряжены въ почетный караулъ для встрѣчи Государя. Здѣсь дѣло чести! ««Да и правда, юнкеръ Александровъ не особенно красивъ, — признается самъ себѣ Александровъ, — скажемъ, даже совсѣмъ некрасивъ. Но онъ лучше многихъ прыгаетъ черезъ деревянную кобылу и вертится на турникѣ, онъ отличный строевикъ, въ танцахъ у него ритмъ и послушность всѣхъ мускуловъ, а лучше его фехтуютъ на рапирахъ только два человѣка во всемъ училищѣ: юнкеръ роты Его Величества Чхеидзе и курсовой офицеръ 3-й роты поручикъ Темирязевъ... А красота? Что такое мужская красота?

Восемь безъ пяти. Готовы всѣ юнкера, наряженные на балъ. («Что за глупое слово, — думаетъ Александровъ, — «наряженные». Точно насъ нарядили въ испанскіе костюмы»). Перчатки вымыты, высушены у камина; ихъ пальцы распялены деревянными расправилками. Всѣ шестеро, въ ожиданіи лошадей, сидятъ тѣсно на ближнихъ къ выходу койкахъ. Тутъ же примостился и Дроздъ. Онъ даетъ послѣднія наставленія:

— Слѣдите за своимъ ножемъ и вилкой и опрятностью на тарелкѣ, если позовутъ васъ ужинать. Рыбу — только вилкой; можете помогать хлѣбной корочкой. Птицу въ руки не брать. Ѣшь небольшими кусками, чтобы не быть съ полнымъ ртомъ, когда сосѣдка обратится къ тебѣ съ разговоромъ. Дѣвчонкамъ глупостей не врать, всякія чувства по-боку и ѣ-къ чорту-съ. Начальницѣ и генераламъ кланяться

придворнымъ поклономъ, какъ училъ танцмейстеръ. Если начальница протянетъ руку, приложись, но, склонившись, не чмокай. За старшаго Рихтеръ. Вотъ и все. Завидую вамъ.

— Поѣхали бы съ нами, господинъ капитанъ, — говоритъ Александровъ.

— Ѣ-куда мнѣ. Старъ.

Доводъ печальный, но для юнкеровъ убѣдительный. Дрозду 36 лѣтъ. Дѣйствительно, въ эгоистичномъ измѣреніи юнкеровъ, это — глубокая старость. Александровъ, напримѣръ, твердо рѣшилъ дожить только до 30-ти лѣтъ, а потомъ застрѣлиться. Стоитъ ли продолжать жить древнимъ старцемъ, хладѣющей развалиной?

— Вы еще совсѣмъ молоды, господинъ капианъ, — говоритъ съ лицемѣрнымъ сочувствіемъ цвѣтущій армянинъ Каргановъ.

Дроздъ машетъ рукой.

— Гдѣ ужъ!.. куда ужъ!..

Уѣдутъ юнкера туда, гдѣ свѣтъ, музыка, цвѣты, прелесныя дѣвушки, духи, танцы, легкій смѣхъ, а Дроздъ пойдетъ въ свою казенную холостую квартиру, гдѣ, кромѣ денщика, ждутъ его только два живыя существа, двѣ черныя дворняжки, безъ признаковъ какой бы то ни было породы: ѣ-Мальчикъ и ѣ-Цыганъ. Говорятъ, что Дроздъ выпиваетъ по ночамъ въ одиночку.

Служитель быстро взбѣгаетъ по лѣстницѣ и на вытяжку останавливается передъ Дроздомъ:

— Лошади поданы, ваше высокоблагородіе.

— Ну, съ Богомъ, — говоритъ Дроздъ, вставая. — Вѣрю, что поддержите блескъ и славу родного училища. Послѣ танцевъ сразу на морозъ не выходите. Остыньте сначала. Рихтеръ, ты за этимъ присмотришь.

— Слушаю, господинъ капитанъ.

А служитель, коренной, всезнающій москвичъ, возбужденно шепчетъ сбоку юнкерамъ:

— Четыре тройки отъ Ечкина. Ечкинскія тройки. Сѣрыя въ яблокахъ. Не лошади, а львы. Ямщикъ грозится: «Господъ юнкерей такъ прокачу, что всю жизнь помнить будутъ». Вы ужъ тамъ, господа, сколотитесь ему на чаишко. Самъ Фотогенъ Павлычъ на козлахъ.

ГЛАВА XVII.

ФОТОГЕНЪ ПАВЛЫЧЪ.

— Съ Богомъ. Одѣвайтесь, — приказалъ Дроздъ. — Ѣ-смотрите, носовъ не отморозьте. Семнадцать градусовъ на дворѣ.

Юнкера волнуются и торопятся. Шинели надѣваются и застегиваются на бѣгу. Башлыки переброшены черезъ плечо или зажаты подъ мышкой. Шапки надѣты кое-какъ. Все успѣется на улицѣ.

Здѣсь — вольное, безобидное состязаніе съ юнкерами другихъ ротъ. Надо, во что бы то ни стало, первыми выскочить на улицу и завладѣть передовой, головной тройкой. Весело ѣхать впереди другихъ!

Но вотъ едва успѣли шестеро юнкеровъ завернуть къ началу широкой лѣстницы, спускающейся въ прихожую, какъ увидѣли, что наперерѣзъ имъ, изъ бокового коридора уже мчатся ихъ сосѣди, юнкера второй роты, по училищному обиходу — «Звѣри» или, иначе, «Извозчики», прозванные такъ потому, что въ эту роту искони подбираются, съ начала службы, юноши коренастаго сложенія, съ явными признаками усовъ и бороды. А сзади уже подбѣжали и яростно напираютъ: — третья рота — «Мазочки» и первая — «Жеребцы». На лѣстницѣ образовался кипучій заторъ.

— Четвертая, не выдавай! — кричитъ голосистый Ждановъ гдѣ-то впереди.

Александровъ пробуравливается сквозь плотныя, сбившіяся тѣла и вдругъ, какъ пробка изъ бутылки, вылетаетъ на просторъ. Онъ видитъ, что впереди мелкимъ, но быстрымъ шагомъ катится внизъ коротконогій Ждановъ. За нимъ, какъ будто не торопясь, но явно приближаясь къ нему, сигаетъ заразъ черезъ три ступеньки, длинный, ногастый «Звѣрь», у котораго мѣдный орелъ барашковой шапки отъѣхалъ впопыхахъ на затылокъ. Всѣ трое, въ такомъ порядкѣ, сближаются на равныя разстоянія.

Въ эти доли секунды Александровъ какимъ-то инстинктивнымъ, летучимъ глазомѣромъ, оцѣниваетъ положеніе: на предпослѣдней или послѣдней ступени «Звѣрь» перегонитъ Жданова. «Ахъ, если только хоть чуть-чуть нагнать этого долговязаго, хоть коснуться рукой и сбить въ сторону! Ждановъ тогда выскочитъ». Вопросъ не въ личной побѣдѣ, а въ поддержаніи чести четвертой роты.

И судьба ему помогаетъ: правда, со внезапной грубостью. Кто-то сзади и съ такою силою толкаетъ Александрова, что его ноги сразу потеряли опору, а тѣло, по инерціи, безпомощно понеслось впередъ и внизъ. Моментъ — и Александровъ неизбѣжно долженъ былъ удариться теменемъ о каменныя плиты ступени, но, съ безсознательнымъ чувствомъ самосохраненія, онъ ухватился рукой за первый предметъ, какой ему попался впереди, и это была пола вражеской шинели.

Оба юнкера упали и покатились внизъ. Надъ ними, наступая на нихъ, промчались бѣгущія ноги.

— Чортъ васъ возьми! — заворчалъ Звѣрь. — Это пріемъ неправильный. Я ушибъ себѣ колѣнку.

Въ эту минуту Александровъ почувствовалъ, что и онъ самъ ссадилъ себѣ локоть. Подымаясь, онъ сказалъ шутливо, но съ сочувствіемъ:

— На войнѣ всѣ пріемы правильны. Позвольте, я помогу вамъ встать. Меня пихнули сзади и, увѣряю васъ, что безъ вашей невольной помощи я раз-

бился бы въ лепешку, а такъ только локтемъ стукнулся.

— Ну, да, ужъ ладно, — засмѣялся «Звѣрь», еще морщась отъ боли. — До свадьбы у насъ обоихъ заживетъ. Пойдемте-ка.

Въ передовыхъ саняхъ, стоя, высился Ждановъ и оралъ во весь голосъ:

— Четвертая рота! Господа оберъ-офицеры! Сюда! — Теперь уже никто изъ чужой роты не позволилъ бы себѣ залѣзть въ эту тройку. Таково было неписанное право первой заявки.

Какими огромными, неправдоподобными, сказочными показались Александрову въ отчетливой синевѣ лунной ночи рослые сѣрые кони съ ихъ фырканьемъ и храпомъ: необычайно широкія, громоздкія, просторныя сани, съ ковровой тугой обивкой и тяжелыя высокія дуги у коренниковъ, расписанныя по бѣлому невѣдомыми цвѣтами.

Бѣлый паръ шелъ изъ лошадиныхъ ноздрей и отъ лошадиныхъ спинъ, и сквозь него знакомый газовый фонарь, на той сторонѣ Знаменки, расплывался въ мутный радужный кругъ.

Ямщикъ перегибается съ козелъ, чтобы отстегнуть волчью полость. Усы у него бѣлые отъ инея, на головѣ большая шапка, съ павлиньими перьями. Глаза смѣются.

— Садитесь, садитесь, господа юнкеря. Въ дорогѣ утрясетесь, всѣмъ слободно будетъ.

— Тебя, вѣдь, Фотогенъ Палычемъ зовутъ? — спрашиваетъ Бутынскій.

— Совершенно вѣрно, — отвѣчаетъ ямщикъ, обминаясь на козлахъ. Голосъ у него пріятный, увѣренный и немного смѣшливый. — А вы откуда знаете?

Находчивый Каргановъ, не задумываясь, отвѣчаетъ:

— Кто же не знаетъ знаменитаго Фотогенъ Палыча? — Другіе юнкера быстро подхватываютъ:

— Тебя вся Москва знаетъ. Первый троечникъ въ Москвѣ. Не въ Москвѣ, а во всей Россіи. Это намъ ужъ такъ повезло, въ твои сани попасть.

Невинная лесть! Однако она доходитъ до крутого ямщичьяго сердца.

— Буде, буде... наговорили.

Онъ тихо, но густо смѣется; немного похоже на то, какъ довольно регочетъ жеребецъ, когда къ нему въ стойло входитъ конюхъ съ мѣрой овса.

— Пошли, что ли? — кричитъ сзади ямщикъ нараспѣвъ.

Фотогенъ Палычъ, разобравъ вожжи, въ послѣдній разъ поерзалъ задомъ на сидѣніи и, слегка повернувъ голову, протянулъ внушительнымъ баскомъ:

— Тро-огай...

Заскрипѣли, завизжали, заплакали полозья, отдираясь отъ настывшаго снѣга, заговорили нестройно, вразбродъ, колокольцы подъ дугами. Легкой рысцой, точно шутя, точно еще балуясь, завернула тройка на Арбатскую площадь, сдержанно пересѣкла ее и красиво выѣхала на серебряный Никитскій бульваръ.

Никогда не забыть потомъ Александрову этой прелестной волшебной поѣздки! Ему досталось мѣсто лицомъ къ лошадямъ, крайнее справа. Онъ могъ свободно видѣть косматую голову широкобокаго коренника и всю, цѣликомъ, правую пристяжную, изогнувшую кренделемъ, низко къ землѣ, свою длинную гибкую шею, и даже ея кровавый темный глазъ съ тупой, злой бѣлизной бѣлка. Съ удовольствіемъ онъ чувствовалъ, какъ въ лицо ему летятъ снѣжныя брызги изъ-подъ лошадиныхъ копытъ. Но въ душѣ его все-таки мелькала, какъ, можетъ быть, и у другихъ юнкеровъ, досадливая мысль: гдѣ же, наконецъ, эта пресловутая, безумная скачка, отъ которой захватываетъ духъ и трепыхаетъ сердце? Или она только для пьяныхъ московскихъ купцовъ? А еще грозился лихо прокатить «юнкерей»!

Но эта дурная мысль такъ же быстро исчезла, какъ и пришла. Въ ѣздѣ Фотогена есть магическая непонятная красота.

Пробѣжалъ назадъ Тверской бульваръ, съ его нарядными освѣщенными особняками. Темный Пушкинъ на высокомъ цоколѣ задумчиво склонилъ свою курчавую голову. Напротивъ широкая бѣлая масса Страстного монастыря, а передъ ней тѣсная биржа лихачей и парныхъ «голубковъ». Кто-то изъ юнкеровъ закурилъ. Александровъ съ трудомъ досталъ свой кожаный портсигаръ и долго возился со спичками, упрямо гасшими на быстромъ движеніи. Когда же ему удалось разжечь папиросу и онъ поглядѣлъ передъ собою, то онъ уже не могъ узнать ни улицъ, ни самой Москвы. Ѣхали какими-то незнакомыми чужими мѣстами.

Какой великій мастеръ своего дѣла Фотогенъ Палычъ! Вотъ онъ ѣдетъ узкой улицей. Неизъяснимыми движеніями вожжей онъ сдвигаетъ, сжимаетъ, съеживаетъ тройку и только изрѣдка негромко покрикиваетъ на встрѣчныя сани:

— Берегись, Поб-берегись, извозчикъ!

Но только поворотитъ на улицу посвободнѣе, какъ сразу распуститъ, развернетъ лошадей во всю ея ширину, такъ что загнувшіяся пристяжныя чуть не лѣзутъ на тротуары. «Эй, съ бочками! держи права!» И опять соберетъ тѣсно свою послушную тройку.

— Точно закрываетъ и раскрываетъ вѣеръ, — думаетъ Александровъ, — такъ это красиво!

А сидящій съ нимъ рядомъ смуглый Прибиль, талантливый піанистъ, бодаетъ его головой въ плечо и, захлебываясь, говоритъ непонятныя слова:

— Крещендо и диминуендо... Онъ — какъ Рубинштейнъ!

Временами невѣдомая улица такъ тѣсна и такъ запружена санями и повозками, что тройка идетъ шагомъ, иногда даже пріостанавливается. Тогда заднія лошади вплотную надвигаются мордами на за-

докъ, и Александровъ чувствуетъ за собою совсѣмъ близкое теплое, влажное дыханіе и крѣпкій пріятный запахъ лошади.

А потомъ опять широкая безымянная улица и легкій летъ саней, и ладный ритмъ лошадиныхъ копытъ: та-та-та-та — мѣрно выстукиваетъ коренникъ, тра-та, тра-та, тра-та — скачутъ пристяжныя. И все такъ необычайно въ таинственномъ нездѣшнемъ городѣ. Вотъ подъ полотнянным навѣсомъ, ярко освѣщенный висячимъ фонаремъ, стоитъ чернобородый, черноглазый, румяный, бѣлозубый торговецъ около яблочнаго ларя. Въ прекрасныя призмы уложены желтыя, красныя, бѣлыя, пунцовыя, сѣрыя яблоки. Издали чувствуется въ нихъ ароматъ и ясно воображается на зубахъ ихъ сладкая кислинка (если бы закусить кусочекъ поглубже). Вотъ выбѣжала изъ воротъ, безъ шубки, въ сѣромъ платочкѣ на головѣ, въ крахмальномъ передничкѣ, быстроногая горничная: хотѣла перебѣжать черезъ дорогу, испугалась тройки, повернулась къ ней, ахнула и вдругъ оказалась вся въ свѣту: краснощекая, веселая, съ блестящими синими глазами, сіяющими озорной улыбкой. «Поберегитесь, красавица! Задавлю» — воркующимъ голосомъ окликаетъ ее Фотогенъ и, полуобернувшись назадъ, говоритъ:

— Ладныя у насъ бабочки на Москвѣ живутъ. — И сейчасъ же окрикиваетъ замѣшкавшагося возчика: — Заснулъ, гужеѣдъ!

И вотъ, юнкера ѣдутъ по очень широкой улицѣ. Александрову почему-то вспоминается давнишняя родная Пенза. Направо и налѣво деревянные дома объ одномъ, рѣже о двухъ окошкахъ. Кое-гдѣ въ окнахъ слабые цвѣтные огоньки, что горятъ передъ иконами. Лаютъ собаки. Фотогенъ идетъ все тише и тише, отпрукивая тонкимъ учтивымъ голоскомъ лошадей.

Наконецъ, останавливается у трактира. Тамъ, сквозь запотѣвшія стекла чувствуеся яркое освѣще-

ніе, мелькаютъ быстрыя большія тѣни, больше ничего не видно. Слышны звуки гармоніи и глухой, тяжелый топотъ:

Вторая тройка проѣзжаетъ мимо. Съ нея слышится окрикъ:

— Чего сталъ, дядя Фотогенъ?

— Супонь, — сердито отвѣчаетъ Фотогенъ.

А ужъ съ третьей тройки доносится дѣловой басъ:

—Знаемъ мы твою супонь...

Фотогенъ не спѣша слѣзаетъ съ облучка, поддерживая, какъ шлейфъ, длинныя полы армяка, и величественно передаетъ вожжи Александрову.

— Поддержи, баринъ. Мнѣ тутъ нужно по одному дѣлу.

Александровъ польщенъ и сразу становится важнымъ. Но только — какъ груба и тяжела эта огромная путаница вожжей.

Юнкера ропщутъ:

— Да что же это, Фотогенъ Палычъ? Мы такъ послѣдніе пріѣдемъ. Срамъ какой!

— Не тревожтесь, юнкаря, — спокойно говоритъ ямщикъ. — Съ Фотогенъ Павлычемъ ѣдете!

Онъ распахиваетъ дверь и исчезаетъ въ облакахъ угарнаго пара, табачнаго дыма, крика и звона, которые стремительно вылетаютъ изъ трактира и мгновенно уносятся вверхъ.

— Вотъ тебѣ и Фотогенъ! — уныло говоритъ Ждановъ.

Но ямщикъ не заставляетъ долго себя ждать. Черезъ двѣ минуты дверь кабака распахивается и въ бѣлыхъ облакахъ, упруго взвивающихся вверхъ, показывается Фотогенъ Павлычъ, почтительно провожаемый хромоногимъ половымъ въ бѣлой рубахѣ и въ бѣлыхъ штанахъ.

— Счастливаго вамъ пути, Фотогенъ Павловичъ, — учтиво говоритъ половой.

Фотогенъ беретъ вожжи изъ рукъ Александрова.

— Спасибо тебѣ, баринъ, — говоритъ онъ, влѣзая на козлы и что-то дожевывая. — А вы, господа юнкаря, не сомнѣвайтесь. Только упреждаю: держитесь крѣпко, чтобы вы не разсыпались, какъ картофель.

Онъ веселъ. На морозѣ необыкновенно вкусно пахнетъ отъ него винцомъ...

— Вѣдь, какой расчетъ, — говоритъ онъ, разбирая вожжи и усаживаясь половче, — они, видите, поѣхали прямой дорогой, только ухабистой, гдѣ конямъ настоящаго хода нѣтъ. А у меня путь легкій, укатный. Мнѣ лишнія четь-версты — наплевать.

И вдругъ дико вскрикиваетъ:

— Ей, вы, крылатыя-я!

«Господи, — думаетъ Александровъ, — почему и мнѣ не побыть ямщикомъ. Ну, хоть не на всю жизнь, а такъ, года на два, на три. Изумительная жизнь!»

Дальше впечатлѣнія Александрова были восхитительны, но сумбурны, безпорядочны и туго припоминаемыя. Остались у него въ памяти: рѣзкій вѣтеръ, стегавшій лицо и пресѣкавшій дыханіе, стукъ снѣжныхъ комьевъ о передокъ, медвѣжья перевалка коренника со вздыбленной, свирѣпой гривой, и такая же, будто въ тактъ ему, перевалка Фотогена на козлахъ. Какъ во снѣ, припоминалъ онъ потомъ, что ѣхали они не то лѣсомъ, не то паркомъ. По обѣимъ сторонамъ широкой дороги стояли густыя, бѣлыя отъ снѣга деревья, которыя то склонялись вершинами, когда тройка подъѣзжала къ нимъ, то откидывались назадъ, когда она ихъ промелькнула.

Помнилось ему еще, какъ на одномъ крутомъ поворотѣ сани такъ накренились на правый бокъ, точно ѣхали на одномъ полозѣ, а потомъ такъ тяжко ухнули на оба полоза, перевалившись на другой бокъ, что всѣ юнкера одновременно подскочили и крякнули. Не забылъ Александровъ и того, какъ онъ въ одну изъ секундъ бѣшеной скачки взглянулъ на небо и увидѣлъ чистую, синевато-серебряную луну

и подумалъ съ сочувствіемъ: «Какъ ей должно быть холодно и какъ скучно бродить тамъ въ высотѣ, точно она старая больная вдова; и такая одинокая».

На послѣднемъ поворотѣ Фотогенъ нагналъ своихъ. Впереди его была только вторая тройка. Онъ закричалъ, самъ весь возбужденный, веселымъ летомъ:

— Право держи, любезный!

— У, чортъ, дьяволъ, лѣшій, — отозвался безъ злобы, скорѣе съ восхищеніемъ, обгоняемый ямщикъ. — Куда прешь!

Но уже показался домъ-дворецъ съ огромными ярко-сіяющими окнами. Фотогенъ въѣхалъ сдержанной рысью въ широкія старинныя ворота и остановился у подъѣзда. Въ ту минуту, когда Рихтеръ передавалъ ему юнкерскую складчину, онъ спросилъ:

— Лихо ли, юнкаря?

Они и словъ не находили, чтобы выразить свое удовольствіе. Правда, они уже искренне успѣли забыть о тѣхъ минутахъ, когда каждый изъ нихъ невольно подумывалъ: «потише бы немножко».

— Назадъ опять со мной поѣдете, — говорилъ Фотогенъ, отъѣзжая: — Только крикните меня по имени: Фотогенъ Павлычъ.

ГЛАВА XVIII.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ЗАЛЪ.

Ечкинскія нарядныя тройки одна за другою подкатывали къ старинному строгому подъѣзду, ярко освѣщенному, огороженному полосатымъ тиковымъ шатромъ и устланному ковровой дорожкой. Надъ мокрыми сѣрыми лошадьми клубился густой бѣлый пахучій паръ. Юнкера съ трудомъ вылѣзали изъ громоздкихъ саней. Отъ мороза и отъ долгаго сидѣнія въ неудобныхъ положеніяхъ ихъ ноги затекли, одеревенѣли и казались непослушными: трудно стало ихъ передвигать.

Наружныя массивныя, дубовыя двери были распахнуты настежь. За ними, сквозь вторыя стеклянныя двери, сіяли огни просторнаго высокаго вестибюля, гдѣ на первомъ планѣ красовалась величественная фигура саженнаго швейцара, бывшаго перновскаго гренадерскаго фельдфебеля, знаменитаго Порфирія.

Его ливрея, до полу, и пышная пелерина, — обѣ изъ пламенно-алаго тяжелаго сукна — были обшиты по бортамъ золотыми галунами, застегнуты на золотыя пуговицы и затканы рядами черныхъ двуглавыхъ орловъ. Огромная треуголка съ кокардою и бѣлымъ плюмажемъ покрывала его голову въ пудреномъ парикѣ, съ бѣлою косичкою. Въ рукѣ швейцаръ держалъ на отлетѣ тяжелую булаву съ большимъ золоченнымъ шаромъ, который высился надъ его головою.

Его великолѣпный костюмъ, его ростъ и выправка, его черные густые, толстые усы, закрученные вверхъ тугими кренделями, придавали его фигурѣ видъ такой недоступной и суровой гордости, какой позавидовали бы многіе министры...

Онъ широко распахнулъ половину стеклянной двери и торжественно стукнулъ древкомъ булавы о каменный полъ. Но, при видѣ знакомой формы юнкеровъ его служебно-серьезное лицо распустилось въ самую добродушную улыбку.

По училищнымъ преданіямъ, въ неписанномъ спискѣ юнкерскихъ любомицевъ, среди такихъ лицъ, какъ профессоръ Ключевскій, д-ръ богословія Иванцовъ-Платоновъ, лекторъ и прекрасный чтецъ русскихъ классиковъ Шереметевскій, капельмейстеръ Крейнбрингъ, знаменитые фехтовальщики Пуарэ и Тарасовъ, знаменитый гимнастъ и конькобѣжецъ Постниковъ, танцмейстеръ Ермоловъ, баритонъ Хохловъ, великая актриса Ермолова и немногія другія штатскія лица, — былъ внесенъ также и швейцаръ Екатерининскаго института Порфирій. Съ незапамятныхъ временъ, по праздникамъ и особо торжественнымъ днямъ, танцовали александровцы въ институтѣ, и въ каждое воскресенье приходили многіе изъ нихъ съ конфетами, на офиціальный, церемонный пріемъ къ своимъ сестрамъ или кузинамъ, чтобы поболтать съ ними полчаса подъ недреманнымъ надзоромъ педантичныхъ и всевидящихъ классныхъ дамъ. Кто знаетъ, можетъ быть, теперешняго швейцара звали вовсе не Порфиріемъ, а просто Иваномъ или Трофимомъ, но такъ какъ екатерининскіе швейцары продолжали сотни лѣтъ носить одну и ту же ливрею, а юнкера старшихъ поколѣній послѣдовательно передавали младшимъ древнее, привычное имя Порфирія Перваго, то и сдѣлалось имя собственное: Порфирій, не именемъ, а какъ бы званіемъ, чиномъ или титуломъ, который покорно наслѣдовали новыя поколѣнія екатерининскихъ швейцаровъ.

Нынѣшній Порфирій былъ всегда привѣтливъ, веселъ, учтивъ, расторопенъ и готовъ на услугу. Съ удовольствіемъ любилъ онъ вспомнить о томъ, что въ лагеряхъ, на Ходынкѣ, его Перновскій полкъ стоялъ неподалеку отъ батальона Александровскихъ юнкеровъ, и о томъ, какъ во время зори съ церемоніей взвивалась ракета и оркестры всѣхъ частей играли одновременно «Коль славенъ», а потомъ весь гарнизонъ пѣлъ «Отче нашъ».

Былъ, правда, у Порфирія одинъ маленькій недостатокъ: никакъ его нельзя было уговорить передать институткѣ хотя бы самую крошечную записочку, хотя бы даже и родной сестрѣ. «Простите. Присяга-съ», — говорилъ онъ съ сожалѣніемъ. «Хотя, извольте, я, пожалуй, и передамъ, но предварительно долженъ вручить ее на просмотръ дежурной классной дамѣ. Ну, какъ угодно. Все другое, что хотите: въ лепешку для господъ юнкеровъ расшибусь... а этого нельзя: законъ».

Тѣмъ не менѣе, у юнкеровъ издавна держалась привычка давать Порфирію хорошія чаевыя.

— А! Господа юнкера! Дорогіе гости! Милости просимъ! Пожалуйте, — веселымъ голосомъ привѣтствовалъ онъ ихъ, заботливо прислоняя въ уголъ свою великолѣпную булаву. — Безъ васъ и балъ открыть нельзя. Прошу, прошу...

Онъ былъ такъ мило любезенъ и такъ искренно радъ, что со стороны, слыша его солидный голосъ, кто-нибудь могъ подумать, что говоритъ не кто иной, какъ радушный, хлѣбосольный хозяинъ этого дома-дворца, построеннаго самимъ Растрелли въ екатерининскія времена.

— Шинели ваши и головные уборы, господа юнкера, я поберегу въ особомъ уголку. Вотъ здѣсь ваши вѣшалки. Номерковъ не надо, — говорилъ Порфирій, помогая раздѣваться. — Должно быть озябли въ дороге. Ишь, какъ отъ васъ морозомъ такъ крѣпко пахнетъ. Точно астраханскій арбузъ взрѣзали. Щет-

ка не нужна ли, почиститься? И, покорно прошу, господа, если понадобится курить или для туалета, извольте спуститься внизъ въ мою каморку. Одеколонъ найдется для освѣженія, фабрики Брокара. Милости прошу.

Юнкера толпились между двумя громадными, во всю стѣну, зеркалами, расположенными прямо одно противъ другого. Они обдергивали другъ другу складки мундировъ сзади, проводили карманными щетками въ порядокъ свои проборы или вздыбливали вверхъ прически бобрикомъ; одни, послюнивъ пальцы, подкручивали молодые, едва обрисовавшіеся усики, другіе пощипывали еще несуществующіе. «Счастливецъ Бутынскій! у него рыжіе усы, большіе, какъ у 25-лѣтняго поручика».

Во взаимно отражающихъ зеркалахъ, въ ихъ безконечно отражающихъ коридорахъ, казалось, шевелился и двигался цѣлый полкъ юнкеровъ.

Высокій фатоватый юнкеръ 1-ой роты, красавецъ Бауманъ, громко говорилъ:

— Господа, не забудьте: когда войдемъ въ залу, то директрисѣ и почетнымъ гостямъ придворный поклонъ, какъ училъ танцмейстеръ. Но послѣ поклона постарайтесь отступить назадъ, или отойти бокомъ, отнюдь не показывая спины.

Нетерпѣливый, бойкій на слово Каргановъ отвѣтилъ ему задорно:

— Спасибо, добрый наставникъ. Кстати, будьте любезны сообщить намъ, можно ли во время придворнаго поклона сморкаться или чесать поясницу?

— И не остроумно, и пош-шло, — презрительно отозвался Бауманъ.

Сверху послышались нѣжные звуки струннаго оркестра, заигравшаго веселый маршъ. Юнкера сразу заволновались. «Господа, пора, пойдемъ, начинается. Пойдемте».

Они пошли тѣсной кучкой по лѣстницѣ, внизу которой уже стоялъ исполинскій швейцаръ, успѣв-

шій вооружиться своей страшной булавою и вновь надѣть на свое лицо выраженіе горделивой строгости. Молодецки отчетливо, какъ и полагается Перновскому гренадеру, онъ отдалъ юнкерамъ честь по-ефрейторски, въ два пріема.

Надо сказать, что съ этимъ ежегоднымъ выраженіемъ юнкерамъ своего почета перновецъ кривилъ противъ устава: юнкера по службѣ числились всего рядовыми, а Порфирій былъ фельдфебелемъ.

Мраморная прекрасная лѣстница была необычайно широка и пріятно полога. Ея сквозныя рѣзныя перила, ея свободные пролеты, чистота и воздушность ея каменныхъ линій, — создавали впечатлѣніе прелестной легкости и граціи. Ноги юнкеровъ, успѣвшія отойти, съ удовольствіемъ ощущали легкую, податливую упругость толстыхъ красныхъ ковровъ, а щеки, уши и глаза у нихъ еще горѣли послѣ мороза. Пахло слегка какимъ-то ароматическимъ куреніемъ: не монашкою и не этими желтыми, глянцевитыми квадратными бумажками, а чѣмъ-то совсѣмъ незнакомымъ и удивительно радостнымъ.

Вверху, на просторной площадкѣ, ихъ дожидались двѣ дежурныя воспитанницы, почти взрослыя дѣвушки.

Обѣ онѣ были одѣты одинаково въ легкія парадныя платья темно-вишневаго цвѣта, снизу доходившія до щиколотки. Бальное большое декольте оставляло открытыми спереди шею и верхнюю часть груди, а сзади весь затылокъ и начало спины, позволяя видѣть чистую линію нѣжныхъ полудѣтскихъ плечъ. Руки, выступавшія изъ коротенькихъ матово-бѣлыхъ рукавчиковъ, были совсѣмъ обнажены. И никакихъ украшеній, ни сережекъ, ни колецъ, ни брошекъ, ни браслетовъ, ни кружевъ. Только лайковыя перчатки до полъ-локтя, да скромный вѣеръ подчеркивали юную, блистательную красоту.

Дѣвицы одновременно сдѣлали юнкерамъ легкіе реверансы, и одна изъ нихъ сказала:

— Позвольте васъ проводить, messieurs въ актовый залъ. Слѣдуйте, пожалуйста, за нами.

Это было только милое вниманіе гостепріимства. Пѣвучіе звуки скрипокъ и віолончелей отлично указывали дорогу, безъ всякой помощи.

По обѣимъ сторонамъ широкаго коридора были двери съ матовыми стеклами и, сбоку, овальныя дощечки съ золотой надписью, означавшей классъ и отдѣленіе.

У Александрова сестра воспитывалась въ Николаевскомъ институтѣ, и по высокимъ номерамъ классовъ онъ сразу догадался, что здѣсь учатся совсѣмъ еще дѣвчонки. У кадетъ было наоборотъ.

Но вотъ и зала. Прекрасныя проводницы съ новымъ реверансомъ исчезаютъ. Юнкера теперь предоставлены собственной распорядительности, и, надо сказать, нѣкоторыми изъ нихъ внезапно овладѣваетъ робость.

Зала очаровываетъ Александрова размѣрами, но еще больше красотой и пропорціональностью линій. Нижнія окна, затянутыя красными штофными портьерами, прямоугольны и поразительно высоки, верхнія гораздо меньше и имѣютъ форму полулунія. Очень просто, но какъ изящно. Должно быть, здѣсь строго продуманы всѣ размѣры, разстоянія и кривизны. «Какъ многаго я не знаю», думаетъ Александровъ.

Вдоль стѣнъ, по обѣимъ сторонамъ залы, идутъ мраморныя колонны, увѣнчанныя завитыми капителями. Первая пара колоннъ служитъ прекраснымъ основаніемъ для площадки съ перилами. Это хоры, гдѣ теперь расположился извѣстнѣйшій въ Москвѣ бальный оркестръ Рябова: черные фраки, бѣлые пластроны, огромныя пушистыя шевелюры. Дружно ходятъ вверхъ и внизъ смычки. Оттуда бѣгутъ, смѣясь, звуки рѣзваго, возбуждающаго марша.

Большая бронзовая люстра спускается съ потолка, сотни ея хрустальныхъ призмочекъ слегка дрожатъ и волшебно переливаются, брызжа синими, зе-

леными, голубыми, желтыми, красными, фіолетовыми, оранжевыми — колдовскими лучами. На каждой колоннѣ горятъ въ пятилапыхъ подсвѣчникахъ бѣлыя толстыя свѣчи: ихъ огонь даетъ всей залѣ теплый розово-желтоватый оттѣнокъ. И все это — люстра, колонны, пятилапые бра и освѣщенные хоры — отражаются свѣтовыми, масляно-волнующимися полосами въ паркетѣ медоваго цвѣта, гладкомъ, скользкомъ и блестящемъ, какъ ледъ превосходнаго катка.

Между колоннами и стѣной, съ той и другой стороны, оставлены довольно широкіе проходы, полъ которыхъ возвышается надъ паркетомъ на двѣ ступени. Здѣсь разставлены стулья. Сидя въ этихъ галлереяхъ, очень удобно отдыхать и любоваться танцами, не мѣшая танцующимъ. Здѣсь, въ правой галлереѣ, при входѣ, стѣснились юнкера. Кромѣ нихъ, есть и другіе кавалеры, но немного: десять-двѣнадцать катковскихъ лицеистовъ съ необыкновенно высокими, до ушей, красными воротниками, трое студентовъ въ шикарныхъ тѣсныхъ темно-зеленыхъ длиннополыхъ сюртукахъ на бѣлой подкладкѣ, съ двумя рядами золотыхъ пуговицъ. Какіе-то штатскіе, блѣдные, тонкіе мальчуганы во фракахъ, и одинъ заѣзжій изъ Петербурга, «блестящій» бѣлобрысый, пресыщенный жизнью пажъ, сразу ревниво возненавидѣнный всѣми юнкерами.

ГЛАВА XIX.

СТРѢЛА.

На другомъ концѣ залы, подъ хорами, въ бархатныхъ красныхъ золоченыхъ креслахъ сидѣли почетные гости, а посрединѣ ихъ сама директриса, величественная сѣдовласая дама въ шелковомъ сѣро-жемчужномъ платьѣ. Гости были пожилые и очень важные, въ золотомъ шитьѣ, съ красными и голубыми лентами черезъ плечо, съ орденами, съ золотыми лампасами на бѣлыхъ панталонахъ. Рядомъ съ начальницей стоялъ, слегка опираясь на спинку ея кресла, совсѣмъ маленькій, старенькій лысый гусарскій генералъ въ черномъ мундирѣ съ серебряными шнурами, въ красно-коричневыхъ рейтузахъ, туго обтягивавшихъ его подгибающіяся тощія ножки. Его Александровъ зналъ: это былъ почетный опекунъ московскихъ институтовъ, графъ Олсуфьевъ. Наклонясь слегка къ директрисѣ, онъ что-то говорилъ ей съ большимъ оживленіемъ, а она слегка улыбалась и съ веселымъ укоромъ покачивала головою.

— Ахъ ты, старый проказникъ, — дружелюбно сказалъ Ждановъ, тоже глядѣвшій на графа.

Позади и по бокамъ этой начальственной подковы группами и по-одиночкѣ, въ залѣ и по галлереѣ, всѣ въ одинаковыхъ темно-красныхъ платьяхъ, всѣ одинаково декольтированныя, всѣ издали похо-

жія другъ на дружку и всѣ загадочно прекрасныя, стояли воспитанницы.

Не прошло и полминуты, какъ зоркіе глаза Александрова успѣли схватить всѣ эти впечатлѣнія и закрѣпить ихъ въ памяти. Уже юнкера 1-ой роты съ Баумономъ впереди спустились со ступенекъ и шли по блестящему паркету длинной залы, невольно подчиняясь темпу увлекательнаго марша.

— Посмотрите, господа! — воскликнулъ Каргановъ, показывая на Баумана, — посмотрите на этого великосвѣтскаго человѣка. Во-первыхъ, онъ идетъ слишкомъ медленными шагами. Спрашивается, когда же онъ дойдетъ?

— Правда, — подтвердилъ Ждановъ. — И остальные, какъ индюки, топчатся на мѣстѣ.

— Во-вторыхъ, отъ важности онъ закинулъ голову къ небу, точно разсматриваетъ потолокъ. Онъ выпятилъ грудь, а задъ совсѣмъ отставилъ. Величественно, но противно.

Подвижной Ждановъ вдругъ спохватился.

— Господа, здѣсь не строй и не ученье, а балъ. Пойдемте, не станемъ дожидаться очереди. Айда!

Только спустившись въ залу, Александровъ понялъ, почему Бауманъ дѣлалъ такіе маленькіе шажки: безукоризненный и отлично натертый паркетъ былъ скользокъ, какъ лучшій зеркальный катокъ. Ноги на немъ стремились разъѣхаться врозь, какъ при первыхъ попыткахъ кататься на конькахъ; поневолѣ, при каждомъ шагѣ приходилось бояться потерять равновѣсіе, и потому страшно было рѣшиться поднять ногу.

А что если попробовать скользить, — подумалъ Александровъ. Вышло гораздо лучше, а когда онъ попробовалъ держать ступни не прямо, а съ носками, развороченными наружу, по-танцовальному, то нашлась и опора для каждаго шага. И все стало просто и пріятно. Поэтому, перегоняя товарищей, онъ очутился непосредственно за юнкерами 1-ой роты и

остановился на нѣсколько секундъ, не желая съ ними смѣшиваться. И все-таки было жутко и мѣшкотно двигаться и стоять, чувствуя на себѣ глаза множества наблюдательныхъ и, конечно, хорошенькихъ дѣвушекъ.

Юнкера 1-ой роты кланялись и отходили. Александровъ видѣлъ, какъ на ихъ низкіе и — почему не сказать правду? — довольно грамотные поклоны, медленно, съ важной и свѣтлой улыбкой склоняла свою властную матово-бѣлую голову директриса.

Отошелъ, пятясь спиной, послѣдній юнкеръ 1-ой роты. Александровъ — одинъ. «Господи, помоги!» Но внезапно въ памяти его всплываетъ круглая ловкая фигура училищнаго танцмейстера Петра Алексѣевича Ермолова, вмѣстѣ съ его изящнымъ поклономъ и словеснымъ урокомъ: «Руки свободно, безъ малѣйшаго напряженія, опущены внизъ и слегка, совсѣмъ чуточку, округлены. Ноги въ третьей позиціи. Одновременно, помните: одновременно — въ этомъ тайна поклона и его красота — одновременно и медленно — сгибается спина и склоняется голова. Такъ же вмѣстѣ и такъ же плавно, только чуть-чуть быстрѣе, вы выпрямляетесь и подымаете голову, а затѣмъ отступаете или дѣлаете шагъ вбокъ, судя по обстоятельствамъ».

Счастье Александрова, что онъ очень недурной имитаторъ. Онъ заставляетъ себя вообразить, что это вовсе не онъ, а милый, круглый, старый Ермоловъ скользитъ спокойными, увѣренными, легкими шагами. Вотъ Петръ Алексѣевичъ въ пяти шагахъ отъ начальницы остановилъ лѣвую ногу, правой прочертилъ по паркету легкій полукругъ и, поставивъ ноги точно въ третью позицію, дѣлаетъ полный почтенія и достоинства поклонъ.

Выпрямляясь, Александровъ съ удовольствіемъ почувствовалъ, что у него «вытанцовалось». Медленно, съ чудеснымъ выраженіемъ доброты и величія директриса слегка опустила и подняла свою се-

ребряную голову, озаривъ юнкера прелестной улыбкой. «А вѣдь она красавица, хотя и сѣдые волосы. А какой живой цвѣтъ лица, какіе глаза, какой царственный взглядъ. Сама Екатерина Великая!»

Стоявшій за ея кресломъ маленькій старенькій графъ Олсуфьевъ тоже отвѣтилъ на поклонъ юнкера коротенькимъ веселымъ кивкомъ, точно по-товарищески подмигнулъ о чемъ-то ему. Слегка шевельнули подбородками расшитые золотомъ старички. Александровъ былъ счастливъ.

Послѣ поклона ему удалось ловкими маневрами обойти свиту, окружавшую начальницу. Онъ уже почувствовалъ себя въ свободномъ пространствѣ и заторопился, было, къ ближнему концу спасительной галлереи, но вдругъ остановился на разбѣгѣ: весь промежутокъ между двумя первыми колоннами и нижняя ступенька были тѣсно заняты темно-вишневыми платьицами, голыми худенькими ручками и милыми свѣтло улыбавшимися лицами.

— Вы хотите пройти, господинъ юнкеръ? — услышалъ онъ надъ собою голосъ необыкновенной звучности и красоты, подобный альту въ самомъ лучшемъ ангельскомъ хорѣ на небѣ.

Онъ поднялъ глаза, и вдругъ съ нимъ произошло изумительное чудо. Точно случайно, какъ будто блеснула близкая молнія и въ мгновенномъ ослѣпительномъ свѣтѣ ярко обрисовалось изъ всѣхъ лицъ одно, только одно прекрасное лицо. Четкость его была сверхъестественна. Показалось Александрову, что онъ зналъ эту чудесную дѣвушку давнымъ давно, можетъ быть, тысячу лѣтъ назадъ, и теперь, сразу, вновь узналъ ее всю и навсегда, и хотя бы прошли еще милліоны лѣтъ, онъ никогда не позабудетъ этой граціозной, воздушной фигуры, со слегка склоненной головой, этого неповторяющагося, единственно «своего» лица, съ нѣжнымъ и умнымъ лбомъ подъ темными каштаново-рыжими волосами, заплетенными въ корону, этихъ большихъ внимательныхъ сѣрыхъ

глазъ, у которыхъ раекъ былъ въ тончайшемъ мраморномъ узорѣ, и вокругъ синихъ зрачковъ играли крошечные золотые кристалики, и этой чуть замѣтной, ласковой улыбки на необыкновенныхъ губахъ, такой совершенной формы, какую Александровъ видѣлъ только въ корпусѣ, въ рисовальномъ классѣ, когда, по указанію стараго Шмелькова, онъ срисовывалъ съ гипсоваго бюста одну изъ Венеръ.

Тотъ же магическій голосъ, совсѣмъ не останавливаясь, продолжалъ:

— Дайте, пожалуйста, дорогу господину юнкеру.

Александровъ поднялся по ступенькамъ, кланяясь въ обѣ стороны, краснѣя, бормоча слова извиненія и благодарности. Одна изъ воспитанницъ пододвинула ему вѣнскій стулъ.

— Можетъ быть, присядете?

Онъ низко признательно поклонился, но остался стоять, держась за спинку стула.

Если бы могъ когда-нибудь юнкеръ Александровъ представить себѣ, какіе водопады чувствъ, ураганы желаній и лавины образовъ проносятся иногда въ головѣ человѣка за одну малюсенькую долю секунды, онъ проникся бы священнымъ трепетомъ передъ емкостью, гибкостью и быстротой человѣческаго ума. Но это самое волшебство съ нимъ сейчасъ и происходило.

«Неужели я полюбилъ?» — спросилъ онъ у самого себя и внимательно, даже со страхомъ, какъ бы прислушался къ внутреннему самому себѣ, къ своимъ: тѣлу, крови и разуму, и рѣшилъ твердо: «Да, я полюбилъ, и это уже навсегда».

Какой-то подпольный ядовитый голосъ въ немъ же самомъ сказалъ съ холодной насмѣшкой:

— Любви мгновенной, любви съ перваго взгляда — не бываетъ нигдѣ, даже въ романахъ.

— Но что же мнѣ дѣлать? Я, вѣроятно, уродъ, — подумалъ съ покорной грустью Александровъ и вздохнулъ.

— Да и какая любовь въ твои годы? — продолжалъ ехидный голосъ. — Сколько сотъ разъ вы уже влюблялись, господинъ Сердечкинъ? О, Донъ-Жуанъ! О, злостный и коварный измѣнникъ!

Послушная память тотчасъ же вызвала къ жизни всѣ увлеченія и «предметы» Александрова. Всѣ эти бывшія дамы его сердца пронеслись передъ нимъ съ такой быстротой, какъ будто онѣ выглядывали изъ оконъ летящаго на всѣхъ парахъ курьерскаго поѣзда, а онъ стоялъ на платформѣ Петровско-Разумовскаго полустанка, какъ иногда, прошлымъ лѣтомъ по вечерамъ.

...Наташа Манухина въ котиковой шубкѣ, съ родинкой подъ глазомъ, розовая Нина Шпаковская съ большими густыми бѣлыми рѣсницами, похожими на крылья бабочки-капустницы, Машенька Полубояринова за піанино, въ задумчивой полутьмѣ, быстроглазая, быстроногая болтунья Зоя Синицына и Сонечка Владимірова, въ которую онъ столько же разъ влюблялся, сколько и разлюблялъ ее; и трое пышныхъ высокихъ, со сладкими глазами сестеръ Синельниковыхъ, съ которыми, слава Богу, все кончено; хоть и трагично, но навсегда. И другія, и другія, и другія... сотни другихъ... Дольше другихъ задержалась въ его глазахъ маленькая, чуть косенькая — это очень шло къ ней — Геня, Генріэтта Хржановская. Шесть лѣтъ было Александрову, когда онъ въ нее влюбился. Онъ храбро защищалъ ее отъ мальчишекъ, самъ надѣвалъ ей на ноги ботики, когда она уходила съ нянькой отъ Александровыхъ, и однажды подарилъ ей восковую желтую канарейку въ жестяной, сквозной, кружками клѣткѣ.

Но унеслись эти образы, растаяли и ничего отъ нихъ не осталось. Только чуть-чуть стало жалко маленькую Геню, какъ, впрочемъ, и всегда при воспоминаніи о ней.

«О, нѣтъ. Все это была не любовь, такъ, забава, игра, пустяки, вродѣ — и то правда — игры въ фан-

ты или почту. Смѣшное передразниваніе взрослыхъ по прочитаннымъ романамъ. Мимо! Мимо!» Прощайте, дѣтскія шалости и дурачества!

Но теперь онъ любитъ. Любитъ! — какое громадное, гордое, страшное, сладостное слово. Вотъ вся вселенная, какъ безконечно большой глобусъ, и отъ него отрѣзанъ крошечный сегментъ, ну, съ домъ величиной. Этотъ жалкій отрѣзокъ и есть прежняя жизнь Александрова, неинтересная и тупая. Но теперь начинается новая жизнь въ безконечности времени и пространства, вся наполненная славой, блескомъ, властью, подвигами, и все это вмѣстѣ съ моей горячей любовью я кладу къ твоимъ ногамъ, о, возлюбленная, о, царица души моей!

Мечтая такъ, онъ глядѣлъ на каштановые волосы, косы которыхъ были заплетены въ корону. Повинуясь этому взгляду, она повернула голову назадъ. Какой божественно-прекрасной показалась Александрову при этомъ поворотѣ чудесная линія, идущая отъ уха вдоль длинной гибкой шеи и плавно переходящая въ плечо. «Въ мірѣ есть точные законы красоты!» — съ восторгомъ подумалъ Александровъ.

Улыбнувшись, она отвернулась. А юнкеръ прошепталъ: «Твой навѣкъ».

Но уже кончили гости представляться хозяйкѣ. Директриса сказала что-то графу Олсуфьеву, нагнувшемуся къ ней.

Онъ кивнулъ головой, выпрямился и сдѣлалъ рукой призывающій жестъ.

Точно изъ-подъ земли выросъ тонкій, длинный офицеръ съ аксельбантами. Склонившись съ преувеличенной почтительностью, онъ выслушалъ приказаніе, потомъ выпрямился, отошелъ на нѣсколько шаговъ въ глубину залы и знакомъ приказалъ музыкантамъ замолчать.

Рябовъ, доведя колѣно до конца, прекратилъ маршъ.

— Полонезъ! — закричалъ адъютантъ веселымъ высокимъ голосомъ.

— Кавалеры, приглашайте вашихъ дамъ!

ГЛАВА XX.

ПОЛОНЕЗЪ.

— Полонезъ, господа, приглашайте вашихъ дамъ, — высокимъ теноромъ восклицалъ длинный гибкій адъютантъ, быстро скользя по паркету и нѣжно позванивая шпорами. — Полонезъ! Дамы и господа, потрудитесь становиться парами.

Александровъ спустился по ступенямъ и сталъ между колоннами. Теперь его красавица, съ каштаново-золотистой короной волосъ, стояла выше его и, слегка опустивъ голову и рѣсницы, глядѣла на него съ легкой улыбкой, точно ожидая его приглашенія.

— Позвольте просить васъ на полонезъ, — сказалъ юнкеръ съ поклономъ.

Ея улыбка стала еще милѣе.

— Благодарю, съ удовольствіемъ.

Она сверху внизъ протянула ему маленькую ручку, туго обтянутую тонкой лайковой перчаткой, и сошла на паркетъ зала со свободной граціей. «Точно принцесса крови», подумалъ Александровъ, только недавно прочитавшій «Королеву Марго». Подъ руку они подошли къ строющемуся полонезу и заняли очередь. За ними поспѣшно устанавливались другія пары.

— Я видѣла, какъ вы дѣлали реверансъ нашей славной maman, — сказала дѣвушка. — У васъ вышло очень изящно. Я сама знаю, какъ это трудно,

когда ты одна, а на тебя совсѣхъ сторонъ смотрятъ.

— А въ особенности насмѣшливые глаза хорошенькихъ барышень, — подхватилъ Александровъ.

— Признайтесь, вы сильно волновались?

— Скажу вамъ по секрету — ужасно! Руки, ноги точно связаны, и одна только мысль: не убѣжать ли, пока не поздно. Но я перехитрилъ самого себя, я вообразилъ, что я — это не я, а нашъ танцмейстеръ Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ. И тогда стало вдругъ удобно.

Она весело засмѣялась.

— И у насъ тоже Ермоловъ. Онъ, кажется, вездѣ. Но какъ я васъ хорошо понимаю. Я тоже умѣю такъ передразнивать. Я иногда пригляжусь внимательно къ чьей-нибудь походкѣ: подруги или классной дамы или учителя, и постараюсь пройтись совсѣмъ, совсѣмъ точно они. И тогда мнѣ вдругъ кажется, что я какъ будто стала не собой, а этимъ человѣкомъ. Точно я за него и вижу, и слышу, и думаю, и чувствую. И характеръ его для меня весь открытъ... Но посмотрите, посмотрите впередъ. — Она слегка пожала пальчиками его согнутую руку. — Видите, кто въ первой парѣ?

Въ головной парѣ стояли, ожидая начала танца, директриса и графъ Олсуфьевъ въ темно-зеленомъ мундирѣ (теперь на близкомъ разстояніи Александровъ лучше различилъ цвѣта) и малиновыхъ рейтузахъ. Стоя, начальница была еще выше, полнѣе и величественнѣе. Ея кавалеръ не достигалъ ей головой до плеча. Его худенькая фигура съ замѣтно согбенной спиной, съ осѣвшими тонкими ножками казалась еще болѣе жалкой рядомъ съ его черезчуръ представительной парой, похожей на столичный монументъ.

— Боюсь, смѣшной у нихъ выйдетъ полонезъ, — сказалъ съ непритворнымъ сожалѣніемъ Александровъ.

— Ну вотъ, ужъ непремѣнно и смѣшной, — за-

ступилась его прекрасная дама. — Это вѣдь всегда такъ трогательно видѣть, когда старики открываютъ балъ. Гораздо смѣшнѣе видѣть молодыхъ людей, плохо танцующихъ.

Высокій адъютантъ закинулъ назадъ голову, поднялъ руку вверхъ къ музыкантамъ и нараспѣвъ прокричалъ:

— Прошу! По-ло-незъ!

Дама юнкера Александрова немного отодвинулась отъ него; протянула ему на уровнѣ своего плеча красиво изогнутую, обнаженную и еще полудѣтскую руку. Онъ съ легкимъ склоненіемъ головы принялъ ее, едва касаясь пальцами кончиковъ ея тоненькихъ пальцевъ.

Сверху, съ хоръ, раздались вдругъ громкіе, торжественные и весело-гордые звуки польскаго вальса. Жестковатый холодокъ побѣжалъ по волосамъ и по спинѣ Александрова.

— Это — Глинка, — сказалъ шопотомъ Александровъ.

— Да, — отвѣтила она также тихо. — Изъ «Жизни за Царя». Превосходно, я обожаю эту оперу.

Александровъ, не перестававшій глядѣть впередъ, туда, гдѣ полукругомъ загибала вереница полонеза, вдругъ пришелъ въ волненіе и едва-едва не обмолвился, по дурной школьной привычкѣ, чернымъ словомъ.

— Ч... — но онъ быстро сдержался на разлетѣ. — Нѣтъ, вы полюбуйтесь, полюбуйтесь только, графъ-то вашъ и начальница. Охотно беру свои слова обратно.

И въ самомъ дѣлѣ, стоило полюбоваться этой парой. Выждавъ четыре первыхъ такта, они начали полонезъ съ тонкой ритмичностью, съ большимъ достоинствомъ и съ милой старинной граціей. Совсѣмъ ничего не было въ нихъ ни смѣшного, ни причудливаго. Директриса несла свое большое полное тѣло съ необыкновенной легкостью, съ плѣнительно-изящ-

ной простотой, точно коронованная особа, ласковая хозяйка пышнаго дворца, окруженная юными, прелестными фрейлинами. Всѣ ея движенія были увѣренны и женственны: наклоняла ли она голову къ своему кавалеру или дѣлала направо и налѣво, свѣтло улыбаясь, тихіе привѣтливые поклоны.

И графъ Олсуфьевъ вовсе уже не былъ старъ и хилъ. Бодрая героическая музыка выправила его спину и сдѣлала гибкими и послушными его ноги. Да! теперь онъ былъ лихой гусаръ прежнихъ золотыхъ, легендарныхъ временъ, гусаръ-дуэлистъ и кутила, дважды разжалованный въ солдаты за дѣла чести, коренной гусаръ, пріятель Бурцева или Дениса Давыдова.

Недѣли прошли въ тяжеломъ походѣ и въ дьявольскихъ атакахъ, и вотъ, вдругъ, балъ въ Вильно, по случаю пріѣзда государя. Только что слѣзши съ коня, едва успѣвъ переодѣться и надушиться, онъ уже готовъ танцовать всю ночь напролетъ, хотя весь и разбитъ долгой верховой ѣздой. Какъ великолѣпны взоры, которые Олсуфьевъ бросаетъ на свою очаровательную даму!.. Тутъ и гусарская неотразимая побѣдоносность, и рыцарское преклоненіе передъ женщиной, для которой онъ готовъ на любую глупость, вплоть до смерти, и игривое лукавство, и каскады преувеличенныхъ комплиментовъ, и жестокая гибель всѣмъ его соперникамъ, и легкомысленное обѣщаніе любви до гробовой доски, или по крайней мѣрѣ на сутки.

— Какъ они оба хороши, — говоритъ восхищенно Александровъ, — не правда ли, это какое-то чудо?

— Ну, что же, я очень рада, что вы сначала ошиблись.

Въ это время музыка какъ разъ возвращается къ первымъ тактамъ полонеза. Александровъ знаетъ твердо слова, которыя здѣсь поетъ хоръ, которыя и онъ самъ когда-то пѣлъ. Слегка наклонившись къ

красавицѣ, онъ, — правда, не поетъ, — но выговариваетъ речитативомъ:

«Вчера былъ бой,
Сегодня балъ,
Быть можетъ, завтра снова въ бой».

Вотъ оно, беззаботное веселье между двумя смертями.

— Намъ начинать, — говоритъ его дама. Они выжидаютъ, когда предыдущая пара не отойдетъ на нѣсколько шаговъ и тогда одновременно начинаютъ этотъ волшебный старинный танецъ, чувствуя теперь, что каждый шагъ, каждое движеніе, каждый поворотъ головы, каждая мысль связана у нихъ однѣми и тѣми же невидимыми нитями.

— Ахъ, какъ я счастливъ, что попалъ къ вамъ сегодня, —говоритъ Александровъ, не переставая строго слѣдить за ритмомъ полонеза. — Какъ я радъ. И подумать только, что изъ-за пустяка, по маленькой случайности, я могъ бы этой радости лишиться и никогда ея не узнать.

— Можетъ быть, вамъ это только такъ кажется? Какая случайность?

— Я вамъ скажу откровенно. Сегодня я поѣхалъ на балъ не по своей волѣ, а по распоряженію начальства.

— Ахъ, бѣдный, какъ я васъ жалѣю!

— Ну, да, по наряду. Я сталъ отговариваться. Я выдумывалъ всякіе предлоги, чтобы не поѣхать, но ничего не помогло.

— Ахъ, несчастный, несчастный.

— Потому, что я еще третьяго дня обѣщалъ знакомымъ барышнямъ, что поѣду съ ними на елку въ Благородное Собраніе.

— Воображаю, какъ онѣ теперь на васъ сердятся. Вы низко упали въ ихъ глазахъ. Такія измѣны никогда не прощаются. И воображаю, какъ вы должны скучать съ нами, невольными виновницами вашей ужасной погибели.

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я благославляю судьбу и настойчивость моего ротнаго командира. Никогда въ жизни я не былъ и не буду до такой степени наверху блаженства, какъ сію минуту, какъ сейчасъ, когда я иду въ полонезѣ рука объ руку, съ вами, слышу эту прелестную музыку и чувствую...

— Нѣтъ, нѣтъ, — смѣясь, перебиваетъ его она. — Только, пожалуйста, не о чувствахъ. Это запрещено.

— О чувствахъ приходящихъ мгновенно и сразу... овладѣва...

— Тѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе. Танцуйте старательнѣе и не болтайте пустяковъ.

Она обмахивается вѣеромъ. Она — дѣвочка — кокетничаетъ съ юнкеромъ совсѣмъ какъ взрослая записная львица. Серьезныя, почти строгія, гримаски она переплетаетъ улыбками и каждая изъ нихъ по разному выразительна. Ея верхняя губа вырѣзана въ чудесной формѣ туго натянутаго лука и тамъ, гдѣ этотъ рисунокъ кончается съ обѣихъ сторонъ у щекъ, тамъ чуть замѣтныя ямочки.

— Точно природа закончила изящный, неповторимый чертежъ и поставила точки въ знакъ того, что трудъ ея — совершенство.

Такъ думаетъ Александровъ, но полонезъ уже кончается. Александровъ доводитъ подъ руку свою даму до указаннаго ею мѣста и низко ей кланяется.

— Могу-ли я просить васъ на вальсъ.
— Хорошо.
— И на первую кадриль.
— По вашему это не слишкомъ много?
— И еще на третью.
— Нѣтъ, это невозможно.
Но она благодаритъ улыбкой.

ГЛАВА XXI.

ВАЛЬСЪ.

Вкрадчиво, осторожно, съ плѣнительнымъ лукавствомъ, раздаются первые звуки Штраусовскаго вальса. Какой колдунъ этотъ Рябовъ. Онъ дѣлаетъ со своимъ оркестромъ такія чудеса, что невольно кажется, будто всѣ шестнадцать музыкантовъ — члены его собственнаго тѣла, какъ, напримѣръ, пальцы, глаза или уши.

Еще находясь подъ впечатлѣніемъ пышнаго полонеза, Александровъ приглашаетъ свою даму церемоннымъ, изысканнымъ поклономъ. Она встаетъ. Легко и довѣрчиво ея лѣвая рука ложится, чуть прикасаясь, на его плечо, а онъ обнимаетъ ея тонкую, послушную талію.

— Въ три темпа или въ два? — спрашиваетъ Александровъ.

— Если хотите, то въ три, а ужъ потомъ въ два.

Въ этотъ моментъ она, снявъ руку съ плеча юнкера, поправляетъ волосы надъ лбомъ. Это, почти безсознательное движеніе полно такой наивной, простой граціи, что вдругъ душою Александрова овладѣваетъ знакомая, тихая, какъ прикосновеніе крылышка бабочки, летучая грусть. Эту кроткую, сладкую жалость онъ очень часто испытывалъ, когда его чувствъ касается что нибудь истинно прекрасное: видъ яркой звѣзды, дрожащей и переливающейся

въ ночномъ небѣ, запахи резеды, ландыша и фіалки, музыки Шопена, созерцаніе скромной, какъ бы несознающей самое себя, женской красоты, ощущеніе въ своей рукѣ дѣтской, копашащейся и такой хрупкой, ручонки.

Въ этой странной грусти нѣтъ даже и намека на мысль о неизбѣжной смерти всего живущаго. Такого порядка мысли еще далеки отъ юнкера. Онѣ придутъ гораздо позже, вмѣстѣ съ внезапнымъ ужасающимъ открытіемъ того, что вѣдь и я, я самъ, я милый, добрый Александровъ, непремѣнно долженъ буду когда нибудь умереть, подчиняясь общему закону.

О, какая гадкая и несправедливая жестокость! Такой зловѣщій страхъ онъ испытывалъ однажды ночью во время случайной безсонницы и этотъ страхъ его уже никогда больше не покидаетъ. Нѣтъ. Эта грустная мгновенная тревога — другого свойства. Ее объяснить ни себѣ, ни другому Александровъ никогда не сумѣлъ бы. Она скорѣе всего похожа на сожалѣніе, что этотъ, вотъ этотъ самый моментъ, уйдетъ назадъ и уже ни за что его не вернешь, не догонишь. Жизнь безмѣрна, богата. Будетъ другое, можетъ быть, очень похожее, можетъ почти такое же, но эта секунда уплыла навсегда...

Должно быть Александровъ инстинктивно такъ влюбленъ въ земную заманчивую красоту, что готовъ боготворить каждый ея осколочекъ, каждую пылинку. Самъ этого не понимая, онъ похожъ на скупого и жаднаго милліонера, который никому не позволяетъ прикоснуться къ своему золоту, ибо къ чужой рукѣ могутъ пристать микроскопическія частички обожаемаго металла.

Александровъ не только очень любилъ танцовать, но онъ также и умѣлъ танцовать; объ этомъ,

во-первыхъ, онъ зналъ самъ, во-вторыхъ, ему говорили товарищи, мнѣнія которыхъ всегда столь же рѣзки, сколь и правдивы; наконецъ, и самъ Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ на ежесубботнихъ урокахъ нерѣдко, хотя и сдержанно, одобрялъ его: «Недурно, г. юнкеръ, такъ, г. юнкеръ». Въ каждый отпускъ по четвергамъ и съ субботы до воскресенья (если только за единицу по фортификаціи Дроздъ не оставлялъ его въ училищѣ) онъ плясалъ до изнеможенія, до упаду, въ знакомыхъ домахъ, на вечеринкахъ или просто такъ, безъ всякаго повода какъ тогда неистово танцовала вся Москва. Но и оставаясь у себя дома, онъ всегда имѣлъ пару въ лицѣ старшей сестры Зины, такой же страстной танцорки, причемъ музыку онъ изображалъ голосомъ. Сестра танцовала прекрасно, но всегда оставалась недовольна.

— Ты очень ловкій кавалеръ, Алеша, — говорила она, — но, понимаешь, ты все-таки братъ, а не мужчина. Съ тобою я, какъ въ институтѣ, шерочка съ машерочкой. Или точно играешь на нѣмомъ піанино.

Онъ ей отвѣчалъ не менѣе любезно:

— А я тебя обнимаю точно куклу изъ папье-машэ. Мнѣ кажется, ты хоть и танцуешь превосходно, но сама неодушевленная.

Однако, никогда еще въ жизни не случалось Александрову танцовать съ такой ловкостью и съ такимъ наслажденіемъ, какъ теперь. Онъ почти не чувствовалъ ни вѣса, ни тѣла своей дамы. Ихъ движенія дошли до той полной согласованности и такъ слились съ музыкой, что казалось, будто у нихъ — одна воля, одно дыханіе, одно біеніе сердца. Ихъ быстрыя ноги касались скользкаго паркета лишь самыми кончиками «ципочекъ». И отъ того было въ ихъ танцѣ чувство стремленія въ высь, чудесное ощущеніе воздушнаго полета, во вращательномъ движеніи, блаженная легкость, почти невѣсомость.

Подымались и опускались, вздрагивая, огни мно-

жества свѣчей. Вѣялъ легкій теплый вѣтеръ отъ раздувавшихся одеждъ, изъ подъ которыхъ показывались на секунду стройныя ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и въ крошечныхъ черныхъ туфелькахъ, или быстро мелькали бѣлыя кружева нижнихъ юбокъ. Слегка нѣжно звенѣли шпоры и пестрыми, разноцвѣтными, глянцевитыми рѣющими красками отражали балъ въ сіяющемъ полу. А сверху лился, изъ рукъ веселыхъ волшебниковъ, какъ ритмическое очарованіе упоительный вальсъ. Казалось, что кто-то тамъ, на хорахъ, въ ослѣпительномъ свѣтѣ огней жонглировалъ безчисленнымъ множествомъ брилліантовъ, и разстилалъ широкія полосы голубого бархата, на который сыпались сверху золотыя блестки.

И какіе то сладко опьяняющіе голоса пѣли о томъ, что этому томному танцу — танцу-полету, не будетъ конца.

Не глядя, видѣлъ, нѣтъ, скорѣе чувствовалъ Александровъ, какъ часто и упруго дышетъ грудь его дамы въ томъ мѣстѣ, надъ вырѣзомъ декольте, гдѣ легла на розовомъ тѣлѣ нѣжная тѣнь ложбинки. Замѣтилъ онъ тоже, что, танцуя, она медленно поварачиваетъ шею то налѣво, то направо, слегка склоняя голову къ плечу. Это ей придавало нѣсколько утомленный видъ, но было очень изящно. Не устала-ли она?

И точно отвѣчая на его безмолвный вопросъ, — это было такъ естественно и понятно въ этотъ необыкновенный вечеръ, — она сказала:

— Это я нарочно такъ дѣлаю. Чтобы не кружилась голова.

Случилось такъ, что иногда ея прическа почти касалась его лица; иногда же онъ видѣлъ ея стройный затылокъ съ тонкими, вьющимися волосами, въ которыхъ точно въ паутинѣ, ходили спиралеобразно сіяющіе золотые лучи. Ему показалось, что ея шея пахнетъ цвѣтомъ бузины, тѣмъ прелестнымъ ея запахомъ, который такъ милъ не вблизи, а издали.

— Какіе у васъ славные духи, — сказалъ Александровъ. Она чуть-чуть обернула къ нему смѣющееся, раскраснѣвшееся отъ танца лицо.

— О, нѣтъ. Никто изъ насъ не душится, у насъ даже нѣтъ душистыхъ мылъ.

— Не позволяютъ?

— Совсѣмъ не потому. Просто у насъ не принято. Считается очень дурнымъ тономъ. Наша maman какъ-то сказала: «чѣмъ крѣпче барышня надушена, тѣмъ она хуже пахнетъ».

Но странная власть ароматовъ! Отъ нея Александровъ никогда не могъ избавиться. Вотъ и теперь: его дама говорила такъ близко отъ него, что онъ чувствовалъ ея дыханіе на своихъ губахъ. И это дыханіе... Да... Положительно оно пахло такъ, какъ будто бы дѣвушка только что жевала лепестки розы. Но поэтому поводу онъ ничего не рѣшился сказать и самъ почувствовалъ, что хорошо сдѣлалъ. Онъ только сказалъ:

— Я не могу выразить словомъ, какъ мнѣ пріятно танцовать съ вами. Такъ и хочется, чтобы во вѣки вѣковъ не прекращался этотъ балъ.

— Благодарю васъ. Съ вами тоже очень удобно танцовать. Но вѣчность! Не слишкомъ ли это много. Пожалуй, устанемъ. А потомъ надоѣстъ... соскучимся...

Но тутъ случилось маленькое приключеніе. Уже давно сквозь вихрь и мелканіе вальса успѣлъ Александровъ примѣтить одного катковскаго лицеиста. Этотъ высокій и худой, нѣсколько сутуловатый малый. вальсировалъ какими-то рѣзкими рывками, а лѣвую руку, вмѣстѣ съ рукой своей дамы онъ держалъ прямо вытянутою впередъ, точно длинное дышло. Все это вмѣстѣ было не такъ смѣшно, какъ некрасиво. Теперь онъ неуклюже вертѣлся вблизи Александрова и его дамы, подходя все ближе и ближе, уже совсѣмъ готовый наѣхать на нихъ. Желая выйти изъ его орбиты, Александровъ сталъ осторожно обходить

его слѣва, выпустивъ руку своей дамы и слегка приподнявъ лѣвую руку во избѣжаніе толчка. Но въ эту секунду лицеистъ, совершенно неумѣвшій лавировать, ринулся на нихъ со своихъ двуконнымъ дышломъ. Александровъ успѣлъ отвести ударъ и предупредить столкновеніе, но при этомъ, не теряя равновѣсія, сильно пошатнулся. Невольно лицо его уткнулось въ плечо дѣвушки, и онъ губами, носомъ и подбородкомъ почувствовалъ прикосновеніе къ нѣжному, горячему, чуть-чуть влажному плечу, пахнувшему такъ странно цвѣтущей бузиной. Нѣтъ, онъ вовсе не поцѣловалъ ее. Это неправда. Или нечаянно поцѣловалъ? Во весь этотъ вечеръ и много дней спустя, а пожалуй, во всю свою жизнь онъ спрашивалъ себя по чести и совѣсти: да или нѣтъ? Но такъ никогда и не разрѣшилъ этого вопроса.

Онъ только извинился и увидѣлъ, какъ быстро побѣжала красная краска по щекамъ, по шеѣ, по спинѣ и даже по груди прекрасной дѣвушки.

— Я, кажется, немного устала, — сказала она. — Мнѣ хочется отдохнуть. Проводите меня.

Онъ довелъ ее до галлереи между колоннами, усадилъ на стулъ, а самъ сталъ сбоку, немного позади. Увидѣвъ его смущенное, несчастное лицо, она пожалѣла его и предложила ему сѣсть рядомъ.

Они разговорились понемногу. Она сказала ему свое имя — Зинаида Бѣлышева.

— Только мнѣ оно не очень нравится. Отдѣльно Ида — это еще ничего, это что то греческое, но Зинаида, какъ-то громоздко. Пирамида, каріатида, Атлантида...

— Очень красиво — Зина, — подсказалъ юнкеръ.

— Да, для мамы и папы, — схитрила она. — Но вы, можетъ быть, не знаете, что есть мужское имя Зина?

— Признаться, не слыхалъ.

— Да, да. Я ужъ не помню у кого это, у Турге-

нева, или у Толстого есть какой-то мужикъ Зина. И кажется, не очень-то порядочный.

— А Зиночка?

— Это ничего еще. Такъ меня зовутъ родные. А младшій братъ — просто — Зинка - резинка.

— Я васъ буду мысленно называть Зиночкой, — сболтнулъ юнкеръ.

— Не смѣйте. Я вамъ это не позволяю, — сказала она, непринужденно смѣясь.

— Но кто же можетъ знать и контролировать мысли? — возразилъ Александровъ, слегка наклоняясь къ ней.

Она воскликнула съ увлеченіемъ:

— Вы сами. Мало быть честнымъ передъ другими, надо быть честнымъ передъ самимъ собою. Ну вотъ, напримѣръ: лежитъ на тарелкѣ пирожное. Оно — чужое, но вамъ его захотѣлось съѣсть и вы съѣли. Допустимъ, что никто въ мірѣ не узналъ и никогда не узнаетъ объ этомъ. Такъ что же? Правы вы передъ самимъ собою? Или нѣтъ?

Юнкеръ поклонился головою.

— Сдаюсь. Мудрость глаголитъ вашими устами. Позвольте спросить: вы должно быть много читали?

И тутъ дѣвочка разсказала ему кое-что о себѣ. Она дочь профессора, который читаетъ лекціи въ университетѣ, но кромѣ того даетъ въ Екатерининскомъ Институтѣ уроки естественной исторіи и имѣетъ въ немъ казенную квартиру. Поэтому ея положеніе въ институтѣ особое. Живетъ она дома, а въ институтѣ только учится. Отъ того она гораздо свободнѣе во времени, въ чтеніи и въ развлеченіяхъ, чѣмъ ея подруги...

— А теперь пойдемте, еще потанцуемъ, — сказала она вставая. — Только не въ два па. Я теперь приглядѣлась и нахожу, что это только вертушка и притомъ очень некрасивая, и, пожалуйста, подальше отъ этого лицеиста. Онъ такъ неуклюжъ.

И она опять слегка покраснѣла.

ГЛАВА XXII.

ССОРА.

Они танцуютъ третью кадриль.Ихъ визави Ждановъ съ прехорошенькой воспитанницей. Эта маленькая дѣвушка, по виду почти дѣвочка, кажется, Александрову похожей на ожившую новую фарфоровую куклу. У нея пушистые волосы цвѣта кокосовыхъ волоконъ, голубые глаза, блестящіе, какъ эмаль; круглые, румянцы на щекахъ, точно искусственно наведенные и крошечный алый ротикъ — вишенька. Обо всѣхъ ея прелестяхъ нельзя иначе говорить и думать, какъ въ уменьшительномъ видѣ. Она постоянно улыбается, сверкая бѣленькими, остренькими зубками Она веселится отъ всей души; вертится, оглядывается, трясетъ головою и свѣтлыми кудряшками, ея ручки и ножки въ безпрестанномъ нетерпѣливомъ движеніи.

— Не правда ли, какъ мила? — вполголоса спрашиваетъ Зиночка.

Александровъ наклоняется къ ней.

— Просто прелесть, — говоритъ онъ. — Она навѣрно получила бы первый призъ на выставкѣ.

Зиночка смотритъ на него съ легкимъ недовѣріемъ.

— На какой выставкѣ? Я васъ не поняла.

— На кукольномъ базарѣ. Знаете, это меня всегда удивляло: какъ только люди хотятъ сказать выс-

шую похвалу красивой барышнѣ, они непремѣнно скажутъ: ну, точь въ точь куколка. Я не поклонникъ такой красоты.

Зиночка сердится и, какъ будто, непритворно:

— Я не предполагала, что вы такой злой. Нина Забѣлло — это моя лучшая подруга, и у насъ всѣ ее любятъ. Она самая умная, самая добрая, самая веселая. А вы — зоилъ.

«Зоилъ... вотъ такъ названіе. Кажется, откуда то изъ хрестоматіи? Александрову давно знакомо это слово, но точный смыслъ его пропалъ. Зола и илъ... Что то не особенно лестное. Не философъ ли какой нибудь греческій, со скверною репутаціей женоненавистика?» Юнкеръ чувствуетъ себя неловко.

— Тогда прошу простить, — смиренно говоритъ онъ. — Какъ пріятно имѣть такого вѣрнаго друга, какъ вы. Я пошутилъ и, признаюсь, неловко. Теперь я вижу, что м-зель Забѣлло очаровательна.

Зиночка опускаетъ длинныя, темныя рѣсницы, прикрывая чуть замѣтную лукавую улыбку глазъ.

— Вы правы — говоритъ она съ кроткимъ вздохомъ. — Я бы очень хотѣла быть такой, какъ она.

Юнкеръ чувствуетъ, что теперь наступилъ самый подходящій моментъ для комплимента, но онъ потерялся. Сказать бы: «о, нѣтъ, вы гораздо красивѣе!» Выходитъ коротко и какъ то плоско. «Ваша красота ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ несравнима». Нехорошо, похоже на математику. «Вы прелестнѣе всѣхъ на свѣтѣ». Это, конечно, будетъ правда, но какъ то пахнетъ штабнымъ писаремъ. Да ужъ теперь и поздно. Удобная секунда промелькнула и не вернется. Ахъ, какъ досадно. Какой я тюлень!

Но оркестръ играетъ вторую ритурнель. Мотивъ ея давно знакомъ юнкеру. Это кадриль — попури изъ русскихъ пѣсенъ. Онъ знаетъ наивныя и смѣшныя слова:

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Она меня не любитъ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Она меня погубитъ».

Замѣшательство Александрова все растетъ. Съ незапамятныхъ лѣтъ установилось неизбѣжное правило: во время кадрили и особенно въ промежуткахъ между фигурами, кавалеру полагается, во что бы то ни стало, занимать свою даму быстрой, непрерывной, неизсякающей болтовней на всевозможныя темы. Но Александровъ съ удивленіемъ и съ тоскою замѣчаетъ, что всѣ его кадрильныя слова приклеились у него гдѣ-то въ глубинѣ гортани и никакъ не отклеиваются. Онъ уже во второй разъ спросилъ Зиночку: «нравится ли вамъ сегодняшній балъ?» и, спросивъ, покраснѣлъ отъ стыда, поперхнулся и совсѣмъ некстати перескочилъ на другой вопросъ: «Любите ли вы кататься на конькахъ?» Зиночка вовсе не помогала ему, отвѣчая (нарочно сухо, какъ показалось юнкеру): да и нѣтъ.

Ахъ, какъ мучительно завидовалъ онъ въ эти тяжелыя минуты беззаботному и неутомимому, точно заводному, Жданову. Разговоръ у него бѣжалъ, какъ водопадъ, сверкалъ, какъ фейерверкъ, не останавливаясь ни на мигъ. Пошлетъ же судьба человѣку такой замѣчательный талантъ! Продѣлывая безъ увлеченія, по давнишней привычкѣ, разныя шассее, круазе, шенъ и балянсе, Александровъ все время ловилъ, поневолѣ случайные отрывки изъ той чепухи, которую увѣренной, громкой скороговоркой несъ Ждановъ: о фатализмѣ, о звѣздахъ, духахъ и дух*а*хъ, о Царь-Пушкѣ, о цыганкѣ-гадалкѣ, о липкомъ пластырѣ, о канарейкахъ, объ антоновскихъ яблокахъ, о лунатикахъ, о Наполеонѣ, о значеніи цвѣтовъ и красокъ, о постриженіи въ монахи, объ ангорскихъ кошкахъ, о переселеніи душъ и т. д. безъ начала, безъ конца и безъ всякой связи. Его дама, маленькая Ниночка Забѣлло, радостно хохотала, закидывая назадъ свою свѣтло-серебристую кукольную головку и жмуря гла-

за. Александровъ окончательно падаетъ духомъ. Ни одно легкое слово не идетъ на языкъ. Оркестръ какъ нарочно поддразниваетъ его въ 5-ой фигурѣ:

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Она меня не любитъ...

и бѣдный юнкеръ съ каждой минутой чувствуетъ себя все болѣе тяжелымъ, неуклюжимъ, некрасивымъ и робкимъ. Классная дама, въ темно синемъ платьѣ, со множествомъ перламутровыхъ пуговицъ на груди и съ рыбьимъ холоднымъ лицомъ, — давно уже глядитъ на него издали тупымъ, ненавидящимъ взоромъ мутныхъ глазъ. «Вотъ тоже: пріѣхалъ на балъ, а не умѣетъ ни танцовать, ни занимать свою даму. А еще изъ славнаго Александровскаго училища. Постыдились бы, молодой человѣкъ!»

Ужасно много времени длится эта злополучная кадриль. Наконецъ, она кончена. Гранъ-ронъ! — кричитъ адъютантъ, весело раскатываясь на рр...

Зиночка Бѣлышева отъ гранъ-ронъ отказывается.

«Я не люблю этой тѣсноты и толкотни»— говоритъ она.

Но Александрову и безъ лишнихъ словъ совершенно ясно, что вовсе не этотъ путанный, затѣйливый танецъ, а именно его, юнкера Александрова не любитъ Зиночка.

Зиночка садится на стулѣ въ галлереѣ, за колоннами. Юнкеръ только что собирается со страхомъ и надеждой въ душѣ присѣсть возлѣ нея, какъ она тотчасъ же подымается.

— Простите. Меня зоветъ подруга.

И быстро мелькая черными туфельками и бѣлыми чулочками, свободно и граціозно лавируя между танцующими, она торопливо перебѣгаетъ на другую сторону зала.

— Все кончено, говоритъ густымъ трагическимъ басомъ кто-то внутри Александрова.

Однако, Зиночка побѣжала совсѣмъ не къ подругѣ. Александровъ слѣдилъ за нею. Она остановилась передъ синей дамой съ рыбьимъ лицомъ, выслушала, наклонивъ прелестную каштановую головку, нѣсколько сказанныхъ дамою словъ и чинно сѣла рядомъ съ нею. «При чемъ же здѣсь подруга? — подумалъ огорченный юнкеръ. — Просто ей хочется отдѣлаться отъ меня»...

Но нѣтъ. Вотъ она бросила на юнкера черезъ всю залу быстрый, вовсе, казалось, не враждебный взглядъ и тотчасъ же, точно испугавшись, отвела его и еще строже выпрямилась на стулѣ, чуть-чуть осторожно косясь на синюю классную даму. — «Неужели это все — только коварная игра?»

Мрачный, ероша свою прическу бобрикомъ, неровно пощипывая чуть пробивающійся пушокъ на верхней губѣ, дожидается Александровъ конца затянувшагося гранъ-ронъ, и, наконецъ, дождался. Распорядитель объявляетъ польку-мазурку. «Еще попытка! Самая послѣдняя, а тамъ будь, что будетъ. Ахъ жаль, что нельзя, бросивъ балъ, уѣхать прямо домой, на Прѣсню. Необходимо явиться въ училище и тамъ ночевать. А все этотъ упрямый Дроздъ».

Подъ рѣзвые, скачущіе, лихіе звуки польки-мазурки Александровъ поспѣшно пробирается къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ Зиночка. Онъ уже близко отъ нея. Всего десять, пятнадцать шаговъ. Но, откуда ни возьмись, появляется передъ нею, спиной къ Александрову, усталый, пресыщенный пажъ. Съ какой небрежностью онъ поклонился, какъ снисходительно, нехотя, обнялъ ея граціозную тонкую талію. И онъ совсѣмъ нарочно не хочетъ дѣлать па танца. Онъ лишь равнодушно и даже отчасти брезгливо шагаетъ въ тактъ. «Ого! Осмѣлился ли бы онъ такъ, спустя рукава, танцовать во дворцѣ, или въ знатномъ петербургскомъ домѣ? Для него здѣсь только Москва, жалкая провинція, а онъ, блестящій пажъ, Ея Величества или Высочества, будетъ потомъ съ презритель-

ной улыбкой говорить о московскихъ смѣшныхъ кузинахъ. Да. Охотно повстрѣчался бы я съ этимъ бѣлобрысымъ, прилизаннымъ фазаномъ гдѣ нибудь съ глазу на глазъ, безъ постороннихъ свидѣтелей!» — думаетъ Александровъ, изо всей силы напрягая мускулы крѣпкаго тѣла.

Пажъ сдѣлалъ кругъ и посадилъ Зиночку на ея мѣсто, чуть-чуть мотнувъ головой. Александровъ торопливо подбѣжалъ и старательно поклонился:

— Можно просить васъ?

— Ахъ! только не теперь... Я ужасно устала.

Александровъ медленно отступаетъ къ галлереѣ. Тамъ темнѣе и пусто. Оборачивается и что же онъ видитъ? Тотъ самый катковскій лицеистъ, который танцовать вальсъ, высунувъ впередъ руку, подобно дышлу, стоитъ, согнувшись въ полу-поклонѣ, передъ Зиночкой, а та встаетъ и кладетъ ему на плечо свою руку, медленно склоняя въ то же время прекрасную головку на стройной гибкой шеѣ.

Больше Александровъ не хочетъ и не можетъ смотрѣть. Теперь онъ увѣренно знаетъ, что имъ совершена какая то грубая, непростимая ошибка, какая то нелѣпая и смѣшная неловкость, которую загладить уже нѣтъ ни времени, ни возможности... Пойти объясниться? Просить прощенія? Нѣтъ, это значило бы громоздить глупость на глупость... Ни раздраженія, ни упрека нѣтъ у него въ душѣ противъ Зиночки. Распускалось, расцвѣтало какое то легкое, чудесное сверкающее счастье и вдругъ померкло, исчезло. Весь міръ теперь для юнкера вдругъ окрасился желтымъ тономъ, тусклымъ и скучнымъ, точно онъ надѣлъ желтыя очки.

Звуки рѣзвой музыки кажутся унылыми. Печально колеблются огни оплывшихъ огарковъ въ люстрахъ и шандалахъ, лица, которыя онъ видитъ — всѣ стали некрасивы, несимметричны и блѣдны.

Тоска!

Онъ вышелъ изъ зала и спустился по лѣстницѣ

въ швейцарскую. Великолѣпный пурпурно-золотой Порфирій принялъ его какъ радушный хозяинъ.

— Во вторую дверцу-съ и направо, — показалъ онъ рукой. — Не нужно? Тогда не угодно ли будетъ вамъ, господинъ юнкеръ, освѣжиться холодной водицей? Одеколонъ есть, брокаровскій. Ахъ, вамъ покурить, господинъ юнкеръ? Замаялись, танцовавши?

— Нѣтъ... такъ какъ то...

Хотѣлось было юнкеру сказать: «мнѣ бы стаканъ водки!» Читалъ онъ много русскихъ романовъ, и въ нихъ очень часто отвергнутый герой нарѣзывался съ горя водкою до потери сознанія. Но большое усатое лицо швейцара было такъ просто, такъ весело и добродушно, что онъ почувствовалъ стыдъ за свою случайную дурацкую мысль.

Но Порфирій, точно какимъ то волшебнымъ чутьемъ угадавъ и эту мысль и настроеніе юнкера, вдругъ сказалъ:

— А что я позволю себѣ предложить вамъ, господинъ юнкеръ? Я отъ роду человѣкъ не питущій, и вся наша фамилія люди трезвые. Но есть у меня вишневая наливочка, знатная. Спирту въ ней нѣтъ ни капельки, сахаръ, да сокъ вишневый, да я бы вамъ и не осмѣлился... а только очень уже сладко и отъ нервовъ можетъ помогать. Жена моя всегда ее употребляетъ рюмочку если въ разстройствѣ. Я сейчасъ, мигомъ.

— Да, не надо Порфирій. Спасибо тебѣ. Не стоитъ.

— Я сейчасъ...

Онъ скрылся въ своей швейцарской норкѣ, позвонилъ слегка посудой и вышелъ съ рюмкой на подносѣ. Это была старинная граненая рюмка краснаго богемскаго или какъ говорятъ, въ Москвѣ, «бемскаго» хрусталя, съ гравированными гранями. Густая темная жидкость колыхалась въ ней, отсвѣчивая зеленымъ блескомъ.

— Кушайте на доброе здоровье, батюшка, —

ласково промолвилъ Порфирій. Такъ то вотъ оно и хорошо будетъ. Не повторите ли?

— Нѣтъ, что ты, Порфирій. Превосходная наливка — говорилъ юнкеръ, вытирая губы платкомъ. — Очень тебѣ благодаренъ.

— Э, нѣтъ, нѣтъ, этого ужъ пожалуйста не надо, — заторопился Порфирій, замѣтивъ, что юнкеръ опускаетъ руку въ карманъ за деньгами. — Это я за честь считаю угостить Александровскаго юнкера, а не такъ, чтобы съ корыстью.

Наливка — и правда — была совсѣмъ не приправлена спиртомъ, но отъ сахара и ягодъ въ ней должно быть произошло свое винное броженіе. У юнкера слегка, но пріятно захватило дыханіе и защипало гланды.

И не такъ наливка, какъ милое сердечное, совсѣмъ московское обращеніе Порфирія и его славное, доброе лицо сдѣлало то, что желтый скучный газъ, только что облекавшій все мірозданіе, началъ понемногу свертываться, таять, исчезать. И должно быть огорченіе Александрова было не изъ тѣхъ, отъ которыхъ люди запиваютъ, сходятъ съ ума, или стрѣляются. Объ этомъ минутномъ горѣ Александровъ вспомнитъ когда нибудь съ нѣжной признательностью, обвѣянной поэзіей. До зловѣщихъ часовъ настоящаго, лютаго, проклятаго отчаянія, лежатъ впереди еще многіе добрые годы.

Проходя верхнимъ рекреаціоннымъ коридоромъ, Александровъ замѣчаетъ, что одна изъ дверей, съ матовымъ стекломъ и номеромъ класса, полуоткрыта и за нею слышится какая то веселая возня, шопотъ, легкія, звонкія восклицанія, восторженный пискъ, радостный смѣхъ. Оркестръ въ большомъ залѣ играетъ въ это время польку. Внимательное, розовое, плутовское, дѣтское личико выглядываетъ зорко изъ двери въ коридоръ.

— Вамъ можно, — говоритъ дѣвочка лѣтъ 12-ти

— 13-ти въ зеленомъ платьицѣ. — Только чуръ, никому не говорите.

Александровъ открываетъ дверь.

Здѣсь въ небольшомъ пространствѣ классной комнаты, изъ которой вынесены парты, усерднс танцуютъ дружка съ дружкой, подъ звуки «взрослой» музыки десятка два самыхъ младшихъ воспитанницъ, въ зеленыхъ юбочкахъ, совсѣмъ еще дѣтей «малявокъ», какъ ихъ свысока называютъ старшія. Но у нихъ настоящее буйное, легкокрылое веселье, котораго, пожалуй, нѣтъ и въ чинномъ двухсвѣтномъ залѣ. И такъ милы всѣ онѣ, полу-дѣтски наивно длинноруки, длинноноги и трогательно неуклюжи!.. Александровъ съ улыбкой вспоминаетъ словцо своего веселаго дяди Кости объ этомъ возрастѣ: «щенокъ о пяти ногъ».

Александровъ оживляется. Отличная, проказливая мысль приходитъ ему въ голову. Онъ подходитъ къ первой отъ входа дѣвочкѣ, у которой волосы, туго перетянутые снизу ленточкой, торчатъ вверхъ, точно хохолъ у какой то рѣдкостной птицы, дѣлаетъ ей глубочайшій церемонный поклонъ и проситъ витіевато:

— М-ль, не угодно ли будетъ вамъ, сдѣлать мнѣ величайшую честь и отмѣнное удовольствіе протанцовать со мною, вашимъ покорнымъ слугою, одинъ туръ польки?

Дѣвочка робко, неловко, вся покраснѣвъ, кладетъ ему худенькую, тоненькую прелестную ручонку не на плечо, до котораго ей не достать, а на рукавъ. Остальныя отъ неожиданности и изумленія перестали танцовать и, точно самимъ себѣ не вѣря, молча смотрятъ на юнкера, широко раскрывъ глаза и рты.

Протанцовавъ со своею дамой, онъ съ такой же утонченной вычурностью приглашаетъ другую, потомъ третью, четвертую, пятую, всѣхъ подъ рядъ. Ну, что за прелесть эти крошечныя дѣвчонки! Алек-

сандровъ ясно слышитъ, что у каждой изъ нихъ волосы пахнутъ одной и той же помадой «Резеда», должно быть, купленной самой отчаянной контрабандой. Да и самъ, этотъ сказочный дѣтскій балокъ подъ сурдинку, не былъ ли браконьерствомъ?

И какъ аккуратно, какъ ревностно онѣ дѣлаютъ танцовальныя па своими маленькими ножками, высоко поднятыми на цыпочки. Отъ старательности, точно на строгомъ экзаменѣ, онѣ прикусываютъ нижнюю губку, подпираютъ изнутри щеку языкомъ, и даже высовываютъ язычекъ между зубами.

Когда же Александровъ подходитъ къ очередной дамѣ, то другія тѣсно его облѣпляютъ:

— Пожалуйста, и со мною тоже.

— И со мной, и со мной, и со мной.

— Милый юнкеръ, а когда же со мной?

И, наконецъ, тоненькій комариный голосокъ, въ которомъ дрожитъ обида!

— Да-а! Со всѣми танцуютъ, а со мной не танцуютъ.

Александровъ справедливъ. Онъ самъ понимаетъ. Какая рѣдкая радость и какая гордость для дѣвчонокъ танцовать съ настоящимъ взрослымъ кавалеромъ, да притомъ еще съ юнкеромъ Александровскаго училища, самаго блестящаго и любимаго въ Москвѣ. Онъ ни одну не оставитъ безъ тура польки.

Но онъ не успѣваетъ. На двухъ воспитанницъ не хватаетъ польки, потому что оркестръ перестаетъ играть. Увидѣвъ двѣ миленькія, готовыя заплакать мордочки, съ уже вытянутыми въ трубочку губами, Александровъ быстро находится:

— Медамъ. Это ничего не значитъ. Мы сами себѣ музыка.

И подхвативъ очередную дѣвочку, уже почти пустившую слезу, онъ бурно начинаетъ польку, громко подыгрывая голосомъ.

Тра, ля, ля, ля — тра ля ля.

Остальныя съ увлеченіемъ слѣдуютъ за нимъ,

отбивая тактъ ладошками, и въ общемъ получается замѣчательный оркестръ.

Дотанцовавъ, онъ откланивается и хочетъ уйти. Но маленькія, цѣпкія лапочки хватаютъ его за мундиръ.

— Не уходите, юнкеръ, душка, милочка, не уходите отъ насъ.

Онъ обѣщаетъ забѣжать къ нимъ во время слѣдующаго танца и съ трудомъ освобождается.

Только что входитъ Александровъ въ большой залъ, подымаясь по ступенькамъ галлереи, какъ распорядитель торжественно объявляетъ:

— Послѣдній танецъ! Вальсъ!

Черезъ всю залу, по діагонали, Александровъ сразу находитъ глазами Зиночку. Она сидитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и раньше, и быстрыми движеніями вѣера обмахиваетъ лицо. Она тревожно и пристально обѣгаетъ взоромъ всю залу, очевидно, кого-то разыскивая въ ней. Но, вотъ, ея глаза встрѣчаются съ глазами Александрова и онъ видитъ какъ радость заливаетъ ея лицо. Нѣтъ. Она не улыбается, но юнкеру показалось, что весь воздухъ вокругъ нея посвѣтлѣлъ и заблестѣлъ смѣхомъ. Точно сіяніе окружило ея красивую голову. Ея глаза звали его.

Онъ видѣлъ, подходя къ ней, какъ она отъ нетерпѣнія встала и рѣзкимъ движеніемъ сложила вѣеръ, а когда онъ былъ въ двухъ шагахъ отъ нея и только собирался поклониться, она уже приподымала машинально, сама этого не замѣчая, лѣвую руку, чтобы опустить ее на его плечо.

— Что же вы совсѣмъ убѣжали отъ меня? Какъ вамъ не стыдно? — сказала она, и эти простыя, ничего не значущія слова вдругъ теплымъ бархатомъ задрожали въ груди Александрова.

— Я... я... собственно... — началъ было онъ.

Но она перебила его.

— Да, вы, вы, вы. Не нужно ни о чемъ говорить. Теперь будемъ только танцовать вальсъ. Разъ-два-

три, — подсчитывала она подъ темпъ музыки, и они закружились опять въ блаженномъ воздушномъ полетѣ.

И тутъ Зиночка, щекоча невольно его високъ своими тонкими волосами, дыша на него порою своимъ чистымъ свѣжимъ дыханіемъ, въ двухъ словахъ развѣяла причину ихъ странной молчаливой ссоры издали.

На балахъ начальство строго слѣдило, чтобы воспитанницы не танцовали съ однимъ и тѣмъ же кавалеромъ нѣсколько разъ подрядъ. Это ужъ было бы похоже на предпочтеніе, на какое-то избранничество, наконецъ, просто на кидающееся въ глаза взаимное ухаживаніе. Синяя дама, съ рыбьей головой, сдѣлала Зиночкѣ замѣчаніе, что она слишкомъ много удѣляетъ вниманія юнкеру Александрову, что это слишкомъ кидается въ глаза и, наконецъ, становится совсѣмъ неприличнымъ.

— Во время третьей кадрили она такъ и пронизывала меня глазищами, и теперь вы понимаете, что я чувствовала себя какъ связанная.

— Она и на меня такъ же глядѣла, — сказалъ Александровъ. — Мнѣ даже пришло въ голову, что если бы между мной и ею былъ стеклянный экранъ, то ея взглядъ сдѣлалъ бы въ стеклѣ круглую дырочку, какъ дѣлаетъ пуля. Ахъ, зачѣмъ же вы мнѣ сразу не сказали?

— У насъ ужъ такая этика. Мы можемъ нашихъ классныхъ дамъ всячески изводить, но жаловаться постороннимъ — это не принято. Но теперь мнѣ все равно. J'ai jeté le bonnet par dessus les moulins. Завтра она пожалуется папѣ.

— А папа?

— Папа будетъ отъ души смѣяться. Ахъ, папочка мой такая прелесть, такой душенька. Но довольно объ этомъ. Вы больше не дуетесь, и я очень рада. Еще одинъ туръ. Вы не устали?

ГЛАВА XXIII.

ПИСЬМО ЛЮБОВНОЕ.

Кончились зимнія каникулы. Тяжеловато послѣ двухъ недѣль почти безграничной свободы втягиваться снова въ суровую военную дисциплину, въ лекціи и репетиціи, въ строевую муштру, въ раннее вставаніе по утрамъ, въ ночныя безсонныя дежурства, въ скучную повторяемость дней, дѣлъ и мыслей.

Есть у юнкеровъ, въ распорядкѣ дня, лишь два послѣобѣденныхъ часа (отъ 4 до 6) полнаго отдыха, когда можно пѣть, болтать, читать постороннія книги и даже прилечь на кровати, разстегнувъ верхній крючекъ куртки. Отъ 6 до 8 снова зубрежка или черченіе, подъ надзоромъ курсовыхъ офицеровъ.

Александровъ подсѣлъ на кровать къ Жданову; такъ они каждый день ходятъ другъ къ другу въ гости. Крикнули ротнаго служителя и послали его въ булочную Севастьянова, что наискосъ отъ училища черезъ Арбатскую площадь, за пирожными — пара пятачокъ. Ждановъ, какъ болѣе солидный и крѣпкій, заказалъ себѣ два яблочныхъ и два тирольскихъ; болѣе легковѣсный Александровъ — двѣ трубочки съ кремомъ и два миндальныхъ. Поѣдая пирожныя, какъ-то говорится слаще, занятнѣе. Самая любимая, никогда не изсякающая тема ихъ разговора, это, конечно, — прошлый недавній балъ въ Екатерининскомъ институтѣ, со множествомъ милыхъ малень-

кихъ воспоминаній. Вспоминаютъ они, какъ всѣ дѣвицы, окруживъ тѣснымъ прекраснымъ роемъ графа Олсуфьева, упрашивали его не уѣзжать такъ скоро, пробыть еще полчасика на балу, и какъ онъ, мелко топчась на своихъ согнутыхъ подагрой ногахъ, точно приплясывая, говорилъ:

— Не могу, мои красавицы. Сказано въ премудростяхъ Царя Соломона: время строить и время разрушать, время старому гусару Олсуфьеву танцовать на балу и время ѣхать домой спатиньки.

— Прелесть графъ Олсуфьевъ? А — говоритъ Александровъ.

— Правда. Молодчина, — соглашается Ждановъ. — И какой шикарный былъ ужинъ, какая осетрина, какой ростбифъ!

Но Александрову ближе и милѣе другія воспоминанія. Какъ ласково и просто сказала княгиня-директриса: Mesdames, просите вашихъ кавалеровъ къ ужину. Вотъ это такъ настоящая аристократка! Хочется юнкеру сказать и еще кое о чемъ, болѣе нѣжномъ, болѣе интимномъ; вѣдь, на то и дружба, чтобы повѣрять другъ другу сердечные секреты. Переходъ изъ зала въ столовую шелъ по довольно узкому коридору. Было тѣсно, подвигались съ трудомъ. Плечи Зиночки и Александрова часто соприкасались. Кисть ея руки легко лежала на рукавѣ Александрова. И вотъ, вдругъ, на безконечно краткое время, Зиночка сжала руку юнкера и прильнула къ нему упругимъ сковь одежду тѣломъ. Конечно, это вышло случайно, отъ толкотни, но кто знаетъ, можетъ быть, здѣсь была и крошечная, микроскопическая доля умысла? Нѣтъ, Жданову онъ объ этомъ не скажетъ ни слова. Пусть ихъ связываетъ восьмилѣтняя корпусная дружба (оба оставались на второй годъ, хотя и въ разныхъ классахъ), но Ждановъ весь какой-то земной, деревянный, грубоватый, много ѣстъ, много пьетъ, терпѣть не можетъ описаній природы, смѣется надъ стихами, любитъ разсказывать похабные

анекдоты. Родомъ онъ донской казакъ изъ Тульской губерніи. Онъ не пойметъ.

Возвращаются они памятью и къ послѣдней минутѣ, къ отъѣзду изъ института. Когда спускались юнкера по широкой, растрелліевской лѣстницѣ въ прихожую, всѣ воспитанницы облѣпили верхнія перила, свѣшивая внизъ русыя, золотыя, каштановыя, рыжія, соломенныя, черныя головки.

«Благодаримъ васъ! Спасибо, милые юнкера, — кричали онѣ уходящимъ, — не забывайте насъ! пріѣзжайте опять къ намъ на балъ! До свиданья! До свиданья!»

И тутъ Александровъ вдругъ ясно вспомнилъ, какъ, низко перегнувшись черезъ перила, Зиночка махала прозрачнымъ кружевнымъ платкомъ, какъ ея смѣющіеся глаза встрѣтились съ его глазами, и какъ онъ ясно разслышалъ снизу ея громкое:

— Пишите! пишите!

Съ этого момента, по мѣрѣ того какъ уходитъ вглубь прошлаго волшебный балъ, но все ближе, нѣжнѣе и прекраснѣе рисуется въ воображеніи очаровательный образъ Зиночки, и все тревожнѣе становятся ночи Александрова, — имъ все настойчивѣе овладѣваетъ мысль написать Зиночкѣ Бѣлышевой письмо. Конечно, оно будетъ написано вѣжливо и почтительно, безъ всякаго, самаго малѣйшаго намека на любовное чувство, но уже одно то будетъ безконечно радостно, если она прочитаетъ его, прикоснется къ нему своими невинными пальцами. Александровъ пишетъ письмо за письмомъ на самой лучшей бумагѣ, самымъ лучшимъ старательнымъ почеркомъ, и затѣмъ аккуратно складываетъ ихъ въ шестьдесятъ четвертую долю. Само собой разумѣется, что письмо пойдетъ не по почтѣ, а какимъ-нибудь обходнымъ таинственнымъ путемъ.

Въ первое же воскресенье онъ къ двумъ часамъ отправляется въ Екатерининскій институтъ. Великолѣпный огромный швейцаръ Порфирій тотчасъ же съ видимымъ удовольствіемъ узнаетъ его.

— Добро пожаловать, господинъ юнкеръ! Какъ изволите поживать? Какъ драгоцѣнное здоровьице? Чѣмъ служу вамъ?

Александровъ осторожно закидываетъ удочку:

— Прошлый разъ, Порфирій, угощалъ ты меня вишневой наливкой. Изумительная была наливка, но только въ долгу — какъ хочешь — оставаться я не люблю. Вотъ...

Онъ протягиваетъ швейцару зеленую трехрублевую бумажку, еще теплую, почти горячую отъ нервно тискавшей ее руки.

Лѣвое вѣко у Порфирія чуть-чуть играетъ, готовое лукаво подмигнуть.

— Да вы бы попросту, господинъ юнкеръ. Сказали бы, въ чемъ дѣло-то? А денежки извольте спрятать.

Запинаясь, отворачивая лицо, Александровъ говоритъ мало-связно:

— Тутъ это... вотъ... моя двоюродная сестра... Это... барышня Бѣлышева... Зинаида... Письмо отъ родственниковъ...

— Съ удовольствіемъ, съ великимъ моимъ удовольствіемъ-съ, господинъ юнкеръ. Передамъ безъ малѣйшаго замедленія. Только кому раньше представить: классной дамѣ или самому господину профессору? Какъ я состою по присягѣ...

— Чортъ! Не вышло! — говоритъ про себя Александровъ и уходитъ посрамленный. Онъ самъ чувствуетъ, какъ у него отъ стыда колюче покраснѣло все тѣло.

*
**

Но уже какъ маньякъ, онъ не можетъ отвязаться отъ своей безумной затѣи. Учитель танцевъ, ми-

лѣйшій Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ? Но тотчасъ же въ памяти встаетъ величавая важная фигура, обширный бѣлый вырѣзъ чернаго фрака, круглыя плавныя движенія, розовое, полное, бритое лицо въ сѣдыхъ гладко-причесанныхъ волосахъ. Нѣтъ, съ тремя рублями къ нему и обратиться страшно. Говорятъ, что раньше юнкера пробовали, и всегда безуспѣшно.

Но съ Ермоловымъ повсюду на уроки ѣздитъ скрипачъ, худой маленькій человѣчекъ, съ такимъ ничего не значущимъ лицомъ, что его, навѣрно, не помнитъ и собственная жена. Уждавъ время, когда окончивъ урокъ, Петръ Алексѣевичъ идетъ уже по коридору, къ выходу на лѣстницу, а скрипачъ еще закутываетъ чернымъ платкомъ свою дешевую скрипку, Александровъ подходитъ къ нему, показываетъ трехрублевку и торопливо лепечетъ:

— Понимаете ли?.. Здѣсь ничего нѣтъ дурного, или предосудительнаго... Тутъ только одно семейное дѣло о наслѣдствѣ. Необходимо увѣдомить, чтобы не попало въ чужія руки... Сдѣлайте великое одолженіе.

Но скрипачъ отмахивается обѣими руками вмѣстѣ съ закутанной въ черное скрипкой.

— Да упаси меня Богъ! Да что вы это придумали, господинъ юнкеръ? Да вѣдь меня Петръ Алексѣевичъ мигомъ за это прогонятъ. А у меня семья, самъ-семь съ женою и престарѣлой родительницей. А дойдетъ до господина генералъ-губернатора, такъ онъ меня въ три счета выселитъ навсегда изъ Москвы. Нѣ-ѣтъ, сударь, старая исторія. Имѣю честь кланяться. До свиданья-съ! — и бѣжитъ торопливо слѣдомъ за своимъ патрономъ.

Но громадная сила — напряженная воля, а сильнѣе ея на свѣтѣ только лишь случай. Какъ-то вече-

ромъ, въ часы отдыха, юнкера сбились кучкой, человѣкъ въ десять между двумя сосѣдними постелями. Левисъ-офъ-Менаръ разсказывалъ наизусть содержаніе какого-то переводнаго французскаго рома на не то Габоріо, не то Понсонъ дю Террайля. Вяло, безъ особаго вниманія подошелъ туда Александровъ и сталъ лѣниво прислушиваться.

— Тогда-то, — продолжалъ медленно Левисъ, — кровожадные преступники и придумали коварный способъ для своей переписки. Они писали другъ другу самыя обыкновенныя записки о самыхъ невинныхъ семейныхъ дѣлахъ, такъ, что никому не пришло бы никогда въ голову придраться къ ихъ содержанію. Но на чистомъ листкѣ они передавали свои хищническіе планы, при помощи пера, обмокнутаго въ лимонный сокъ. Нѣкоторую покоробленность бумаги они сглаживали горячимъ утюгомъ, и получателю стоило подержать этотъ бѣлый листъ около огня, какъ немедленно и явственно выступали на немъ желтыя буквы...

Слова Левиса сразу, точно молнія, озарили Александрова.

«Вотъ что мнѣ нужно! А тамъ, суди меня Богъ и военная коллегія!»

Въ ближайшую субботу онъ идетъ въ отпускъ къ замужней сестрѣ Сонѣ, живущей за Москва-рѣкой, въ Мамонтовскомъ подворьи. Въ пустой аптекарскій пузырекъ выжимаетъ онъ сокъ отъ цѣлаго лимона и новымъ перомъ номеръ 86 пишетъ довольно скромное посланіе, за которымъ, однако, кажется юнкеру, нельзя не прочитать пламенной и преданной любви:

«Знаю, что дѣлаю дурно, рѣшаясь писать Вамъ безъ позволенія, но у меня нѣтъ иного средства выразить глубокую мою благодарность судьбѣ за то, что она дала мнѣ невыразимое счастье познакомиться съ Вами на прекрасномъ балу Екатерининскаго института. Я не могу, я не сумѣю, я не осмѣлюсь говорить Вамъ о томъ божественномъ впечатлѣніи, ко-

торое Вы на меня произвели, и даже на попытки сдѣлать это я смотрю, какъ на кощунство. Но позвольте смиренно просить Васъ, чтобы съ того радостнаго вечера и до конца моихъ дней Вы считали меня самымъ покорнымъ слугой Вашимъ, готовымъ для Васъ сдѣлать все, что только возможно человѣку, для котораго единственная мечта — хоть случайно, хоть на мгновенiе снова увидѣть Ваше никогда не забываемое лицо. Алексѣй Александровъ, юнкеръ 4-ой роты 3-го Александровскаго военнаго училища на Знаменкѣ».

Когда буквы просохли, онъ осторожно разглаживаетъ листикъ сонинымъ утюгомъ. Но этого еще мало. Надо теперь обыкновенными чернилами, на переднемъ листѣ, написать такiя слова, которыя, во-первыхъ, были бы совсѣмъ невинными и неинтересными для чужихъ контрольныхъ глазъ, а во-вторыхъ, дали бы Зиночкѣ понять о томъ, что надо подогрѣть вторую страницу.

Очень быстро приходитъ въ голову Александрову (немножко поэту) мысль о системѣ акростиха. Но удается ему написать такое сложное письмо только послѣ многихъ часовъ упорнаго труда, изорвавъ сначала въ мелкiе клочки чуть ли не десть почтовой бумаги. Вотъ это письмо, въ которомъ начальныя буквы каждой строки Александровъ выдѣлялъ чуть замѣтнымъ нажимомъ пера.

«Дорогая Зизи,

*П*омнишь ли ты, какъ твоя старая тетя
*О*ля тебя такъ называла? Прошло два го-
*д*а, что отъ тебя нѣтъ никакихъ пис-
*е*мъ. Я думаю, что ты теперь вы-
*р*осла совсѣмъ большая. Дай тебѣ Бо-
*ж*е всего лучшаго, свѣтлаго,
и, главное, здоровья. Съ первой поч-
*т*ой шлю тебѣ перчатки изъ козь-

*е*й шерсти и платокъ оре-
*н*бургскій. Какая радость намъ,
*а*нгелъ мой, если лѣтомъ пріѣдешь въ
*О*зерище. Ужъ такъ я буду обере-
*г*ать тебя, что пушинки не дамъ сѣсть.
*Н*яня тебѣ шлетъ прениzкіе поклоны.
*Е*е зимой все ревматизмы мучали.
*Ми*ша въ реальномъ училищѣ,
Учится хорошо. Увлекается
акростихами. Цѣлую тебя
Крѣпко. Вашимъ пишу отдѣльно.

Твоя любящая
Тетя Оля».

На конвертъ прилѣпляется не городская, а (какая тонкая хитрость!) загородная марка. Съ бьющимся сердцемъ опускаетъ его Александровъ въ почтовый ящикъ. «Корабли сожжены» — пышно, но робко думаетъ онъ.

На другой день раннимъ утромъ, въ воскресенье, профессоръ Димитрій Петровичъ Бѣлышевъ пьетъ чай вмѣстѣ со своей любимицей Зиночкой. Домашніе еще не вставали. Эти воскресные утренніе чаи вдвоемъ, составляютъ маленькую веселую радость для обоихъ: и для знаменитаго профессора, и для семнадцатилѣтней дѣвушки. Онъ самъ приготовляетъ чай съ нѣкоторой серьезной торжественностью. Сначала въ сухой горячій чайникъ онъ всыпаетъ малую пригоршеньку чая, обливаетъ его слегка крутымъ кипяткомъ и сейчасъ же сливаетъ воду въ чашку.

— Это для того, — говоритъ онъ серьезно, — что необходимо сначала очистить зелье, ибо собирали его и приготовляли язычники-китайцы, и отъ ихъ рукъ чай поганый. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ,

увѣрено все Замоскворѣчье. — Затѣмъ онъ опять наливаетъ кипятокъ, но совсѣмъ немного, закутываетъ чайникъ толстой суконной покрышкой въ видѣ пѣтуха, для того, чтобы настоялся лучше, и спустя нѣсколько минутъ наливаетъ его уже до-полна. Эта церемонія всегда смѣшитъ Зиночку.

Затѣмъ Димитрій Петровичъ своими большими добрыми руками, которыми онъ съ помощью скальпеля, раздѣляетъ тончайшія волокна растеній, рѣжетъ пополамъ дужку филипповскаго калача и намазываетъ его масломъ. Отецъ и дочка просто влюблены другъ въ друга.

Въ дверь стучатъ.

— Войдите!

Входитъ Порфирій въ утренней тужуркѣ.

— Почта-съ.

Профессоръ не спѣша разбираетъ корреспонденцію.

— А это тебѣ, Зиночка, — говоритъ онъ и осторожно перебрасываетъ письмо черезъ столъ.

Зина вскрываетъ конвертъ и долго старается понять хоть что-нибудь въ этомъ письмѣ. Шутка? Мистификація? Или, можетъ быть, кто-нибудь перепуталъ письма и конверты?

— Папочка! Я ничего не понимаю, — говоритъ она и протягиваетъ письмо отцу.

Профессоръ нѣсколько минутъ изучаетъ письмо и чѣмъ дальше, тѣмъ больше расплывается на его умномъ лицѣ веселая улыбка.

— Тетя Оля? — восклицаетъ онъ. — Да какъ же ты ее не помнишь? Вспомни, пожалуйста. Такая высокая, стройная. У нея еще были замѣтные усики. И танцовать она очень любила. Возьми, возьми, почитай повнимательнѣй.

Черезъ недѣлю, послѣ молитвы и переклички, командиръ четвертой роты Фофановъ, онъ же Дроздъ,

проходитъ вдоль строя, передавая юнкерамъ письма, полученныя на ихъ имя. Передаетъ онъ также довольно увѣсистый твердый конвертъ Александрову. На конвертѣ написано: со вложеніемъ фотографической карточки.

— Ѣ-ѣ, не покажешь мнѣ?

— Такъ точно, господинъ капитанъ.

Юнкеръ торопливо разрываетъ оболочку. Это прелестное личико Зиночки и подъ нимъ краткая надпись: «Зинаида Бѣлышева».

— Ѣ-ѣ... Очень хороша, — говоритъ Дроздъ. — Ну, что? Теперь жалѣешь, что поѣхалъ на балъ?

— Никакъ нѣтъ...

ГЛАВА XXIV.

ДРУЖКИ.

Кончился студеный январь, прошелъ густоснѣжный февраль, наворотившій круглые бѣлые сугробы на всѣ московскія крыши. Медленно тянется мартъ, и уже висятъ по утрамъ на карнизахъ, на желобахъ и на желѣзныхъ картузахъ зданій остроконечныя сосульки, сверкающія на солнцѣ, какъ стразы горнаго хрусталя, радужными огоньками.

По улицамъ «ледяные» мужики развозятъ съ Москва-рѣки по домамъ, на саняхъ, правильно вырубленныя плиты льда, полуаршинной толщины. Еще холодно, но откуда-то издалека-издалека въ воздухѣ порою попахиваетъ масленицей.

У юнкеровъ старшаго курса шла отчаянная зубрежка. Пройдутъ всего два мѣсяца, и, послѣ храмового праздника училища, послѣ дня святыхъ великомучениковъ Георгія и Царицы Александры, ихъ же память празднуется 23-го апрѣля, начнутся тяжелые страшные экзамены, которые рѣшатъ будущую судьбу каждаго «оберъ-офицера». Въ концѣ лѣта, передъ производствомъ въ первый офицерскій чинъ, будутъ посланы въ училище списки двухсотъ слишкомъ вакансій, имѣющихся въ различныхъ полкахъ, и право послѣдовательнаго выбора будетъ зависѣть отъ величины средняго балла по всѣмъ предметамъ, пройденнымъ въ теченіе всѣхъ двухъ кур-

совъ. Конечно, лучшимъ ученикамъ, — фельдфебелямъ и портупей-юнкерамъ, предстоятъ выборы самыхъ шикарныхъ, видныхъ и удобныхъ полковъ. Во-первыхъ, лейбъ-гвардія въ Петербургѣ. Но тамъ дорого служить, нужна хорошая поддержка изъ дома, на подпоручичье жалованье — 43 рубля 27½ копейки въ мѣсяцъ совсѣмъ невозможно прожить. Потомъ — суконная гвардія въ Царствѣ Польскомъ. Очень хорошая форма, но тоже немного дороговато. Затѣмъ — артиллерія. Дальше слѣдуютъ стоянки въ столицахъ или большихъ губернскихъ городахъ, преимущественно въ гренадерскихъ частяхъ. Дальше лѣстница выборовъ быстро сбѣгала внизъ, спускаясь до какихъ-то ни разу не упоминавшихся на урокахъ географіи городишекъ и гарнизонныхъ баталіоновъ, заброшенныхъ въ глубины провинціи.

Александровъ учился всегда съ серединными успѣхами. Недалекое производство представлялось его воображенію какимъ-то диковиннымъ бѣлымъ чудомъ, не имѣющимъ ни формы, ни цвѣта, ни вкуса, ни запаха. Одной его заботой было окончить съ круглымъ 9-ью, что давало права перваго разряда и старшинство въ чинѣ. О послѣднемъ преимуществѣ Александровъ ровно ничего не понималъ и воспользоваться имъ ему ни разу въ военной жизни такъ и не пришлось.

Однако, всеобщая зубрежка захватила и его. Но все-таки, работалъ онъ безъ особеннаго старанія, разсѣянно и небрежно. И причиной этой нерадивой работы была, сама того не зная, милая, прекрасная, прелестная Зиночка Бѣлышева. Вотъ уже около трехъ мѣсяцевъ, почти четверть года прошло съ того дня, когда она прислала ему свой портретъ, и больше отъ нея — ни звука, ни послушанія, какъ говорила когда-то нянька Дарья Ѳоминишна. А написать ей вторично шифрованное письмо онъ боялся и стыдился.

Много, много разъ, таясь отъ товарищей и, особенно, отъ сосѣдей по кровати, становился Алексан-

дровъ на колѣни у своего деревяннаго шкапчика, осторожно доставалъ изъ него дорогую фотографію, освобождалъ ее отъ тонкаго футляра и папиросной бумаги и, оставаясь въ такой неудобной позѣ, подолгу любовался волшебно-милымъ лицомъ. — Нѣтъ, она не красавица, подобная тѣмъ блестящимъ, роскошнымъ женщинамъ, изображенія которыхъ Александровъ видалъ на олеографіяхъ Маковскаго въ приложеніяхъ къ «Нивѣ» и на картинкахъ въ кіоскахъ Аванцо и Даціаро на Кузнецкомъ мосту. Но почему каждый разъ, когда Александровъ подолгу глядѣлъ на ея портретъ, то дыханіе его становилось томнымъ, сохли губы и голова слегка кружилась сладко-сладко? Какая тайна обаянія скрывалась въ этихъ тихихъ глазахъ подъ длинными, чуть выгнутыми вверхъ рѣсницами, въ едва замѣтномъ игривомъ наклонѣ головы, въ губахъ, такъ мило сложившихся не то для улыбки, не то для поцѣлуя?

Разсматривая напряженно фотографію, Александровъ все ближе и ближе подносилъ ее къ глазамъ и по мѣрѣ этого все увеличивалось изображеніе, становясь какъ бы болѣе выпуклымъ и точно оживая, точно теплѣя.

Когда же, наконецъ, его губы и носъ почти прикасались къ Зининому лицу, выросшему теперь до натуральной величины, то испытывая сладостный туманъ во всемъ тѣлѣ, Александровъ жадно хотѣлъ поцѣловать Зинины губы и не рѣшался, усиліемъ воли не позволялъ себѣ.

— Такъ нельзя дѣлать, — уговаривалъ онъ самого себя. — Это — стыдно, это тайное воровство и злой самообманъ. Такъ мужчинѣ не надлежитъ поступать. Вѣдь она же не можетъ тебѣ отвѣтить!

И со вздохомъ усталости пряталъ карточку въ шкафъ.

Объ этихъ своихъ странныхъ мученіяхъ онъ никому не признавался. Только разъ — Венсану. И тотъ сказалъ, махнувъ рукой:

— Брось! Ерунда. Просто въ тебѣ младая кровь волнуется. «Смиряй ее молитвой и постомъ». Пойдемъ-ка, дружище, въ гимнастическій залъ, пофехтуемъ на рапирахъ, на два пирожныхъ. Ты мнѣ дашь пять ударовъ впередъ изъ двадцати... Пойдемъ-ка.

Дружба Александрова съ Венсаномъ съ каждымъ днемъ становилась крѣпче. Хотя они вышли изъ разныхъ корпусовъ и Венсанъ былъ старше на годъ.

Вѣроятно, выгибы и угибы ихъ характеровъ были такъ расположены, что въ союзѣ приходились другъ къ другу ладно, не болтаясь и не нажимая.

На лекціяхъ они всегда сидѣли рядомъ и помогали одинъ другому. Александровъ чертилъ для Венсана профили пушекъ и укрѣпленій. Венсанъ же, хорошо знавшій иностранные языки, вставалъ и отвѣчалъ за Александрова, когда нѣмецъ или французъ вызывали его фамилію.

Если лекція бывала непомѣрно скучна, то друзья развлекались чтеніемъ, игрой въ крестики, сочиненіемъ вздорныхъ стиховъ. Но любимой ихъ игрой была игра въ мечту объ усахъ.

Въ Венсанѣ не напрасно половина крови была французская: онъ старательно носилъ въ боковомъ карманѣ маленькую щеточку и крошечное зеркальце.

Пусть учитель русской словесности, семинаръ Декапольскій, монотонно бубнилъ о томъ, что противорѣчіе идеала автора съ дѣйствительностью было причиною и поводомъ всѣхъ написанныхъ русскими писателями стиховъ, романовъ, повѣстей, сатиръ и комедій... Это противорѣчіе надоѣло всѣмъ хуже горькой рѣдьки.

Декапольскаго никто не слушалъ.

Венсанъ вынималъ свое зеркальце, внимательно расматривалъ, щурясь и вертя голову справа налѣво, свои юные, едва начавшіе пробиваться усы.

— Ну, что? — спрашивалъ онъ серьезно. — Какъ будто опять подросли немного?

— Да, немного побольше стали. А ну-ка, дай-ка теперь мнѣ поглядѣть. Ты, вѣдь, счастливецъ. Ты брюнетъ, и они у тебя черные, а у меня — свѣтло-каштановые, у меня не такъ они выдѣляются. Ну, а все-таки, какъ? виднѣе, чѣмъ прежде?

— Несомнѣнно. Даже издали видно. Очаровательные усы со временемъ будутъ. Позволь, я еще разъ на себя погляжу, еще разъ...

Потомъ, не довѣряя зеркальному отраженію, они прибѣгали къ графическому методу. Остро очиненнымъ карандашемъ, на глазъ, или при помощи мѣдной чертежной линейки съ транспортиромъ, они старательно вымѣряли длину усовъ другъ друга и вычерчивали ее на бумагѣ. Чтобы было повиднѣе, Александровъ обводилъ свою карандашную линію чернилами. За такими занятіями мирно и незамѣтно протекала лекція, и молодымъ людямъ никакого не было дѣла до идеала автора.

Эти двое юнкеровъ охотно приглашали другъ друга на вечера, любительскіе спектакли и маленькіе балы, какіе всю зиму устраивались въ ихъ знакомыхъ семействахъ. Тогда вся Москва плясала круглый годъ и каждый день. Александровъ представилъ Венсана семьямъ — Синельниковыхъ, Скрипицыныхъ и Владиміровыхъ; Венсанъ водилъ своего друга все въ одинъ и тотъ же домъ, къ Шелкевичамъ. Глава этого семейства, еврей Шелкевичъ, считался въ Москвѣ въ числѣ трехъ наиболѣе богатыхъ банкировъ. Его ежемѣсячные домашніе балы славились по всему городу: лучшій струнный оркестръ, самыя красивыя женщины Москвы, ужины съ фазанами, устрицами, выписанной стерлядью и лучшими марками шампанскаго, роскошные цвѣты отъ Ноева, свѣжіе ананасы и прелестныя бездѣлушки для котильоновъ, которыя охотно сохранялись на память даже людьми солидными и уже давно не танцующими.

Венсанъ былъ влюбленъ въ младшую дочку, въ Марію Самуиловну, странное семнадцатилѣтнее су-

щество, капризное, своевольное, затѣйливое и обольстительное. Она свободно владѣла пятью языками и каждую недѣлю мѣняла свои уменьшительныя имена: Маня, Машенька, Мура, Муся, Маруся, Мэри и Мари. Она была гибка и быстра въ движеніяхъ, какъ ящерица, часто страдала головной болью. Понимала многое въ литературѣ, музыкѣ, театрѣ, живописи и зодчествѣ и во время заграничныхъ путешествій перезнакомилась со множествомъ настоящихъ мэтровъ.

И лицо у нея было удивительное, совсѣмъ, ни на іоту не похожее на всѣ прочія женскія лица. Взглядъ ея свѣтло-сѣрыхъ глазъ былъ всегда какъ будто бы слегка затуманенъ тончайшей голубоватой дымкой. Ротъ былъ большой, алчный и красный, но необычайно красиваго рисунка, а руки несравненнаго изящества. И странное выраженіе было въ этомъ удивительномъ живомъ лицѣ: надменность, насмѣшка и нѣжная ласка. Она часто танцовала съ Александровымъ и говорила ему нерѣдко, что лучше, ритмичнѣе и упоительнѣе его никто не танцуетъ вальса. А его неизмѣнно приводила въ смущеніе ея свободная манера прижиматься къ кавалеру всѣмъ стройнымъ тонкимъ тѣломъ и маленькими, точно гуттаперчевыми грудями. А вдругъ ея родители замѣтятъ? и разсердятся? Куда тогда мнѣ отъ стыда дѣваться?

Онъ избѣгалъ съ нею разговаривать, боясь ея остро-цѣпкаго безжалостнаго языка и не находя никакихъ темъ для разговора.

Впрочемъ, и она оставляла его въ покоѣ, довольствуясь имъ, какъ отличнымъ танцоромъ. И, пожалуй, Александровъ не безъ проницательности думалъ иногда, что она считаетъ его за дурачка. Онъ не обижался. Онъ отлично зналъ, что дома, въ общеніи съ товарищами и въ болтовнѣ съ хорошо знакомыми барышнями у него являются и находчивость, и ловкая поворотливость слова, и легкій незатѣйливый юморъ.

Но что могъ подѣлать бѣдный Александровъ со

своей проклятой застѣнчивостью, которую онъ никакъ не могъ преодолѣть, находясь въ большомъ и малознакомомъ обществѣ?

Онъ не завидовалъ Венсану. Онъ только удивлялся его увѣренности и спокойствію, его натуральной способности быстро схватывать узелъ разговора, продолжать его и снова завязывать, никогда не позволяя ему изсякнуть. А его шутливое состязаніе съ Маріей Самуиловной въ остротахъ и шпилькахъ, казалось ему блестящимъ поединкомъ двухъ первоклассныхъ мастеровъ фехтованія. Уѣзжалъ онъ отъ Шелкевичей всегда усталымъ и съ тяжелой головой.

Въ училищѣ весь день у юнкеровъ былъ сплошь туго загроможденъ ученіемъ и воинскими обязанностями. Свободными для души и для тѣла оставались лишь два часа въ сутки: отъ обѣда до вечернихъ занятій, въ теченіе которыхъ юнкеръ могъ передвигаться куда хочетъ и дѣлать что хочетъ во внутреннихъ предѣлахъ большого бѣлаго дома на Знаменской.

Въ эти предвечерніе часы любо бывало юнкерамъ пѣть хоромъ, декламировать, ставить самодѣльныя краткія пьесы, показывать фокусы, слушать разсказы о быломъ и о прочитанномъ. Въ эти часы удобно и уютно было дружкамъ разговаривать о вещахъ сердечныхъ, требующихъ деликатнаго секрета, особенно о первой любви, которая эпидемически расцвѣтала во всѣхъ молодыхъ и здоровыхъ сердцахъ, переполняя ихъ, искала выхода, хоть въ словахъ.

Венсанъ и Александровъ каждый вечеръ ходили въ гости другъ къ другу; сегодня у одного на кровати, завтра — у другого. О чемъ же имъ было говорить съ тихимъ волненіемъ, какъ не о своихъ неугомонныхъ любвяхъ, которыми оба были сладко за-

ражены: о Зиночкѣ и о Машенькѣ, объ ихъ словахъ, объ ихъ улыбкахъ, объ ихъ кокетствѣ.

И тутъ сказывалась разность двухъ душъ, двухъ темпераментовъ, двухъ кровей. Александровъ любилъ съ такою же наивной простотой и радостью, съ какою растутъ травы и распускаются почки. Онъ не думалъ и даже не умѣлъ еще думать о томъ, въ какія формы выльется въ будущемъ его любовь. Онъ только, вспоминая о Зиночкѣ, чувствовалъ порою горячую рѣзь въ глазахъ и потребность заплакать отъ радостнаго умиленія.

Венсанъ былъ влюбленъ страстнѣе и опредѣленнѣе, со всей сознательностью молодого человѣка, вступившаго въ полосу половой зрѣлости. Но онъ не скрывалъ ни отъ себя, ни отъ Александрова своихъ практическихъ дальнихъ плановъ.

— Машенька — прелесть и чудо, — говорилъ онъ, — но она еще и умна, и образована. Такая жена всегда будетъ хорошей вывѣской для мужа. А кромѣ того (зачѣмъ же мнѣ притворяться и ломаться передъ тобою), — кромѣ того, она богата и за ней будетъ хорошее приданое. У насъ уже условлено: въ день производства я прошу ея руки. Выйду я въ Перновскій гренадерскій полкъ, на сослуженіе съ братомъ. Все-таки Москва... Когда мнѣ исполнится 23 года, я женюсь на ней, а затѣмъ непремѣнно, во что бы то ни стало, поступаю въ Академію Генеральнаго Штаба. Вотъ уже моя карьера и навиду. Эхъ, дружище: плохая вещь любовь въ шалашѣ, съ собственной стиркой бѣлья и личнымъ кормленіемъ младенцевъ изъ рожка.

— Ты циникъ, — говорилъ Александровъ.

Венсанъ смѣялся.

— Совсѣмъ нѣтъ. Я только соединяю любовь съ разсудкомъ. Но ты этого никогда не поймешь. Ты — писатель, и твое одно удовольствіе, это — парить въ облакахъ...

ГЛАВА XXV.

RENDEZ - VOUS.

Утренняя перекличка — самый важный и серьезный моментъ въ дневной жизни роты. Послѣ оклика всѣхъ юнкеровъ поочередно, фельдфебель читаетъ приказы по полку. Онъ же назначаетъ на сутки одного дежурнаго изъ старшаго курса и двухъ дневальныхъ изъ младшаго, которые чередуются, черезъ каждые четыре часа, онъ же объявляетъ о взысканіяхъ, налагаемыхъ начальствомъ.

Наконецъ, по окончаніи переклички, выдавались юнкерамъ полученныя на ихъ имя письма. Послѣднее обыкновенно дѣлалъ самъ Дроздъ, и не безъ нѣкоторой значительности. По уставу, онъ могъ бы всякую корреспонденцію юнкеровъ предварительно просматривать, но онъ ихъ передавалъ въ нетронутомъ видѣ. Онъ, вѣроятно, инстинктомъ понялъ великую аксіому власти: «взаимное довѣріе сильнѣе связываетъ начальника съ подчиненнымъ, чѣмъ подозрѣніе и репрессіи». Къ тому же онъ понималъ, что письмо съ воли въ закрытое заведеніе всегда даетъ радость и тепло, а тронутое чужими руками, какъ-то вянетъ и охладѣваетъ.

Въ концѣ февраля Александровъ получилъ изъ рукъ Дрозда такое трогательно-малюсенькое письмо, что его марка, казалось, покрывала весь конвертъ.

— Гм! — сказалъ Дроздъ, — какая воробьиная переписка!

Въ строю рѣшительно немыслимо заниматься чѣмъ-нибудь инымъ, какъ строемъ: это первѣйшій военный завѣтъ. Маленькое письмецо жгло карманъ Александрова до тѣхъ поръ, пока въ столовой, за чашкой чая съ калачемъ, онъ его не распечаталъ, Оно было больше чѣмъ лаконично, и отъ него чуть чуть пахло тѣми, прелестными прежними рождественскими духами!..

«На второй день масляницы, въ два часа пополудни, приходите на катокъ Чистыхъ прудовъ. Я буду съ подругой. Ваша З. Б.».

Ваша! О, Господи! Ваша! Это словечко точно горячей водою облило юнкера и на минуту сладко закружило его голову.

Въ этотъ день первой лекціей для юнкеровъ старшаго курса четвертой роты была лекція по богословію. Читалъ ее докторъ наукъ богословскихъ, отецъ Иванцовъ-Платоновъ, настоятель церкви Александровскаго училища, знаменитый по всей Европѣ знатокъ исторіи церкви.

Будучи на первомъ курсѣ, Александровъ съ жаднымъ вниманіемъ слушалъ его поразительныя лекціи о римскихъ папахъ эпохи Возрожденія и о Саванароллѣ. Но теперь онъ читалъ о разрывѣ церквей, объ исхожденіи Святаго Духа, о причастіи подъ однимъ или подъ двумя видами, о непогрѣшимости папъ и о Соборахъ. Эта тема была суха, схоластична, трудно понимаема.

Александровъ и вмѣстѣ съ нимъ другіе усердные слушатели о. Иванцова-Платонова очень скоро отошли отъ него и перестали имъ интересоваться. Старый мудрый протоіерей не обратилъ никакого вниманія на это охлажденіе.Онъ въ этомъ отношеніи былъ похожъ на одного древняго философа, который сказалъ какъ-то: «Я не говорю для толпы. Я говорю для немногихъ. Мнѣ достаточно даже одно-

го слушателя. Если же и одного нѣтъ — я говорю для самого себя».

У Иванцова-Платонова было много занятій въ Троице-Сергіевской духовной академіи, въ разныхъ богословскихъ обществахъ и, кромѣ того, ему едва хватало времени для изданія и корректуръ его многихъ и замѣчательныхъ книгъ. Онъ отлично зналъ, что въ училищѣ богословіе считается предметомъ почти необязательнымъ, экзамена по нему не полагалось. И онъ, со спокойнымъ равнодушіемъ ставилъ всѣмъ юнкерамъ по двѣнадцати балловъ. Такъ же ему было все равно, чѣмъ занимаются юнкера на его лекціяхъ. Онъ даже не глядѣлъ на нихъ, произнося свои вѣскія мудрыя ученыя слова... А юнкера въ это время подзубривали военныя науки для близкой репетиціи, чертили профили и фасы, заданные профессорами артиллеріи и фортификаціи, упражнялись въ топографическомъ искусствѣ, читали книжки Дюма-отца, или попросту срисовывали лысую, почти голую мощную голову прославленнаго пастыря. Требовалась только условная минимальная тишина, ибо Иванцовъ-Платоновъ готовился къ ближайшей лекціи въ болѣе серьезномъ мѣстѣ.

Александровъ, какъ и всегда, сѣлъ рядомъ съ Венсаномъ и протянулъ ему полученное письмецо. Венсанъ неторопливо съ серьезнымъ видомъ разсмотрѣлъ и отдалъ назадъ.

— Ну что же, Александровъ, ты — счастливецъ, — сказалъ онъ съ дружеской улыбкой. (У нихъ уже давно вошло въ обычай говорить другъ другу «вы» по дѣламъ училищнымъ, и «ты» — по дѣламъ дружбы, тонкихъ чувствъ и любви).

— Вчера, только вчера ты не осмѣливался прикоснуться губами къ ея фотографическому портрету, а, смотри, сегодня она тебѣ назначила рандеву на каткѣ, гдѣ ты поцѣлуешь не кусокъ картона, а, можетъ быть, живую теплую душистую перчатку на ма-

ленькой ручкѣ. Охъ ужъ вы мнѣ, скрипучіе пессимисты!

— А погляди, погляди, — волновался Александровъ, — погляди, какъ она, мое божество, подписалась. «Ваша». Это значитъ — моя, моя, моя, моя. Моя.

Суровый реалистъ Венсанъ не согласился.

— Ваша — это не значитъ — твоя. Ваша или вашъ — это только условное и не очень почтительное сокращеніе обычнаго окончанія письма. Занятые люди, нерѣдко, вмѣсто того, чтобы написать: «теперь, милостивый государь мой, разрѣшите мнѣ великую честь покорнѣйше просить Васъ увѣриться въ совершенной преданности, глубокомъ почтеніи и неизмѣнной готовности къ услугамъ Вашимъ покорнѣйшаго слуги Вашего...» Вмѣсто всей этой белиберды канцелярской, умный и дѣловитый человѣкъ просто пишетъ: «Вашъ X.», и все тутъ.

Александровъ сдѣлалъ кислое лицо.

— Ну вотъ, ты всегда такой практикъ. Все ты черезъ сѣрыя очки видишь. А ты обратилъ вниманіе на подругу?

— Какъ же, обратилъ. Это, навѣрное, будетъ дуэнья, барышня постарше, и понекрасивѣе, строгаго характера, и потому я заранѣе отказываюсь отъ удовольствія сопровождать тебя на чистопрудный катокъ и занимать на морозѣ апатичную, неразговорчивую дурнушку.

— Ахъ, Венсанъ!

— Нѣтъ, голубчикъ, — смягчился дружокъ. — У меня на второй день масленой недѣли тоже — приглашеніе и — тоже на катокъ, но только на Патріаршемъ пруду, отъ Машеньки Шелкевичъ, отъ моей прекрасной еврейки.

— Эхъ, пропало мое дѣло, — уныло сказалъ Александровъ и причмокнулъ языкомъ.

— Почему пропало? Я хоть и реалистъ и практическій человѣкъ, но зато вѣрный и умный другъ.

Посмотри-ка на письмо Машеньки: она будетъ ждать меня къ четыремъ часамъ вечера, и тоже съ подругой, но та превеселая, и ты отъ нея будешь въ восторгѣ. Итакъ, ровно въ два часа мы оба уже на Чистыхъ Прудахъ, а въ четыре безъ четверти беремъ порядочнаго извозчика и катимъ на Патріаршіе. Идетъ?

— Ахъ, дорогой мой, какъ ты хорошо распорядился! А у меня ужъ было печенки заболѣли. Ты добръ и великодушенъ, блѣднолицый братъ мой.

— То-то.

Въ субботу юнкеровъ отпустили въ отпускъ на всю недѣлю масленицы. Семь дней перерыва и отдыха посреди самаго тяжелаго и напряженнаго зубренія, семь дней полной и веселой свободы въ стихійно разгулявшейся Москвѣ, которая передъ строгимъ Великимъ постомъ вновь возвращается къ незапамятнымъ языческимъ временамъ и вновь впадаетъ въ широкое идолопоклонство, на яростной тризнѣ по уходящей зимѣ, въ восторженномъ плясѣ въ честь весны, подходящей большими шагами.

Вчера еще Москва ѣла жаворонковъ: булки, выпеченныя въ видѣ аляповатыхъ птичекъ, съ крылышками, съ острыми носиками, съ изюминками-глазами. Жаворонокъ — символъ выси, неба, тепла. А сегодня настоящій царь, витязь и богатырь Москвы — тысячелѣтній блинъ, внукъ Дажбога. Блинъ круглъ, какъ настоящее щедрое солнце. Блинъ красенъ и горячъ, какъ горячее всесогрѣвающее солнце, блинъ политъ растопленнымъ масломъ, — это воспоминаніе о жертвахъ, приносимыхъ могущественнымъ каменнымъ идоламъ. Блинъ — символъ солнца, красныхъ дней, хорошихъ урожаевъ, ладныхъ браковъ и здоровыхъ дѣтей.

О, языческое удѣльное княжество Москва! Она ѣстъ блины горячими, какъ огонь, ѣстъ съ масломъ, со сметаной, съ икрой зернистой, съ паюсной, съ салфеточной, съ ачуевской, съ кетовой, съ сомовой,

съ селедками всѣхъ сортовъ, съ кильками, шпротами, сардинами, съ семушкой и съ сижкомъ, съ балычкомъ осетровымъ и съ бѣлорыбьимъ, съ тешечкой и съ осетровыми молоками, и съ копченой стерлядкою и со знаменитымъ снѣткомъ изъ Бѣла Озера. Ѣдятъ и съ простой закладкой, и съ затѣйливо комбинированной.

А для легкости прохода въ нутро, каждый блинъ поливается разнообразными водками сорока сортовъ и сорока настоевъ. Тутъ и классическая, на смородинныхъ почкахъ, благоухающая садомъ, и тминная, и полынная, и анисовая, и нѣмецкій доппель-кюммель, и всеисцѣляющій звѣробой, и зубровка, настойка на березовыхъ почкахъ, и на тополевыхъ, и лимонная, и перцовка и... всѣхъ не перечислишь.

А сколько блиновъ съѣдается за масленую недѣлю въ Москвѣ — этого никто никогда не могъ пересчитать, ибо цифры тутъ астрономическія. Счетъ приходилось бы начинать пудами, переходить на берковцы, потомъ на тонны, и вслѣдъ затѣмъ уже на грузовые шестимачтовые корабли.

Ѣли во славу, по-язычески, не вѣдая отказу. Древніе старожилы говорили съ прискорбіемъ:

— Эхъ! не тотъ, не тотъ нынѣ народъ пошелъ. Жидковаты стали люди, не емкіе. Посудите сами: на блинахъ у Петросеева Оганчиковъ-купецъ держалъ пари съ бакалейщикомъ Трясиловымъ — кто больше съѣстъ блиновъ. И что же вы думаете? На тридцать второмъ блинѣ, не сходя съ мѣста, Богу душу отдалъ! Да-съ, измельчали люди. А въ мое молодое время, давно уже этому, купецъ Коровинъ съ Балчуга свободно по пятидесяти блиновъ съѣдалъ въ присѣстъ, а запивалъ непремѣнно лимонной настойкой съ рижскимъ бальзамомъ.

Но Александровъ блиннаго объяденія не понимаетъ и къ блинамъ особой страсти не чувствуетъ. Съѣлъ парочку у мамы, парочку у сестры Сони и сталъ усиленно готовиться ко вторичной встрѣчѣ.

Его стальные коньки, лежавшіе безъ употребленія болѣе года въ чуланѣ, оказывается, кое-гдѣ успѣли заржавѣть и въ чемъ-то перепачкались; пришлось надъ ними порядочно повозиться, смазывая ихъ керосиномъ, обтирая теплымъ деревяннымъ масломъ и, наконецъ, полируя наждакомъ особенно неподатливыя ржавчинки.

Когда же коньки были приведены въ полный порядокъ, Александровъ вспомнилъ о томъ, что онъ уже давно, уже болѣе года не занимался благороднымъ спортомъ бѣганія на конькахъ. Надо было немедленно заняться необходимой тренировкой. Правда, дѣвушки въ конькобѣжномъ искусствѣ всегда стоятъ гораздо ниже молодыхъ людей, однако, Александрову приходилось дважды въ своей жизни видѣть совершенно обратные примѣры, оба на большомъ каткѣ Зоологическаго Сада. Одинъ разъ это была датчанка, другой — суровая норвежская дѣвица. Въ быстротѣ и выносливости ихъ не могъ побѣдить ни одинъ изъ московскихъ профессіоналовъ-мужчинъ. Но въ фигурномъ заѣздѣ выше ихъ по очкамъ оказывался каждый разъ преподаватель гимнастики въ Александровскомъ училищѣ — Постниковъ, знаменитый московскій спортсменъ.

Ну, конечно, Зиночка Бѣлышева не датчанка, не норвежка, но, судя по тому, какъ она ходитъ и какъ танцуетъ и какъ она чутка къ ритму и гибка и ловка въ движеніяхъ, можно предположить, что она, пожалуй, очень искусна въ работѣ на конькахъ. А вдругъ я окажусь не только слегка слабѣе ея, а гораздо ниже. Нѣтъ! Этого униженія я не могу допустить, да и она меня начнетъ немного презирать. Иду сейчасъ же упражняться.

Самый близкій катокъ отъ Кудрина былъ какъ разъ на Патріаршихъ прудахъ, но за входъ, на его заботливо содержимое ледяное поле и за музыку, полагалось со своими коньками 10 копѣекъ... И отсюда-то и начались лютыя горести и моральныя муки для

бѣднаго вновь влюбленнаго юнкера въ званіи оберъ-офицера, Алексѣя Александрова.

Смѣта его предполагаемыхъ расходовъ была колоссально-велика, даже считая въ обрѣзъ: суббота, воскресенье, понедѣльникъ — три дня, каждый день по два упражненія на Патріаршихъ, итого 6 разъ — шестьдесятъ копеекъ. Входъ на Чистые пруды — гривенникъ, итого семьдесятъ копеекъ. Угостить чѣмъ-нибудь Зиночку. Довезти ее домой на извозчикѣ. Заплатить за нее услужницѣ.

А у Александрова не было ни единой копейки. О, свинская, о, подлая бѣдность! Неужели придется отказаться? не придти? сказать черезъ Венсана, что заболѣлъ мгновенно дифтеритомъ или сломалъ ногу?

Прости-прощай навсегда свѣтлый, милый, нѣжный обликъ Зиночки, ласковой волшебницы, такой прелестной душеньки, съ которой не сравняются никакія знаменитыя красавицы. Прощай любовь моя! И все это изъ-за жалкихъ копеекъ!

Онъ могъ бы обратиться къ матери и попросить ее, но онъ давно зналъ, какъ она непоколебима въ своихъ убѣжденіяхъ, внушенныхъ ей чужимъ злобнымъ и глупымъ авторитетомъ.

Была у мамы такая давняя необычайно почитаемая старшая подруга, Марія Ефимовна Слѣпцова — самая важная, самая либеральная и самая неоспоримо умная особа въ Вышнемъ Волочкѣ. Она въ годъ раза четыре пріѣзжала въ Москву по дѣламъ, навѣщала маму и всегда-то всѣхъ учила, дѣлала замѣчанія, порицала, предостерегала и т. п.

Мать, въ силу многолѣтняго, еще съ дѣвичества ненарушимаго преклоненія, внимала ей, какъ гласу ангельскому съ небесъ и, сама очень свободолюбивая по натурѣ, считала ея индюшечью болтовню непререкаемымъ кладеземъ мудрости и опыта.

Однажды, передъ вечеромъ, когда Александровъ, въ то время кадетъ четвертаго класса, надѣлъ казенное пальто, собираясь итти изъ отпуска въ корпусъ,

мать дала ему пять копеекъ на конку до Земляного вала, Марья Ефимовна зашипѣла и, принявшись теребить на обширной своей груди старинныя кружева, заговорила съ тяжелой самоувѣренностью:

— Я тебя не понимаю, Люба, — развѣ это педагогично давать дѣтямъ или, скажемъ, юношамъ деньги на руки? Къ чему они ему? (Александровъ-то зналъ — къ чему: на пару тирольскихъ пирожныхъ у корпуснаго разносчика Егорки), — Онъ, слава Богу, обутъ, одѣтъ, и учится въ хорошемъ, тепломъ и хорошо освѣщенномъ помѣщеніи. Куда же ему дѣвать деньги? На конку? Но для мальчика его возраста пройти пѣшкомъ отъ Кудрина до Лефортова одно только удовольствіе! А мы не разъ видали и слышали и читали, къ какимъ плачевнымъ, роковымъ результатамъ приводитъ молодежь раннее знакомство съ деньгами и съ тѣмъ, что можно получить за деньги.

— Вы правы, Марья Ефимовна, вы совершенно правы, — говорила покорно Алешина мать. — Я приму ваши золотыя слова къ самому сердцу. Какъ вы добры и мудры!

Вышневолоцкая пифія совсѣмъ разсиропилась и продолжала томнымъ голосомъ:

— Въ особенности я объ этомъ говорю потому, что знаю, Любочка, твое совсѣмъ небогатое положеніе. Но, я надѣюсь, что ты позволишь мнѣ, на основаніи нашей старой дружбы подарить твоему милому мальчику вотъ этотъ рубль, который ты будешь расходовать на его маленькія невинныя забавы.

Александровъ быстро надѣлъ фуражку и пошелъ къ двери.

— Алеша, поблагодари! Алеша, простись съ Марьей Ефимовной! — тревожно кричала мать.

— Не стоитъ, — отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ кадетъ и хлопнулъ дверью.

Александровъ молчалъ, предаваясь унылымъ ду-

мамъ. Мать тоже молча вышивала гарусомъ по канвѣ, и часто слышался роговой тихій стукъ ея спицъ.

«Нѣтъ, у мамы стыдно и безполезно просить. Вѣдь она для себя никогда не жила. Все для насъ. Выѣзжать надо было сестрамъ — продала двѣ родовыя деревнюшки Зубово и Щербатовку съ землей. Приданое понадобилось — отдала пополамъ бабушкино наслѣдство. Пошли дѣти у сестеръ — она и бабкой, и нянькой, — сама изъ рожка кормила. И всегда она насъ въ дѣтствѣ вывозила лѣтомъ на дачу изъ пыльной пламенной Москвы, и тамъ бывала намъ и кухаркой и горничной. А мнѣ балбесу, лѣнтяю и грубіяну, не могшему одолѣть первыхъ началъ алгебры, развѣ не нанимала она репетиторовъ, или, какъ она сама называла, «погонялокъ».

Ахъ! Къ ней никакъ невозможно и, стало быть, — пропалъ счастливый второй день масляницы. Жестокая моя жизнь!

Но есть въ мірѣ удивительное явленіе: мать съ ея ребенкомъ еще задолго до родовъ соединены пуповиной. При родахъ эту пуповину перерѣзаютъ и куда-то выбрасываютъ. Но духовная пуповина всегда остается живой между матерью и сыномъ, соединяя ихъ мыслями и чувствами до смерти, и даже послѣ нея.

— Ты что же, Алеша, надулся, какъ мышь на крупу? — сказала тихонько мать. — Иди-ка ко мнѣ. Иди, иди скорѣе! Ну, положи мнѣ голову на плечо, вотъ такъ.

— Да я, мамочка... такъ...

— Ну говори, разсказывай. Я ужъ давно чувствую, что ты какой-то весь смутный, и о чемъ-то, не переставая, думаешь. Скажи, мой свѣтикъ, скажи откровенно, отъ матери вѣдь ничто не скроется. Чувствую, гложетъ тебя какая-то забота, дай Богъ, чтобы не очень большая. Говори, Алешенька, говори — вдвоемъ-то мы лучше разберемъ.

Милый, съ колыбели родной голосъ, нѣжныя,

давно привычныя слова растопили угрюмость юнкера. Мать гладила его волосы, а онъ разсказывалъ все по порядку: блестящій рождественскій балъ въ Екатерининскомъ институтѣ, куда его почти насильно отправилъ Дроздъ. Танцы. Знакомство съ Зиночкой Бѣлышевой. Летучая ссора, наивное примиреніе. Первая любовь, настоящая, пылкая и на вѣки вѣчные (прежнія дачныя любвишки не въ счетъ. Такъ — баловство, обезьянство, подражаніе прочитаннымъ романамъ). Разсказалъ также Александровъ о томъ, какъ написалъ обожаемой дѣвушкѣ шифрованное письмо лимонными чернилами съ акростихомъ выдуманной тетки, и какъ Зиночка прислала ему очаровательный фотографическій портретъ и какъ онъ терзался, томясь долгой разлукой и невозможностью свиданія.

— Вѣдь ты же, мама, понимаешь меня? Ты же была, въ свое время, влюблена, прежде чѣмъ выйти замужъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Алешенька, мой милый, — тихо засмѣялась мать. — Въ мое время такихъ влюбленій у насъ не бывало. Пришли ко мнѣ твои дѣдушка и бабушка и сказали: «Любушка, къ тебѣ сватается предсѣдатель мирового съѣзда Николай Феодоровичъ Александровъ; человѣкъ онъ добрый, образованный и даже играетъ на скрипкѣ. Фамилія его хорошая, дворянская. Мѣсто почтенное. Ну, какъ ты скажешь? Пойдешь? Не пойдешь?» — «Какъ вы, папенька, маменька, скажете». Такъ я и вышла замужъ неполныхъ шестнадцати лѣтъ; даже послѣ вѣнчанія всѣ куклы свои въ мужнинъ домъ перевезла. А ты говоришь влюбленіе.

— Ахъ, мамочка, то было — тогда, а теперь — теперь совсѣмъ другое.

— Да, ладно, хорошо. Вѣрю тебѣ, что нынче иное. А ты дальше говори.

— А дальше то, что Зиночка прислала мнѣ въ

училище вотъ это коротенькое письмецо, и я теперь не знаю, что дѣлать...

Мать, не торопясь, надѣла на носъ большія въ металлической оправѣ очки и внимательно прочитала записочку. А потомъ вздѣла очки на лобъ и сказала:

— Быстрая барышня, дѣловитая и живая. Она изъ какихъ же Бѣлышевыхъ? Не профессора ли Дмитрія Петровича дочка?

— Да, мамочка. Она самая — Зинаида Димигріевна.

— Ну, что же? Не мое право его укорять, что онъ дочку на такой широкой развязкѣ держитъ... Однако, онъ человѣкъ весьма достойный и по всей Москвѣ завоевалъ себѣ почетъ и уваженіе. Впрочемъ — это не мое дѣло. Ты лучше прямо мнѣ скажи, что тебѣ такъ до смерти нужно? Денегъ, навѣрное? Такъ?

— Такъ, мамочка. Только мнѣ очень, очень стыдно у тебя просить.

— Ну, стыдъ не великъ. Я еще твоя должница. Въ прошломъ году ты мнѣ шевровые башмаки подарилъ. Но къ чему мнѣ шевро? Я не модница. Стара стала. Я пошла въ этотъ магазинъ, гдѣ ты покупалъ, и тамъ хорошіе прюнелевые ботинки присмотрѣла и разницу себѣ взяла. Ну, что же, пяти цѣлковыхъ тебѣ довольно? Хватитъ?

Александровъ прильнулъ губами къ ея морщинистой шеѣ и, горячо цѣлуя ее, растроганно забормоталъ:

— Этого довольно, совсѣмъ довольно. Ахъ, какая ты у меня восторгательная, мамочка! Какая ты золотая, брилліантовая! Ты подумай только, мама, что бы теперь сказала Марія Ефимовна Слѣпцова, если бы увидѣла твою непомѣрную расточительность!

Мать улыбнулась той милой, славной стародавней улыбкой, которую такъ зналъ и любилъ Алек-

сѣй, и въ которой такъ наивно скользило беззлобное лукавство:

— Ахъ, Алешенька! Здѣсь насъ только двое. Никто чужой не услышитъ. Не въ укоръ и не въ осужденіе, скажу тебѣ, что моя Марья Ефимовна при всѣхъ своихъ прекрасныхъ чертахъ — порядочная-таки дурища, дай ей Богъ всякаго счастья и здоровія. Она еще и въ Пензѣ этимъ качествомъ отличалась. Но, однако, при всей своей глупой гордости и при вѣчномъ всезнайствѣ она чрезвычайно добра и всегда готова оказать помощь. Но и тебѣ, мой Алеша, я должна сказать: научись ты, ради Боги, обуздывать свой неуемный татарскій нравъ. Много ты несчастій черезъ него въ жизни перетерпишь. Кровь у тебя ужъ черезчуръ вспыльчивая.

ГЛАВА XXVI.

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ.

Въ ту же субботу, раннимъ вечеромъ успѣлъ Александровъ сбѣгать съ коньками на небольшой, но уютный и близкій отъ дома катокъ Патріаршихъ прудовъ. Тамъ нынче не было музыки, но зато бѣговое ледяное поле, находившееся подъ присмотромъ ревностныхъ членовъ конькобѣжнаго клуба, отличалось замѣчательной чистотой и зеркальной гладкостью. Надъ деревянной кабинкой, гдѣ спортсмены надѣвали на ноги коньки, пили лимонадъ и отогрѣвались въ морозные дни, — висѣлъ печатный плакатъ: «просятъ г.г. посѣтителей катка безъ надобности не царапать ледъ вензелями и не дѣлать рѣзкихъ остановокъ, бороздящихъ паркетъ».

Александровъ сначала опасался, что почти шестимѣсячная отвычка отъ «патинажа» дастъ себя знать тяжестью, неловкостью и неумѣлостью движеній. Но, когда онъ быстрымъ полубѣгомъ-полускокомъ обогнулъ четыре раза гладкую поверхность катка и поплылъ большими круглыми, перемежающимися размахами, то сразу радостно почувствовалъ, что ноги его, попрежнему, работаютъ ловко, послушно и весело и отлично помнятъ конькобѣжный темпъ.

Какой то пожилой, толстый спортсменъ, съ крошечной круглой шапочкой на головѣ, воскликнулъ, сбѣгая на конькахъ съ деревянной лѣстницы:

— «Браво, господинъ юнкеръ. Браво, браво, молодцомъ».

Александровъ, съ широкой улыбкой приложилъ правую руку къ своей барашковой орленой шапкѣ и подумалъ, не безъ гордости: «Это еще пустяки. А, вотъ, ты лучше погляди на меня въ слѣдующій вторникъ, на Чистыхъ Прудахъ, гдѣ я буду безъ шинели, безъ этого нелѣпаго штыка, въ одномъ парадномъ мундирѣ, рука объ руку съ ней, съ Зиночкой Бѣлышевой, самой прекрасной и граціозной барышней въ мірѣ...»

Такъ онъ проминалъ и упражнялъ свое тѣло до глубокихъ сумерокъ. Когда уже стало ничего не видно вокругъ, тогда пріятно усталый и блаженно разслабленный онъ съ трудомъ дошелъ до дома.

Но на другой день, съ самаго ранняго утра, стали давать знать себя послѣдствія неумѣренной тренировки, затѣянной черезъ большой промежутокъ пустого времени. Онъ проснулся съ такимъ чувствомъ, будто его руки, ноги, спина и все тѣло избиты до синяковъ. Каждый мускулъ болѣлъ и нылъ и не позволялъ до себя дотрагиваться. Чтобы встать съ постели Александрову пришлось держаться за стулъ и кряхтѣть совсѣмъ по старчески. Онъ подумалъ, что заболѣлъ, катаясь вчера на конькахъ, и, чтобы не тревожить мать, попросилъ принести ему утренній чай въ постель, чего раньше никогда не дѣлалъ, считая ѣду въ лежачемъ положеніи ужаснымъ свинствомъ.

Но мать сама принесла ему чай и калачъ съ масломъ. Она сразу увидѣла, какъ ея сынъ мается отъ ломоты и, черезъ силу, съ трудомъ передвигаетъ свои члены, и участливо спросила:

— Что, Алешенька? Никакъ перекатался вчера?

— Да, немножко, мамочка. Но самъ не понимаю, почему меня всего такъ и тянетъ, такъ и разбираетъ, точно у меня лихорадка. Не хватало еще такой глупости, чтобы захворать на масленой недѣлѣ.

Мать поцѣловала его въ лобъ (такъ она всегда измѣряла температуру у своихъ дѣтей) и сказала:

— Слава Богу, никакой болѣзни нѣтъ. А твое недомоганіе — вещь простая и легко объяснимая: просто маленькое растяженіе мускуловъ. Бываетъ оно у всѣхъ людей, которые занимаются напряженной физической работой, а потомъ ее оставляютъ на долгое время и снова начинаютъ. Эти боли знакомы очень многимъ: всадникамъ, гребцамъ, грузчикамъ и особенно циркачамъ. Цирковые люди называютъ ее корруптурой, или даже колупотурой.

— А какъ же отъ нея лечатся, — спросилъ Александровъ, воспомнивъ о недалекомъ вторникѣ.

— Да просто никакъ, Алешенька. Здѣсь ни массажи, ни втиранія, ни внутреннія средства не помогаютъ. Поможетъ только время. А самое лучшее, что я тебѣ посовѣтую, Алеша — это — иди сейчасъ же на катокъ и начни снова упражняться по вчерашнему.

— Батюшки, да у меня все тѣло, сверху до низу, точно расползается на части. Мнѣ даже шевелиться больно.

— А все-таки возьми да и пошевелись. Клинъ клиномъ надо вышибать. Это старая народная мудрость. Ногамъ больно — встань на ноги, да пойди. И пойди прямо на катокъ. Преодолѣй самъ себя и перетерпи всякую боль. А тамъ — какъ рукой сниметъ. Ты ужъ вѣрь мнѣ. Я сколько разъ это леченіе употребляла. Дядюшка твой, а мой братъ, совсѣмъ не почтенный Аркадій Алексѣевичъ, былъ самый отчаянный татаринъ и самый страстный лошадникъ во всей Пензенской и Тамбовской губерніяхъ. О, Боже, сколько онъ надурилъ въ теченіе своей жизни. Такъ, напримѣръ, онъ увѣрялъ всѣхъ, а, въ особенности меня, тогда дѣвченку лѣтъ тринадцати, что во мнѣ зарытъ великій талантъ дикой, неподражаемой и несравненной наѣздницы, который надо только развить и отшлифовать и — тогда мнѣ будутъ свободны

всѣ дороги по лошадиной части: въ циркъ, такъ въ циркъ, на роль грандіозной наѣздницы Эльфриды. А то на скачки: женщина — жокей, первая въ мірѣ и никѣмъ непобѣдимая. Если захочу — въ Аравію, тамошнихъ первоклассныхъ лошадей объѣзжать или поступлю къ англійской королевѣ, шефомъ ея личной конюшни... Всегда вралъ князь Аркадій, какъ непутевый, однако, по правдѣ сказать, былъ у меня какой то прирожденный, потомственный даръ къ лошадямъ. Я ихъ всегда любила и онѣ меня любили и слушались. Такъ что-же ты думаешь, этотъ братецъ мой Аркаша, сорви голова, для моего обученія придумалъ. (Тогда уже онъ, съ такими же любезными братцами — татарскими князьями — успѣлъ нашъ прекрасный пра-пра-дѣдовскій конный заводъ разорить до тла своими кутежами всякими и фокусами). Поѣдетъ онъ бывало далеко въ Киргизскія степи и пригонитъ оттуда большой косякъ тамошнихъ лошадей — неуковъ. А лошади эти были замѣчательныя, и любители ихъ очень цѣнили. Отличались онѣ при сравнительно небольшомъ ростѣ, необыкновенно широкой грудью, четырьмя продушинами въ ноздряхъ и такимъ долгимъ духомъ въ скачкѣ, какого у другихъ породъ не существуетъ. И свободно ходили иноходью. Но, кромѣ всѣхъ подобныхъ качествъ эти косматые киргизы, какъ на подборъ были злы, упрямы и непослушны до крайности. Они постоянно и между собой грызлись, и съ чужими лошадьми, и человѣка всегда норовили искусать или копытомъ ударить. И, когда злились, то визжали и скрежетали зубами, какъ, прости Господи, озвѣрѣлые черти. Вотъ ихъ то и объѣзжалъ, возлюбленный мой братецъ Аркаша, а потомъ продавалъ помѣщикамъ-любителямъ. На нихъ онъ и началъ развивать мой замѣчательный лошадиный даръ. Сначала сажалъ меня верхомъ, по мужски, безъ сѣдла, на потникѣ. Посадитъ, дастъ мнѣ хлыстъ въ руку, да какъ огрѣетъ степняка арапникомъ. Да еще мнѣ кричитъ вдогонку: ты его пори, пори все время.

Ужъ и что же со мной эти киргизы выдѣлывали. Теперь и вспомнить страшно. Вся я ходила въ синякахъ, въ рубцахъ, во шрамахъ, въ шишкахъ. А всетаки старшимъ не жаловалась. Моя мама, а твоя бабушка, Елизавета Григорьевна, была святой человѣкъ и никто ея не боялся и не слушался, а огорчать ее жалобой было какъ то стыдно. А ужъ признаться по правдѣ, должна сказать, что эти Аркашины лошадиныя звѣрства были для меня пріятнѣе всякой книжки и слаще всѣхъ конфетъ. Случалось иногда со мною, какъ вотъ и съ тобою нынче, что полгода. годъ не приходилось мнѣ верхомъ на лошадь сѣсть, а потомъ сразу наѣзжусь до отвала и пойдутъ у меня эти прострѣлы, да ломоты, что еле хожу и все стенаю отъ боли. Тутъ непремнѣно является Аркадій со своей ветеринарной помощью:

— Эй, непревосходимая всадница. Люмбагой изволите страдать. Пожалуйте на конюшню. Да не шагомъ, когда вамъ берейторъ приказываетъ, а полегалопомъ. Ну-съ! — и самъ арапникомъ щелкаетъ оглушительно. Поневолѣ побѣжишь. Онъ даже самъ на сѣдло посадитъ и коня сзади воодушевитъ посыломъ и маршъ маршъ въ широкое поле. Конечно, больно сначала всѣмъ суставамъ. А вернешься домой и, глядишь, всѣ твои недуги, какъ рукой сняло, безъ всякихъ бобковыхъ мазей и перувіанскихъ бальзамовъ. Вотъ я и тебѣ, Алешенька, совѣтую, прибѣгни ты къ этому стародавнему героическому средству.

Александровъ послушался мудраго материнскаго совѣта и пошелъ на Патріаршіе Пруды, охая, морщась и потирая ноющія мѣста. Прикрѣплять коньки къ коблукамъ ему казалось невѣроятно труднымъ, но еще труднѣе, неловче и больнѣе давались ему разгоны по льду. Такъ онъ долго съ наморщеннымъ лицомъ и со срывающимся кряхтѣніемъ, тщетно пытался возстановить давно знакомые ему круги и повороты, и потомъ онъ самъ не могъ понять, какъ это наступилъ моментъ, когда онъ самъ себя спросилъ:

«Позвольте, а гдѣ же моя боль? Куда дѣвалась моя досадливая боль?» Медвѣжье пензенское средство оказалось превосходнымъ.

Въ этотъ день (въ воскресенье) Александровъ еще избѣгалъ утруждать себя сложными номерами, боясь возвращенія боли. Но въ понедѣльникъ онъ почти цѣлый день не сходилъ съ Патріаршаго катка, чувствуя съ юношеской радостью, что къ нему снова вернулись гибкость, упругость и сила мускуловъ.

Во вторникъ Венсанъ и Александровъ встрѣтились, какъ между ними было уговорено, у церкви Большого Вознесенія, что на стыкѣ обѣихъ Никитскихъ улицъ — Большой и Малой. По истинно дружеской деликатности они оба поспѣшили и пришли на мѣсто свиданія минутами двадцатью раньше условленнаго срока.

— Давайте, — сказалъ Венсанъ, — пойдемъ, благо времени у насъ много, по Большой Никитской, а тамъ мимо Иверской по Красной площади, по Ильинкѣ, и затѣмъ по Маросейкѣ прямо на Чистые Пруды. Крюкъ совсѣмъ малый, а мы полюбуемся, какъ Москва веселится.

Они пошли рядышкомъ, по привычкѣ въ ногу, держась подтянуто, какъ на ученьи и съ механичной красивой точностью, отдавая честь господамъ офицерамъ.

Бѣлые барашки довѣрчиво и неподвижно лежали на тонкомъ голубомъ небѣ. Морозъ былъ умѣренный и не щипалъ за щеки и откуда то, очень издалека, доносился по воздуху томный и волнующій запахъ близкой весны и перваго таянія.

Москва была вся откровенно пьяная и весело добродушная. Попадались уже въ толпѣ густо сизые и пламенно багровые носы, заплетающіяся ноги и слышались мѣткія острыя московскія словечки, тутъ же вычеканенныя и тутъ же, для сохранности, посыпанныя крѣпкой солью.

— Не мѣшайте Москвѣ, — сказалъ глубокомысленно Венсанъ, — творить свое искуство слова.

Красная площадь вся была переполнена и по ней приходилось пробираться съ трудомъ. Гроздья безчисленныхъ воздушныхъ шаровъ, цвѣтовъ красной и бѣлой смородины, висѣли высоко въ воздухѣ и точно порывались ввысь. Стаи здѣшнихъ прирученныхъ голубей безпорядочно кружились надъ толпою и часто отдѣльные растерявшіеся голуби чертили крылами по головамъ людей. Истоптанный снѣгъ и плитки халвы, казались одного цвѣта. Бѣлыя лоханки съ мочеными яблоками, пересыпанными красной клюквой, стояли длинными рядами и московскій студентъ, купивъ холодное яблоко, демонстративно ѣлъ его, громко чавкая отъ молодечества и отъ озноба во рту. Ѣсть моченыя яблоки на Масляной — это старый обрядъ московскихъ студентовъ. И вездѣ блины, блины, блины. Блины ходячіе, блины стоячіе, блины въ обжорномъ ряду, блины съ каноплянымъ маслицемъ и вездѣ горячій сбитень, сбитень, сбитень. паромъ подымающійся въ воздухѣ. Живые американскіе чертики въ узкихъ, длинныхъ стклянночкахъ. Солдатики оловянные въ берестяныхъ коробочкахъ, солдатики деревянные раздвижные, работы балбешниковъ изъ Троице-Сергіевой лавры, ихъ же медвѣди съ мужиками, и множество всякихъ живыхъ предсказателей будущаго, которые вытаскиваютъ билетики изъ пачки на счастье: чижи, клесты, овсянки, снѣгири, скворцы.

— Идемъ, пора, — говоритъ Венсанъ.

— Сію минуту, голубчикъ, — отвѣчаетъ Александровъ, — я только свое счастье вытащу.

Онъ подходитъ къ ларьку, за которымъ въ клѣткѣ безпрестанно прыгаетъ и кувыркается бѣлка.

— Сколько?

— Двѣ копеечки-съ.

— Давай.

Бѣлка вынимаетъ ему предсказательный биле-

тикъ, и онъ спѣшитъ присоединиться къ товарищу. Они идутъ поспѣшнымъ шагомъ. По дорогѣ Александровъ развертываетъ свой билетикъ и читаетъ его: «Ту особу, о коей давно мечтаетъ сердце ваше, вы скоро улицезрѣете и съ восторгомъ убѣдитесь, что чувства ваши совпадаютъ, и что лишь злостныя препоны мѣшали вашему свиданію. Мѣсяцъ вашъ Януарій, созвѣздіе же Козерогъ. Успѣхъ въ торговыхъ предпріятіяхъ и благолѣпіе въ бракѣ».

— Можно поглядѣть? — спрашиваетъ Венсанъ.

— Нѣтъ, все это пустяки, — отвѣчаетъ Александровъ, скомкивая бумажку и пряча ее въ карманъ. Предсказаніе кажется ему удивительно прозорливымъ.

Юнкера приходятъ на Чистые Пруды почти въ 2 часа, всего безъ трехъ, четырехъ минутъ.

— Не безпокойся, — говоритъ Венсанъ, волнующемуся Александрову. Четверть часа—это минимумъ ихъ опозданія, а максимумъ — онѣ вовсе не приходятъ. Пойдемъ ко входу съ Мясницкой, тутъ прямо путь отъ Екатерининскаго бульвара.

Александровъ согласенъ. Но въ эту секунду, молчавшій до сихъ поръ военный оркестръ Невскаго полка, вдругъ начинаетъ играть бодрый, прелестный, зажигающій маршъ Шуберта. Зеленыя большія ворота широко раскрываются и въ ихъ свободномъ просвѣтѣ вдругъ появляются и тотчасъ же останавливаются двѣ стройныя дѣвичьи фигуры.

— Странно, — говоритъ Венсанъ съ одобрительной улыбкой: — не то оркестръ ихъ ждалъ, не то онѣ дожидались оркестра.

А Александровъ, сразу узнавшій Зиночку, подумалъ съ чувствомъ гордости: «Она точно вышла изъ звуковъ музыки, какъ нѣкогда гомеровская богиня изъ морской пѣны» и тутъ же сообразилъ, что это пышное сравненіе не для ушей прелестной дѣвушки.

Юнкера быстро пошли навстрѣчу пріѣхавшимъ дамамъ. Подруга Зиночки Бѣлышевой оказалась

стройной, высокой, — какъ разъ ростомъ съ Венсана — барышней. Такихъ ярко-рыжихъ, мѣдно-красныхъ волосъ, какъ у нея, Александровъ еще никогда не видывалъ, какъ не видывалъ и такой ослѣпительно бѣлой кожи, усѣянной веснушками.

А между тѣмъ, эта дѣвушка была поразительно красива, и ея высоко поднятая голова, придавала ей видъ гордый и самостоятельный.

— Это моя милая подруга Дэлли, — сказала Зина. — Она ирландка и ровно ничего не понимаетъ по-русски, но по-французски она говоритъ отлично.

Въ эту минуту Александровъ представилъ Зиночкѣ своего товарища — Венсанъ, мой лучшій другъ.

Она свѣтло улыбнулась и сказала: — Надѣюсь, и мнѣ вы будете хорошимъ другомъ.

Венсанъ свободно и недурно владѣлъ французскимъ языкомъ, и потому былъ очень удобнымъ кавалеромъ для рыжей миссъ Дэлли. Впрочемъ, и по виду они представляли такую крупную, ладно подобранную пару, что на нихъ охотно заглядывалась публика катка.

— Ведите меня въ ту будку, гдѣ можно надѣть коньки, — сказала Зиночка, нѣжно опуская лѣвую руку на обшлагъ сѣрой шинели Александрова. — Боже, въ какую жесткую шерсть васъ одѣваютъ. Это верблюжья шерсть?

Теперь Александровъ могъ свободно наглядѣться на свою возлюбленную. Она очень измѣнилась за время протекшее отъ декабря до марта, но въ чемъ состояла перемѣна, трудно было угадать. Какъ будто бы въ ней отошелъ, вывѣтрился прежній легкій налетъ невиннаго и безпечнаго дѣтства. Какъ будто про нее уже можно было сказать: «Да. Она безспорно красива. Но въ ней есть нѣчто болѣе цѣнное, болѣе рѣдкое и упоительное, чѣмъ красота. Она мила. Мила тѣмъ необъяснимымъ, сладостнымъ притяженіемъ, о которомъ простонародье такъ чутко говоритъ: «не

по хорошу милъ, а по милу хорошъ». И не есть ли эта загадочная, всепобѣждающая «Милость» видимая глазами, только блѣдный портретъ, только слабый отголосокъ, только невинный залогъ, расцвѣтающихъ прелестей ума, души и тѣла?

Александровъ привелъ Зиночку въ деревянный баракъ, гдѣ публика вѣшала свои пальто на крючки, гдѣ продавались буттерброды, чай и ланинскія шипучія воды и гдѣ давали коньки на прокатъ.

У Зиночки и Александрова были коньки собственные. Александровъ опустился на одно колѣно и сказалъ:

— Будьте, Зинаида Дмитріевна, пожалуйста, со *мною совсѣмъ безъ церемоніи. Поставьте вашу ногу* на мое колѣно. Я въ одинъ мигъ надѣну вамъ коньки и закрѣплю ихъ крѣпко накрѣпко.

— Отчего же? — улыбнулась дружески Зиночка, — я вамъ буду очень благодарна.

Она проворно сняла свою легкую шубку изъ шеншеля и повѣсила ее на крючокъ. Потомъ сбросила калоши и поставила ножку на согнутое колѣно Александрова.

— Вотъ вамъ мои коньки. Возьмите. А я немного помогу вамъ. Она ловко склонилась и слегка приподняла суконную юбочку. Передъ глазами юнкера, на мгновеніе, показалась изящная ножка съ высокимъ подъемомъ. Это вдругъ умилило Александрова чуть не до слезъ:

«Господи, какая она прелесть и душенька. И какъ я люблю ее. Пусть вся ея жизнь будетъ радостна и свѣтла».

— Вамъ ловко? Вамъ не больно? Вамъ удобно? —спрашиваетъ онъ съ нѣжной заботливостью. Но Зиночка чувствуетъ себя превосходно. — Коньки сегодня точно веселятъ ноги и какой день чудесный выдался. Она сходитъ по ступенькамъ на ледъ, громыхая сталью по дереву и съ очаровательной неуклюжестью поддерживая равновѣсіе. На льду она дѣла-

етъ широкій, красивый кругъ и, остановившись у лѣстницы, возбужденно кричитъ Александрову:

— Сходите скорѣе на ледъ. Побѣжимъ вмѣстѣ, да живо, живо.

Александровъ сбрасываетъ съ себя шинель и шумно сбѣгаетъ внизъ. Они берутся за руки и плывутъ по длинному катку, одновременно набирая инерцію короткими и сильными толчками. Александровъ съ восторгомъ чувствуетъ въ ней отличную конькобѣжицу.

— Снимите перчатки, — предлагаетъ она, — теперь не холодно, а безъ перчатокъ удобнѣе и пріятнѣе.

«Ахъ, въ милліонъ разъ пріятнѣе!» — восторженно думаетъ Александровъ, осторожно и крѣпко держа въ своей грубой ладони ея довѣрчивую, ласковую, нѣжную ручку. Они переплетаютъ свои руки наискось и такъ летятъ, близко, близко касаясь другъ друга и, какъ тогда, въ вальсѣ, Александровъ слышитъ порою чистый ароматъ ея дыханія. Потомъ они садятся на скамейку отдохнуть .

— Помните нашъ вальсъ въ институтѣ? — спрашиваетъ Зиночка.

— Какъ же, — отвѣчаетъ юнкеръ, — до конца моихъ дней не забуду.—И спрашиваетъ въ свою очередь: — А помните, какъ насъ чуть не опрокинулъ этотъ долговязый катковскій лицеистъ?

Онъ ловитъ въ ея многоцвѣтныхъ зрачкахъ какакія-то задорныя искры и молчитъ. Она же отвѣчаетъ, съ едва-едва сдерживаемымъ смѣхомъ, но и съ легкой краской стыда:

— Представьте, не помню. Вѣроятно, забыла. Помню только, что танцовать съ вами было такъ пріятно, такъ удобно и такъ ловко, какъ ни съ кѣмъ.

Этотъ случай съ лицеистомъ повлекъ за собою новыя воспоминанія изъ ихъ коротенькаго прошлаго, освѣщеннаго сіяніемъ люстръ, насыщеннаго звука-

ми прекраснаго бальнаго оркестра, обвѣяннаго тихимъ ароматомъ первой, наивной влюбленности.

— А вы помните, какъ мы поссорились? — спрашиваетъ Зиночка.

— И какъ мило помирились, — отвѣчаетъ Александровъ. — Боже, какъ я былъ тогда глупъ и мнителенъ. Какъ бѣсился, ревновалъ, завидовалъ и ненавидѣлъ. Вы однимъ взглядомъ издалека, внесли въ мою несчастную душу сладостный міръ. И подумать только, что всю эту бурю страстей вызвала противная, замаринованная классная дама, похожая на какую то снулую рыбу не то на севрюгу, не то на бѣлугу...

Зиночка осторожно положила пальцы на его горячую руку.

— Оставьте, оставьте, не надо. Не хорошо такъ говорить. Что можетъ быть хуже заочнаго, безотвѣтственнаго глумленія. Нащекина умная, добрая и достойная особа. Не виновата же она въ томъ, что ей приходится строго исполнять всѣ параграфы нашего институтскаго, полумонастырскаго устава. И мнѣ тѣмъ болѣе хочется заступиться за нее, что надъ ней такъ жестоко смѣется... — она замолкаетъ на минуту, точно въ нерѣшимости и вдругъ говоритъ: — смѣется мой рыцарь безъ страха и упрека

Александровъ потрясенъ. Онъ еще не переросъ того юношескаго козлинаго возраста, когда умный совѣтъ и благожелательное замѣчаніе такъ легко принимается за оскорбленіе и вызываетъ бурный протестъ. Но кроткая и милая нотація изъ устъ такъ прекрасно вырѣзанныхъ въ формѣ натянутаго лука, заливаетъ все его существо тепломъ, благодарностью и преданной любовью. Онъ встаетъ со скамейки, снимаетъ барашковую шапку и въ низкомъ поклонѣ опускаетъ ее до ледяной поверхности.

— Прошу простить мнѣ мою дурацкую выходку, — говоритъ онъ съ неподдѣльнымъ раскаяніемъ, —

такъ же примите мои глубокія извиненія передъ madame Нащекиной.

— Надѣньте скорѣе шапку, — говоритъ Зиночка. — Вы простудитесь. Ахъ. Надѣньте же, надѣньте.

И они опять сидятъ на скамейкѣ, слушая музыку. Теперь они прямо глядятъ другъ другу въ глаза, не отрываясь ни на мгновеніе. Люди рѣдко глядятъ такъ пристально одинъ на другого. Во взглядѣ человѣческомъ есть какая то мощная сила, какіе то невѣдомые, но живые излучающіе флюиды, для которыхъ не существуетъ ни пространства, ни препятствій. Этого волшебнаго излученія никогда не могутъ переносить люди обыкновенные и обыкновенно настроенные; имъ становится тяжело, и они невольно отводятъ глаза, отворачиваютъ головы въ первые же моменты взгляда. Люди порочные, преступные и слабовольные совсѣмъ избѣгаютъ человѣческаго взгляда, какъ и большинство животныхъ. Но обмѣнъ ясными, чистыми взорами есть первое инстинктивное блаженство для скромныхъ влюбленныхъ.

— Любишь? — спрашиваютъ искристые глаза Зиночки, и бѣлки ихъ чуть-чуть розовѣютъ.

— Люблю, люблю, — отвѣчаютъ глаза Александрова, сіяющіе, выступившей на нихъ прозрачной влагой. — А ты меня любишь? —- Люблю. — Любишь. — Люблю. Любишь. — Люблю. — Любишь. — Люблю....

Самаго скромнаго, самаго застѣнчиваго признанія не смогли бы произнести ихъ уста, но эти волнующіе, безмолвные возгласы: — Любишь. Люблю, — они посылаютъ другъ другу тысячу разъ въ секунду и нѣтъ у нихъ ни стыда, ни совѣсти, ни приличія, ни осторожности, ни пресыщенія. Зиночка первая стряхиваетъ съ себя магическое сладостное вліяніе флюидовъ: —Люблю, но вѣдь мы на каткѣ, — благоразумно говорятъ ея глаза, а вслухъ она приглашаетъ Александрова:

— Пойдемте, еще покатаемся. Попробуемъ те-

перь голландскими шагами. Или какъ надо говорить — гигантскими?

Они опять берутся за руки, но теперь, по требованію фигурнаго номера держаться на большомъ разстояніи, идутъ параллелью. Они одновременно вычерчиваютъ правыми ногами огромный полукругъ, склоняясь всѣмъ тѣломъ на правую сторону, и, окончивъ его, тотчасъ же переходятъ на другой большой полукругъ, дѣлая его лѣвыми ногами и наклоняясь круто влѣво. Чѣмъ шире кругъ и чѣмъ ниже наклоны, тѣмъ красивѣе и чище считается фигура. Но голландскіе шаги, не очень легкое упражненіе. Чтобы вычертить особенно правильный и особенно широкій кругъ, надо сдѣлать толчекъ по льду съ наивозможнѣйшей силой, и эти старанія скоро утомляютъ. Опять Зиночка сидитъ съ Александровымъ и опять ихъ глаза поютъ чудесную многовѣковую пѣсню: — Любишь — люблю. — Любишь — люблю... простую, но самую великую въ мірѣ пѣсню.

Но къ нимъ, на сильномъ разбѣгѣ, подлетаютъ миссъ Дэлли съ Венсаномъ.

— Ну, я вамъ скажу, и барышня, — говоритъ восхищенно Венсанъ. — Ахъ какая артистка на конькахъ. Я, въ сравненіи съ ней, въ полотерные мальчики не гожусь. Неужели всѣ ирландскія красавицы такія искусницы?.. Кстати, не хотите ли вы поглядѣть образцы высшаго фигурнаго патинажа? Сейчасъ только что пріѣхалъ на катокъ знаменитый конькобѣжецъ Постниковъ. Онъ, между прочимъ, завѣдуетъ гимнастическими упражненіями въ нашемъ Александровскомъ училищѣ. Пойдемте, пока не навалила публика. Потомъ не протолпишься.

Они пошли къ судейской площадкѣ. На ней стоялъ въ бѣлой фуфайкѣ и бѣломъ беретѣ, давно знакомый юнкерамъ Постниковъ, стройный и казавшійся худощавымъ, бритый по англійски, еще молодой человѣкъ, любимецъ всей спортивной Москвы, впро-

чемъ, не только спортивной. Вся Москва отъ мала до велика ревностно гордилась своими достопримѣчательными людьми: знаменитыми кулачными бойцами, огромными, какъ горы, протодіаконами, которые заставляли страшными голосами своими дрожать всѣ стекла и люстры Успенскаго Собора, а женщинъ падать въ обмороки, знаменитыхъ клоуновъ, братьевъ Дуровыхъ, антрепренера оперетки и скандалиста Лентовскаго, репортера и силача Гиляровскаго (дядю Гиляя), московскаго генералъ-губернатора, князя Долгорукова, чьей вотчиной и удѣльнымъ княжествомъ почти считала себя самостоятельная первопрестольная столица, Сергѣя Шмелева, устроителя народныхъ гуляній, ледяныхъ горъ и фейерверковъ и такъ безъ конца, удивительныхъ пловцовъ, голубиныхъ любителей, сверхъестественныхъ обжоръ, прославленныхъ юродивыхъ и прорицателей будущаго, чудодѣйственныхъ, всегда пьяныхъ подпольныхъ адвокатовъ, свои несравненные театры и цирки и, только подъ конецъ спортсменовъ. И все это въ пику чиновному Петербургу: «У васъ въ Питерѣ такъ-то, а у насъ, въ Москвѣ, въ сто разъ хлеще. Куда вамъ сопливымъ».

Постниковъ издали узналъ юнкеровъ и, снявши съ головы беретъ, высоко помахалъ имъ: — Здравствуйте, господа юнкера Александровцы.

Юнкера отвѣтили со смѣхомъ: — Здравія желаемъ, господинъ учитель.

И тогда Постниковъ, очевидно, давно знавшій вѣсъ и силу публичной рекламы, громко сказалъ кому то стоявшему съ нимъ рядомъ на площадкѣ:

— Самые лучшіе мои ученики. Прекрасные гимнасты Александровскаго военнаго училища.

Въ толпѣ, теперь уже довольно большой, послышались густые, прерывистые звуки, точно холеныя лошади зареготали на принесенный овесъ. Москва, въ число своихъ фаворитовъ, неизмѣнно включала и училище въ бѣломъ домѣ на Знаменкѣ, съ его молодцеватостью и вѣжливостью, съ его оркестромъ

Крейнбринга и съ превосходнымъ строевымъ порядкомъ на большихъ парадахъ и маневрахъ.

— Нѣтъ, это вамъ не жидкій, золотушный Петербургъ, а московскіе богатыри, кровь съ молокомъ.

Венсанъ и миссъ Дэлли успѣли пробраться въ первые ряды зрителей. Зиночка съ Александровымъ очутились (вѣроятно, случайно) на другомъ концѣ, гдѣ впереди ихъ былъ высокій заборъ, а позади чьи то спины. Впереди громко зааплодировали. Александровъ обернулся къ своей дамѣ и она, въ ту же минуту посмотрѣла на него, и опять ихъ глаза слились, утонули въ сладостномъ разговорѣ — любишь — люблю, люблю. — Всегда будешь любить. — Всегда, всегда. И, вотъ Александровъ рѣшается сказать не излучающимися флюидами, а грубыми, неподатливыми словами то, что давно уже собиралось и кипѣло у него въ головѣ. Ему стало страшно. Подбородокъ задрожалъ.

—Зинаида Дмитріевна, — началъ онъ глухимъ голосомъ. — Я хочу сказать вамъ нѣчто очень важное, такое, что перемѣняетъ судьбы людей. Позволите ли вы мнѣ говорить?

Лицо ея поблѣднѣло, но глаза сказали: — Говори. Люблю. — Я васъ слушаю, Алексѣй Николаевичъ.

— Я — вотъ что... Я... Я давно уже полюбилъ васъ... полюбилъ съ перваго взгляда тамъ... тамъ еще на вашемъ балу. И больше... больше любить никого не стану и не могу. Прошу, не сердитесь на меня, дайте мнѣ... дайте высказаться. Я въ этомъ году, черезъ три, три съ половиною мѣсяца стану офицеромъ. Я знаю, я отлично знаю, что мнѣ не достанется блестящая вакансія и я не стыжусь признаться, что наша семья очень бѣдна и помощи мнѣ никакой не можетъ давать. Я такъ же отлично знаю тяжелое положеніе молодыхъ офицеровъ. Подпоручикъ получаетъ въ мѣсяцъ сорокъ три рубля съ копейками. Поручикъ —а это уже три года службы — сорокъ пять рублей.

На такое жалованіе едва-едва можетъ прожить одинъ человѣкъ, а заводить семью совсѣмъ безсмысленно, хотя бы и былъ реверсъ. Но я думаю о другомъ. Рая въ шалашѣ я не понимаю, не хочу и даже, пожалуй, презираю его, какъ эгоистическую глупость. Но я, какъ только пріѣду въ полкъ, тотчасъ же начну подготовляться къ экзамену въ Академію генеральнаго штаба. На это уйдетъ ровно два года, которые я и безъ того долженъ былъ бы прослужить за обученіе въ Александровскомъ училищѣ. Что я экзаменъ выдержу, въ этомъ я ни на капельку не сомнѣваюсь, ибо путеводной звѣздою будете вы мнѣ, Зиночка.

Онъ смутился нечаянно сказаннымъ уменьшительнымъ словомъ и замолкъ было.

— Продолжайте, Алеша, — тихо сказала Зиночка и отъ ея ласки буйно забилось сердце юнкера.

— Я сейчасъ кончу. И такъ, черезъ два года, съ небольшимъ — я слушатель Академіи. Уже въ первое полугодіе выяснится передо мною, передъ моими профессорами и моими сверстниками, чего я стою и насколько значителенъ мой удѣльный вѣсъ, на столько ли, чтобы я осмѣлился вплести въ свою жизнь — жизнь другого человѣка, безконечно мною обожаемаго. Если окажется мое начало счастливымъ — я блаженнѣе царя и богаче милліардера. Путь мой обезпеченъ — впереди насъ ждетъ, блестящая карьера, высокое положеніе въ обществѣ и необходимый комфортъ въ жизни. И, вотъ тогда Зиночка позволите ли вы мнѣ придти къ Дмитрію Петровичу, къ вашему глубокочтимому папѣ и просить у него, какъ величайшей награды, вашу руку и ваше сердце, позволите ли?

— Да, — еле слышно пролепетала Зиночка.

Александровъ поцѣловалъ ея руку и продолжалъ:

— Я, по материнской линіи происхожу отъ татарскихъ князей. Вы знаете, что по татарски значитъ «калымъ?» Это — выкупъ, даваемый за дѣвушку. Но я знаю и больше. Въ губерніяхъ Симбирской, Ка-

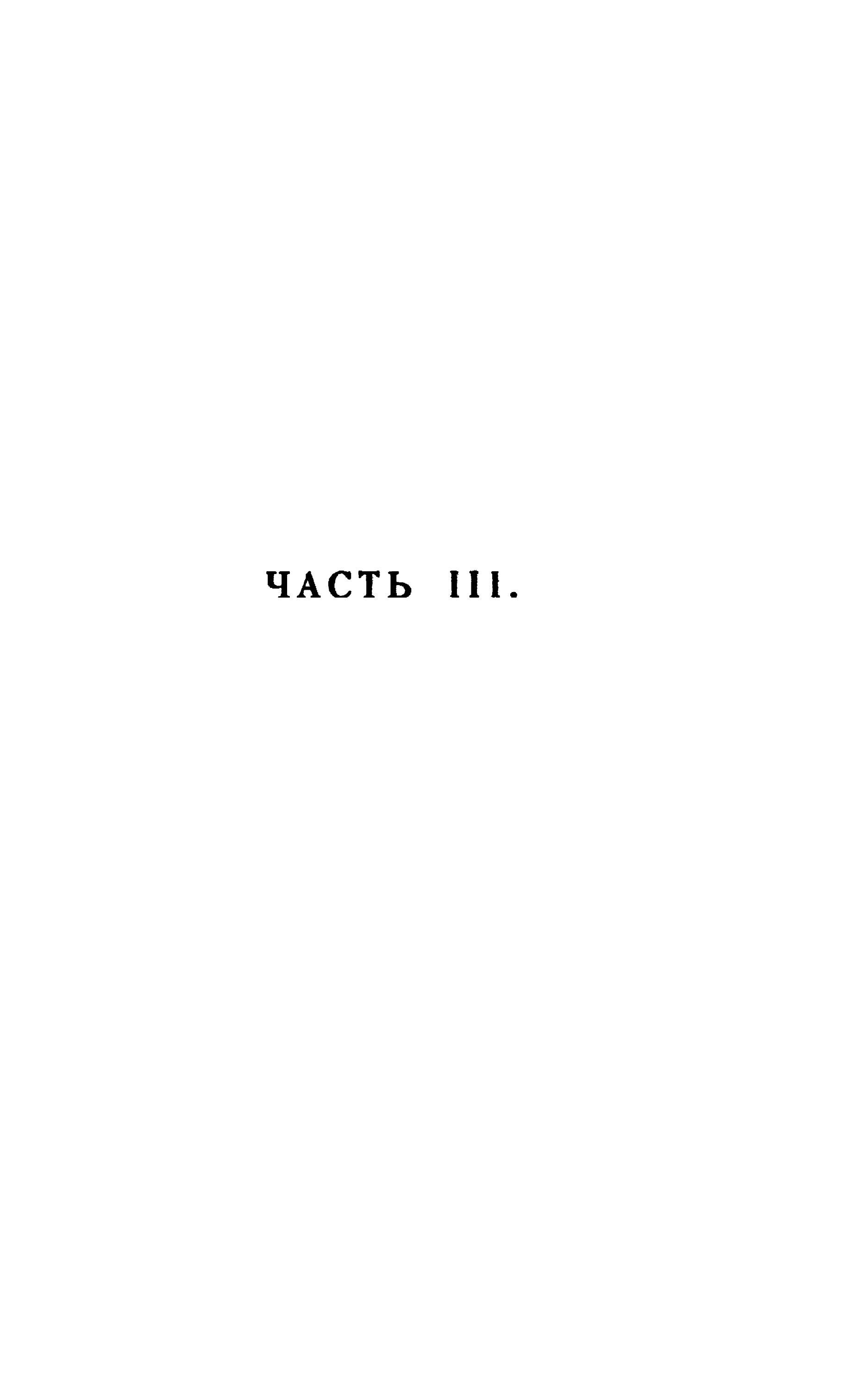
лужской, и отчасти, въ Рязанской, есть такой же обычай у русскихъ крестьянъ. Онъ просто называется выкупомъ и идетъ семьѣ невѣсты. Но онъ незначителенъ, онъ берется только въ силу стараго обряда. Главное въ томъ — оправдалъ ли себя парень передъ женитьбой. То есть, имѣется ли у него свой домъ, своя корова, своя лошадь, свои бараны и своя птица, и, кромѣ того, почетъ въ артели, если онъ на отхожихъ промыслахъ. Вотъ такъ и я хочу себя оправдать передъ вами и передъ папой. Не могу ни видѣть, ни слышать о жалкихъ тляхъ, гоняющихся за приданымъ. Это — не мужчины. Конечно, до того времени, пока я не совью свою собственную лачугу, вы абсолютно свободный человѣкъ. Дѣлайте и поступайте всячески, какъ хотите. Ни на паутинку не связываю я вашей свободы. Подумайте только: вамъ дожидаться меня придется около трехъ лѣтъ. Можетъ быть, и съ лишнимъ. Ужасно длинный срокъ. Черезчуръ большое испытанiе. Могу ли я, и смѣю ли я ставить здѣсь какiя либо условiя, или брать какiя либо обѣщанiя? Я скажу только одно: истинная любовь, она, какъ золото никогда не ржавѣетъ и не окисляется... Она... и тутъ онъ замолкъ. Маленькая, нѣжная ручка Зиночки вдругъ обвилась вокругъ его шеи и губы ея коснулись его губъ теплымъ, быстрымъ поцѣлуемъ.

— Я подожду, я подожду, — шептала еле слышно Зиночка. — Я подожду. Горячiя слезы закапали на подбородокъ Александрова и онъ съ умиленнымъ удивленiемъ впервые узналъ, что слезы возлюбленной женщины имѣютъ соленый вкусъ.

— О чемъ вы плачете, Зина?

— Отъ счастья, Алеша.

Но къ нимъ уже подходили, пробираясь сквозь толпу Венсанъ съ огнено-рыжей ирландкой, миссъ Дэлли.



ЧАСТЬ III.

ГЛАВА XXVII.

ТОПОГРАФІЯ.

Іюнь переваливаетъ за вторую половину. Лагерная жизнь начинаетъ становиться тяжелой для юнкеровъ. Стоятъ неподвижные, удручающе жаркіе дни. По ночамъ непрестанныя зарницы молчаливыми голубыми молніями бѣгаютъ по чернымъ небесамъ надъ Ходынскимъ полемъ. Нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью отъ тоскливой истомы. Души и тѣла жаждутъ грозы съ проливнымъ дождемъ.

Послѣднія лагерныя работы идутъ къ концу. Младшій курсъ еще занятъ глазомѣрными съемками. Трудъ не тяжелый: приблизительный, свободный и даже веселый. Это совсѣмъ не то, что топографическія точныя съемки съ кипрегелемъ-дальномѣромъ, надъ которыми каждый день корпятъ и потѣютъ юнкера старшаго курса, готовые на дняхъ чудеснымъ образомъ превратиться въ настоящихъ взаправдушнихъ господъ офицеровъ.

— Это тебѣ не фунтъ изюма съѣсть, а инструментальная съемка, — озвѣрѣло говоритъ, направляя визирную трубку на вѣху, загорѣвшій, черный, какъ цыганъ, уставшій Ждановъ, работающій въ одной партіи съ Александровымъ, — и это тоже тебѣ не мутовку облизать. Такъ то, друзья мои.

Жутко приходится и Александрову. Для него вопросъ о баллѣ, который онъ получитъ за топогра-

фію, есть вопросъ того: выйдетъ онъ изъ училища по первому, или по второму разряду. А это — великая разница. Во-первыхъ: при будущемъ разборѣ вакансій, чѣмъ выше общій средній баллъ у юнкера, тѣмъ разнообразнѣе и богаче предстоитъ ему выборъ мѣста службы. А, во-вторыхъ, — старшинство въ чинѣ. Каждый подпоручикъ, явившійся въ свой полкъ со свидѣтельствомъ перваго разряда, становится въ спискахъ выше всѣхъ другихъ подпоручиковъ, произведенныхъ въ этомъ году. И высокій чинъ поручика будетъ слѣдовать ему въ первую очередь, года черезъ три, или четыре. Это ли не поводы великой важности и глубочайшей серьезности?

Но вся задача — въ томъ суровомъ условіи, что для перваго разряда надо, во что бы то ни стало имѣть въ среднемъ счетѣ по всѣмъ предметамъ никакъ не менѣе круглыхъ девяти балловъ; жестокій и суровый минимумъ!

Вотъ тутъ то у Александрова и гнѣздится досадная, проклятая нехватка. Все у него ладно, во всѣхъ научныхъ дисциплинахъ хорошія отмѣтки: по тактикѣ, военной администраціи, артиллеріи, химіи, военной исторіи, высшей математикѣ, теоретической топографіи, по военному правовѣдѣнію, по французскому и нѣмецкому языкамъ, по знанію военныхъ уставовъ и по гимнастикѣ. Но горе съ однимъ лишь предметомъ: съ военной фортификаціей. По ней всего-навсего 6 балловъ, послѣдняя удовлетворительная отмѣтка. Охъ ужъ этотъ полковникъ, военный инженеръ — Колосовъ, холодный человѣкъ, ни разу не улыбнувшійся на лекціяхъ, ни разу не сказавшій ни одного простого человѣческаго слова, молчаливый тиранъ, лѣпившій безмолвно, съ каменнымъ лицомъ, губительныя двойки, единицы и даже уничтожающіе нули! Изъ-за его чертовской шестерки, средній баллъ у Александрова чуть-чуть не дотягиваетъ до девяти. не хватаетъ всего какихъ то трехъ девятыхъ. Мозго-

ватый въ арифметикѣ товарищъ Бутынскій вычислилъ точно:

— Если ты, Александровъ, умудришься получить за топографическую съемку десять балловъ, то первый разрядъ будетъ у тебя, какъ въ карманѣ. Нука, напрягись, молодой оберъ-офицеръ.

Съемки происходятъ вокругъ огромнаго села Всѣхсвятскаго, на его крестьянскихъ поляхъ, выгонахъ, дорогахъ, оврагахъ и рощицахъ. Каждое утро, часовъ въ пять, старшіе юнкера наспѣхъ пьютъ чай съ булкой, захвативши завтракъ въ полевыя сумки, идутъ партіями на мѣста своихъ работъ, которыя будутъ длиться часовъ до семи вечера, до той поры, когда уставшіе глаза начинаютъ уже не такъ четко различать издали показательныя примѣты. Тогда время возвращаться въ лагери, чтобы до обѣда успѣть вымыться или выкупаться. Внизу, за лагерной линіей, въ крутомъ оврагѣ, выстроена для юнкеровъ просторная и глубокая купальня, всегда доверху полная живой, бѣгучей ключевой водой, въ которой температура никогда не подымалась выше восьми градусовъ. А надъ купальней возвышалось кирпичное зданіе бани, топившейся дважды въ недѣлю. Бывало для иныхъ юнкеровъ острымъ и жгучимъ наслажденіемъ напариться въ банѣ на полкѣ до отказа, до краснаго каленія, до полнаго изнеможенія, и потомъ летѣть со всѣхъ ногъ изъ бани, чтобы съ разбѣгу бухнуться въ студеную воду купальни, сдѣлавши сальтомортале, или, нырнувши вертикально, головой внизъ. Сначала являлось впечатлѣніе ожога, перерыва дыханія и мгновеннаго ужаса, вмѣстѣ съ замираніемъ сердца. Но вскорѣ тѣло обвыкало въ холодѣ, и когда купальщики возвращались бѣгомъ въ баню, то ихъ охватывало чувство невыразимой легкости, почти невѣсомости во всемъ ихъ существѣ, было такое

ощущеніе, точно каждый мускулъ, каждая пора насквозь проникнуты блаженной радостью, сладкой и бодрой.

Уже вечерѣло, когда горнистъ трубилъ сигналъ къ обѣду:

— У папеньки, у маменьки
Просилъ солдатъ говядинки.
Дай, дай, дай.

Проголодавшіеся юнкера ѣли обильно и всегда вкусно. Въ большихъ тяжелыхъ оловянныхъ ендовахъ, служители разносили ядреный хлѣбный квасъ, который шибалъ въ носъ. Послѣ обѣда полчаса свободнаго отдыха. Игралъ знаменитый училищный оркестръ. Юнкера пили свой собственный чай и покупали сладости у какого то приблудившагося къ Александровскому училищу маркитанту, который открылъ въ лагерѣ лавочку и даже охотно давалъ въ кредитъ до производства. Кормили конфетами (это была очередная мода) хорошенькаго бѣлокураго мальчика-барабанщика, внука знаменитаго барабанщика Индурскаго. А затѣмъ по сигналу всѣ четыре роты выстраивались въ двѣ шеренги вдоль линейки, и начиналась перекличка.

— Такой то! — вызывалъ фельдфебель.

— Я! — коротко отвѣчалъ спрошенный.

— Такой то!

— Я!

«Какъ это мило и какъ это странно придумано Господомъ Богомъ, — размышлялъ часто во время переклички мечтательный юнкеръ Александровъ, — что ни у одного человѣка въ мірѣ нѣтъ тембра голоса, похожаго на другой. Неужели и все на свѣтѣ такъ же разнообразно и безконечно неповторимо? Отчего природа не хочетъ знать ни прямыхъ линій, ни геометрическихъ фигуръ, ни абсолютно схожихъ экземпляровъ? Что это. Безконечность ли творчества или урокъ человѣчеству?»

Но съ особеннымъ напряженіемъ дожидался Александровъ того момента, когда въ перекличкѣ наступитъ очередь любимца Дрозда, портупей юнкера Попова, обладателя чудеснаго низкаго баритона, которымъ любовалось все училище.

— Портупей юнкеръ Поповъ — монотоно и сухо выкликаетъ фельдфебель.

— Вотъ сейчасъ, сейчасъ, — бьется сердце Александрова.

— Я!

О, какъ этотъ звукъ безупречно полонъ и красиво круглъ! Онъ нѣжно густъ и ароматенъ, какъ сотовый медъ. Его чистая и гибкая красота похожа на средній тонъ віолончели, взятый влюбленнымъ смычкомъ. Онъ — какъ дорогое старое красное вино.

И, какъ всегда, Александровъ переводитъ глаза вверхъ на темное синее небо. А тамъ, въ міровой глубинѣ, повисла и, тихо переливаясь, дрожитъ теплая серебряная звѣздочка, отъ взора на которую становится радостно и щекотно въ груди. Совершенно дикая мысль осѣняетъ голову Александрова:

— А что, если этотъ очаровательный звукъ и эта звѣздочка, похожая на непроливающуюся дѣвичью слезу, и далекій, далекій отсюда только что повѣявшій, ласковый и скромный запахъ резеды, и всѣ простыя радости міра суть только видоизмѣненія одной и той же божественной и безсмертной силы?

— На молитву! Шапки долой! — командуютъ фельдфебеля. Четыреста молодыхъ глотокъ поютъ «Отче нашъ». Какая большая и сдержанная сила въ ихъ голосахъ. Какое здоровье и вѣра въ себя и въ судьбу. Вспоминается Александрову тотъ блѣдный, изношенный студентъ, который 9-го сентября, во время студенческаго бунта, такъ злобно кричалъ изъ-за желѣзной ограды университета на проходившихъ мимо юнкеровъ:

— Сволочь! Рабы! Профессіональные убійцы,

пушечное мясо! Душители свободы! Позоръ вамъ! Позоръ!

— Нѣтъ не правъ былъ этотъ студентишко, — думаетъ сейчасъ Александровъ, допѣвая послѣднія слова молитвы Господней. — Онъ или глупъ, или раздраженъ обидой, или боленъ, или несчастенъ, или просто науськанъ чьей-то злобной и лживой волей. А вотъ, настанетъ война, и я съ готовностью пойду защищать отъ непріятеля: и этого студента, и его жену съ малыми дѣтьми, и престарѣлыхъ его папочку съ мамочкой. Умереть за отечество. Какія великія, простыя и трогательныя слова! А смерть? Что же такое смерть, какъ не одно изъ превращеній этой безконечно, непонимаемой нами силы, которая вся состоитъ изъ радости. И умереть вѣдь тоже будетъ такой радостью, какъ сладко безъ сновъ заснуть послѣ трудового дня.

Послѣ молитвы юнкера расходятся. Вечеръ темнѣетъ. На небо выкатился блестящій, какъ осколокъ зеркала, серпъ молодого мѣсяца. Выкатился и поташилъ на невидимомъ буксирѣ звѣздочку. Въ баракахъ перваго (младшаго) курса еще слышатся разговоры, смѣхъ, согласное пѣніе. Но г. г. офицеры (старшій курсъ) истомились за день. Руки и ноги у нихъ точно изломаны. Александровъ съ трудомъ снимаетъ лѣвый сапогъ, но правый, полуснятый, такъ и остается на ногѣ, когда усталый юнкеръ сразу погружается въ глубокій сонъ безъ сновидѣній, въ это подобіе неизбѣжной и все-таки радостной смерти.

На слѣдующій день опять вставаніе въ пять часовъ утра, и длинный путь до мѣста съемки. Въ каждой партіи пять человѣкъ, выбранныхъ по соображеніямъ курсового офицера, ведущаго курсъ уже безъ малаго два года. Курсовой четвертой роты поручикъ Новоселовъ, Николай Васильевичъ, онъ же, по юнкерскому прозвищу, «Уставчикъ», назначилъ въ своихъ партіяхъ лишь самыхъ надежныхъ юнкеровъ за старшихъ, а дальнѣйшія роли въ съемкахъ предоставилъ

распредѣлить самимъ юнкерамъ. Такимъ образомъ, къ великому удовольствію Александрова, на него выпала добровольная обязанность таскать на мѣсто съемки и обратно довольно тяжелый кипрегель-дальномѣръ съ треногою и стальную круглую рулетку для промѣровъ на ровныхъ плоскостяхъ.

Къ своимъ обязаностямъ онъ относился съ похвальнымъ усердіемъ и даже часто бывалъ полезенъ партіи отличной зоркостью своихъ глазъ, наблюдательностью, находчивостью и легкостью на ходу. Не очень сложную работу съ кипрегелемъ онъ совершенно ясно понялъ въ первый же день съемки. Но что упорно ему не давалось, такъ это — вычерчиваніе на бумагѣ штрихами всѣхъ подъемовъ и спусковъ мѣстности, всѣхъ ея овраговъ и горбушекъ. Чѣмъ ровнѣе шла земля, тѣмъ тоньше и тѣмъ дальше другъ отъ друга должны были наноситься изображающіе ее штрихи. И наоборотъ: какъ только она начинала показывать уклонъ, штрихи тѣснились ближе, и карандашъ вычерчивалъ ихъ гуще. Здѣсь все дѣло было не въ искусствѣ и не въ талантѣ, а только въ терпѣніи, вниманіи и аккуратности. На картонъ старшаго въ партіи юнкера, носившаго фамилію Патеръ, худенькаго, опрятнаго, сухого юноши, просто любо было бы поглядѣть даже человѣку, ничего не понимающему въ топографіи. Стоило только немного прищурить глаза, и весь рельефъ мѣстности выступалъ съ такою выпуклостью, точно онъ былъ вылѣпленъ изъ гипса.

Не только этого чуда, но и отдаленнаго его подобія никакъ не могъ сдѣлать Александровъ. Онъ совсѣмъ недурно рисовалъ карандашемъ и углемъ, свободно писалъ акварелью и немножко масломъ, ловко дѣлалъ портреты и карикатуры, умѣлъ мило набросать пейзажъ и натюрмортъ. Но проклятое «штрихоблудіе» (какъ называли юнкера это занятіе) окончательно не давалось ему. Просить помощи у одного изъ товарищей, искушенныхъ въ штрихо-

блудіи, не позволяла своеобразная этика, установленная въ училищѣ еще съ давнихъ годовъ, со временъ генерала Шванебаха, когда училище переживало свой золотой вѣкъ. Правда, оставалась у него далекая, почти фантастическая тѣнь надежды. Въ прошломъ году, помнилось ему смутно, господа офицеры, уже близкіе къ выпуску и потому какъ-то по-товарищески подобрѣвшіе къ старымъ фараонамъ, упоминали хорошими словами о строгомъ и придирчивомъ «Уставчикѣ». Говорили, что кое-когда «Уставчикъ» въ случаяхъ, подобныхъ случаю Александрова, тайкомъ перештриховывалъ поданный ему картонъ съ плохой съемкой. Былъ онъ — говорили оберъ-офицеры, — искуснымъ штрихоблудомъ и, вопреки своей крикливости, добрѣйшимъ человѣкомъ.

«Да. Хорошо было моимъ предшественникамъ, — уныло размышлялъ Александровъ, кусая ногти. — Всѣ они, небось, были трынчики, строевики, послушные ловкачи, знавшіе всѣ военные уставы на зубокъ, не хуже, чѣмъ «Отче нашъ». Но за мною — о, Господи! — за мною-то столько грѣховъ и прорѣхъ! И сколько разъ этотъ самый Николай Васильевичъ Новоселовъ сажалъ меня подъ арестъ, наряжалъ на лишнее дневальство и наказывалъ безъ отпуска?

И какой неугомонный чортъ дергалъ меня на возраженія курсовому офицеру? Вѣдь извѣстно же всему міру еще съ библейскихъ временъ, что всякое начальство именно возраженій не терпитъ, не любитъ, не понимаетъ и не переноситъ. Правда, порою отъ возраженія никакъ нельзя удержаться. Ну, вотъ, напримѣръ, экзаменъ по гимнастикѣ. Прыжки съ трамплина. Препятствіе всего съ поларшина высоты. Но изволь его брать согласно уставу, гдѣ написано о пріуготовительныхъ къ прыжку упражненіяхъ. Требуется для этого сдѣлать небольшой строевой разбѣгъ, оттолкнуться правой ногой отъ трамплина и летѣть въ воздухѣ, имѣя лѣвую ногу и обѣ руки вытянутыми прямо и параллельно землѣ. А послѣ прыж-

ка, достигнувъ земли, надо опуститься на нее на носкахъ, каблуками вмѣстѣ, колѣнями врозь, а руками подбоченившись въ бедра.

— Господинъ поручикъ! — восклицаетъ съ негодованіемъ Александровъ. — Да это же черепашій жеманный прыжокъ. Позвольте мнѣ прыгнуть свободно, безъ всякихъ правилъ, и я легко возьму препятствіе въ полтора моихъ роста. Сажень, безъ малаго.

Но въ отвѣтъ сухая и суровая отповѣдь:

— Прошу безъ всякихъ возраженій. Исполняйте, какъ показано въ уставѣ. Уставъ для васъ законъ. Уставъ для васъ, какъ заповѣдь. И, кромѣ того, дневальство безъ очереди за возраженіе начальству. Фельдфебель! Запишите.

— Нѣтъ, не выйти мнѣ по первому разряду, — мрачно рѣшаетъ Александровъ. — Никогда мнѣ не проститъ моихъ дурацкихъ выходокъ «Уставчикъ» и никогда не засіяетъ милосердіемъ его черствая душа. Ну и что жъ? Ничего. Выйду въ самый захолустный, въ самый закатальскій полкъ, или въ гарнизонный безымянный батальонъ. Но вѣдь я еще молодъ. Приналягу и выдержу экзаменъ въ Академію Генеральнаго Штаба. А то начнется война. Долго ли храброму отличиться? Получу Георгія, двухъ Георгіевъ, золотое оружіе и, чинъ за чиномъ, вернусь съ войны полковникомъ — такъ этотъ самый «Уставчикъ» будетъ мнѣ козырять и тянуться передо мною въ струнку. А я ему:

— Капитанъ! Темлякъ при шашкѣ у васъ криво подвязанъ. Дѣлаю вамъ замѣчаніе, о чемъ извольте доложить вашему непосредственному начальству. Можете итти...

Какая сладкая месть!

Это жаркое, томительное лѣто, послѣднее лѣто въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, было совсѣмъ неудачно для Александрова. Какая-то роковая полоса невезенья и непріятностей. Недаромъ же сумма

цифръ, входящихъ въ этотъ годъ, составляла число 26, то есть, два раза по тринадцати. А тутъ еще новое несчастье...

Съемка уже близилась къ окончанію. Работы на Всѣхсвятскихъ поляхъ оставалось не больше, чѣмъ дня на три, на четыре.

Въ одну изъ субботъ партія Александрова, какъ и всегда, зашабашила нѣсколько раньше, чѣмъ обыкновенно, и, собравъ инструменты, направилась обратно, въ лагери. Но, посрединѣ пути, Александровъ вдругъ забезпокоился и сталъ тревожно хлопать себя по всѣмъ карманамъ.

— Вы что? — спросилъ Патеръ.

— Да вотъ не знаю, куда дѣвалъ измѣрительную рулетку. Ищу и не могу найти.

— А, можетъ, вы оставили ее на мѣстѣ съемки?

— Пожалуй, что и такъ. Ну-ка, господа офицеры, возьмите у меня кипрегель съ треногой. А я мигомъ смотаюсь туда и назадъ.

Онъ быстро пустился по пройденной дорогѣ, мѣняя для отдыха рѣзвый бѣгъ частымъ широкимъ шагомъ.

Вдругъ женскій грудной голосъ окликнулъ его изъ ржи, стоявшей золотой стѣной за дорожкой:

— Эй, юнкарь, юнкарь! Погоди, сдѣлай милость!

Онъ остановился, часто дыша, и обернулся. Съ лица его струились капли пота.

На межѣ, посреди буйной ржи, окруженная связанными снопами, сидѣла крестьянская дѣвушка изъ Всѣхсвятскаго, синеглазая, съ повитой вокругъ головы свѣтлорусой, точно серебристой косой.

— Ты это меня, что ли, красавица?

— Тебя, тебя, красавецъ. Ты не потерялъ ли чего-нибудь?

— И то— потерялъ. Сумочку такую, круглую. А въ ней желѣзная лента, чтобы мѣрять землю.

— Ну вотъ, счастье твое, что я подняла. Ты ее вонъ гдѣ оборонилъ, на самой дорогѣ. А народъ у

насъ, знаешь самъ, какой вороватый: что нужно, что не нужно — все норовятъ въ карманъ запихать. Да ты присядь-ко на минуточку, передохни. Ишь, какъ зарьялся, бѣжавши. Вещица-то, небось, казенная?

— То-то и есть, что казенная, душенька.

— Ишь ты! Словечко какое подобралъ: душенька! А меня и впрямъ Дуняшей зовутъ. Душкой. Да ты сядь, юнкарь, сядь. Въ ногахъ правды нѣтъ. А я тебя квасомъ угощу, нашимъ домашнимъ, суровымъ.

Она ласковой, но сильной рукой неожиданно дернула Александрова за край его бѣлой коломянковой рубахи. Юнкеръ, внезапно потерявъ равновѣсіе, невольно упалъ на дѣвушку, схвативъ ее одной рукой за грудь, а другой за твердую гладкую ляжку. Она громко засмѣялась, оскаливъ большіе прекрасные зубы.

— Нѣтъ, юнкарь, ты играть — играй, а чего не надо — не трогай. Молодъ еще.

— Да я, ей-Богу, нечаянно!

— Хорошо, хорошо! Знаемъ мы васъ, солдатъ, какъ вы нечаянно къ дѣвкамъ подъ подолъ лазаете.

— Да я, право же...

— А кругомъ, куда ни погляди, — все народишко бѣгаетъ. Неровенъ часъ, увидятъ и пойдутъ напраслину плести. Долго ли дѣвку ославить и осрамотить? Вонъ, погляди-ко, какой-то мужикъ съ коробомъ сюда тащится. Ты ужъ, милый, лучше вылѣзай-ко!

Александровъ обернулся черезъ плечо и увидѣлъ шагахъ въ ста отъ себя приближающагося «Апостола». Такъ сыздавна называли юнкера тѣхъ разносчиковъ, которые лѣтомъ бродили вокругъ всѣхъ лагерей, продавая конфеты, пирожныя, фрукты, колбасы, сыръ, бутерброды, лимонадъ, боярскій квасъ, а тайкомъ, изъ-подъ полы, контрабандою, также пиво и водченку. Быстро выскочивъ на дорогу, юнкеръ сталъ дѣлать «Апостолу» призывные знаки. Тотъ уви-

дѣлъ и съ привычной поспѣшностью ускорилъ шагъ.

— Ну, и къ чему ты позвалъ его? — съ упрекомъ сказала Дуняша, укрываясь въ густой ржи. — Очень онъ намъ нуженъ!

— Подожди минутку. Сейчасъ увидишь. Да ты не бойся, онъ не изъ вашихъ, онъ — чужой.

— Чужой-то — чужой, — пропѣла дѣвушка, показывая изъ золотыхъ сноповъ смѣющійся синій глазъ. — А все-таки...

Апостолъ подошелъ и сталъ со щеголеватой ловкостью торговаго москвича разбирать свою походную лавочку.

— Чѣмъ могу служить господину оберъ-офицеру?

— А вотъ дай-ка намъ два стаканчика, да бутылочку лимонада, да пару бутербродовъ съ ветчинкой и еще... — Александровъ слегка замялся.

— Червячка изволите заморить?

— Сей-минутъ-съ! Готово-съ.

— Вотъ именно. Два шкалика.

Всѣхсвятская красавица сначала пожеманилась: да не надо, да зачѣмъ мнѣ, да кушайте сами. Но, однако, послѣ того какъ она убѣдилась, что ланинскій шипучій лимонадъ куда вкуснѣе и забористѣе ея квасца-суровца, простой воды, настоенной на ржаныхъ коркахъ, то уговорить ее пригубить рассейской водочки было ужъ не такъ трудно и мѣшкотно. Она пила ее, какъ пьютъ всѣ русскія крестьянки: мелкими глотками, гримасничая, какъ будто послѣ принятія отвратительной горечи. Но послѣдній глотокъ она опрокинула въ ротъ совсѣмъ молодцомъ. Утерла губы рукавомъ и сказала жалобно:

— Ну и крѣпка же она, матушка! Какъ ее бѣдные солдаты пьютъ?

Пережевывая своими бѣлыми блестящими зубами ветчину на помасленномъ бѣломъ хлѣбѣ, она охотно и весело разговорилась:

— Вотъ ты — хорошій юнкарь, дай Богъ тебѣ

добраго здоровья и спасибо на хлѣбѣ, на соли, — кланялась она головой, — а то вѣдь есть и изъ вашей братіи, изъ юнкарей, такіе охальники, что не приведи Господи. Вотъ, въ прошломъ-то годѣ какую они съ нами издѣвку сдѣлали; по сію пору вспомнить совѣстно. Стояли они здѣсь, неподалечку, со своей стрелябіей и все что-то мѣряли, все что-то въ книжки записывали. А мы, дѣвки да бабы, все на ихъ смотрѣли и дивовались. А одинъ-то изъ юнкарей возьми да и крикни: идите къ намъ сюда, дѣвочки да бабочки! Посмотрите-ка въ нашу подозрительную трубку. Ужасти, какъ занятно. Ну мы, конечно, бабы глупыя, вродѣ какъ индюшки: такъ одна за другой и потянулись. Въ трубкѣ-то стеклышко малое; такъ значитъ, въ это стеклышко надо однимъ глазомъ глядѣть. И что ты думаешь? Чудо-то какое! Видать очень хорошо, даже, можно сказать, отлично. Но только все, милый ты мой, показывается не прямо, а вверхъ ногами, внизъ головой. Вотъ такъ штука! Смотрѣли мы на нашу сельскую церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, и — повѣришь ли? — видимъ: стоитъ она кумполомъ внизъ, папертью кверху. На выставку поглядѣли — опять вверхъ тормашками. Потомъ юнкарь стекляшку на наше стадо навелъ, далъ мнѣ глядѣть, и что жъ ты думаешь?.. Всѣ коровы кверху ногами идутъ и даже видно, какъ нашъ общественный быкъ Афанасій, ярославской породы, ногами перебираетъ, а головой-то внизъ идетъ. Тутъ тетка Авдотья Бильдина, тезка моя, баба уже въ годахъ, закричала: — Побѣжимъ, дѣвоньки, домой! Долго ли тутъ до грѣха? — Ну, мы и прыснули утекать. А юнкеря вослѣдъ намъ рыгочатъ, какъ жеребцы стоялые. Орутъ: — Бабочки, дѣвочки, берегитесь! Всѣ вы, какъ одна, вверхъ ногами идете, и подолы у васъ задранные... — И ужъ такъ мы тогда всполошились, что и сказать нельзя! Кто юбками давай завѣшиваться, кто на землю сѣлъ, всѣ давай визжать со стыда. А юнкаря со смѣха помираютъ...

Навѣки въ памяти у насъ остались ихъ стекляшки проклятыя.

Слушая Дуняшу, Александровъ съ нѣкоторой тревогой смотрѣлъ на Апостола, который, спѣшно укладывая свой коробъ, все чаще и безпокойнѣе озирался назадъ, черезъ плечо, а потомъ, не сказавъ ни слова, вдругъ пустился большими шагами уходить въ сторону. Юнкеръ обернулся назадъ и на минуту остался съ разинутымъ ртомъ. Невдалекѣ, взрывая дорожную коричневую пыль, легкимъ галопомъ скакалъ на своей бѣлой арабской кобылѣ Кабардинкѣ батальонный командиръ училища, полковникъ Артабалевскій, по прозвищу Берди-паша. Вскорѣ Александровъ услышалъ его окрикъ:

— Юнкеръ, ко мнѣ! Сюда, юнкеръ!

Александровъ поспѣшной рысью побѣжалъ ему навстрѣчу и остановился какъ разъ въ ту минуту, когда Берди-паша, легко соскочивъ со вспѣненной лошади, бралъ ее подъ уздцы.

— Эт-то что за безобразіе? — завопилъ Артабалевскій пронзительно. — Это у васъ называется топографіей? Это, по вашему, военная служба? Такъ ли подобаетъ вести себя юнкеру Третьяго Александровскаго училища? Тьфу! Валяться съ дѣвками (онъ понюхалъ воздухъ), пить водку! Какая грязь! Идите же немедленно, явитесь вашему ротному командиру и доложите ему, что за самовольную отлучку и все прочее я подвергаю васъ пяти суткамъ ареста, а за пьянство лишаю васъ отпусковъ вплоть до самого дня производства въ офицеры. Маршъ!

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! — лихо отвѣтилъ Александровъ, скрывая горечь и досаду.

ГЛАВА XXVIII.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ.

Неудобно, невесело и досадно влеклись эти пять дней сидѣнія подъ арестомъ въ карцерномъ баракѣ, въ ветхомъ, заброшенномъ деревянномъ узкомъ зданіи, обросшемъ снаружи высокой, выше человѣческаго роста, крапивой и гигантскими лопухами. Зеленоватый дрожащій свѣтъ скудно и мутно падалъ сюда сквозь потолочныя окна, забранныя желѣзными ржавыми рѣшетками. Особенно непріятно было то, что сидѣніе подъ арестомъ сопровождалось исполненіемъ служебныхъ обязанностей. Три-четыре раза въ день нужно было выходить изъ карцера: на топографическія работы, на ротныя ученія, на стрѣльбу, на чистку оружія, на разборку и сборку всѣхъ многочисленныхъ частей скорострѣльной пѣхотной винтовки системы Бердана, со скользящимъ затворомъ номеръ второй, на долбленіе военныхъ уставовъ, и потомъ возвращаться обратно подъ замокъ. Эта бѣготня точно умножала тягость заключенія.

До прибытія Александрова въ карцеръ тамъ уже сидѣло двое г. г. оберъ-офицеровъ, два юнкера изъ роты жеребцовъ Его Величества: Бауманъ и Брюнелли, признанные давно всѣмъ училищемъ какъ первые красавцы. Бауманъ — рыжеволосый, бѣлолицый, голубоглазый, потомокъ тевтоновъ; Брюнелли — полу-итальянецъ, полу-русскій, полу-кавка-

зецъ, со смугловатымъ, правильнымъ, строгимъ и гордымъ лицомъ. Оба они были высоки и стройны. Когда ихъ видѣли стоящими рядомъ, то они, дѣйствительно, производили впечатлѣніе сильнаго, эффектнаго контраста. Кстати — они были очень дружны другъ съ другомъ.

Извѣстно давно, что у всѣхъ арестантовъ въ мірѣ и во всѣ вѣка бывало два непобѣдимыхъ влеченія. Первое: войти во что бы то ни стало въ сношеніе съ сосѣдями, друзьями по несчастью; и — второе — оставить на стѣнахъ тюрьмы память о своемъ заключеніи. И Александровъ, послушный общему закону, тщательно вырѣзалъ перочиннымъ ножичкомъ на деревянной стѣнѣ: «26-го іюня 1889 г. здѣсь сидѣлъ оберъ-офицеръ Александровъ, по злой волѣ дикаго Берди-паши, чья глупость — достояніе исторіи».

Арестованные занимали отдѣльныя камеры, которыя днемъ не запирались и не мѣшали юнкерамъ ходить другъ къ другу въ гости. Сосѣди первые разсказали Александрову о своихъ злоключеніяхъ, приведшихъ ихъ въ карцеръ.

Въ прошлое воскресенье, взявъ отпускъ, пошли они въ городъ къ своимъ портнымъ, примѣрить заказанную офицерскую обмундировку. Но чортъ ихъ дернулъ итти обратно въ лагери не кратчайшимъ привычнымъ путемъ, а черезъ Петровскій паркъ, самое шикарное дачное мѣсто Москвы!

У нихъ — говорили они — не было никакихъ преступныхъ, заранѣе обдуманныхъ намѣреній. Была только мысль — во что бы то ни стало успѣть придти въ лагери къ 8-ми съ половиною часамъ вечера и въ срокъ явиться дежурному офицеру. Но развѣ виноваты они были въ томъ, что на балконѣ чудесной новой дачи, построенной въ пышномъ псевдо-русскомъ стилѣ, вдругъ показались двѣ очаровательныя женщины, по-лѣтнему, легко и сквозно одѣтыя. Одна изъ нихъ, знаменитая въ Москвѣ кафешантанная пѣвица, крикнула:

— Бауманъ, Бауманъ! Иди къ намъ скорѣе. И своего товарища тащи. Да ты не бойся: всего на двѣ минуты. А потомъ мы васъ на лошадяхъ отвеземъ. Будьте спокойны. Только одинъ флаконъ раздавимъ, и конецъ.

Юнкера вошли. Обширная дача была полна гостями и шумомъ: сумскіе драгуны, актеры, газетные издатели и хроникеры, трое владѣльцевъ скаковыхъ конюшенъ, только что окончившіе курсъ катковскіе лицеисты, цыгане и цыганки съ гитарами, извѣстный профессоръ Московскаго университета, знаменитый врачъ по женскимъ болѣзнямъ, обожаемый всею купеческою Москвою, удачливый театральный антрепренеръ, въ шикарной, якобы мужицкой, поддевкѣ, и множество другого народа. Шла великая московская пьянственная неразбериха. Давно уже перешли на шампанское вино, которымъ были залиты всѣ скатерти. Сумцы выпили за александровцевъ, александровцы за катковскій лицей. Потомъ поднимались тосты за всѣхъ военныхъ и штатскихъ, за великую Россію, за побѣдоносную армію, за русское искусство и художество.

Вскорѣ густой веселый туманъ обволокъ души, сознаніе и члены юнкеровъ. Они еще помнили коекакъ мѣрное, упругое и усыпляющее качаніе парныхъ колясокъ на резиновыхъ шинахъ. Остальное уплыло изъ памяти. Какъ сквозь сонъ, имъ мерещился пріѣздъ прямо на батальонную линію и сухой голосъ Хухрика:

— Конечно, милостивыя государыни, патріотизмъ вещь всегда цѣнная и возвышенная, и ваши чувства, барыни, достойны всякаго почтенія. Но, извините: законъ есть законъ, и уставъ есть уставъ. И потому прошу васъ удалиться съ лагерной линейки.

Разсказалъ и Александровъ свое маленькое приключеніе съ апостольскимъ виномъ и со всѣхсвятской Дуняшей. Красавцы выслушали его разсказъ безъ особой внимательности, добродушно.

— Какой фатумъ, — сказалъ Брюнелли. — Всѣ мы пали жертвами и Вакха, и Венеры.

Но потомъ и разговаривать стало не о чемъ. Приглядывался къ нимъ обоимъ Александровъ, часто думалъ:

— Ничего между нами нѣтъ общаго. Ну, скажемъ, они выше меня ростомъ, даже красивѣе. Можетъ быть, у нихъ знатная или богатая родня?.. Но путь ихъ жизней я вижу, точно на ладони, и неизмѣнно. Бауманъ будетъ въ своемъ полку сначала батальоннымъ, потомъ полковымъ адъютантомъ. Затѣмъ онъ удачно или выгодно женится на красивой остзейской барышнѣ и поступитъ въ жандармы или въ пограничную стражу. Что же касается Брюнелли — такого серьезнаго, — то жизненный путь его еще яснѣе. Академія Генеральнаго Штаба, или юридическая. Длинный, упорный и вѣрный путь къ почетной, независимой и обезпеченной будущности. И нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ маститые годы они обое станутъ генералами съ красными широкими лампасами и съ красными подкладками пальто. Вотъ и вся ихъ жизнь. И больше нѣтъ ничего. И дай имъ Богъ этого счастья.

Нѣтъ! Жизнь Александрова пройдетъ ярче, красивѣе, богаче, разнообразнѣе и пестрѣе. Онъ будетъ великимъ военнымъ героемъ Россіи. А можетъ быть, онъ будетъ знаменитымъ живописцемъ, любимымъ современнымъ писателемъ, идоломъ молодежи, изслѣдователемъ Памира, восходящимъ на вершины Гималайскихъ недоступныхъ горъ. Или первоклассньмъ актеромъ! Имя его будетъ у всѣхъ на устахъ. Его портреты украсятъ всѣ журналы. — «Кто этотъ загорѣлый суровый человѣкъ, которому всѣ кланяются?» — «Ахъ, это извѣстный Александровъ. Не правда ли, — какое мужественное лицо?»

Добрыя отношенія между Александровымъ и его собратьями по заключенію тихо, беззлобно потухали

съ каждымъ днемъ, пока незамѣтно не исчезли совсѣмъ.

Въ ночь съ четвертаго на пятый день ареста тяжелая, знойная, напряженная погода, наконецъ, разрядилась. Весь день былъ точно угарный. Губы ежеминутно сохли отъ недостатка свѣжаго воздуха. Небо стало грузнымъ, темнымъ, неподвижнымъ и угрожающе соннымъ. Дышать становилось все труднѣе. Изнуряющій липкій потъ выступалъ на шеѣ, на лицѣ, на всемъ тѣлѣ. Только вечеромъ, когда небо, воздухъ и земля такъ густо почернѣли, что ихъ нельзя стало различать глазомъ, заворчали первые глухіе отдаленные рычащіе громы. А потомъ, какъ это всегда бываетъ въ сильныя грозы, — наступила тяжелая, глубокая тишина; въ камерѣ сухо запахло такъ, какъ пахнутъ два кремня, столкнувшіеся при сильномъ ударѣ, и вдругъ ярко-голубая ослѣпительная молнія, вмѣстѣ со страшнымъ раскатомъ грома, ворвалась въ карцеръ сквозь желѣзныя рѣшетки, и тотчасъ же зазвенѣли и задребезжали разбитыя карцерныя окна, падая на глиняный полъ. Начиналась такая дьявольская гроза, подобной которой никогда, ни раньше, ни потомъ, не видывалъ Александровъ: необычайной силы гроза, оставшаяся на долго лѣтъ въ памяти коренныхъ москвичей, потому что она снесла на-голо Анненгофскую Лефортовскую рощу и разрушила вдребезги болѣе сотни московскихъ деревянныхъ домишекъ. Она не прекращалась до той поры, пока не забрезжилъ ранній сѣрѣющій разсвѣтъ.

Ветхій потолокъ и дырявыя стѣны карцера въ обиліи пропускали дождевую воду. Александровъ легъ спать, закутавшись въ байковое одѣяло, а проснулся при первыхъ золотыхъ лучахъ солнца весь мокрый и дрожащій отъ холода, но все-таки здоровый, бодрый и веселый. Отогрѣлся онъ окончательно лишь послѣ того какъ сторожевой солдатъ принесъ ему въ

мѣдномъ чайникѣ горячаго и сладкаго чая съ булкой, послѣ которыхъ еще сильнѣе засіяло прекрасное, чистое, точно вымытое небо, и еще сладостнѣе стало грѣть горячее восхитительное солнце.

А часъ спустя онъ услышалъ шлепанье сапогъ по лужамъ и милый, знакомый голосъ, призывавшій его снизу:

— Александровъ! Александровъ!—кричалъ подъ окномъ вѣрный дружокъ Венсанъ. — Высуньте, насколько можно, руку изъ рѣшетки. Я сижу на деревѣ. И, кстати, сердечно васъ поздравляю.

— Съ чѣмъ? Съ окончаніемъ ареста?

— Нѣтъ. Сейчасъ вы увидите сами. Но какимъ молодцомъ оказался нашъ «Уставчикъ»! Однако, живѣе! Здѣсь гдѣ-то поблизости слоняется зловѣщій Берди-паша. Ну, тяните скорѣе руку! Такъ!

Венсанъ, прыгнувъ, густо шлепнулся въ грязь. Въ рукѣ Александрова остался напечатанный на множителѣ свертокъ казенной бумаги, очевидно, купленный или украденный изъ походной батальонной канцеляріи. Въ немъ, въ нисходящемъ порядкѣ, были оттиснуты всѣ имена выпускныхъ юнкеровъ, отъ фельдфебелей и портупей-юнкеровъ до простыхъ рядовыхъ, съ приложеніемъ ихъ среднихъ балловъ по военной наукѣ. Со страннымъ двойнымъ чувствомъ гордой радости и униженія увидѣлъ Александровъ свой номеръ, ровно сотый, и какъ разъ послѣдній; послѣдняя девятка, дающая право на первый разрядъ. Ниже шло еще сто номеровъ для злосчастныхъ юнкеровъ второго разряда.

— Но вѣдь это все же только подачка, только жалкая милостыня, брошенная мнѣ «Уставчикомъ», — горестно подумалъ Александровъ и покрутилъ головой.

Черезъ дней пять-шесть пришли изъ петербургскаго главнаго штаба списки имѣющихся въ раз-

ныхъ полкахъ офицерскихъ вакансій. Они тотчасъ же были переписаны въ канцеляріи и розданы на руки юнкерамъ. Всего только три дня было дано господамъ оберъ-офицерамъ на ознакомленіе съ этими листами и на размышленія о выборѣ полка. И нельзя сказать, чтобы этотъ выборъ былъ очень легкимъ. Съ нимъ связывалось много условій: какъ необыкновенно важныхъ, такъ и вздорныхъ, совсѣмъ пустяковыхъ, и разобраться въ нихъ было мудрено. Какое главное? Какое третьестепенное?

Хотѣлось бы выйти въ полкъ, стоящій поблизости къ родному дому. Теплый уютъ и всѣ прелести домашняго гнѣзда еще сильно говорили въ сердцахъ этихъ юныхъ двадцатилѣтнихъ воиновъ.

Хорошо было бы выбрать полкъ, стоящій въ губернскомъ городѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ большомъ и богатомъ уѣздномъ, гдѣ хорошее общество, красивыя женщины, знакомства, балы, охота, и мало ли чего еще изъ земныхъ благъ.

Плѣняла воображеніе и относительная близость къ одной изъ столицъ; особенно москвичей удручала мысль разстаться надолго съ великимъ княжествомъ Московскимъ, съ его семью холмами, съ сорока сороками церквей, съ Кремлемъ и Москва-рѣкою. Со всѣмъ крѣпко устоявшимся свободнымъ, милымъ и густымъ московскимъ бытомъ.

Но такія счастливыя вакансіи бывали рѣдкостью. Въ гвардейскія и гренадерскія части попадали лишь избранники, и во всякомъ случаѣ до номера сотаго должны были дойти, — конечно, славные боевые полки, — но далеко не блестящіе, хорошо еще, что не резервные батальоны, у которыхъ даже нѣтъ своихъ почетныхъ наименованій, а только цифры: 38-й пѣхотный резервный батальонъ, 53-й, 74-й, 99-й... 113-й и т. д.

Но были и другіе соблазны, другіе просторы для фантазіи молодыхъ душъ, всегда готовыхъ мечтать объ экзотической жизни, о невѣдомыхъ окраинахъ

огромной имперіи, о новыхъ людяхъ и народахъ, о необычайныхъ приключеніяхъ на долгихъ и трудныхъ путяхъ... Тянулъ къ себѣ югъ: служба на Кавказѣ, въ Самаркандѣ, въ Туркестанѣ, на границахъ съ Персіей, Афганистаномъ и Бухарой, на подступахъ къ великой загадочной, пышной сказочной Азіи. Нельзя сказать, чтобы выпускные юнкера особенно хорошо знали географію. Вѣдѣніе ея остановилось на шестомъ классѣ кадетскаго корпуса и съ этой поры не подновлялось. Однако, по смутнымъ воспоминаніямъ соображали они, что Крымъ — это земной рай, гдѣ растетъ виноградъ и зрѣютъ превкусныя крымскія яблоки; что красоты Кавказа живописны, величественны и никѣмъ не описуемы, кромѣ Лермонтова; что Подольская губернія лежитъ на одной широтѣ съ Парижемъ, и оттого въ ней рѣдко выпадаетъ снѣгъ, и лѣтомъ произростаютъ персики и абрикосы; что Полѣсье славится своими зубрами, а его обитатели колтунами, и т. д. въ этомъ же родѣ. Большое значеніе имѣла краткая военная исторія полка, его былыя доблести и заслуженныя имъ отличія и награды. Не малую роль играли въ выборѣ полка его петлицы — красныя, синія, бѣлыя или черныя: кому что шло къ лицу. Случалось, — говорили прежніе господа оберъ-офицеры — что глубокій второразрядникъ сокрушенно махалъ рукой и заявлялъ: «Мнѣ все равно. Пишите меня въ ту часть, гдѣ красныя петлицы».

Почти въ такомъ же настроеніи былъ и Александровъ. Съ недавняго времени онъ вообще сталъ склоненъ къ философіи. Онъ размышлялъ: «Сто полковъ будутъ мнѣ даны на выборъ, и изъ нихъ я долженъ буду остановиться на одномъ. Развѣ это не самый азартный видъ лотереи, гдѣ я играю на всю собственную жизнь? Одному только Богу вѣдомо, что ждетъ меня въ первомъ, во второмъ, въ тридцатомъ, въ семьдесятъ четвертомъ или въ девяносто девятомъ и сотомъ полку. Совершенно неизвѣстно, гдѣ

меня поджидаетъ спокойная карьера исполнительнаго офицера пѣхотной арміи, гдѣ бурная и нелѣпая жизнь пьяницы и скандалиста, гдѣ удачный экзаменъ въ академію и большая судьба. Гдѣ богатая женитьба на любимой прекрасной дѣвушкѣ, гдѣ холостая, прокуренная жизнь одинокаго армейца, гдѣ несчастливая дуэль, гдѣ принудительный выходъ изъ полка по рѣшенію офицерскаго суда чести, гдѣ великіе героическіе подвиги на театрѣ военныхъ дѣйствій... Все покрыто непроницаемой тьмой, и все-таки тяни свой жребій».

И кто же возьметъ на себя дерзость разрѣшать, какой полкъ хорошъ, и какой плохъ, который лучше и который хуже? И невольно приходитъ на память Александрову любимая октава изъ пушкинскаго «Домика въ Коломнѣ»:

«У насъ война! Красавцы молодые,
Вы, хрипуны (но хрипъ вашъ пріумолкъ),
Сломали ль вы походы боевые,
Видали ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
Ужъ люди! Мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ.
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавый.
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой».

Да, конечно же, нѣтъ въ русской арміи ни одного порочнаго полка. Есть, можетъ быть, бѣдные, загнаные въ непроходимую глушь, забытые высшимъ начальствомъ, огрубѣвшіе полки. Но всѣ они не ниже прославленной гвардіи. Да, наконецъ... и тутъ передъ Александровымъ встаетъ давно гдѣ-то вычитанный древній греческій анекдотъ: «Желая посрамить одного изъ знаменитыхъ мудрецовъ, хозяева на званномъ обѣдѣ посадили его на самое отдаленное и неудобное мѣсто. Но мудрецъ сказалъ съ кроткой улыбкой: «вотъ средство сдѣлать послѣднее мѣсто первымъ».

**
*

Насталъ, наконецъ, и торжественный день выбора вакансій.

Въ одинъ изъ четверговъ, послѣ завтрака, дежурные юнкера побѣжали по своимъ баракамъ, выкрикивая словесное приказаніе батальоннаго командира:

— Всѣмъ юнкерамъ второго курса собраться немедленно на обѣденной площадкѣ! Форма одежды обыкновенная. (Всѣмъ людямъ военнаго дѣла извѣстно, что обыкновенная форма одежды всегда сопутствуетъ случаямъ необыкновеннымъ). Взять съ собою листки съ вакансіями! Живо, живо, господа оберъ-офицеры!

Служители уже разставляли на площадкѣ обѣденные столы и табуретки. Никогда еще юнкера такъ охотно и быстро не собирались на призывъ начальства, какъ въ этотъ разъ. Черезъ три минуты они уже стояли на вытяжку у своихъ столовъ, и всѣ двѣсти головъ были съ нетерпѣніемъ устремлены въ ту сторону, съ которой долженъ былъ показаться полковникъ Артабалевскій.

Онъ скоро показался, въ сопровожденіи ротныхъ командировъ и курсовыхъ офицеровъ.

— Садитесь! — приказалъ онъ какъ будто угрожающимъ голосоъ и сталъ перебирать списки. Потомъ откашлялся и продолжалъ:

— Вотъ тутъ, передъ вами лежатъ двѣстидесять вакансій на двѣсти юнкеровъ. Буду вызывать васъ поочередно, по мѣрѣ оказанныхъ вами успѣховъ въ продолженіе двухлѣтняго обученія въ училищѣ. Рекомендую избранную часть называть громко и разборчиво, безъ всякихъ замедленій и переспросовъ. Времени у васъ было вполнѣ достаточно для обдумыванія. Итакъ, номеръ первый: фельдфебель первой роты, юнкеръ Куманинъ!

Ловко и непринужденно всталъ высокій красавецъ Куманинъ.

— Имени свѣтлѣйшаго князя Суворова гренадерскій Фанагорійскій полкъ.

Артабалевскій громко повторилъ названіе части и что-то занесъ перомъ на большомъ листѣ. Александровъ тихо разсмѣялся. «Вѣроятно, никто не догадывался, что Берди-паша умѣетъ писать», — подумалъ онъ.

— Фельдфебель четвертой роты, юнкеръ Тарбѣевъ!

— Въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ.

— Фельдфебель второй роты, юнкеръ Пожидаєвъ!

— Въ двѣнадцатую артиллерійскую бригаду на сослуженіе съ отцомъ.

— Портупей-юнкеръ, князь Вачнадзе!

— На сослуженіе съ братомъ въ Эриванскій гренадерскій полкъ.

Такъ прошли передъ выпускными юнкерами всѣ фельдфебели, портупей-юнкера и юнкера съ высокими отмѣтками. Соблазнительные полки съ хорошими стоянками быстро разбирались. Для второразрядныхъ оставались только далекія мѣста въ провинціальныхъ уѣздныхъ городахъ, имена которыхъ юнкера слышали первый разъ въ своей жизни.

Вниманіе Александрова давно устало и разсѣялось. Онъ машинально зачеркивалъ выходящіе полки и въ то же время велъ своеобразную дѣтскую игру: каждый разъ, какъ вставалъ и называлъ свой полкъ юнкеръ, онъ по его лицу, по его голосу, по названію полка старался представить себѣ — какая судьба, какія перемѣны и приключенія ждутъ въ будущемъ этого юнкера? И когда Александровъ услышалъ свою фамилію, громко названную Берди-пашей, то онъ вздрогнулъ и совсѣмъ растерялся. Безпомощно водя глазами по листу, исчерченному синимъ и краснымъ карандашемъ, онъ никакъ не могъ остановиться на одномъ изъ намѣченныхъ полковъ.

Артабалевскій крикнулъ своимъ металлическимъ первымъ».

— Чего молчать! Чего мечтать? Проснитесь, юнкеръ!

Тогда Александровъ ткнулъ наудачу пальцемъ въ листъ. Вышелъ полкъ совсѣмъ ему невѣдомый, и маленькій городишко, никогда имъ не слыханный. И, откашлявшись, онъ громко крикнулъ:

— Ундомскій пѣхотный полкъ!

Городъ «Великія грязи». И опять подумалъ про себя: «Вотъ средство сдѣлать послѣднее мѣсто — первымъ».

Раздача вакансій окончилась. Берди-паша сказалъ поучительное слово:

— Однако, не воображайте, что вы уже въ самомъ дѣлѣ — господа офицеры. Этого воображать отнюдь не слѣдуетъ. Вы суть только юнкера. Пока выбранныя вами вакансіи дойдутъ до Санктъ-Петербурга, и пока Великому Государю нашему, Его Императорскому Величеству Императору Александру III-ему не благоугодно будетъ собственноручно ихъ утвердить, и пока, наконецъ, высочайшее его соизволеніе не дойдетъ до Москвы — вы будете нести военную службу со всѣми ея строжайшими обязанностями неукоснительно и въ двойномъ размѣрѣ. Ибо многому вы еще не доучились и ко многому не привыкли. Итакъ, сейчасъ же построиться на передней линейкѣ для батальоннаго ученія!

О! Злобный азіатъ!

ГЛАВА XXIX.

ТРАВЛЯ.

Двѣсти вакансій въ разные полки разобраны.

Военные портные уже увѣдомлены, какого цвѣта надо пришивать петлички къ заказаннымъ мундирамъ и какого цвѣта кантики: бѣлаго, краснаго, синяго или чернаго?

Фамиліи будущихъ господъ офицеровъ и названія выбранныхъ ими частей уже летятъ, летятъ теперь по почтѣ въ Петербургъ, въ самое главное отдѣленіе Генеральнаго Штаба, завѣдующее офицерскими производствами. Въ этомъ могущественномъ и таинственномъ отдѣленіи теперь постепенно стекаются всѣ взятыя вакансіи во всѣхъ россійскихъ военныхъ училищахъ, изъ которыхъ иные находятся страшно далеко отъ Питера, на самомъ краю необъемной Россійской Имперіи.

И вотъ, наконецъ, всѣ вакансіи собраны и провѣрены. Тогда ихъ поручаютъ десяти искуснѣйшимъ во всей Россіи писарямъ, изъ которыхъ каждый состоитъ въ капитанскомъ чинѣ, и они на ватманской слоновой бумагѣ, золотыми перьями составляютъ списокъ юнкеровъ, имѣющихъ быть произведенными въ первый офицерскій чинъ и зачисленными на доблестное служеніе въ одномъ изъ славныхъ побѣдоносныхъ полковъ великой Русской Арміи.

А теперь уже выступаетъ на сцену не кто иной,

какъ военный министръ. Въ день, заранѣе ему назначенный, онъ съ этимъ драгоцѣннымъ спискомъ ѣдетъ во дворецъ къ Государю Императору, который уже дожидается его.

Конечно, русскому царю, повелѣвающему шестой частью земного шара и непрестанно пекущемуся о благѣ 500.000.000 подданныхъ, просто физически невозможно было бы подписывать производство каждому изъ многихъ тысячъ офицеровъ. Нѣтъ, онъ только внимательно и быстро проглядываетъ безконечно длинный рядъ именъ. Уста его улыбаются свѣтло и печально.

— Какая молодежь, — беззвучно шепчетъ онъ, — какая чудесная, чистая, славная русская молодежь! И каждый изъ этихъ мальчиковъ готовъ съ радостью пролить всю свою кровь за наше отечество и за меня!

Онъ со вздохомъ подписываетъ свое имя и говоритъ министру:

— Передайте имъ всѣмъ мои поздравленія съ производствомъ и мою увѣренность въ ихъ безпорочной будущей службѣ.

Очень долги пути государственныхъ бумагъ!

Старшіе юнкера изводятся отъ нетерпѣнія — они уже перестали называть себя господами оберъ-офицерами, иначе, рядомъ съ выдуманнымъ званіемъ не такъ будетъ сладко сознавать себя настоящимъ подпоручикомъ, его благородіемъ и, по праву, господиномъ оберъ-офицеромъ.

Теперь всѣ они окажутся совсѣмъ взрослыми, даже какъ будто пожилыми. Они стали осторожнѣе въ движеніяхъ и умѣреннѣе въ жестахъ. У нихъ такой видъ, точно каждый боится расплескать чашу, до краевъ полную драгоцѣнной влагой. Они какъ-то любовно, по-братски присматриваютъ другъ за другомъ. Стоитъ самая африканская жарища. Клокочущее нетерпѣніе не знаетъ, во что вылиться. Нервы натянуты до предѣла. Не дай Богъ, кто-нибудь подъ этими давле-

ніями взорвется и сдѣлаетъ такой непозволительный грубый и глупый поступокъ, который повлечетъ за собою лишеннiе офицерскаго чина. Что тогда дѣлать? Скрыть невозможно и нельзя. Отдать въ солдаты? Выгнать изъ училища? Но какъ же быть, если событія такъ повернутся, что наказаннаго въ Москвѣ Государь только что произвелъ въ офицеры въ Петербургѣ? Телеграфировать на Высочайшее имя для освѣдомленія Императора? Но какое огорченіе нанесетъ это обожаемому Монарху! Какое несмываемое пятно для славнаго, любимаго, дорогого Александровскаго училища!

Ротнымъ командирамъ и курсовымъ офицерамъ извѣстно это волненіе молодыхъ сердецъ, и они начинаютъ чуть-чуть ослаблять суровыя требованія воинской дисциплины и тяжкія, въ жару просто непереносимыя трудности строевыхъ ученій. Выпускные юнкера въ свою очередь чувствуютъ эти поблажки и впадаютъ въ легкую фамиліарность съ начальствомъ, въ лѣнцу и въ небрежность:

На полевомъ ученіи, въ разсыпномъ строю, поручикъ Новоселовъ (онъ же «Уставчикъ») командуетъ:

— Перестать стрѣлять, встать — направленіе на мельницу. Бѣгомъ!

А кто-нибудь изъ выпускныхъ лѣниво говоритъ:

— Зачѣмъ бѣгать, Николай Васильевичъ? Жара адова. Полежимте-ка лучше.

Уставчикъ топочетъ ногами и слабо кричитъ:

— Вставать-съ, въ карцеръ посажу-съ!

Выпускной смягчается:

— Да ужъ, пожалуй, пойдемъ, Николай Васильевичъ. Вѣдь мы васъ такъ любимъ, вы такой добрый.

— Молчать-съ! Перебѣжка частями!

Или иногда говорили Дрозду, томно разомлѣвшему отъ зноя:

— Господинъ капитанъ, позвольте разсыпать цѣпью по направленію на вонъ ту дѣвчонку въ красномъ платкѣ.

— Ѣ-кобели! -- ворчалъ Дроздъ и вдругъ властно вскакивалъ: — встать! Бѣжать на третью роту! Да бѣжать не какъ рязанскія бабы бѣгаютъ, а по-юнкерски! Эй, ходу, а то до вечера проманежу!

Этотъ странный Дроздъ, то мгновенно вспыльчивый, то вдругъ умно и великодушно заботливый, однажды чрезвычайно удивилъ и умилилъ Александрова. Проходя вдоль лагеря, онъ увидѣлъ его лежащимъ, распластавъ широко ноги и руки, въ тѣни большой березы и остановился надъ нимъ. Александровъ съ привычной ловкостью и быстротой вскочилъ, встряхнулъ шапку и сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Опустите руку, — сказалъ Дроздъ. Поглядѣлъ долгимъ ироническимъ взглядомъ на юнкера и ни съ того, ни съ сего спросилъ:

— А вѣдь, небось, ужасно хочется хоть на минутку поѣхать въ городъ, къ портному, и примѣрить офицерскую форму?

— Такъ точно, господинъ капитанъ, — съ глубокимъ вздохомъ сознался Александровъ. — Ужасно, невѣроятно хочется. Да вѣдь я наказанъ, безъ отпуска до самаго производства.

— Да, плохое твое дѣло. Командиръ батальона ничего не прощаетъ и никогда не забываетъ Онъ воинъ серьезный.

— Такъ точно, господинъ капитанъ. Серьезнѣе на свѣтѣ нѣтъ.

— Н-да, плохое ваше дѣло: и хочется, и колется, и маменька не велитъ. Вполнѣ понимаю ваше горе...

— Покорно благодарю, господинъ капитанъ.

— А главное, — продолжалъ Дроздъ съ лицемѣрнымъ сожалѣніемъ, — главное, что есть же на свѣтѣ такіе отчаянные сорванцы, неслухи и негодяи, которые въ вашемъ положеніи, никого не спрашивая и не предупреждая, убѣгаютъ изъ лагеря самовольно, пробудутъ у портного полчаса-часъ и опрометью бѣгутъ назадъ, въ лагерь. Конечно, умныя, примѣрныя дѣти такихъ противозаконныхъ вещей не дѣла-

ютъ. Сами подумайте: самовольная отлучка — это же пахнетъ дисциплинарнымъ преступленіемъ, за это по головкѣ въ арміи не гладятъ.

— Такъ точно, господинъ капитанъ.

Оба собесѣдника замолкаютъ и молчатъ минуты три-четыре. Вдругъ Дроздъ загадочно фыркаетъ и презрительно восклицаетъ:

— Ну и бревно же!

— Какое бревно? — съ недоумѣніемъ спрашиваетъ Александровъ.

— А такое, — равнодушно отвѣчаетъ Дроздъ и медленно отходитъ отъ юнкера.

Александровъ растерянъ. Кажется ему, что какой-то темный намекъ сквозилъ въ небрежномъ разговорѣ Дрозда, но какъ его понять? Онъ идетъ въ баракъ, отыскиваетъ въ немъ Жданова, замѣчательнаго разгадчика всѣхъ начальственныхъ каверзъ и заковыкъ, и передаетъ ему всю свою странную болтовню съ Дроздомъ. Ждановъ саркастически улыбается:

— Бревно, — это, конечно, ты, мой красавецъ. Развѣ ты сразу не могъ понять, что сострадательный Дроздъ окольнымъ путемъ тебѣ совѣтуетъ сдѣлать алегро удирато? То-есть убѣжать самоволкой въ городъ? Конечно, онъ яснѣе высказаться не могъ и не смѣлъ, ибо онъ все-таки твой прямой начальникъ. Но, ей-Богу, онъ все-таки отмѣнный парень. А тебѣ остается только одно — завтра отпускъ, и ты безъ всякихъ размышленій надѣнешь на себя мундиръ и скорымъ шагомъ отправишься къ своему портному; старайся не терять времени понапрасну. Уходи въ толпѣ и приди въ толпѣ, чтобы не быть ни для кого замѣтнымъ. Если хочешь, я пойду впереди тебя наблюдательнымъ дозоромъ.

Такъ Александровъ на другой день и сдѣлалъ: ловко втиснулся въ густую массу отпускныхъ юнкеровъ и благополучно выбрался на Ходынское поле.

Тамъ онъ уже былъ на свободѣ и крылатымъ шагомъ дошелъ до Тверской-Ямской, до того дома, гдѣ красовалась золотая вывѣска: «Суръ. Военный портной». И правда, рискъ самовольнаго побѣга былъ ничтоженъ въ сравненіи съ наслажденіями, ожидавшими Александрова. Старый портной елозилъ вокругъ него, обтягивая матерію и пестря ее портновскимъ мѣлкомъ. Въ трехъ зеркалахъ безчисленно отражалась его новая для самого себя фигура, и все ему хотѣлось пѣть на мотивъ изъ Фауста:

«Александровъ! Это не ты! Отвѣчай, отвѣчай, отвѣчай мнѣ поскорѣе!»

Онъ примѣрилъ массу вещей: мундиръ, сюртукъ, домашнюю тужурку, два кителя изъ чертовой кожи, брюки бальные и брюки походные. Онъ съ удовольствіемъ созерцалъ себя, многократнаго, въ погонахъ и эполетахъ, а старикъ портной не уставалъ вслухъ восхищаться стройностью его фигуры и мужественностью осанки.

На обратномъ пути онъ хотѣлъ было сдѣлать маленькій крюкъ, чтобы забѣжать въ Екатерининскій институтъ и справиться у Порфирія о томъ, какъ поживаетъ Зиночка Бѣлышева, но вдругъ почувствовалъ, что у него не хватитъ духа. Въ лагерь онъ пришелъ, когда уже начинало темнѣть. Быстрымъ катышкомъ свалился онъ въ глубь оврага, гдѣ протекала холодная быстрая рѣченка, спѣшно переодѣлся въ заранѣе спрятанную коломянковую рубашку и вышелъ наверхъ. Первый, кого онъ увидѣлъ, былъ Дроздъ, прогуливавшійся по плацу надъ купальней, заложивши руки за спину.

— Какъ поживаете, господинъ оберъ-офицеръ? — спросилъ Дроздъ лѣниво.

— Покорно благодарю, господинъ капитанъ, очень хорошо! — воскликнулъ Александровъ, блестя глазами.

⁂

Такъ успѣли за двухлѣтнее знакомство и за лагерную страду опроститься и очеловѣчиться отношенія между юнкерами и офицерами.

Только три человѣка изъ всего начальственнаго состава не только не допускали такихъ невинныхъ послабленій, но злились сильнѣе съ каждымъ днемъ, подобно тому какъ мухи становятся свирѣпѣе съ приближеніемъ осени. Эти три гонителя были: Хухрикъ, Пупъ и Берди-паша, по настоящему — командиръ батальона, полковникъ Артабалевскій.

Первые двое были, пожалуй, ужъ не такъ зловредны и безжалостно строги, чтобы питать къ нимъ лютую вражду, ненависть и кровавую месть. Но они умѣли держать молодежь въ постоянномъ состояніи раздраженія ежеминутными нервными замѣчаніями, мелкими придирками, тупыми повтореніями однихъ и тѣхъ же скучныхъ, до смерти надоѣвшихъ словъ и указаній, вѣчной недовѣрчивостью и подозрительностью, и, наконецъ, долгими, вязкими, удручающими нотаціями.

Берди-паша не былъ выпеченъ изъ такого прѣснаго тѣста. Его, должно быть, отлили изъ желѣза на заводѣ и потомъ долго били стальными молотками, пока онъ не принялъ приблизительную, грубую форму человѣка. Снабдить же его душою мастеръ позабылъ.

И правда: Берди-паша кажется лишеннымъ если не всѣхъ, то очень многихъ свойственныхъ обыкновенному человѣку достоинствъ и недостатковъ, страстей и слабостей. Онъ не знаетъ ни честолюбія, ни жалости, ни любви, ни привязанности. Ему чужды страхъ и стыдъ. Онъ никогда не хвалитъ и не дѣлаетъ выговоровъ. Онъ только спокойно и холодно, какъ машина, наказываетъ, безъ сожалѣнія и безъ гнѣва, прилагая максимумъ своей власти. У него сильный стальной голосъ, слышимый изъ конца въ конецъ

огромнѣйшаго Ходынскаго поля, на которомъ лѣтомъ свободно располагаются лагерями и производятъ ученіе всѣ войска Московскаго военнаго округа. Но ни разу онъ не закричалъ на юнкера, такъ же, какъ никогда не показалъ ему состраданія.

Все училище, не исключая и офицеровъ, глубоко убѣждены въ томъ, что Берди-паша просто глупъ. Его рѣдкія изреченія тщательно запоминаются второкурсниками и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, обростая, конечно, добавками, какъ корабль, въ далекомъ пути, обрастаетъ ракушками и молюсками.

Берди-пашу юнкера нельзя сказать, чтобы любили, но они цѣнили его за примитивную татарскую справедливость, за голосъ, за представительность и, въ особенности, за неподражаемую красоту и лихость, съ которыми онъ гарцовалъ передъ баталіономъ на своей собственной чистокровной бѣлой арабской кобылѣ «Кабардинкѣ», которую самъ паша, со свойственной ему упрямостью, называлъ «Кабардиновкой».

Но теперь юнкера, а въ особенности выпускные, были обижены тѣмъ, что немедленно по окончаніи торжественнаго разбора вакансій Берди-паша безцеремонно погналъ батальонъ на строевыя занятія, какъ будто наплевавъ на великую важность происшедшаго событія.

Всякій порядочный командиръ батальона далъ бы своей части въ подобномъ случаѣ хоть часъ-два блаженнаго отдыха послѣ только что пережитыхъ, столь сильныхъ впечатлѣній.

Это съ его стороны невѣжество, умышленное свинство, пренебрежительный вызовъ, требующій немедленнаго воздаянія.

И вотъ тогда, точно по телеграфу, работающему безъ проводовъ разнесся, начиная съ первой роты, самой долговязой, самой шикарной и самой авторитетной, и кончая предпріимчивой 4-ой, — невидимый приказъ:

«Травить всѣхъ попрежнему, умѣренно. Хухру и Пупа — съ натискомъ. А нераскаяннаго Берди-пашу не только сугубо, но двугубо, и даже многогубо».

Это предложеніе было принято повсюду съ величайшей готовностью. Къ тому же, надо сказать, всему училищу было извѣстно, что въ этомъ году производство начнется съ большимъ, противъ всегдашняго, промедленіемъ. По какимъ-то важнымъ политическимъ причинамъ Государь опоздаетъ пріѣхать въ Петербургъ. Лишнее промедленіе обрекало всѣхъ юнкеровъ на длительную скуку. Сугубая травля обѣщала нѣкоторыя развлеченія, и она вышла, дѣйствительно, неслыханно разнообразной и блестящей.

Она началась непосредственно послѣ вечерней переклички, «Зори» и пѣнія Господней молитвы, когда время до сна считалось свободнымъ. Какъ только раздавалась команда «разойтись», тотчасъ же чей-нибудь тонкій гнусавый голосъ жалобно взывалъ: Ху-у-ухрикъ! И другой подхватывалъ, точно хрюкая поросенкомъ: Хухра, Хухра, Хухра. И цѣлый многоголосый хоръ животныхъ начиналъ усердно воспѣвать это знаменитое прозваніе, имитируя кошекъ. собакъ, ословъ, филиновъ, козловъ, быковъ и т. д.

Затѣмъ начинался фейерверкъ въ честь и славу Пупа. Не безъ гордости взялъ на себя Александровъ должность одного изъ самыхъ главныхъ пиротехниковъ. Недаромъ же онъ еще въ корпусѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ Тучабскимъ, вышедшимъ годъ назадъ въ офицеры, изучалъ искусство потѣшныхъ огней. Онъ даже не зналъ, откуда ему приносили сѣру и селитру, кремортартаръ и другое. Онъ самъ толокъ въ мелкій порошокъ древесный уголь и сахаръ. Порохъ онъ получалъ изъ патроновъ, оставшихся у многихъ юнкеровъ отъ учебной стрѣльбы. Необходимыя же трубки и трубочки онъ скатывалъ на шомполахъ и на другихъ цилиндрическихъ предметахъ. Такимъ образомъ онъ, хоть и грубо. но все-таки до-

статочно для простой цѣли, изготовлялъ шутихи, бенгальскіе огни, римскія свѣчи и, главнымъ образомъ, ракеты.

Когда травленіе Хухрика начинало немного пріѣдаться, Александровъ пускалъ цвѣтной сигналъ для привлеченія вниманія и сейчасъ же, держа двумя пальцами трубку ракеты, поджигалъ ее. Ракета, оставляя звѣздчатый золотой хвостъ, весело шла вверхъ. Вибрирующее шипѣніе шло за нею. Это продолжалось недолго, секундъ десять-двѣнадцать, но времени хватало, чтобы прокричать мадригалъ Дудышкину. Множество голосовъ наперебой восклицало:

— «Я Пупъ, но не такъ ужъ глупъ. Когда я умру, похороните меня въ моей табакеркѣ. Робкія дѣвушки, не бойтесь меня, я великодушенъ. Я Пупъ, но это презрительная фора моимъ врагамъ. Я и Наполеонъ, мы оба толсты, но малы» и т. д., но тутъ достигая предѣла, ракета громко лопалась и сотни голосовъ кричали изо всѣхъ силъ: *Пупъ!*

Травля Берди Паши была сложнѣе, разнообразнѣе и художественнѣе. Сначала изъ архивовъ памяти, еще отъ преданій предковъ выкапывались поразительныя, незабвенныя изреченія Паши. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Юнкеръ стоитъ, облокотившись на раму, и смотритъ сквозь окно на училищный плацъ. Подходитъ Берди Паша и упирается взглядомъ ему въ спину. Оба молчатъ очень долго, минутъ десять, пятнадцать... Вдругъ Паша нарушаетъ тишину:

— Стоитъ и думаетъ, и думаетъ, что думаетъ, и самъ не знаетъ, что ничего не думаетъ. А не хотите ли въ карцеръ, юнкеръ?

И еще:

Оркестръ Крейнбринга, училищный знаменитый оркестръ, играетъ въ училищной столовой. Одинъ изъ музыкантовъ держитъ подъ мышкой свою валторну. Берди Паша подходитъ къ капельмейстеру и спрашиваетъ:

— А этотъ почему стоить безъ дѣла?

— Онъ паузу держитъ.

— Почему же онъ ее за пазухой держить? почему не играить?

И опять о Крейнбрингѣ:

Наблюдая за оркестромъ, Паша замѣчаетъ, что старый артистъ на бейномъ басѣ во все время концерта ни разу не прикоснулся къ своему инструменту. Онъ подходитъ къ Крейнбрингу:

— Ну, а этотъ почему не играеть? Тоже паузу держить? Лѣнтяй!

— Нѣтъ, онъ амбушюръ потерялъ.

— Вотъ сволочь! Казенную вещь теряить? Взгрѣйте-ка его хорошенько, а стоимость вычтите изъ его жалованія. Я ихъ научу какъ казенныя вещи терять!

Потомъ на голову бѣднаго полковника Артабалевскаго вѣшаются всѣ безчисленные анекдоты о русскихъ генералахъ, то слишкомъ недогадливыхъ, то черезчуръ ревностныхъ, то ужасно откровенныхъ, то неловкихъ поклонниковъ дамской красоты, то любителей загадокъ и такъ безъ конца.

Анекдоты эти разсказываются обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ самъ Берди Паша ихъ отлично можетъ разслышать. Начинаетъ разсказчикъ такъ:

— Ну, а вотъ послушайте новый анекдотъ еще объ одномъ генералѣ... Всѣ, конечно, понимаютъ, что рѣчь идетъ о Берди Пашѣ, тѣмъ болѣе, что среди разсказчиковъ многіе — настоящіе имитаторы и съ каррикатурнымъ совершенствомъ подражаютъ металлическому голосу полковника, его обрывистой, съ краткими фразами рѣчи и со странной манерой употреблять ерь на концѣ глаголовъ.

Берди Паша понимаетъ, изводится, вращаетъ глазами, прикусываетъ губу, но сдѣлать ничего не можетъ — боится попасть въ смѣшное или непріятное положеніе. Но татарская кровь горяча и злопамятна. Берди Паша молча готовитъ месть.

Однажды, въ самый жаркій и душный день лѣта онъ назначаетъ батальонное ученіе. Батальонъ выходитъ на него въ шинеляхъ черезъ плечо съ тринадцатифунтовыми винтовками Бердана, съ шанцевымъ инструментомъ за поясомъ. Онъ выводитъ батальонъ на Ходынское поле въ двухвзводной колоннѣ, а самъ ѣдетъ сбоку на бѣлой, какъ снѣгъ Кабардинкѣ, офицеры при своихъ ротахъ и взводахъ.

Надо сказать, что Берди Паша, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ совершеннѣйшихъ и тончайшихъ мастеровъ и знатаковъ батальоннаго ученія во всемъ корпусѣ русскихъ офицеровъ.

Онъ не давалъ батальону роздыха (это оттого, что самъ сидитъ на Кабардиновкѣ — сердито думали юнкера), и только изрѣдка, сдѣлавъ десять, пятнадцать построеній, командовалъ:

— Вольно. Оправиться. Съ мѣстъ не сходить, — чтобы черезъ двѣ минуты снова крикнуть:

— Батальонъ въ ружье. (Такія частыя, но малыя остановки, какъ извѣстно, гораздо больше утомляютъ пѣхотинцевъ, чѣмъ сплошной ровный ходъ). Онъ управлялъ батальономъ, точно игралъ на гармоніи: сжималъ батальонъ такъ тѣсно въ сближеніе четырехъ ротъ, что онъ казался маленькимъ и страшно тяжелымъ, и разжималъ во взводную колонну такъ, что онъ казался длиннымъ, предлиннымъ червякомъ. Онъ заставлялъ «заходить», т. е., вращаться, какъ по циркулю цѣлыя роты. Онъ водилъ батальонъ прямымъ, широкимъ, упругимъ маршемъ и облическимъ, правильно косымъ движеніемъ, и вдругъ, рѣзкой командой: «на руку», заставлялъ всѣ четыресто ружей ощетиниться на ходу штыками, мгновенно взятыми на перевѣсъ.

Берди Паша былъ въ эти минуты похожъ на знаменитаго балетмейстера, управляющаго отлично слаженнымъ кордебалетомъ, на деректора цирка, заставляющаго массу нарядныхъ лошадей однообразно дѣлать сложные вольты, лансады и пируэты, на боль-

шого мальчишку, играющаго своими раздвижными деревянными солдатиками, заставляя всю ихъ сомкнутую группу разомъ сдвигаться и раздвигаться, то сверху внизъ, то слѣва направо.

Команды Паши были отчетливы, а пріемы юнкеровъ абсолютно правильны. Но сегодня Артабалевскій точно объѣлся белены и взбѣсился. Черезъ каждые десять шаговъ онъ командовалъ:

— «Стой».

И батальонъ, какъ одинъ человѣкъ, останавливался въ два темпа, а въ три другихъ темпа, снявъ ружье съ плеча ставилъ его прикладомъ на землю. И тотчасъ уже опять:

«Батальонъ шагомъ маршъ, стой, шагомъ маршъ, стой, шагомъ маршъ, стой.

И на каждой краткой остановкѣ молніеносный, пламенно бѣшеный разносъ:

— Почему приклады стучать? Почему стучать приклады! Сказано, опускать приклады на землю беззвучно. Беззвучно опускать вамъ приказано.

И снова: — Шагомъ маршъ. Стой. Зачѣмъ, зачѣмъ шлепаютъ прикладами? Заморю на ученіи, а заставлю, чтобъ никакого звука не было слышно.

Такъ Берди Паша каждый разъ неистовствовалъ и крупнымъ галопомъ носился вокругъ батальона, истязая шпорами красавицу Кабардинку, которая вся была въ мылѣ и роняла со своей прелестной морды охлопья бѣлой пѣны, но добиться идеальнаго беззвучія онъ не могъ, какъ ни выходилъ изъ себя.

Юнкера знали въ чемъ здѣсь дѣло. Берди не былъ виноватъ въ томъ, что заставлялъ юнкеровъ исполнять неисполнимое. Виноватъ былъ тотъ чрезвычайно высокопоставленный генералъ, можетъ быть, даже принадлежавшій къ членамъ Императорской фамиліи, котораго на смотру въ казармахъ, усердные солдаты, да къ тому же ностреконные начальствомъ на громкую лихость ружейныхъ пріемовъ, такъ оглушили и одурманили битьемъ деревянными приклада-

ми о деревянный полъ, что онъ могъ только сказать съ уныніемъ:

— Да, все это очень хорошо, но хотѣлось бы, чтобы было потише. Согласитесь, что такими мощными ударами можно потрясти берданку и значительно испортить ея тонкія, весьма чувствительныя внутреннія части.

Замѣчаніе это было разослано для принятія ко вниманію во всѣ округа, корпуса, дивизіи и полки. Военная служба — строгая служба. Въ ней нѣтъ мѣста ни своеволію, ни отказу, ни возраженію. Приказано и — дѣлать. И, при томъ, не разсуждать. Но безпрестанные: «Маршъ» и «Стой» въ сопровожденіи татарскихъ наскоковъ Берди Паши извели и утомили юнкеровъ, а, главное, наскучили до смерти. Сначала одинъ, двое, трое юнкеровъ, по усталости и небрежности и отчасти по случайности, слишкомъ громко поставили приклады. Сосѣди поддержали ихъ изъ проказливости, показала свою власть и липкая подражательность. По батальону побѣжалъ магнетическій слухъ: — Берди Пашу травятъ! Травите Берди Пашу.

И тогда уже весь батальонъ, четыресто человѣкъ, стали, при каждой командѣ: «Стой», изо всѣхъ силъ бить прикладами по сухой землѣ.

Батальонный не растерялся. Онъ озвѣрѣлъ; пятя свою Кабардинку задомъ на строй первой роты, позеленѣвшій отъ злобы, онъ кричалъ обрывающимся голосомъ:

— Не хочете? Не желаете? Разнѣжничались? А, вотъ я васъ всѣхъ сейчасъ до выставки погоню, туда и обратно.

Чей-то невѣдомый голосъ вдругъ возразилъ изъ середины строя: — Анъ не погонишь!

— Не погоню? — взревѣлъ Паша изо всей силы своего голоса и лицо его пошло красными пятнами. — Не прогоню? Два раза прогоню: туда и обратно и еще разъ — туда и обратно...

— Батальонъ на плечо. Шагомъ маршъ.

Ошарашенный этой грозной вспышкой, батальонъ двинулся послушно и бодро, точно окрикъ послужилъ ему хлыстомъ. Имя юнкера протестанта такъ и осталось неизвѣстнымъ, вѣроятно, онъ самъ сначала опѣшилъ отъ своей безсознательно вырвавшейся дерзости, а потомъ ему стало и неловко и какъ то стыдно сознаться, тѣмъ болѣе, что объ этомъ никто уже больше не спрашивалъ. Спроси Паша сразу на мѣстѣ, — кто осмѣлился возразить ему изъ строя, виновникъ немедленно назвалъ бы свою фамилію: таковъ былъ строгій устный адатъ училища.

Не важно, какому бы тягчайшему наказанію подвергъ Берди Паша дерзилу. Гораздо опаснѣе было бы, если бы весь батальонъ, раздраженный Пашой до крайности и отъ души сочувствовавшій смѣльчаку, вступился въ его защиту. Вотъ тутъ какъ разъ и висѣли на волоскѣ событія, которыя грозили бы многимъ юнкерамъ потерею карьеры, за нѣсколько дней до выпуска, а славному дорогому училищу темнымъ пятномъ.

Вовсе не отъ такта или политики, или жалости ограничился Паша длиннымъ маршемъ, въ которомъ невольно приняли участіе ротные командиры и курсовые офицеры. Нѣтъ, Берди Паша поступилъ такъ, влекомый природной глупостью и ослѣпившимъ его гнѣвомъ. Но четырехъ концовъ ему все-таки не удалось сдѣлать. Въ концѣ третьяго — у штабсъ капитана Бѣлова, курсового офицера 4-ой роты, отъ жары и усталости, хлынула кровь изъ носа въ такомъ обиліи, что ученье пришлось прекратить. Батальонъ повели обратно, въ лагери. У Берди Паши, еще не перестававшаго шпорить Кобардинку, былъ видъ тигра, у котораго изо рта насильно вырвали добычу.

ГЛАВА XXX.

ПРОИЗВОДСТВО.

Упорствуютъ, не идутъ, нарочно не хотятъ идти изъ Петербурга волшебныя бумаги, имѣющія магическое свойство, однимъ своимъ появленіемъ мгновенно превратить сотни исхудалыхъ, загорѣвшихъ до черна, изнывшихъ отъ ожиданія юношей въ блистательныхъ, молодыхъ офицеровъ, въ стройныхъ воякъ, въ храбрыхъ защитниковъ отечества, въ кумировъ барышень и въ украшеніе Арміи.

Но Петербургъ все безмолвствуетъ. Доходятъ до лагерей смутные слухи, что по какимъ то очень важнымъ государственнымъ дѣламъ, Императоръ задержался за границей, и производства можно ожидать только въ серединѣ второй половины іюля мѣсяца.

Училищныхъ офицеровъ тоже безпокоитъ и волнуетъ это замедленіе. Послѣ производства въ офицеры, бывшіе ученики и прямые подчиненные становятся отрѣзаннымъ ломтемъ, больше о нихъ нѣтъ ни заботъ, ни хлопотъ, ни отвѣтственности, ни даже воспоминаній.

Будущіе второкурсники (господа оберъ-офицеры) обыкновенно дня за три до производства отпускаются въ отпускъ до начала августа, когда они въ одинъ и тотъ же день и часъ должны будутъ прибыть въ училищную пріемную и лихо откозырявъ дежурному офицеру, громко отрапортовать ему:

— Ваше благородіе, является изъ отпуска юнкеръ второго курса, такой то роты и фамилія.

Но отъ дня производства до явки отпускныхъ у начальства остается почти мѣсяцъ свободнаго отъ занятій времени, которымъ каждый пользуется по средствамъ и воображенію.

Потому то весь составъ училища становится, въ эти дни напряженнаго ожиданія, нетерпѣливѣе и распущеннѣе, чѣмъ обыкновенно. Занятій почти нѣтъ. Ружья на недѣлю отобраны отъ юнкеровъ и отправлены въ оружейную мастерскую училища. Тамъ старые, постоянные мастера уже успѣли на глазъ, на ощупь и черезъ спеціальное маленькое зеркальце осмотрѣть всѣ раковинки, ржавчинки и царапинки и другія поврежденія, которыя принесли ружьямъ плохая чистка и небрежное обращеніе. Старшему курсу уже былъ присланъ отчетъ о томъ, какая сумма будетъ вычтена при производствѣ съ каждаго юнкера за порчу казенныхъ вещей (Александрову насчитали ужасно много: 13 рублей 48 копеекъ), второй курсъ заплатитъ свою пеню въ будущемъ году.

Занимаются подзубриваніемъ уставовъ, перечисленіемъ лицъ Императорской фамиліи, карауломъ при знамени и передъ пороховымъ погребомъ, немного гимнастикой, немного маршировкой.

Юнкеровъ, взявшихъ вакансіи въ артиллерію, училищный берейторъ Плакса каждый день тренируетъ въ верховой ѣздѣ. Больше всего увлекаются купаньемъ — погода стоитъ пламенная.

Даже травля надоѣла. Попробовалъ Александровъ однажды вечеромъ запустить послѣднюю оставшуюся у него ракету, — какъ разъ она и вылетѣла шикарно и разорвалась эффектно. Но никто не послалъ ей вслѣдъ остраго словца, только на взрывъ какой то юнкеръ отвѣтилъ: «Пуп» и такъ уныло у него вышло, какъ будто бы онъ собирался крикнуть:

— А производства то все нѣтъ...

Третья рота устроила передъ своими бараками

пышное представленіе подъ заглавіемъ «Высокое награжденіе султаномъ Ниневійскимъ храбраго джигита и абрека Берди Пашу». Постановка была очень недурна, принимая во вниманіе, что декораціи и костюмы были сдѣланы изъ простынь, подушекъ, шинелей, цвѣтной бумаги и древесныхъ вѣтокъ. Юнкеръ Павловъ, изображавшій Пашу, обмоталъ лобъ громаднѣйшимъ тюрбаномъ, посолъ султана былъ въ бѣломъ остроконечномъ картонномъ колпакѣ: усѣянномъ звѣздами. Собственная музыка сыграла при входѣ посла ниневійскаго маршъ; инструментами музыкантамъ служили: головные гребешки, бумажныя трубы, самодѣльные барабаны и свой собственный свистъ.

Сцена роскошно освѣщалась четырьмя стеариновыми свѣчами. Посолъ низко поклонился Берди Пашѣ, а Берди Паша послу. Затѣмъ посолъ приказалъ своей свитѣ: «Приведите присланныхъ одалисокъ.

Свита ушла и черезъ минуту вернулась назадъ, поддерживая съ нѣжностью двухъ смазливыхъ юнкеровъ, одѣтыхъ въ роскошныя женскія одежды изъ простынь.

— О, прелестныя одалиски, упоите зрѣніе знаменитаго воина Берди-Паши вашими граціозными танцами.

Оркестръ грянулъ «Турецкій патруль» и подъ него одалиски протанцовали изумительный танецъ, виляя бедрами и боками, вращая животами, оглядывая публику сладострастными восточными взорами.

— Теперь довольно, сказалъ посолъ и поклонился Пашѣ. Паша сдѣлалъ тоже самое. — О, великій Батырь Буздыханъ и Кисметъ, — сказалъ посолъ. — Мой владыко, сынъ солнца, братъ луны, повелитель царей жалуетъ тебѣ орденъ великаго Кливапомпа и даетъ тебѣ новый важный титулъ. Отнынѣ ты будешь называться не просто Берди Паша, а

торжественно, Халда, Балда, Берди Паша. И знай, что четырехстворчатое имя считается самымъ высшимъ титуломъ въ Ниневіи. Въ знакъ же твоего величія дарую тебѣ два драгоцѣнныхъ камня: желчный и мочевой.

Новоиспеченный Халда, Балда, Берди Паша глубоко поклонился послу, посолъ сдѣлалъ тоже, и потомъ сказалъ:

— Мой повелитель даритъ тебѣ этихъ прекрасныхъ ниневіатинокъ.

— Ни, ни! — закачалъ Паша головою, — что я съ ними буду дѣлать? мнѣ онѣ не за чѣмъ. А вотъ мѣсто евнуха въ султановымъ гаремѣ, да еще съ порядочнымъ жалованіемъ, отъ этого я бы не отказался...

— Будь имъ съ нынѣшняго числа, — сказалъ посолъ. — Я вовсе не посолъ, а самъ султанъ. Ты нравишься мнѣ, Берди. Идемъ-ка вмѣстѣ въ трактиръ. Пьеса окончена. Что? Хорошо я игралъ, господа почтенные зрители?

Эта пьеса — церемонія была придумана за часъ до представленія и, по совѣсти, никуда не годилась. Она не имѣла никакого успѣха. Къ тому же у юнкеровъ еще не вышло изъ памяти недавнее тяжелое столкновеніе съ Артабалевскимъ, гдѣ обѣ стороны были не правы. Юнкерская даже больше.

Но за то, первая рота, Государева, въ скоромъ времени отвѣтила третьей — «Знаменной», поистинѣ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое называлось «Похороны штыка», и, кажется, было наслѣдственнымъ, преемственнымъ. Жеребцы не пожалѣли ни времени, ни холопотъ и набрали, бывая по воскресеніямъ въ отпуску, множество бутафорскаго матеріала.

Начали они, когда слегка потемнѣло. Для начала была пущена ракета. Куда до нея было кривымъ, маленькимъ и непослушнымъ ракетишкамъ Александрова, — эта работала и шипѣла, какъ паровозъ, уходя вверхъ, не на жалкія какія нибудь сто, двѣсти

саженъ, а на цѣлыхъ двѣ версты, лопнувши такъ, что показалось, земля вздрогнула и разсыпавъ вокругъ себя массу разноцвѣтныхъ шаровъ, которые долго плавали, погасая въ густо голубомъ, почти лиловомъ небѣ. По этому знаку вышло шествіе.

Впереди шли скрипка, окарина и низкая гитара. Они довольно ладно играли похоронный маршъ Шопена. За музыкой шелъ важными и медленными шагами печальный тамбуръ, держа въ рукахъ высокую палку съ траурными лентами.

Затѣмъ шествовалъ гробъ такой величины, что въ немъ свободно умѣщался берданочный штыкъ, размѣромъ не болѣе полуаршина. Гробъ былъ покрытъ чѣмъ то похожимъ на парчу и заваленъ весь черезъ верхъ, грудою полевыхъ цвѣтовъ. Онъ стоялъ на крошечныхъ носилкахъ, четыре угла которыхъ поддерживали четыре траурныхъ кавалера, освѣщаемые съ обоихъ сторонъ смоляными факелами. Дальше медленно и почтительно двигались провожающіе. Шествіе началось у купальнаго водоема, а окончилось за правымъ флангомъ расположенія первой роты. Тамъ гробикъ былъ опущенъ въ приготовленную для него яму и засыпанъ землей. Каждый юнкеръ бросилъ горсточку. Потомъ могильный холмикъ былъ осыпанъ цвѣтами, водружены была дощечка со скромной надписью:

Штыкъ.
1889.

И вся церемонія окончилась въ той же строгой серьезности, какъ и началась.

— Желающіе могутъ произнести рѣчи, — предложилъ высокій юнкеръ первой роты, лицо котораго нельзя было разглядѣть изъ-за спустившихся сумерокъ. Кто-то приблизился къ могилѣ и сталъ говорить:

— «Прощай, штыкъ. Два года носили мы тебя на

лѣвомъ бедрѣ. Спрашивается: зачѣмъ? Какъ символъ воинскаго званія? Но видъ у тебя былъ совсѣмъ не воинственный, а, скорѣе, жалкій. Воткнутый въ свое кожаное узкое влагалище, ты походилъ на длинную, болтающуюся селедку. Для возможной обороны? Но ты только тогда и силенъ, когда подкрѣпленъ огромнымъ вѣсомъ ружья. Для украшенія? Но безъ тебя воинскіи чинъ только выигрывалъ въ красотѣ. У насъ были въ обмундированіи золотые орлы на барашковыхъ шапкахъ, пылающія бомбы на мѣдныхъ застежкахъ поясовъ, золотые галуны и прекрасный нашъ вензель. Куда же ты сунулся о, несчастный, въ какое благородное общество? Я помню нашъ прежній тяжеловѣсный тесакъ, съ которымъ наши славные предки дѣлали такія могучія атаки и который былъ отнятъ у насъ за чужую проказу. Онъ величественъ и грозенъ, какъ настоящее оружіе войны. И онъ былъ универсаленъ: въ случаѣ надобности на войнѣ имъ можно было нарубить дровъ, наколоть лучинъ, расколотить ледъ, вырыть окопъ и такъ далѣе... Прощай же штыкъ. Ржавѣй и разрушайся въ землѣ. Мы не помнимъ на тебѣ зла. Это не ты пришелъ непрошенный въ наше общество. Нѣтъ. Тебя намъ навязали насильно и, въ концѣ концовъ, въ моей краткой рѣчи, я нарушилъ старый обычай: «о мертныхъ либо хорошо, либо ничего». Поэтому, воздавая тебѣ справедливость, скажу почтительно, что въ минувшую войну съ турками, ты немало продырявилъ и пропоролъ вражескихъ животовъ. Прощай же нашъ невольный боевой товарищъ. Черезъ день, два тебя замѣнитъ намъ благородная, быстрая, страшная шашка, благородная дочь знаменитой исторической сабли. Аминь.

— Аминь, — повторяютъ участники похоронъ. Печальный обрядъ оконченъ и всѣ расходятся по своимъ баракамъ.

Теплая ночь и на небѣ пропасть большихъ, шевелящихся звѣздъ...

Но наступаетъ время, когда и травля начальства и спектакли на открытомъ воздухѣ теряютъ всякій интересъ и привлекательность. Первый курсъ уже отправляется въ отпускъ. Юнкера старшаго курса, которымъ осталось день, два или три до производства, крѣпко жмутъ руки своимъ младшимъ товарищамъ, бывшимъ фараонамъ и горячо поздравляютъ ихъ со вступленіемъ въ училищное званіе господъ оберъ офицеровъ.

— Блюдите внутреннюю дисциплину, — говорятъ они уходящимъ младшимъ товарищамъ. — Не распускайте фараоновъ, глядите на нихъ свысока, слѣдите за ихъ молодцеватымъ видомъ и за благородствомъ души, остерегайтесь позволять имъ хоть тѣнь фамиліарности, жучьте ихъ, подтягивайте, ставьте на мѣсто, окрикивайте, когда надо. Но, завѣщаемъ вамъ: берегитесь цукать ихъ нелѣпой гоньбой и глупыми, оскорбительными приставаніями. Помните, что Александровское военное училище есть первѣйшее изо всѣхъ Россійскихъ училищъ, и въ немъ дисциплина живетъ не за страхъ, а за совѣсть и за добровольное взаимное довѣріе. Прощайте друзья, прощайте, и дай Богъ намъ встрѣтиться соратниками на полѣ брани.

А другіе говорили, уходящимъ:

— Никогда и никому не позволяйте унижать званіе пѣхотинца и гордитесь имъ. Пѣхота — самый универсальный родъ оружія. Она передвигается подобно кавалеріи, стрѣляетъ подобно артиллеріи, роетъ окопы, подобно инженернымъ войскамъ, и поподобно имъ строитъ мосты и пантоны и рѣшаетъ участь боя, главнымъ образомъ, мужество и стойкость пѣхоты. Прощайте!

Господа оберъ офицеры ушли и какъ разъ на другой день, рано утромъ прибылъ изъ Москвы въ ха-

мовническіе лагери, въ полномъ составѣ чудесный оркестръ училища.

— Это — подарокъ начальника училища, — объяснилъ Дроздъ, — лѣто было ужъ очень жаркое и лагери тяжелые.

— Сегодня производство? — спросилъ нервно одинъ изъ юнкеровъ.

— Не знаю. Ровно ничего не знаю, — отвѣтилъ Дроздъ уклончиво.

Въ 7 часовъ сдѣлали перекличку. Батальонный командиръ отдалъ приказаніе надѣть юнкерамъ парадную форму. Въ восемь часовъ юнкеровъ напоили чаемъ съ булками и сыромъ, послѣ чего Артабалевскій приказалъ батальону построиться въ двухвзводную колонну, оркестръ впереди знаменной роты и скомандовалъ:

— Шагомъ маршъ.

Утро было не жаркое и не пыльное. Быстрый крупный дождь, пролившійся передъ зарею, прибилъ землю: идти будетъ ловко и не трудно. Какъ красиво, рѣзво и вызывающе понеслись кверху звуки знакомого марша « Подъ двуглавымъ орломъ», радостно было подъ эту гордую музыку выступать широкимъ, упругимъ шагомъ, крѣпко припечатывая ступни. Милымъ показалось вдругъ огромное Ходынское поле, обильно политое за лагерное время юнкерскимъ потомъ. Передъ бѣговымъ ипподромомъ батальонъ сдѣлалъ пятиминутный привалъ — пройденная верста была какъ бы той проминкой, которую дѣлаютъ рысаки передъ заѣздомъ. Всѣ оправились и туже подтянули ремни, расправили складки, выровняли груди и опять — шагомъ маршъ, — вступили въ первую улицу Москвы подъ мужественное ликованіе ярко-мѣдныхъ трубъ, веселыхъ флейтъ, меланхолическихъ кларнетовъ, задумчивыхъ тягучихъ гобоевъ, лукавыхъ женственныхъ волторнъ, задорныхъ маленькихъ барабановъ и глухой могучій темпъ боль-

шихъ турецкихъ барабановъ, оживленныхъ веселыми мѣдными тарелками.

Свернутое знамя высится надъ колонной своимъ золотымъ остреемъ, и, чертъ побери, нельзя рѣшить, кто теперь красивѣе изъ двухъ: прелестная ли арабская кобыла Кабардинка, вся собранная, вся взволнованная музыкой, играющая каждымъ нервомъ, или мѣдный ея всадникъ, полковникъ Артабалевскій, прирожденный кавалеристъ, неукротимый и безстрашный татаринъ, потомокъ абрековъ, отсѣкавшихъ однимъ ударомъ шашки человѣческія головы.

Улицы и слѣва, и справа полнымъ полны москвичами.

— Наши идутъ. Александровцы. Знаменскіе.

Изо всѣхъ оконъ свѣсились внизъ милыя дѣвичьи головы, женскія фигуры въ лѣтнихъ яркихъ ситцевыхъ одеждахъ. Мальчишки шныряютъ вокругъ оркестра, чуть не влѣзая замурзанными мордочками въ оглушительно рявкающій огромный геликонъ и раззѣвающіе рты передъ ухающимъ барабаномъ. Всѣ военные, попадающіе на пути, становятся во фронтъ и дѣлаютъ честь знамени. Старый, сѣдой отставной генералъ, съ георгіевскими петлицами, стоя, провожаетъ батальонъ глазами. Въ его лицѣ ласковое умиленіе, и по щекамъ текутъ слезы.

Всѣ двѣсти юнкеровъ, какъ одинъ человѣкъ, одновременно легко и мощно печатаютъ свои шаги съ математической точностью и безупречной правильностью. Въ этомъ почти выше, чѣмъ человѣческомъ движеніи есть страшная сила и суровое самоотреченіе.

Какая то пожилая высокая женщина вдругъ всплескиваетъ руками и громко восклицаетъ:

— Вотъ такъ то они, красавцы наши, и умирать за насъ пойдутъ...

Святыя, чистыя, великія слова. Сколько народной глубокой мудрости въ нихъ. Вотъ забрили лобъ

рекруту. Ведутъ его подъ присягу. Бабы плачутъ, дѣвки плачутъ, старики кряхтятъ на заваленкахъ. А забритый пьянъ, распьянъ, куражится, задается, шумитъ, выражается. — Желаю, — говоритъ, — пролить кровь за отечество. Марфа. Тащи еще четверть водки. А вотъ онъ уже и въ солдатахъ. Обреченный человѣкъ, казенный человѣкъ, отвѣтчикъ за весь міръ православный, слуга Царю и родинѣ. Первое время-то, какое тяжелое! Съ непривычки все домой, да домой тянетъ и ученіе плохо дается. Ну, а тамъ гляди, обратался, отпрукался, освоился, сталъ настоящимъ исправнымъ солдатомъ, даже ефлетеромъ и младшимъ ундеромъ. Пріѣхалъ домой на кратковременный отпускъ — узнать нельзя: стройный, ловкій, увѣренный, прежняго вахлака и въ поминѣ нѣтъ. Спрашиваютъ: — ученьемъ васъ, небось, много мучаютъ? — А онъ этакъ по солдатски, съ кандачка: «Намъ ученье чижало, между прочимъ нечаго. А убоина у насъ каждый день во щахъ и каша тоже, и мясная порція на спичкѣ выдается, двадцать пять золотниковъ ежедневно. А въ Государевы дни и въ полковой праздникъ водку намъ подносятъ, по цѣлой манеркѣ». Нѣтъ, жить въ солдатахъ можно хорошо, надо только быть расторопнымъ, понимающимъ усерднымъ и веселымъ, и, главное, правдивымъ.

А потомъ, спаси Господи, война начнется. Идетъ солдатъ на войну, вѣрный присягѣ. Шинелью изъ кислой шерсти навкось опоясанъ, ранецъ на немъ и вещевой мѣшокъ со всѣмъ его имуществомъ, ружье на плечѣ, патроны въ подсумкахъ.

Идетъ полкъ съ музыкой — земля подъ нимъ дрожитъ и трясется, идетъ и бьетъ повсюду враговъ отечества: турокъ, нѣмцевъ, поляковъ, шведовъ, венгерцевъ и другихъ инородцевъ. И все можетъ понять и сдѣлать русскій солдатъ: укрѣпленіе соорудить, мостъ построить, мельницу возвести, пекарню или баню смастерить.

Онъ же солдатъ и на вѣрную смерть охотникомъ

вызваться готовъ, и ротнаго своимъ тѣломъ отъ пули загородить и товарища раненаго на плечахъ изъ боя вынести, и офицеру своему подъ огнемъ обѣдъ притащить, и плѣннаго ратника накормить и обласкать, — все ему сподручно.

А забравши подъ Россійское государство великое множество городовъ и взявши безъ числа плѣнныхъ, возвращается солдатъ домой, прострѣленный, иногда безъ руки, иногда безъ ноги, но съ орденомъ на груди святого великомученника Георгія.

И тутъ уже солдатъ весь входитъ въ любимую легенду, въ трогательную сказку. Ни въ одномъ другомъ царствѣ не окружаютъ личность военнаго кавалера такимъ наивнымъ и милымъ уваженіемъ, какъ въ Россіи. Солдатъ изъ топора щи мясныя варитъ, Петра Великаго на чердакѣ отъ разбойниковъ спасаетъ, черта въ карты обыгрываетъ, выгоняетъ привидѣнія изъ домовъ, все улаживаетъ, всѣхъ примиряетъ и вездѣ является желаннымъ и полезнымъ гостемъ, кумомъ на родинахъ, сватомъ на свадьбахъ.

— «Странно, — думаетъ Александровъ, — вотъ мы училпсь уставамъ, тактикѣ, фортификаціи, законовѣдѣнію, топографіи, ихміи, механикѣ, иностраннымъ языкамъ. А, между прочимъ, намъ ни одного слова не сказали о томъ, чему мы будемъ учить солдата, кромѣ ружейныхъ пріемовъ и строя. Какимъ языкомъ я буду говорить съ молодамъ солдатомъ. И какъ я буду обращаться съ каждымъ изъ нихъ по отдѣльности. Развѣ я знаю хоть что-нибудь объ этомъ невѣдомомъ, непонятномъ существѣ. Что мнѣ дѣлать, чтобы пріобрѣсти его уваженіе, любовь, довѣріе? Черезъ мѣсяцъ я пріѣду въ свой полкъ, въ такую то роту, и меня сразу опредѣлятъ командовать такой то полуторой, или такимъ то взводомъ на правахъ и обязанностяхъ ближайшаго прямого начальника. Но что я знаю о солдатѣ, Господи Боже, я о немъ

рѣшительно ничего не знаю. Онъ безконечно теменъ для меня.

Въ училищѣ меня учили, какъ командовать солдатомъ, но совсѣмъ не показали, какъ съ нимъ разговаривать. Ну, я понимаю, — атака. Врагъ впереди и близко. Ребята, вся Россія на насъ смотритъ, побѣдимъ или умремъ. Выхватываю шашку изъ ноженъ, потрясаю ею въ воздухѣ. — За мной, богатыри. Урррраааа...

Да, это просто. Это героизмъ. Это даже вотъ сейчасъ захватываетъ дыханіе и холодомъ вдохновенія бѣжитъ по тѣлу. О, это я сумѣю сдѣлать великолѣпно. Но ежедневные будни. Ежедневное воспитаніе, воспитаніе дикаго неуча, часто не умѣющаго ни читать, ни писать. Какъ я къ этому важному дѣлу подойду, когда спеціально военныхъ знаній у меня только на чуточку больше, чѣмъ у моего однолѣтки, молодого солдата, которыхъ у него совсѣмъ нѣтъ и, однако, онъ взрослый человѣкъ въ сравненіи со мною, тепличнымъ дитятей. Онъ умѣетъ дѣлать все: пахать, боронить, сѣять, косить, жать, ухаживаь за лошадью, рубить дрова и такъ безъ конца... Неужели я осмѣлюсь отдать все его воспитаніе въ руки дядекъ, унтеръ офицеровъ и фельдфебеля, которые съ нимъ все-таки родня и свой человѣкъ.

Нѣтъ, если бы я былъ правительствомъ, или военнымъ министромъ, или начальникомъ генеральнаго штаба, я бы распорядился: кончилъ юноша кадетскій корпусъ — маршъ въ полкъ рядовымъ. Носи портянки, ѣшь грубую солдатскую пищу, спи на нарахъ, вставай въ шесть утра, мой полы и окна въ казармахъ, учи солдатъ и учись отъ солдатъ, пройди весь стажъ отъ рядового до дядьки, до взводнаго, до ефрейтора, до унтеръ-офицера, до артельщика, до каптенармуса, до помощника фельдфебеля, попотѣй, потрудись бѣлоручка, подровняйся съ мужикомъ, а черезъ годъ иди въ военное училище, пройди двух-

годичный курсъ и иди въ тотъ же полкъ оберъ офицеромъ.

Не хочешь? — не нужно, — иди въ чиновники, или въ писаря. Пусть тѣ, у кого кишка слаба и нервы чувствительны уходятъ къ черту, — останется крѣпкая военная среда.

Александровъ вздрагиваетъ и приходитъ въ себя отъ мечтаній. Ждановъ толкаетъ его локтемъ въ бокъ и бурчитъ:

— «Не разравнивай рядовъ». Батальонъ уже прошелъ Никитскимъ бульваромъ и идетъ Арбатской площадью. До Знаменки два шага. Оркестръ восторженно играетъ маршъ Буланже. Батальонъ торжественно входитъ на училищный плацъ и выстраивается по-ротно въ двѣ шеренги.

— Смирно, — командуетъ Артабалевскій, соскакивая съ лошади. — Подъ знамя. Слушай на караулъ.

Ладно брякаютъ ружья. Знамя, въ сопровожденіи знаменщика и адъютанта, уносится на квартиру начальника училища. Генералъ Анчутинъ выходитъ передъ батальономъ.

— Здравствуйте юнкера, — беззвучно, но понятно шепчутъ его губы.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство, — радостно и громко отвѣчаетъ черная молодежь.

Начальникъ училища передаетъ быстро, подошедшему Артабалевскому большой бѣлый, блестящій картонъ. Берди Паша отдаетъ честь и начинаетъ громко читать среди гулкой тишины:

— «Его Императорское Величество Государь и Самодержецъ всея Россіи, Высочайше соизволилъ на чертать слѣдующія милостивыя слова:

Юнкера вытягиваются и расширяютъ ноздри.

— Поздравляю моихъ славныхъ юнкеровъ съ производствомъ въ первый оберъ-офицерскій чинъ.

Желаю счастья. Увѣренъ въ вашей будущей достойной и безупречной службѣ престолу и отечеству.

На подлинномъ начертано — АЛЕКСАНДРЪ».

Могучимъ голосомъ восклицаетъ Артабалевскій.

— Ура, Его Императорскому Величеству. Ура.

— Ура, оглушительно кричатъ юнкера.

— Ура, — отчаянно кричитъ Александровъ и растроганно думаетъ: а вѣдь, что не говори, а Берди Паша все-таки молодчина.

Всѣ бѣгутъ въ гимнастическую залу, гдѣ уже дожидается юнкеровъ офицерское обмундированіе.

Тамъ же ротные командиры объявляютъ, что спустя трое сутокъ господа офицеры должны явиться въ канцелярію училища на предметъ полученія прогонныхъ денегъ. Въ концѣ же августа, каждый изъ нихъ обязанъ прибыть въ свою часть. Страннымъ кажется Александрову, что ни у одного изъ юныхъ подпоручиковъ нѣтъ желанія проститься со своими бывшими командирами и курсовыми офицерами, зато и у тѣхъ, какъ будто нѣтъ такого намѣренія. Удивленный этимъ, Александровъ идетъ черезъ весь плацъ и звонится въ квартиру, занимаемую Дроздомъ и спрашиваетъ долговязаго денщика, полуотворившаго дверь:

— Можно ли видѣть господина капитана?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, — равнодушно отвѣчаетъ тотъ, — только что выѣхали за городъ.

Александровъ пожимаетъ плечами.

ГЛАВА XXXI.

НАПУТСТВІЕ.

Форма одежды визитная, она же — бальная: темно-зеленоватый, длинный, ниже колѣнъ сюртукъ, брюки на выпускъ, съ туго натянутыми штрипками, на плечахъ — золотые круглые эполеты... какая красота. Но при такой формѣ необходимо, по уставу, надѣвать сверху лѣтнее сѣрое пальто, а жара стоитъ неописуемая, все тѣло и лицо — въ поту. Суконная, еще не размякшая, не разносившаяся матерія давитъ на жесткихъ углахъ, третъ ворсомъ шею и жметъ при каждомъ движеніи. Но зато, какой внушительный, побѣдоносный воинскій видъ!

Первымъ долгомъ необходимо пойти на Тверскую улицу и прогуляться мимо генералъ губернаторскаго дворца, гдѣ, по обѣимъ сторонамъ подъѣзда стоятъ, какъ львы, на ефрейторскомъ караулѣ, два великана-гренадера. Они еще издали встрѣчаютъ Александрова готовно-растаращенными глазами и, за четыре шага, одновременно, пріемъ въ пріемъ, тактъ въ тактъ, звукъ въ звукъ, великолѣпно отдаютъ ему винтовками честь по ефрейторски. Онъ же, держа руку подъ козырекъ, и проходя съ важной неторопливостью, смотритъ каждому по очереди въ лицо взоромъ гордымъ и милостивымъ. И кажется ему въ этотъ мигъ, что бронзовый генералъ Скобелевъ, си-

дящій на вздыбленномъ конѣ, посрединѣ Тверской площади, тихо произноситъ:

— Эхъ. Такого бы мнѣ славнаго оберъ офицера въ мою желѣзную дивизію, да на войну.

Но это наслажденіе слишкомъ коротко, надо его повторить. Александровъ идетъ въ кондитерскую Филиппова, съѣдаетъ пирожокъ съ вареніемъ и возвращается только что пройденнымъ путемъ, мимо тѣхъ же чудесныхъ гренадеровъ. И на этотъ разъ онъ ясно видитъ, что они, отдавая честь, не могутъ удержать на своихъ лицахъ добрыхъ улыбокъ: пріязни и поощренія.

А теперь — къ матери. Ему стыдно и радостно видѣть, какъ она то смѣется, то плачетъ и совсѣмъ не трогаетъ персиковаго варенья на имбирѣ. — Вѣдь подумать — Алешенька, другъ мой, въ животѣ ты у меня былъ и, вдругъ какой настоящій офицеръ съ усами и саблей. И тутъ же сквозь слезы она вспоминаетъ старыя, престарыя пѣсни объ офицерахъ, созданныя куда раньше Севастопольской кампаніи.

«Офицерикъ просто душка
Только ростомъ не великъ
Ахъ усы его и шпоры,
Вы съ ума меня свели.

— А то еще, Алеша, одинъ куплетъ. Мы его подъ гросфатеръ пѣли, — былъ такой старинный модный танецъ:

«Вотъ за офицеромъ
Бѣжитъ мамзель,
Ея вся цѣль,
Чтобъ онъ въ нее влюбился.
Чтобъ онъ на ней женился,
Но офицеръ
Ея не замѣчаетъ,
И только удираетъ
Во весь карьеръ.

И опять она обнимаетъ Алешину голову и мочитъ ее старческими слезами.

— Поѣдемъ завтра въ Троице-Сергіевскую лавру, Алеша. Закажемъ молебенъ угоднику.

Черезъ три дня, въ 10 часовъ пополудни, Александровъ входитъ въ училищную канцелярію, съ трудомъ отыскавъ ее въ лабаринтахъ бѣлаго зданія. Сѣдой казначей выдавалъ прогонныя деньги молодымъ порпоручикомъ, длиннымъ гусемъ ожидающимъ своей очереди. Разсчетъ производился на старинный образецъ: хотя теперь всѣ губернскіе и уѣздные большіе города давно уже были объединены другъ съ другомъ желѣзной дорогой, но прогоны платились, какъ за почтовую ѣзду, по три лошади на персону съ надбавкой на харчи, разница между почтой и вагономъ давала довольно большую сумму. Вѣроятно, это былъ чей то замаскированный подарокъ молодымъ подпоручикамъ.

Выдавъ офицеру деньги и попросивъ его расписаться, казначей говорилъ каждому:

— Его превосходительство, господинъ начальникъ училища, проситъ зайти къ нему на квартиру ровно въ часъ. Онъ имѣетъ нѣчто сказать г.г.-дамъ офицерамъ, но, повторяю со словъ генерала, что это не приказаніе, а предложеніе. Счастливаго пути-съ. Благодарю покорно.

Александровъ пришелъ въ училище натощакъ и теперь ему хватило времени, чтобы сбѣгать на Арбатскую площадь и тамъ, не торопясь, закусить. Когда же онъ вернулся и подошелъ къ помѣщенію, занимаемому генераломъ Анчутинымъ, то печаль и стыдъ охватили его. Изъ двухсотъ приглашенныхъ молодыхъ офицеровъ не было и половины.

— Что же другіе? — спросилъ онъ въ недоумѣніи. Но ему никто не отвѣтилъ. Кто-то поглядѣлъ на часы и сказалъ:

— Еще пять минутъ осталось. Подождемъ что-ли.

Но въ эту минуту дверь широко раскрылась и

денщикъ въ мундирѣ Ростовскаго полка, въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ сказалъ:

— Пожалуйте, ваши благородія. Его превосходидительство изволятъ васъ ожидать въ гостиной комнатѣ. Соблаговолите слѣдовать за мною.

Офицеры стали вслѣдъ за нимъ подыматься во второй этажъ, немного смущеннне малымъ количествомъ, немного подавленные всегдашней, привычной робостью передъ каменнымъ изваяніемъ.

Генералъ принялъ ихъ стоя, вытянутый во весь свой громадный ростъ. Гостиная его была пуста и проста, какъ келія схимника. Украшали ее только большіе, развѣшанные по стѣнамъ портреты Тотлебена, Корнилова, Скобелева, Радецкаго, Теръ-Гукасова, Кауфмана и Черняева, всѣ съ личными надписями.

Анчутинъ холодно и спокойно оглядѣлъ бывшихъ юнкеровъ и началъ говорить (Александровъ сразу схватилъ, что сиплый его голосъ очень походитъ на голосъ коршевскаго артиста Рощина-Инсарова, котораго онъ считалъ величайшимъ актеромъ въ мірѣ):

— Господа офицеры, — сказалъ Анчутинъ, — очень скоро вы разъѣдетесь по своимъ полкамъ. Начнете новую, далеко не легкую жизнь. Обыкновенно въ полку, въ мирное время бываетъ не менѣе семидесяти пяти господъ офицеровъ — большое, очень большое общество. Но, уже давно извѣстно, что всюду, гдѣ большое количество людей долго занято однимъ и тѣмъ же дѣломъ, гдѣ интересы общіе, гдѣ всѣ разговоры уже переговорены, гдѣ конецъ занимательности и начало равнодушной скуки, какъ напримѣръ, на корабляхъ въ кругосвѣтномъ рейсѣ, въ полкахъ, въ монастыряхъ, въ тюрьмахъ, въ дальнихъ экспедиціяхъ и такъ далѣе, и такъ далѣе, — тамъ, увы, неизбѣжно заводится самый отвратительный грибокъ — сплетня. борьба съ которымъ необычайно

трудна и даже невозможна. Такъ вотъ вамъ мой единственный рецептъ противъ этой гнусной тли.

Когда придетъ къ тебѣ товарищъ и скажетъ:

— А вотъ я вамъ какую сногшибательную новость разскажу про товарища X, — то ты спроси его:

— А вы отважитесь разсказать эту новость въ глаза этого самаго господина? — И если онъ отвѣтитъ:

— Ахъ нѣтъ, этого вы ему, пожалуйста, не передавайте, это секретъ, — тогда громко и ясно отвѣтьте ему:

— Потрудитесь эту новость оставить при себѣ. Я не хочу ее слушать.

Закончивъ это короткое напутствіе, Анчутинъ сказалъ сиплымъ, но тяжелымъ, какъ желѣзо, голосомъ:

— Вы свободны, господа офицеры. Добраго пути и хорошей службы. Прощайте.

Господа офицеры поневолѣ отвѣсили ему ермоловскіе придворные глубокіе поклоны и вышли на цыпочкахъ.

На воздухѣ ни одинъ изъ нихъ не сказалъ другому ни слова, но завѣтъ Анчутина остался навсегда въ ихъ умахъ съ такой твердостью, какъ будто онъ вырѣзанъ алмазомъ по сердолику.

Imp. de Navarre; 5, rue des Gobelins, Paris (XIIe)

Цѣна 39 фр.